

Подписной индекс
в Объединенном каталоге
«Пресса России» -
38960
www.pressa-rf.ru

2022

октябрь - ноябрь - декабрь

ISSN: 2500-0837 (Print)
eISSN: 2687-0363 (Online)

ТЕОРИЯ государства и права

№4 (29)

Москва   Россия

ISSN 2500-0837 (Print)
eISSN 2687-0363 (Online)

2022 / № 4 (29)

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Научный журнал основан в 2016 г. и является официальным изданием Межрегиональной общественной организации «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

2022 / № 4 (29)

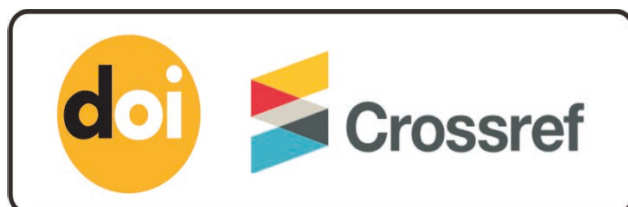
THEORY OF STATE AND LAW

The academic journal is established in 2016 and is the official publication of the Interregional Public Organization "Interregional Association of Theorists of State and Law"

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

The journal is included by the Higher Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia in the List of Peer-Reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of sciences, for the degree of Doctor of Science

Индексация журнала

**В номере публикуются материалы
VIII Международной научно-теоретической
конференции
(12 октября 2022 года, г. Москва)**

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

**«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»**

**VIII International Scientific Conference
“Man-nature, personality-society, citizen-state in the context
of informatization and digitalization of Russian society in the interests
of sustainable development”**

Информационные партнеры

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Вестник
Костромского
государственного
университета

Журнал
«Вектор науки Тольяттинского
государственного университета»
Серия: Юридические науки

Журнал
«Вестник
Института права
Башкирского
государственного
университета»

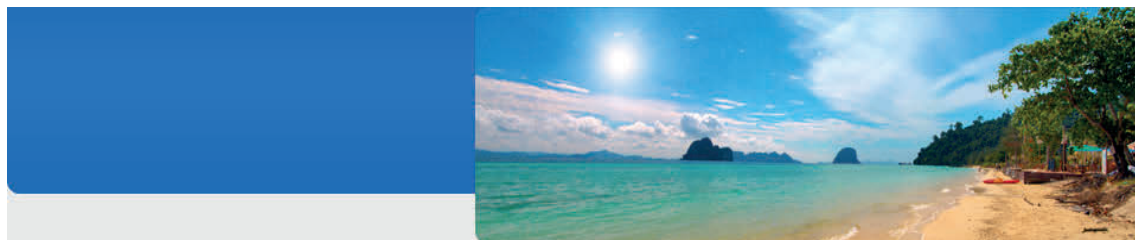

Компания
«Консультант-Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал
«Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

		Стр.
<i>Абузярова Н.А., Высоцкая Г.А.</i>	Правовая личность: от идеи – к реализации	13
<i>Абузярова Н.А., Иванов С.А., Середа Е.В.</i>	Исторические предпосылки и становление международных правовых основ по борьбе с незаконным оборотом наркотиков	28
<i>Аллахвердиев И.Г.</i>	Толкование contra legem: место в системе видов толкования	40
<i>Андрусенко О.В., Селихова О.Г., Селихов Н.В.</i>	Путь развития современной России	57
<i>Антонов Б.А.</i>	Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат»	73
<i>Володина Н.В., Залужный А.Г.</i>	Правовые вопросы противодействия использованию виртуальной валюты в экстремистских и террористических целях	87
<i>Галиев М.С., Комарова Т.Л., Ревнов Б.А.</i>	Общетеоретическая правовая категория «право на защиту» в эпоху революционных трансформаций	99
<i>Галиев Ф.Х., Султанов А.Х.</i>	Долгая дорога к престолу	109
<i>Гиреев Д.Т.</i>	Применение технологий искусственного интеллекта и информационная безопасность граждан в России	120
<i>Голикова О.А.</i>	Характерные черты формирования института принудительных мер медицинского характера на этапе становления советского государства	131
<i>Евсеенкова С.В., Комарова Т.Л.</i>	Правовой статус мастер-планов в Российской Федерации	142
<i>Забловская Е.В.</i>	Сравнительный анализ действующего генерального плана с генеральным межеванием эпохи Екатерины II (историко-правовой аспект)	152

Theory of State and Law

<i>Ивлиев П.В., Мамонько М.М.</i>	Средства массовой информации как субъект правового воспитания	162
<i>Комарова Т.Л., Ревнов Б.А., Ревна М.Б.</i>	О нормативном регулировании лоббизма в Российской Федерации	171
<i>Кохман Д.В., Полищук Н.И.</i>	К вопросу о целесообразности правильного использования понятийно-категориального и терминологического аппарата в правотворческой и правоприменительной практике	183
<i>Кунсбаев С.З.</i>	Технологический прорыв и свобода человека	194
<i>Матыцин Ф.О.</i>	Противодействие уклонению от уплаты налогов: проблемы теории и практики	205
<i>Орлова А.А., Ханахмедова Л.В.</i>	К вопросу о понятии и основных формах правового инфантилизма	217
<i>Самусевич А.Г.</i>	Понятие и значение стадий правоприменения	227
<i>Серова Ю.Г.</i>	Появление и развитие института «союзных» справочных контор о кредитоспособности в дореволюционной России	238
<i>Хачатуров Р.Л.</i>	Формирование теоретико-исторических юридических наук	249

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Ревнов Б.А., Ревна М.Б.</i>	О некоторых выводах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам образования	289
<i>Рожкова И.Ю.</i>	Конституционно-правовой статус отцовства в Российской Федерации	316

ЮБИЛЕЙ

<i>Комаров С.А., Полищук Н.И.</i>	Тимофею Николаевичу РАДЬКО – 85 лет	325
---------------------------------------	--	-----

CONTENT

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

		Pages
<i>Abuzyarova N.A., Vysotskaya G.A.</i>	Legal personality: from idea to implementation	21
<i>Abuzyarova N.A., Ivanov S.A., Sereda E.V.</i>	Historical background and the formation of international legal framework to combat drug trafficking	34
<i>Allahverdiev I.G.</i>	Interpretation of contra legem: place in the system of types of interpretation	48
<i>Andrusenko O.V., Selikhova O.G., Selikhov N.V.</i>	The path of development of modern Russia	65
<i>Antonov B.A.</i>	Legal system of Islam: conflict "union" of interpretations of the concept of "Sharia"	80
<i>Volodina N.V., Zaluzhny A.G.</i>	Legal issues of countering the use of virtual currency for extremist and terrorist purposes	93
<i>Galiev M.S., Komarova T.L., Revnov B.A.</i>	General theoretical legal category "right to protection" in the era of revolutionary transformations	104
<i>Galiev F.Kh., Sultanov A.Kh.</i>	Long road to the throne	114
<i>Gireev D.T.</i>	Application of artificial intelligence technologies and information security of citizens in Russia	125
<i>Golikova O.A.</i>	Characteristic features of the formation of the institution of compulsory medical measures at the stage of formation of the Soviet state	136
<i>Evseenkova S.V., Komarova T.L.</i>	Legal status of the master plan in the Russian Federation	147
<i>Zablovskaya E.V.</i>	Comparative analysis of the current master plan with the general survey of the era of Catherine II (historical and legal aspect)	157

Theory of State and Law

<i>Ivliev P.V., Mamonko M.M.</i>	Mass media as a subject of legal education	166
<i>Komarova T.L., Revnov B.A., Revnova M.B.</i>	On the normative regulation of lobbying in the Russian Federation	177
<i>Kokhman D.V., Polishchuk N.I.</i>	On the question of the appropriateness of the correct use of the conceptual-categorical and terminological apparatus in law-making and law enforcement practice	189
<i>Kunzbaev S.Z.</i>	Technological breakthrough and human freedom	199
<i>Matytsin F.O.</i>	Countering tax evasion: theoretical and practical issues	211
<i>Orlova A.A., Khanakhmedova L.V.</i>	To the question of the concept and main forms of legal infantilism	222
<i>Samusevich A.G.</i>	The concept and significance of the stages of law enforcement	232
<i>Serova Yu.G.</i>	The emergence and development of the institution of "union" reference offices on creditworthiness in pre-revolutionary Russia	243
<i>Khachaturov R.L.</i>	Formation of theoretical and historical legal sciences	270

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Revnov B.A., Revnova M.B.</i>	On some conclusions and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on education	303
<i>Rozhkova I.Yu.</i>	The constitutional and legal status of paternity in the Russian Federation	320

ANNIVERSARY

<i>Komarov S.A., Polishchuk N.I.</i>	Timofey Nikolayevich RADKO is 85 years old	329
--	---	-----

Теория государства и права

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ:

Комаров Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург, Россия) (учредитель, председатель совета)

Азнагулова Гузель Мухаметовна, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Арзамаскин Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор (г. Ульяновск, Россия)

Артемьев Андрей Борисович, кандидат юридических наук, доцент (г. Коломна, Россия)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ (г. Нижний Новгород, Россия)

Бастрыкин Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Дроздова Александра Михайловна, доктор юридических наук, профессор (г. Ставрополь, Россия)

Ивлиев Павел Валентинович, кандидат юридических наук, доцент (г. Рязань, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Калинин Алексей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Крылова Елена Геннадьевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор (г. Тольятти, Россия)

Мицкая Елена Владимировна, доктор юридических наук, профессор (г. Шымкент, Республика Казахстан)

Прокопович Галина Алексеевна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Пузиков Руслан Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Пуиг Эспиноса Хосе Серхио, доктор политических наук (г. Мехико, Мексика)

Ревна Мария Борисовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сальников Виктор Петрович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ (г. Санкт-Петербург, Россия)

Сарабариа Кориг Маура де ла Кариадад, доктор педагогических наук, профессор (г. Мехико, Мексика)

Спирин Михаил Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Самара, Россия)

Цыбулевская Ольга Ивановна, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов, Россия)

Чепус Алексей Викторович, доктор юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Эбзеев Борис Сафарович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, Заслуженный юрист РФ (г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия:

Комаров Владимир Сергеевич, главный редактор, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия)

Воробьев Сергей Михайлович, заместитель главного редактора, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Саматов Андрей Валерьевич, ответственный секретарь редакции (г. Москва, Россия)

Альбиков Равиль Фатхулович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва)

Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Галиев Фарит Хатипович, доктор юридических наук, доцент (г. Уфа, Россия)

Зелепукин Роман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент (г. Тамбов, Россия)

Ирошников Денис Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва, Россия)

Комарова Татьяна Львовна, кандидат юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург, Россия) (г. Москва, Россия)

Кузьмин Игорь Александрович, кандидат юридических наук, доцент (г. Иркутск, Россия)

Малиненко Эльвира Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (г. Ростов-на-Дону)

Мамитова Наталия Викторовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Полищук Николай Иванович, доктор юридических наук, профессор (г. Рязань, Россия)

Попова Анна Владиславовна, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Хабибулин Алик Галимзянович, доктор юридических наук, профессор (г. Москва, Россия)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-65110 от 28.03.2016 г.

Журнал выходит с периодичностью 4 раза в год.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (квартиль 2).

Журнал «Теория государства и права» основан в 2016 году.

Учредитель: Комаров Сергей Александрович.

ISSN: 2500-0837 (Print); e-ISSN: 2687-0363 (Online)

© Теория государства и права, 2022.

© Авторы, 2022.

Теория государства и права

Полнотекстовая версия журнала и архив номеров с 2016 г. по настоящее время доступна в Интернете на сайте Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (<http://matgip.ru/journal>).

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 38960

Подписку на журнал можно оформить также и на сайте www.matgip.ru

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Полнотекстовые выпуски журнала в свободном доступе представлены в Научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU

При цитировании ссылка на конкретную статью в журнале обязательна. Воспроизведение материалов в печатных, электронных или иных изданиях без разрешения редакции запрещено. Опубликованные в журнале материалы могут использоваться только в некоммерческих целях. Ответственность за содержание статей и результаты проверки текста на антиплагиат несут авторы.

Editorial and publishing council:

Komarov Sergey Aleksandrovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia) (chairman of the board)

Aznagulova Guzel Mukhametovna, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia)

Arzamaskin Nikolay Nikolaevich, Doctor of legal sciences, Professor (Ulyanovsk, Russia)

Artemyev Andrey Borisovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Kolomna, Russia)

Baranov Vladimir Mikhaylovich, Doctor of legal sciences, professor, Honored worker of science of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Bastrykin Alexander Ivanovich, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Drozdova Aleksandra Mikhaylovna, Doctor of legal sciences, Professor (Stavropol, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, Doctor of legal sciences, Associate professor (Moscow, Russia)

Ivliev Pavel Valentinovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Ryazan, Russia)

Kalinin Alexey Yuryevich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Krylova Elena Gennadyevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Lipinsky Dmitry Anatolyevich, Doctor of legal sciences, Professor (Tolyatti, Russia)

Mitskaya Elena Vladimirovna, Doctor of legal sciences, Professor (Shymkent, the Republic of Kazakhstan)

Puig Espinosa José Sergio, Doctor of Political Sciences (Mexico City, Mexico)

Prokopovich Galina Alekseevna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Puzikov Ruslan Vladimirovich, Candidate of legal sciences, Associate professor (Tambov, Russia)

Theory of State and Law

Revnova Maria Borisovna, Candidate of legal sciences, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Sal'nikov Victor Petrovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)

Salabarría Roig Maura de la Caridad, Doctor of Pedagogical Sciences (Mexico City, Mexico)

Spirin Mikhail Yuryevich, PhD in Law, Associate Professor (Samara, Russia)

Tsybulevskaya Olga Ivanovna, Doctor of legal sciences, Professor (Saratov, Russia)

Chepus Alexey Viktorovich, Doctor of legal sciences, associate professor (Moscow, Russia)

Ebzeev Boris Safarovich, Doctor of legal sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Editorial board:

Komarov Vladimir Sergeyevich, Editor in chief, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg, Russia)

Vorobiev Sergey Mikhaylovich, Deputy editor, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Samatov Andrey Valeryevich, Executive secretary of the editorial board (Moscow, Russia)

Albikov Ravil Fatkhulovich, PhD in Law, Associate Professor (Moscow, Russia)

Belyanskaya Olga Viktorovna, PhD in Law, Associate professor (Tambov, Russia)

Galiyev Farit Hatipovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ufa, Russia)

Zelepukin Roman Valerievich, PhD in Law, Associate Professor (Tambov, Russia)

Iroshnikov Denis Vladimirovich, PhD in Law, Associate professor (Moscow, Russia)

Komarova Tatyana Lvovna, PhD in Law, Associate professor (St. Petersburg) (Moscow, Russia)

Kuzmin Igor Aleksandrovich, PhD in Law, Associate Professor (Irkutsk, Russia)

Malinenko Elvira Vladimirovna, PhD in Law, Associate Professor (Rostov-on-Don)

Mamitova Natalia Viktorovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Polishchuk Nikolay Ivanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Popova Anna Vladislavovna, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

Khabibulin Alik Galimzyanovich, Doctor of legal sciences, Professor (Moscow, Russia)

«Theory of State and Law» is registered in Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. The certificate ПИ № ФС77-65110, March 28, 2016. The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals and publications, where main research results of doctoral dissertations should be published.

ISSN 2500-0837 (Print); eISSN 2687-0363 (Online)

«Theory of State and Law» according to the union catalog «Press of Russia»

© The Theory of State and Law, 2022. © Authors, 2022.

Теория государства и права

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), as well as at the site of the Interregional association of theorists of the state and the law (www.matgip.ru)

*The journal is listed in the Citation index system of the Union Catalogue
"Russian Press" (index 38960)*

You can subscribe to the magazine also on the website [**www.matgip.ru**](http://www.matgip.ru)

At citing the reference to a particular series of «Theory of State and Law» is obligatory. The reproduction of materials in printed, electronic or other editions without the Editorial Board permission, is forbidden. The materials published in the journal are for non-commercial use only. The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.001

Н.А. Абузярова*

Г.А. Высоцкая**

ПРАВОВАЯ ЛИЧНОСТЬ: ОТ ИДЕИ – К РЕАЛИЗАЦИИ***

***Аннотация.** В статье рассматривается категория «правовая личность», даётся ее определение, раскрывается содержание идей о правовой личности, ее специфические свойства и качества. Специальное внимание уделено степени правовой активности личности и факторам, влияющим на нее (экономические, политические, правовые, социальные, духовные и пр.).*

***Ключевые слова:** правовая личность, правомерное поведение, правовое сознание, правовая активность.*

Понятие правовой личности как таковое вводилось еще в конце XIX – начале XX веков, с возникновением потребности у философов и правоведов объяснить идею существования и развития правового государства с представлением о самой личности, которая обладает свойствами специфического характера. Именно такая личность и была названа «правовой». Личность, рассматриваемая в политико-правовом ракурсе, т.е. подпадающая под действие законов и подзаконных актов государства, приобретает определенные правовые свойства, четко зафиксированные в законодательстве [5, с. 192].

В основном своему главному содержанию, раскрывшее понятие «правовой личности» определилось в России еще в начале XX века Б. А. Кистяковским: правовая

---

* Абузярова Найра Абдулкадыровна – профессор кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: abuzyar2013@yandex.ru

** Высоцкая Галина Алексеевна – стажер-исследователь кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: algera65@mail.ru

Научный консультант – Комаров Сергей Александрович – профессор кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: SVKumarov2008@yandex.ru

*** В данной статье частично использован материал рукописи диссертации на соискание учёной степени кандидата юридических наук Высоцкой Г.А. «Понятийно-категориальный и структурно-функциональный состав правосознания личности в современном российском обществе». СПб., 2022. 196 с.

личность – это та личность, подчинённая дисциплине права и устойчивого правопорядка, при наделении всеми правами со свободным пользованием ими. Система любого государства, стремящегося быть правовым, ставится перед рациональным включением личности в сферы политической и социально-правовой деятельности, в борьбу, обязующую к уважению своих неотчуждаемых прав, с пониманием той ответственности, обязующей соблюдать законы государства [4, с. 78].

Состояние правовой личности можно охарактеризовать тем, что она: во-первых, уверена в том, что только свобода всех людей в обществе есть одна из надежных гарантий свободы каждого; во-вторых, уважение достоинства других лиц, есть необходимое условие выступающих в качестве равных участников правового общества; в-третьих, она обладает чувством личной ответственности за свои поступки и внутреннего убеждения в важности исполнения человеком лежащих на нем обязанностей; в-четвертых, уважение к закону есть основной принцип бытия; в-пятых, вера в то, что соблюдение принятых человеком обязательств есть элементарное условие нормального существования людей в рамках общества [8, с. 70].

По нашему мнению, правовая личность – это человек, гражданин, активно функционирующий в социально-правовом пространстве, т.е. находящийся в сфере нормативно-правового регулирования, что даёт возможность ему активно включаться в социально-правовую действительность с полноправной реализацией своих прав и обязанностей и осуществлением правовой активности.

Следует иметь в виду, что изначальное зарождение личности происходит вне права. Право «связывает» человека уже при прохождении определённого этапа жизни, с противостоянием проявления личности, либо нормой, самые разные индивиды подводятся под одно общее правило. Именно с нормой права происходит нивелирование индивида и это способствует подавлению его личностной природы. Личность существует всегда за пределами норм. Именно это и делает её личностью, потому что через творческую самореализацию происходит трансцендентное восприятие себя, с выходящими за пределы устоявшегося и характеризуется отличием от общепринятого уровня [9, с. 101].

Вместе с тем, процесс становления правовой личности в правовом пространстве, проходил, и будет проходить всегда достаточно сложно. Так, за прошедшие десятилетия в российском обществе произошли коренные процессы, свидетельствующие о переосмыслении социальных и правовых ценностей предыдущих поколений. В правовой практике существующей авторитарно-бюрократической системы прошлых лет, личность не была признана как самостоятельный и свободный субъект, действуя в сфере политики и права. Роль субъектов в сфере политики и права была отведена лишь народным массам, классам и партиям. Личность имела право быть допущенной к участию в политико-правовой жизни облекаясь в качество представителя официальной структуры с четко регламентированной политической функцией. В этой связи проблема становления правовой личности все более актуализируется: теперь мерой политико-правовой субъективности человека, прежде всего, является его правовая активность и участие в политико-правовой и социальной жизни российского государства.

Личность – это субъект права в правовой сфере общества, т.е. это всегда человек. Когда он реализует собственную экзистенцию в правовых коммуникациях, то выступает субъектом права – физическим лицом. Когда он это делает от имени и по

поручению должности – именуется должностным лицом, а когда от имени коллективного образования – коллективным субъектом права. Именно личность формирует право и воспроизводит его со своими индивидуальными представлениями и действиями [2, с. 84].

Для того, чтобы личность была правовой, она должна обладать рядом специфических свойств и качеств. К ним следует отнести, во-первых, осуществление осознания человеком своих личных, социально-групповых и общих (общенародных) интересов, определяет стимул его полезного поведения в социуме; во-вторых, тот факт, как человек осознал свои обязанности перед другими людьми, социальными группами и обществом в целом; в-третьих, социальная и правовая личностная активность, которая находит выражение в ее позитивном поведении [6, с. 17].

Основным признаком правовой личности, определяющим его социально-правовую категорию, есть проявление во внешнем выражении ее внутреннего мира, такое поведение личности, способствует созданию объективных предпосылок, дающих толчок в самореализации самой личности относительно правового пространства данного общества.

Для правовой личности всегда характерна правовая активность, которая выступает ее главным структурным элементом. Под правовой активностью, следует понимать определенное имманентное социально-правовое свойство личности, которое будет находиться в процессе формирования взаимодействия человека с правовой средой и будет выражать его способность, определяющую сферу активной деятельности в правовом регулировании. В силу этого правовая активность характеризуется интенсивностью и социальной ценностью этой деятельности, с выражением уровня правовой социализации личности [1]. Правовая активность личности является одной из форм социальной активности, выступает в качестве свойства личности, характеризуется внутренними и внешними характеристиками, проявляется в сознательном активном поведении личности во всех сферах жизнедеятельности, связанных с правоприменением [10, с. 45].

Без сомнения правовая личность характеризуется высоким уровнем правовой активности. Но встает вопрос: а возможно ли для правовой личности быть обладателем среднего или низкого уровня правовой активности? Ответом на этот вопрос будет в том, какой именно смысл вкладывается в категорию правовой личности: «личность, проживающая в правовом государстве» или «инициативная, социально-активная личность». Проблемой будет являться то, что устойчивость систем определена существующим законом: система будет устойчива только в том случае, если в ней количество подсистем каждого вида будет находиться в достаточном наличии. Ввиду обладания личностью любого уровня правовой активности, в существующем в реальном времени правовом государстве должно быть в наличии нахождение полного набора как активных, так и пассивных личностей. Более того, в государстве должно быть и достаточное число внеправовых личностей. Но оптимальность соотношения всех видов личностей необходима для того, чтобы обеспечить нормальную работу системы сдержек и противовесов. В противном случае общество окажется в состоянии аномии и может подвергнуться гибели [7, с. 13].

По нашему мнению, если в государстве будет полный набор активных, пассивных и неправовых личностей, то сомнительно, что оно будет правовым государством, активных правовых личностей в правовом государстве, может быть, должно быть большинство.

На уровень правосознания влияет знание личностью права, политическая зрелость, опыт, нравственные качества и общий культурный уровень развития общества. Реализация норм права может осуществляться в различных формах: соблюдение, использование, исполнение, применение [11, с. 18]. Нормы права, обладая социальной ценностью, являются важным инструментом воздействия на общественные отношения при условии их претворения в жизнь в результате сознательного поведения людей, поэтому реализация права — необходимая сторона его жизни. В нормах права аккумулярованы принципы, идеалы, установки и традиции образа жизни, а также требующиеся для его утверждения субъективные права, свободы, обязанности личности. Их реализация есть *правовая форма жизнедеятельности*, так как право закрепляет и выражает основные закономерности общественной практики [5, с. 408].

Во всех этих случаях нормы воздействуют на поведение правовой личности. Более того, оказывают на нее воспитательное и идеологическое воздействие, что положительно сказывается на формировании правосознания. Постоянно растущее участие масс в правотворчестве, помогает воспитанию правосознания, способствует правотворческой активности личности.

В правовом государстве все граждане должны стремиться стать правовыми личностями и этому всячески должны способствовать государство и должностные лица.

Существенным элементом правосознания правовой личности является отношение к нормам права, поэтому очень важно именно позитивное отношение активной правовой личности к нормам права в целом и, в частности, – общественного, группового и индивидуального правосознания (отсутствие так называемого правового нигилизма в обществе). Одобрительное отношение граждан к нормам права без фетишизации уже в какой-то степени является гарантией формирования правовой личности в стране. К этому надо стремиться, этого надо добиваться посредством улучшения качества законов, правовой пропагандой норм права, правовым всеобучем, формированием высокого правосознания граждан. На уровень индивидуального правосознания правовой личности часто оказывает влияние боязнь санкций, стереотип поведения, а это зависит от гражданского и нравственного сознания, конфликтности поведения.

Говоря о формировании правовой личности, не следует забывать о правосознании должностных лиц, применяющих правовые акты; они должны обладать широким политическим кругозором, иметь высокую правовую культуру, хорошее знание законодательства. Низкая правовая культура должностного лица проявляется в незнании законодательства, в неуважении к законам, что является одной из причин низкой дисциплины права и устойчивого правопорядка.

Важное значение правовая культура должностных лиц имеет в связи с задачами формирования правовых личностей среди молодежи и особенно среди студенчества. Воспитание высокой правовой культуры должностных лиц является необходимым условием укрепления дисциплины права и устойчивого правопорядка в стране.

Поведение правовой личности может определяться самыми различными факторами: образовательной и социальной подготовкой, уровнем правосознания, особенностями психики и другими факторами. В связи с этим есть необходимость изучения генезиса поведения правовой личности.

Латинское «cultura» означает «почитание». Правовая культура – это почитание, уважение закона в самом широком смысле слова и это имеет прямое отношение к характеристике статуса активной правовой личности. Поэтому считаем необходимым разработать социальный механизм действия права, включающий доведение правовых норм до всеобщего сведения, направление общественного поведения путем обозначения в правовых актах социально полезных целей и образцов поведения и выработку соответствующей правовой установки.

Правосознание, будучи одной из форм общественного сознания, к тому же тесно связано с другими его формами и прежде всего – с политическим сознанием. Характер правосознания обусловлен их социальным положением, политической ориентацией и моралью. Различные слои общества имеют разный уровень правосознания. Это обстоятельство также необходимо учитывать при формировании правовой личности.

Возникает вопрос: «почему внеправовые личности нарушают законодательство, а правовые личности нет»? Причин нарушений – немало, но все нарушения можно разделить на две группы: неумышленные и умышленные. Причины неумышленных нарушений законодательства, на наш взгляд, заключаются в следующем: незнание законодательства (отсутствие информации о законе или недостаточная информация), непонимание закона (неверная информация о законе), неверное толкование закона.

Главным, определяющим признаком будет отсутствие умысла в нарушении закона. Другие же причины приводят к умышленным нарушениям закона. Как показывает проведенный анализ, такие причины порождаются противоречием между интересами и предписаниями нормы права, которое иной раз предстает в виде истинного или ложного несоответствия закона и целесообразности. Но правовая личность решит эти противоречия в пользу закона, а внеправовая личность с низким уровнем правосознания – в свою. Если нормы закона действительно нецелесообразны (скажем, устарели), то правовая личность с высокой правовой культурой будет добиваться отмены или изменения такого закона: внеправовая личность с низкой правовой культурой нарушит закон, оправдывая свои действия интересами целесообразности.

На степень правовой активности личности влияют следующие факторы, выступающие в качестве основополагающих.

Во-первых, это психологические факторы, в соответствии с которыми происходит осознание личностью своей принадлежности к данному народу, нации, государству. Разговор на разных языках, исповедование различных религий, следование различным традициям, не мешает фактору формирующему политико-правовой и национальный менталитет с другими людьми, с проживающими с ним в одном государственном пространстве, если в сознании человека прочно укоренена мысль об его единстве с другими, что может оказаться гораздо сильнее многих других факторов.

Во-вторых, это юридические факторы, в соответствии с которыми осуществляется государственно-правовая принадлежность человека. Многовековой опыт доказал, что именно юридическая, правовая принадлежность человека к тому или иному государству обуславливает его идентичность в конкретном политико-правовом пространстве. Новый образ России необходимо формировать лишь определив её национально-государственную идентичность. Яркой, характерной чертой

является тот факт, что поиском национальной идеи занимаются уже не только политологи и философы, но в этот процесс на сегодняшний день оказались активно включены и юристы (теоретики права).

В-третьих, это экономические факторы, влияющие на развитие правовой активности – это получило выражение в либерализации любого вида собственности, в свободе реализации предпринимательской деятельности и т.д., в целом именно то, что может эффективно стимулировать любое воздействие, связанное с правовой активностью человека, с чётким нацеливанием потребности в проявлении экономической самостоятельности перспективного развития своего будущего.

В-четвертых, это политические факторы. Базирование политических факторов в стимулировании правовой активности личности основано на проявлении демократизма общества, народовластия, оказывающих обеспечение самого роста социальной активности человека, с наиболее полноценным использованием всех прав и свобод задекларированных конституционно. Всё это призвано способствовать у граждан Российской Федерации правильного формирования понятия правовой культуры, с глубоким уважением к закону, и их социально-активного поведения обозначенного сферой правового регулирования, образуя единое целое при эволюционном направлении в области формирования правового сознания.

В-пятых, на направление развития правовой активности личности непосредственно влияют социальные факторы, что чётко и убедительно выражено в современной действительности: признание уважения человека самим государством, фактически признанные приоритеты его прав и свобод, определение социальной справедливости, формирующая у человека саму защищенность, со стимулом в его социальном поведении и социальной активности.

В-шестых, немаловажными, и достаточно в серьезной форме к системообразующим целостного формирования правовой активности личности выраженному в ее социально-полезном поведении, являются духовные факторы. Их влияние в значительной мере определяет сам рост образованности личности, ее проявления культурных навыков, с постоянным повышением ее потенциала нравственности, с оказанием стимулирующего значения для целостности в развитии правовой личности. Уровень правовой образованности напрямую связан с уровнем правовой активности. Так если повышение уровня образования характеризуется повышением самого уровня выражения правовой активности деятельности личности.

В силу вышеизложенного, можно умозаключить, что категория правовой активности выступает главным элементом структуры правовой личности.

К другим структурным элементам слагаемым правовой личности следует отнести:

- социальные потребности личности в обществе, в частности ее частные интересы. С выражением своих интересов, у правовой личности должно быть проявлено их рациональное осознание, с соизмеримостью потребности в обществе;
- овладение личностью сферами политических, правовых и культурных ценностей общества, в целом и составляют ее духовно-нравственный мир;
- знание личностью социальных норм и принципов функционирования общества (нравственных, правовых, политических, корпоративных, экономических и. т.д.). Именно они в итоге и формируют глубокие законопослушные убеждения правовой личности;

– правовой суверенитет личности, под которым понимается приспособление личности в обществе только в рамках правомерного поведения.

Правовая личность, как и категория правового сознания в совокупности с другими правовыми категориями образуют понятие правовой безопасности личности, под которой следует понимать комплексный законодательный массив, процедуры правотворческой и правоприменительной деятельности, уровень правовой культуры, правового сознания и правовой социализации граждан [3, с. 52].

Таким образом, процесс становления правовой личности в современной России должен быть направлен на то, что последняя должна интегрировать в себе все позитивные свойства правомерного поведения, выполняя существенную роль в социальных процессах и ситуациях. Это обеспечивается тенденциями гуманизации правового развития общества, стержнем которых стала переориентация на реализацию интересов личности, формирование ее правового сознания, стремлением к осуществлению интересов каждого отдельного человека, обеспечению его прав. В контексте современного развития российского государства гуманизация означает переход к новому типу отношений, которые служили бы интересам личности, обеспечивали бы ее свободное и полноценное развитие, а также обеспечивали бы собственную самореализацию личности в правовом пространстве государства.

Представляется, что проблема становления правовой личности составляет суть определения её возможностей со степенью оказываемого влияния в правовой жизни общества и на процесс конструирования позитивного уровня правового сознания самой личности. Такой мерой правовой субъективности человека является, прежде всего, выражение его правовой активности, с определением своего места активного участия в сфере политико-правовой государственной и общественной жизнедеятельности. Следовательно, тот факт как проявляет личность свою активность, участвуя в правовой жизни российского общества и является следствием реализуемой правовой активности личности, как главного слагаемого правовой личности.

Это есть должный и необходимый атрибут формирования правового сознания личности. Современная правовая личность в процессе своего формирования определяет свою способность интеграции в себя таких позитивных свойств правовой активности, с влиянием которых она сможет оказывать значительную роль на социальные процессы и правовые ситуации. Степень роли правового влияния личности напрямую связана со степенью сформированной ею своей правовой позитивной активностью.

Правовая активность личности проявляющаяся в разносторонней общественно-политической деятельности помогает воспитывать чувство ответственности и гражданского долга, сознательное отношение к своим обязанностям, нетерпимость как к правонарушениям, так и к различным иным антиобщественным явлениям. Сам процесс осознания и оценка личностью определения круга своих общественных интересов, выраженных в праве, может быть как длительным по времени, так и достаточно быстрым (в зависимости от степени правовой активности личности и ее правосознания, связанной со способностью к восприятию нового).

Становление правовой личности происходит не только при желании знать свои права и свободы, желании их реализовать или защищать (отстаивать), но и при ее активном участии не только с целью отстаивания своих прав и свобод, но и с целью отстаивания прав и свобод других граждан с соблюдением государственных

и общественных интересов. Личность должна уметь рационально включаться в политическую, социальную и правовую действительность, извлекая обоюдную выгоду.

В этой связи, приходим к выводу о том, что новые условия, характеризующие сегодня состояние правовой жизни российского общества, ставят проблему совершенствования внутри правовой личности именно правовой активности, которая является главным элементом правовой личности. Ясно, что если индивид обладает позитивным уровнем правовой активности, то и уровень правового сознания у него будет позитивным.

Сама личность должна четко осознавать заботу о своем государстве и обществе. Наше стремление создать личностно-ориентированное гражданское общество заставляет нас по-новому взглянуть на процесс ее духовного развития, а, следовательно, и формирование правовой личности с право-активной формой поведения, что, безусловно, будет являться необходимым и полезным в деле совершенствования правового сознания личности и общества.

Правомерное поведение правовой личности, степень ее активности в правовой сфере является отражением уровня правового сознания личности. Только через развитие правовой личности мы сможем приблизиться к желаемому идеалу – формированию позитивного уровня правового сознания человека и гражданина.

Библиографический список

1. *Галустян Н. В.* Правовая активность личности в механизме формирования социально-полезного поведения: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 2005. – 26 с.
2. *Каландаришвили З.Н.* Формирование правовой личности как необходимый атрибут правовой культуры современного российского общества // *Право и образование.* – 2010. – № 8. – С. 81–90.
3. *Каландаришвили З.Н., Воронцова М.А.* К вопросу о правовой безопасности личности // *Евразийский юридический журнал.* – 2012. – № 7 (50). – С. 49–52.
4. *Кистяковский Б.А.* Общество и индивид. Социологическое исследование. – М., 2002. – 154 с.
5. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
6. *Разумовская Т.В.* Правовая личность в условиях современного государства. (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 28 с.
7. *Рыбаков В. А.* Проблемы формирования гражданско-правовой активности. – Уфа, 1993. – 169 с.
8. *Смоленский М. Б., Дунаева Н. Н.* Правовая культура и личность в контексте российской государственности: монография. – Ростов-на-Дону, 2002. – 120 с.
9. *Тюрина Т. Б.* Правовая безопасность личности в современном российском государстве: монография. – М.: Норма, 2008. – 180 с.
10. *Усманова Е.Ф.* Правовая активность как показатель уровня правовой культуры личности // *Мир науки и образования.* – 2017. – № 3 (11). – С. 44–49.
11. *Эффективность правовых норм / Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С.* – М.: Юрид. лит., 1980. – 280 с.

Для цитирования: *Абузярова Н.А., Высоцкая Г.А.* Правовая личность: от идеи – к реализации: статья // *Теория государства и права.* – 2022. – № 4 (29). – С. 13–20.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.001

Naira A. Abuzyarova *
Galina A. Vysotskaya **

LEGAL PERSONALITY: FROM IDEA – TO IMPLEMENTATION ***

Annotation. *The article discusses the category of "legal personality", gives its definition, reveals the content of ideas about the legal personality, its specific properties and qualities. Special attention is paid to the degree of legal activity of the individual and the factors influencing it (economic, political, legal, social, spiritual, etc.).*

Key words: *legal personality, lawful behavior, legal consciousness, legal activity.*

The concept of a legal person as such was introduced back in the late 19th – early 20th centuries, with the emergence of a need among philosophers and jurists to explain the idea of the existence and development of a legal state with the idea of the person himself, which has properties of a specific nature. It was such a personality that was called "legal". A person considered from a political and legal perspective, i.e. subject to the laws and by-laws of the state, acquires certain legal properties, clearly fixed in the legislation [5, p. 192].

Basically, its main content, which revealed the concept of "legal personality", was defined in Russia at the beginning of the 20th century by B. A. Kistyakovsky: a legal personality is that person subject to the discipline of law and a stable legal order, while vesting all the rights with free use of them. The system of any state striving to be legal is faced with the rational inclusion of the individual in the spheres of political and socio-legal activity, in the struggle that obliges to respect their inalienable rights, with an understanding of the responsibility that obliges them to comply with the laws of the state [4, p. 78].

The state of a legal personality can be characterized by the fact that it: firstly, is sure that only the freedom of all people in society is one of the reliable guarantees of the freedom of everyone; secondly, respect for the dignity of other persons is a necessary condition for acting as equal participants in a legal society; thirdly, she has a sense of personal responsibility for her actions and an inner conviction of the importance of a person fulfilling his duties; fourthly, respect for the law is the basic principle of being; fifthly, the belief that compliance with the obligations assumed by a person is an elementary condition for the normal existence of people within society [8, p. 70].

In our opinion, a legal person is a person, a citizen, actively functioning in the social and legal space, i.e. located in the sphere of legal regulation, which makes it possible for

---

* *Abuzyarova Naira Abdulkadyrovna* – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: abuzyar2013@yandex.ru

** *Vysotskaya Galina Alekseevna* – trainee researcher of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: algera65@mail.ru

Scientific consultant – *Komarov Sergey Aleksandrovich* – Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: SVKomarov2008@yandex.ru

*** This article partially uses the material of the dissertation manuscript for the degree of candidate of legal sciences Vysotskaya G.A. "Conceptual-categorical and structural-functional composition of the legal consciousness of the individual in modern Russian society." St. Petersburg, 2022. 196 p.

him to be actively involved in the social and legal reality with the full realization of his rights and obligations and the implementation of legal activity.

It should be borne in mind that the original birth of personality occurs outside the law. The right "binds" a person already at the passage of a certain stage of life, with the opposition of the manifestation of personality, or the norm, the most diverse individuals are brought under one general rule. It is with the rule of law that the leveling of the individual occurs and this contributes to the suppression of his personal nature. Personality always exists outside the norms. This is what makes her a personality, because through creative self-realization there is a transcendental perception of oneself, with going beyond the established and characterized by a difference from the generally accepted level [9, p. 101].

At the same time, the process of formation of a legal personality in the legal space has been and will always be quite difficult. Thus, over the past decades, fundamental processes have taken place in Russian society, indicating a rethinking of the social and legal values of previous generations. In the legal practice of the existing authoritarian-bureaucratic system of past years, the individual was not recognized as an independent and free subject, acting in the field of politics and law. The role of subjects in the sphere of politics and law was assigned only to the masses, classes and parties. A person had the right to be allowed to participate in political and legal life, dressed as a representative of an official structure with a clearly regulated political function. In this regard, the problem of the formation of a legal personality is becoming more and more relevant: now the measure of the political and legal subjectivity of a person, first of all, is his legal activity and participation in the political, legal and social life of the Russian state.

Personality is a subject of law in the legal sphere of society, i.e. it is always human. When he realizes his own existence in legal communications, he acts as a subject of law – an individual. When he does this on behalf of and on behalf of the position, he is called an official, and when on behalf of a collective entity – a collective subject of law. It is the personality that forms the law and reproduces it with their individual ideas and actions [2, p. 84].

In order for a person to be legal, it must have a number of specific properties and qualities. These include, firstly, the realization by a person of his personal, social group and common (nationwide) interests, determines the incentive for his useful behavior in society; secondly, the fact that a person has realized his obligations to other people, social groups and society as a whole; thirdly, social and legal personal activity, which finds expression in her positive behavior [6, p. 17].

The main sign of a legal personality, which determines its social and legal category, is the manifestation in the external expression of its inner world, such behavior of the personality, contributes to the creation of objective prerequisites that give impetus to the self-realization of the personality itself in relation to the legal space of this society.

A legal personality is always characterized by legal activity, which is its main structural element. Legal activity should be understood as a certain immanent socio-legal property of a person, which will be in the process of forming a person's interaction with the legal environment and will express his ability, which determines the scope of active activity in legal regulation. Because of this, legal activity is characterized by the intensity and social value of this activity, with the expression of the level of legal socialization of the individual [1]. The legal activity of the individual is one of the forms of social activity, acts as a property of the individual, is characterized by internal and external characteristics, manifests itself in the conscious active behavior of the individual in all spheres of life associated with law enforcement [10, p. 45].

Theory of State and Law

Without a doubt, a legal personality is characterized by a high level of legal activity. But the question arises: is it possible for a legal person to be the owner of an average or low level of legal activity? The answer to this question will be in what kind of meaning is invested in the category of a legal person: “a person living in a state of law” or “an initiative, socially active person”. The problem will be that the stability of systems is determined by the existing law: the system will be stable only if the number of subsystems of each type in it is in sufficient quantity. In view of the possession of a personality of any level of legal activity, in a real-time rule of law state, it should be possible to find a complete set of both active and passive personalities. Moreover, there must be a sufficient number of non-legal personalities in the state. But the optimal ratio of all types of personalities is necessary in order to ensure the normal operation of the system of checks and balances. Otherwise, society will be in a state of anomie and may be destroyed [7, p. 13].

In our opinion, if a state has a complete set of active, passive and non-legal individuals, then it is doubtful that it will be a legal state, active legal individuals in a legal state, perhaps, there should be a majority.

The level of legal consciousness is influenced by the person's knowledge of law, political maturity, experience, moral qualities and the general cultural level of development of society. The implementation of the rules of law can be carried out in various forms: compliance, use, execution, application [11, p. 18]. The rules of law, having social value, are an important tool for influencing social relations, provided that they are implemented as a result of the conscious behavior of people, therefore, the implementation of law is a necessary part of his life. The rules of law accumulate the principles, ideals, attitudes and traditions of the way of life, as well as the subjective rights, freedoms, and duties of the individual required for its approval. Their implementation is a legal form of life, since the law consolidates and expresses the basic laws of social practice [5, p. 408].

In all these cases, the norms affect the behavior of a legal personality. Moreover, they have an educational and ideological impact on it, which has a positive effect on the formation of legal consciousness. The ever-growing participation of the masses in law-making helps to educate the legal consciousness, and contributes to the law-making activity of the individual.

In a state governed by the rule of law, all citizens should strive to become legal individuals, and this should be facilitated in every possible way by the state and officials.

An essential element of the legal consciousness of a legal person is the attitude to the rules of law, therefore it is very important to have a positive attitude of an active legal person to the rules of law in general and, in particular, to public, group and individual legal consciousness (the absence of the so-called legal nihilism in society). The approving attitude of citizens to the norms of law without fetishization is already to some extent a guarantee of the formation of a legal personality in the country. This must be strived for, this must be achieved by improving the quality of laws, legal propaganda of the norms of law, general legal education, and the formation of a high sense of justice among citizens. The level of individual legal consciousness of a legal personality is often influenced by the fear of sanctions, stereotype of behavior, and this depends on civil and moral consciousness, conflict behavior.

Speaking about the formation of a legal personality, one should not forget about the legal awareness of officials who apply legal acts; they must have a broad political outlook, have a high legal culture, and a good knowledge of the law. The low legal culture of an official is manifested in ignorance of the law, in disrespect for the laws, which is one of the reasons for the low discipline of law and stable rule of law.

The legal culture of officials is of great importance in connection with the tasks of forming legal personalities among young people and especially among students. The upbringing of a high legal culture of officials is a necessary condition for strengthening the discipline of law and a stable rule of law in the country.

The behavior of a legal person can be determined by a variety of factors: educational and social training, the level of legal awareness, mental characteristics and other factors. In this regard, there is a need to study the genesis of the behavior of a legal personality.

Latin "cultura" means "reverence". Legal culture is reverence, respect for the law in the broadest sense of the word, and this is directly related to the characterization of the status of an active legal personality. Therefore, we consider it necessary to develop a social mechanism for the operation of law, including bringing legal norms to the public, directing social behavior by designating socially useful goals and patterns of behavior in legal acts, and developing an appropriate legal setting.

Legal consciousness, being one of the forms of social consciousness, is also closely connected with its other forms and, above all, with political consciousness. The nature of legal consciousness is determined by their social position, political orientation and morality. Different strata of society have different levels of legal awareness. This circumstance must also be taken into account when forming a legal personality.

The question arises: "why do non-legal individuals violate the law, while legal individuals do not"? There are many reasons for violations, but all violations can be divided into two groups: unintentional and intentional. The reasons for unintentional violations of the law, in our opinion, are as follows: ignorance of the law (lack of information about the law or insufficient information), misunderstanding of the law (incorrect information about the law), misinterpretation of the law.

The main defining feature will be the absence of intent to violate the law. Other reasons lead to deliberate violations of the law. As the analysis shows, such reasons are generated by a contradiction between the interests and prescriptions of the rule of law, which sometimes appears as a true or false discrepancy between the law and expediency. But a legal person will resolve these contradictions in favor of the law, and a non-legal person with a low level of legal consciousness will solve them in his own way. If the norms of the law are really inappropriate (say, outdated), then a legal person with a high legal culture will seek the abolition or change of such a law: an extralegal person with a low legal culture will violate the law, justifying his actions in the interests of expediency.

The degree of legal activity of a person is influenced by the following factors, which act as fundamental ones.

Firstly, these are psychological factors, in accordance with which a person realizes his belonging to a given people, nation, state. Speaking different languages, professing different religions, following different traditions, does not interfere with the factor that forms the political, legal and national mentality with other people living with him in the same state space, if the idea of his unity with others is firmly rooted in the mind of a person, which may be much stronger than many other factors.

Secondly, these are legal factors, in accordance with which the state-legal affiliation of a person is carried out. Centuries-old experience has proved that it is the legal, legal belonging of a person to a particular state that determines his identity in a particular political and legal space. A new image of Russia needs to be formed only by defining its national-

Theory of State and Law

---

state identity. A striking, characteristic feature is the fact that not only political scientists and philosophers are already engaged in the search for a national idea, but lawyers (legal theorists) are also actively involved in this process today.

Thirdly, these are economic factors influencing the development of legal activity – this has been expressed in the liberalization of any type of property, in the freedom to carry out entrepreneurial activities, etc., in general, exactly what can effectively stimulate any impact related to legal activity of a person, with a clear targeting of the need for the manifestation of economic independence of the promising development of their future.

Fourth, there are political factors. The basing of political factors in stimulating the legal activity of the individual is based on the manifestation of the democracy of society, democracy, which ensures the very growth of human social activity, with the fullest use of all rights and freedoms declared constitutionally. All this is intended to promote the correct formation of the concept of legal culture among the citizens of the Russian Federation, with deep respect for the law, and their socially active behavior designated by the sphere of legal regulation, forming a single whole in the evolutionary direction in the field of the formation of legal consciousness.

Fifthly, the direction of development of the legal activity of the individual is directly influenced by social factors, which is clearly and convincingly expressed in modern reality: recognition of respect for a person by the state itself, in fact recognized priorities of his rights and freedoms, the definition of social justice, which forms the very protection of a person, with an incentive in his social behavior and social activity.

Sixthly, important, and quite in a serious form to the backbone of the integral formation of the legal activity of the individual, expressed in his socially useful behavior, are spiritual factors. Their influence largely determines the very growth of a person's education, his manifestations of cultural skills, with a constant increase in his moral potential, with a stimulating value for integrity in the development of a legal personality. The level of legal education is directly related to the level of legal activity. So if the increase in the level of education is characterized by an increase in the very level of expression of the legal activity of the activity of the individual.

By virtue of the foregoing, it can be concluded that the category of legal activity is the main element in the structure of a legal personality.

Other structural elements of the terms of the legal personality include:

- social needs of the individual in society, in particular its private interests. With the expression of their interests, the legal personality must show their rational awareness, with the commensurability of the needs in society;
- mastering by the individual the spheres of political, legal and cultural values of society, as a whole, constitute its spiritual and moral world;
- Personal knowledge of social norms and principles of functioning of society (moral, legal, political, corporate, economic, etc.). It is they who ultimately form the deep law-abiding convictions of a legal personality;
- legal sovereignty of the individual, which is understood as the adaptation of the individual in society only within the framework of lawful behavior.

The legal personality, as well as the category of legal consciousness in conjunction with other legal categories, form the concept of legal security of the individual, which should be understood as a complex legislative array, procedures for law-making and law enforcement activities, the level of legal culture, legal consciousness and legal socialization of citizens [3, p. 52].

Thus, the process of formation of a legal personality in modern Russia should be aimed at the fact that the latter should integrate all the positive properties of lawful behavior, playing a significant role in social processes and situations. This is ensured by the tendencies of humanization of the legal development of society, the core of which has become a reorientation towards the realization of the interests of the individual, the formation of its legal consciousness, the desire to implement the interests of each individual, ensuring his rights. In the context of the modern development of the Russian state, humanization means a transition to a new type of relationship that would serve the interests of the individual, ensure its free and full development, and also ensure the individual's own self-realization in the legal space of the state.

It seems that the problem of the formation of a legal personality is the essence of determining its capabilities with the degree of influence exerted in the legal life of society and on the process of constructing a positive level of legal consciousness of the personality itself. Such a measure of the legal subjectivity of a person is, first of all, the expression of his legal activity, with the definition of his place of active participation in the sphere of political and legal state and public life. Consequently, the fact how a person shows his activity, participating in the legal life of Russian society, is a consequence of the realized legal activity of a person, as the main component of a legal person.

This is a proper and necessary attribute of the formation of the legal consciousness of the individual. The modern legal personality in the process of its formation determines its ability to integrate into itself such positive properties of legal activity, with the influence of which it will be able to play a significant role in social processes and legal situations. The degree of the role of the legal influence of the individual is directly related to the degree of the legal positive activity formed by him.

The legal activity of the individual, manifested in versatile social and political activities, helps to cultivate a sense of responsibility and civic duty, a conscious attitude to one's duties, intolerance both to offenses and to various other antisocial phenomena. The very process of awareness and assessment by a person of determining the range of his public interests, expressed in law, can be both long in time and quite fast (depending on the degree of legal activity of the person and his sense of justice, associated with the ability to perceive the new).

The formation of a legal personality occurs not only with the desire to know one's rights and freedoms, the desire to exercise or protect (defend) them, but also with its active participation not only in order to defend one's rights and freedoms, but also in order to uphold the rights and freedoms of other citizens with observance of state and public interests. A person must be able to rationally engage in political, social and legal reality, deriving mutual benefit.

In this regard, we come to the conclusion that the new conditions that characterize the state of the legal life of Russian society today pose the problem of improving within the legal personality precisely the legal activity, which is the main element of the legal personality. It is clear that if an individual has a positive level of legal activity, then his level of legal consciousness will be positive.

The individual himself must be clearly aware of the concern for his state and society. Our desire to create a personality-oriented civil society makes us take a fresh look at the process of its spiritual development, and, consequently, the formation of a legal personality with a right-active form of behavior, which, of course, will be necessary and useful in improving the legal consciousness of the individual and society.

The lawful behavior of a legal personality, the degree of its activity in the legal sphere is a reflection of the level of legal consciousness of the individual. Only through the development of a legal personality can we get closer to the desired ideal – the formation of a positive level of legal consciousness of a person and a citizen.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Galustyan N. V. Legal activity of the individual in the mechanism of formation of socially useful behavior: author. diss. ... cand. legal Sciences. Rostov-on-Don, 2005. 26 p.
2. Kalandarishvili Z.N. Formation of a Legal Personality as a Necessary Attribute of the Legal Culture of Modern Russian Society // Law and Education. 2010. No. 8. P. 81–90.
3. Kalandarishvili Z.N., Vorontsova M.A. To the question of the legal security of the individual // Eurasian legal journal. 2012. No. 7 (50). Pp. 49–52.
4. Kistyakovskiy B.A. Society and the individual. Sociological research. Moscow, 2002. 154 p.
5. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
6. Razumovskaya T.V. Legal personality in the conditions of the modern state. (theoretical and legal aspect): author. dis. ... cand. legal Sciences. Volgograd, 2004. 28 p.
7. Rybakov V. A. Problems of the formation of civil law activity. Ufa, 1993. 169 p.
8. Smolensky M. B., Dunaeva N. N. Legal culture and personality in the context of Russian statehood: monograph. Rostov-on-Don, 2002. 120 p.
9. Tyurina T. B. Legal security of the individual in the modern Russian state: monograph. Moscow: Norma, 2008. 180 p.
10. Usmanova E.F. Legal activity as an indicator of the level of legal culture of the individual // World of Science and Education. 2017. No. 3 (11). P. 44–49.
11. Efficiency of legal norms / Glazyrin V.V., Kudryavtsev V.N., Nikitinsky V.I., Samoshchenko I.S. Moscow: Yurid. lit., 1980. 280 p.

For citation: Abuzyarova N.A., Vysotskaya G.A. Legal personality: from idea to implementation: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 21–27.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.001

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.002

Н.А. Абузярова*

С.А. Иванов**

Е.В. Середа***

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ И СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРАВОВЫХ ОСНОВ ПО БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

***Аннотация.** В статье рассматриваются отдельные исторические аспекты использования наркотиков на территории нашей планеты и их влияние на становление международных антинаркотических норм. На протяжении всей истории человечества наркотики всегда присутствовали в жизни людей. Изначально они использовались как лекарственные средства, но с течением времени люди начали ими злоупотреблять, что негативно сказывалось на их здоровье. В связи с этим государства начали вводить всевозможные запреты на злоупотребление наркотическими средствами, а также их распространение. Мировое сообщество, осознавая опасность возникшей угрозы, приняло решение объединиться в борьбе против незаконного оборота наркотиков, приняв соответствующие международные правовые акты.*

***Ключевые слова:** наркотики, наркомания, запрет, регулирование, контроль, оборот, средства, вещества, международное, нормативно-правовой акт.*

В V веке до нашей эры жил народ, который называл себя шумерами – это население Южной Месопотамии. Именно этот народ является автором первого упоминания в письменных источниках такого растения, как снотворный мак. Он был изображён в специальных шумерских таблицах и назывался «растением радости». Этот цветок почитали и считали ценным, так как он утолял боль и одновременно опьянял. Ещё в Древней Греции из снотворного мака научились выделять опий, который использовался как мощное болеутоляющее средство.

В Древнем Египте также выращивали снотворный мак и добывали опиум, что приводило к активному распространению среди средиземноморских стран данного «продукта». В наши дни бытует популярное мнение, что Китай является исторической родиной опиума, однако он был завезён туда лишь в VIII веке нашей эры. В со-

---

* Абузярова Найра Абдулкадыровна – профессор кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: abuzyar2013@yandex.ru

** Иванов Сергей Анатольевич, доцент кафедры международного права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Тамбовский государственный технический университет», кандидат юридических наук. E-mail: seregatambov@mail.ru

*** Середа Елена Васильевна, профессор кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (г. Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор. E-mail: evs.54@mail.ru

временном мире именно Египет и Китай по-прежнему являются одними из основных производителей опиума.

Поток наркотиков в Средние века активно поступал и в Европу. Во время крестовых походов на европейский континент были завезены опий, южноамериканский кокаин и арабский гашиш. Опиум стали использовать в качестве лекарства. Он назначался при различных заболеваниях. Им лечили белую горячку, кашель, желудочные боли, также использовали как мощный анальгетик. В связи с «чудодейственными» свойствами указанного вещества к 1660 году купцы Голландии стали в больших количествах скупать бенгальский опиум, который выращивали в Индии, активно сбывая его в последующем на острове Ява. Именно данное время считается началом разворота крупной торговли опиумом, которая стремительно росла и развивалась.

С возникновением научных познаний в различных областях, в том числе, в сфере медицины и химии, появились и новые виды наркотиков. В 1804 году Фридрих Сертюрнер выделил из опиума морфин, который стало возможным вводить в тело человека с помощью инъекций. Распространение морфина вызвало колоссальную вспышку наркотической зависимости населения Великобритании.

В 1874 году Алдером Райтом был выведен диацетилморфин, более известный, как героин. Изначально он использовался как обезболивающее средство и средство от кашля, но в дальнейшем именно им медики пытались лечить население от уже известных видов наркозависимости. Чуть позднее стали появляться новые наркотики, синтетические, такие как мескалин и амфетамин. С 1912 года на мировом рынке появился фенобарбитал, его использовали в качестве снотворного, обладающего седативными свойствами. Применялся он также в лекарственных целях, преимущественно для лечения эпилепсии.

Наркозависимость так и продолжили бы лечить диацетилморфином, если бы в 1923 году психиатры не пришли к выводу, что наркомания не может быть излечена с помощью другого вида наркотиков. Однако иногда и в наше время предпринимаются попытки излечить наркоманию с помощью опиатных медикаментов, которые применяются в качестве заместительной терапии.

В связи с этим, актуальным остается вопрос о жестком правовом регулировании оборота наркотических веществ.

На законодательном уровне запреты на распространение наркотиков стали появляться уже в XII веке. Именно тогда испанская церковь выступила против курения каннабиса, следом за ней аналогичная практика появилась и во Франции в XIII веке.

С 1484 года был введён официальный запрет Папой Иннокентием VIII на лекарства, в составе которых была конопля и все производные от неё вещества. Что касается Китая и Индии, которые являлись самыми крупными производителями и поставщиками опиума, то ограничения его свободного оборота были введены намного позже, причиной которого стало открытие в 1729 году вредоносных свойств данного вещества на организм человека. Эти ограничения привели к вспышке в Китае опиумных войн, которые были подогреты одновременными контрабандными поставками опиума из европейских стран, Великобритании, Голландии и Франции. По статистике, именно европейские страны путём экономически выгодных сделок способствовали процветанию и росту китайского наркобизнеса.

Международное сообщество начало борьбу против наркомании и наркотической преступности в первой половине XIX века, так как негативные последствия от применения наркотиков охватывали всё больше стран и требовали создания меж-

дународной правовой базы, которая могла бы регулировать поток наркотиков и снизить их пагубное влияние [4, с. 42]. Ранее потребление наркотиков почти никак не регулировалось. Опиум, кокаин, героин и многие другие наркотические вещества находились в свободном обороте, были доступны каждому человеку и продавались в аптеках так же свободно, как сейчас аскорбиновая кислота. Губительному воздействию подвергались не только взрослые слои населения, но и молодёжь, дети. Угроза наркомании стала приобретать всё более серьёзный характер. В опасности были не только отдельные государства, но и мировое сообщество в целом.

Мир нуждался в эффективном и действенном своде нормативно-правовых актов, которые были бы направлены на выработку и поддержание антинаркотической политики. Необходимо было разработать меры контроля за распространением наркотических средств, учитывая массовое поражение общества наркоманией.

Борьба со свободным оборотом наркотиков на законодательном уровне началась с 1729 года. Китайский император Юнг Чанг издал указ, впоследствии известный как Указ Киа-Конга, в соответствии с которым на территории всего государства был установлен запрет на распространение опиума и на содержание курительных домов.

В соответствии с вышеупомянутым указом были установлены жёсткие санкционные меры. Если нарушения были установлены, то и торговцы и потребители опиума, приговаривались к смерти. В целях дальнейшего урегулирования ситуации в 1839 году Китай запретил въезд на свою территорию иностранцам, однако это решение лишь ухудшило положение дел и привело к двум опиумным войнам. В итоге Китай потерпел поражение и в соответствии с Нанкинским договором, вынужден был передать Гонконг Великобритании. Впоследствии иностранные государства имели полное право ввозить опиум на территорию Китая. Это привело к процветанию наркобизнеса и увеличению распространения наркотиков.

Следующим государством, запретившим оборот наркотических веществ, был Египет, где в 1864 году был введён запрет использования конопли. Что касается Европы, то первым государством, которое запретило производство какого-либо наркотика, является Франция. В 1800 году Наполеон I ввел запрет на выращивание и продажу гашиша.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на запрещение по выращиванию наркотических растений во многих странах, особого успеха такая политика не имела. Объясняется это тем, что не существовало достаточно эффективного механизма реализации обеспечения таких запретов. Тяжёлые наркотики продолжали использоваться в медицинских целях. К концу Франко – Прусской войны (1870–1871 гг.) около половины немецких солдат были наркозависимы, так как в качестве успокоительного средства и лечения различных ранений и травм активно применялись морфин, морфий и героин. Как раз в те годы появился термин «солдатская болезнь» [5, с. 38], что дало начало процессу определения признаков наркозависимости и осознания её опасности.

С течением времени появлялось всё больше доказательств, говорящих о том, что употребление наркотиков в любом виде приносит вред человеческому организму, однако, несмотря на это данные вещества продолжали активно использоваться в медицине. В 1880 году была созвана первая международная конференция по опиуму, результатом которой стало официальное подтверждение, что наркотики негативно влияют на людей вне медицинской практики, а также было сделано заявление, в котором говорилось о существовании такого феномена, как наркомания [7, с. 20].

Следующим шагом международного сообщества был созыв Шанхайской конференции (Комиссии по опиуму) 1909 года, на повестке дня которой стояло обсуждение результатов потребления опиума, его влияния на человека, а также международная торговля этим веществом, как в чистом виде, так и в составе различных препаратов. В конференции приняли участие представители 13 государств: США, Великобритании, Франции, Германии, России, Италии, Китая, Японии, Нидерландов, Австро-Венгрии, Персии, Португалии и Сиам. На конференции было принято 9 резолюций, которые носили рекомендательный характер. Их содержание основывалось на идее необходимости принятия срочных мер по снижению и регулированию оборота опиума и морфина. Отдельно выделялось положение Китая и тот факт, что он нуждается в помощи для разработки и принятия нормативно-правовых актов, регулирующих оборот указанных веществ.

По результатам Шанхайской конференции была проведена международная Гаагская конференция 1912 года, которая является основополагающей в сфере регулирования оборота наркотических средств. Именно на ней были совершены первые попытки создания основополагающих сущностных понятий, которые могли быть использованы для регулирования наркоситуации на определенной территории [8, с. 29]. Так, были установлены определённые критерии легального производства наркотических средств, составлены списки с наркотическими веществами, выведена система мер, которая могла бы регулировать оборот наркотиков, а также созданы компетентные органы, осуществляющие контроль за оборотом опиума, кокаина и героина.

Резолюции, которые приняла Комиссия по опиуму в 1909 году, были включены в Международную Гаагскую Конвенцию, которая вступила в силу в 1915 году. Именно этот документ ознаменовал начало международно-правового сотрудничества государств по борьбе с массовым оборотом наркотических средств. Впоследствии был принят ряд документов, регулировавших незаконный оборот наркотиков:

- Международная конвенция по опиуму, подписанная в Женеве 19 февраля 1925 года. Особенностью данного документа является то, что разрешалось производить наркотические средства, но исключительно в государственных целях. Именно данная конвенция регламентировала порядок контроля деятельности производителей наркотических средств, то есть делала их действия легальными, что послужило в дальнейшем соответствующему направлению развития законодательства в сфере легального оборота наркотиков;

- Женевская конвенция об ограничении производства и регламентации распределения наркотических средств, подписанная в 1931 году;

- Женевская Конвенция о борьбе с нелегальной торговлей сильнодействующими средствами, подписанная в 1936 году;

- Протокол о внесении изменений в соглашения, конвенции и протоколы о наркотических средствах, подписанный в 1946 году;

- Протокол об ограничении и регламентации культивирования растений мака, подписанный в 1953 году [3, с. 46 – 48].

В связи с открытиями химиков и медиков к середине XX века появлялись всё новые виды наркотиков. Таким образом, на рынок поступили синтетические вещества. Среди них был амфетамин, ЛСД и так далее. Амфетамин хоть и был открыт в далёком 1887 году, но в продажу поступил лишь в 1932 году в качестве лекарственного препарата, несмотря на то, что его психоактивные свойства были обнаружены

в 1929 году. Данный наркотик имел массовое распространение в 1939–1945 годах. В 1938 году швейцарский химик Альберт Хофман синтезировал ЛСД, психотропные свойства которого были случайно обнаружены лишь в 1943 году, что привело к его активному использованию в медицинской сфере. Уже в начале 50-х годов XX века ЛСД назначался при депрессии, ухудшении памяти, а также для лечения алкогольной и наркотической зависимостей. Многие психиатры сами принимали ЛСД, так как считалось, что личный опыт его использования позволит будущему доктору лучше понимать пациентов, которые страдают психозом.

Однако со временем медицинский характер приёма наркотических средств зачастую переходил в злоупотребление, что подтолкнуло международное сообщество ужесточить меры по контролю за оборотом наркотических средств и, соответственно, к разработке нового универсального соглашения в данной сфере.

На Генеральной Ассамблее ООН 1946 года была создана Комиссия по наркотическим средствам. Новый орган начал свою работу с разработки единого универсального документа, который смог бы качественно регулировать вопросы оборота наркотических веществ и систематизировать все ранее принятые соглашения и конвенции в данной сфере. Таким образом, была создана Единая Конвенция ООН о наркотических средствах 1961 года, вступившая в силу 13 декабря 1964 году [2]. В соответствии с данным документом ограничивалось производство, владение, использование, распространение и торговля наркотиками именно для медицинских и научных целей. Устанавливались специальные условия для производства конкретных видов наркотических средств, например, героина. Также подчёркивалась необходимость реабилитации и лечения наркоманов. В состав Единой конвенции входит 51 статья и 4 Списка наркотических средств, распределённых в зависимости от применения к ним режима контроля, которые, в свою очередь, определяются Всемирной Организацией Здравоохранения.

В 1971 году принимается Венская конвенция о психотропных веществах. Именно данный документ устанавливает систему международного контроля оборота уже психотропных веществ. Он обязывает стран-участниц иметь контрольные органы, которые могли бы осуществлять надзор над изготовителями, производителями, импортерами и экспортёрами, оптовыми и розничными распределителями психотропных веществ, а также медицинскими и научными учреждениями, использующими такие вещества.

Приоритетной целью двух вышеописанных соглашений является создание кодифицированного международного контроля, который мог бы обеспечить доступ к наркотическим средствам и психотропным веществам научным и медицинским учреждениям, а также не допустить их утечки в иные сферы деятельности. Следует отметить, что они включают в себя и общие положения, раскрывающие незаконный оборот наркотиков и психотропных веществ, а также злоупотребление ими [9, с. 911–912].

Следующим важным и влиятельным международным документом в рассматриваемой сфере является Конвенция ООН по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ 1988 года [1]. Главной целью этого соглашения является контроль за оборотом наркотиков, а именно: предусматриваются меры против контрабанды наркотиков, отмывания прибыли, полученной с их продажи, а также хищения исходных химикатов. Борьба с контрабандой заключается, в основном, в отслеживании, замораживании и конфискации доходов и имуществ-

ва, которые были извлечены из незаконного оборота наркотиков. Данным документом предусматривается также экстрадиция наркокурьеров, их выдача для судебного преследования. Каждое государство, подписавшее данную конвенцию, обязуется ликвидировать или сокращать спрос на наркотики.

С тех пор, как вышеуказанные Конвенции ООН вступили в силу, и международная система борьбы против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ сложилась и начала работать, многие страны приняли национальные нормативно-правовые акты, основываясь на положениях данных конвенций. Например, Аргентина жёстко регулирует оборот незарегистрированных химических веществ, запрещая их.

В 2005 году в США был принят закон о борьбе с широкомасштабным злоупотреблением метамфетамином. В данном документе устанавливаются ограничения на федеральном уровне в розничной торговле продуктами, которые содержат эфедрин и псевдоэфедрин (на основе данных веществ происходит незаконное производство метамфетамина), и вводятся квоты на их импорт и производство. Стоит обратить внимание и на ужесточение наказания за незаконную торговлю упомянутым наркотиком. Ответственность несут импортёры и экспортёры химических веществ, используемых в незаконном изготовлении, если было выявлено, что именно данные лица передали товары в незаконные каналы [6, с. 86].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что международное законодательство по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ довольно молодо по сравнению с многовековым свободным потреблением наркотиков. Необходимость в создании антинаркотического международного правового механизма была обусловлена вспышкой тяжёлой наркотической зависимости в различных частях света. Антинаркотическое законодательство менялось и совершенствовалось вслед за созданием новых видов наркотиков и путей их распространения.

В современном мире международные нормы в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ являются базой для создания соответствующих национальных нормативно-правовых актов.

Библиографический список

1. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ от 20.12.1988 г. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092/ (дата обращения: 01.12.2022).

2. Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года с поправками, внесенными в нее в соответствии с Протоколом 1972 года о поправках к Единой конвенции о наркотических средствах от 30.03.1961. [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/ (дата обращения: 01.12.2022).

3. *Авдеев В.А.* Основные направления реализации уголовно-правовой политики РФ в сфере противодействия преступности: сравнительный анализ федеральных и региональных начал // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2014. – № 2. – С. 46–62.

4. *Афамготов Э.М.* История развития антинаркотического законодательства: международно-правовой и отечественный опыт // Общество и право. – 2009. – № 1. – С. 41–43.

5. *Карпович О.Г.* Актуальные вопросы борьбы с оборотом наркотиков в США // Международное публичное и частное право. – 2012. – № 6. – С. 36–41.

6. Рахматулин Г.Г. История международных документов в сфере незаконного оборота наркотиков и психотропных веществ // Основные тенденции развития Российского законодательства. – 2013. – № 8. – С. 85–87.

7. Реутская Л.А. Система контроля за легальным оборотом наркотиков // Рецепт. – 2007. – № 6(56). – С. 19–24.

8. Федоренко Т.А. Зарубежный опыт деятельности органов по противодействию незаконному обороту наркотиков и его использование в РФ // Российская юстиция. – 2012. – № 5. – С. 27–31.

9. Feige C. The opium wars, opium legalization and opium consumption in China // Applied Economics Letters. 2008. № 15. P. 911–913.

Для цитирования: Абузарова Н.А., Иванов С.А., Середя Е.В. Исторические предпосылки и становление международных правовых основ по борьбе с незаконным оборотом наркотиков: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 28–34.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.002

HISTORICAL BACKGROUND AND THE FORMATION OF INTERNATIONAL LEGAL FRAMEWORK TO COMBAT DRUG TRAFFICKING

Naira A. Abuzyarova*

Sergey A. Ivanov**

Elena V. Sereda***

Annotation. *The article examines some historical aspects of the use of drugs on the territory of our planet and their impact on the formation of international anti-drug norms. Throughout the history of mankind, drugs have always been present in people's lives. Initially, they were used as medicines, but over time people began to abuse them, which negatively affected their health. In this regard, States have begun to introduce all kinds of prohibitions on the abuse of narcotic drugs, as well as their distribution. The world community, realizing the danger of the threat that has arisen, has decided to unite in the fight against drug trafficking by adopting relevant international legal acts.*

Keywords: *drugs, drug addiction, prohibition, regulation, control, turnover, means, substances, international, regulatory legal act.*

In the 5th century BC, there lived a people who called themselves the Sumerians – this is the population of southern Mesopotamia. It is this people that is the author of the first mention in written sources of such a plant as the soporific poppy. It was depicted in special Sumerian tablets and was called the "plant of joy." This flower was revered and considered valuable, as it quenched the pain and at the same time intoxicated. Even in an-

---

**Abuzyarova Naira Abdulkadyrovna* - Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: abuzyar2013@yandex.ru

***Ivanov Sergey Anatolyevich*, Associate Professor of the Department of International Law of the Tambov State Technical University, Candidate of Legal Sciences. E-mail: seregatambov@mail.ru

****Sereda Elena Vasilievna*, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor. E-mail: evs.54@mail.ru

Theory of State and Law

---

cient Greece, opium was isolated from sleeping pills, which was used as a powerful pain reliever.

In ancient Egypt, sleeping pills were also grown and opium was mined, which led to the active distribution of this "product" among the Mediterranean countries. Nowadays, there is a popular opinion that China is the historical homeland of opium, but it was brought there only in the 8th century AD. In the modern world, it is Egypt and China that are still one of the main producers of opium.

The flow of drugs in the Middle Ages also actively entered Europe. During the Crusades, opium, South American cocaine and Arabic hashish were brought to the European continent. Opium began to be used as a medicine. He was prescribed for various diseases. They were treated with delirium tremens, cough, stomach pains, and were also used as a powerful analgesic. In connection with the "miraculous" properties of this substance, by 1660, Dutch merchants began to buy large quantities of Bengali opium, which was grown in India, and subsequently actively sold it on the island of Java. It is this time that is considered the beginning of the reversal of the large opium trade, which rapidly grew and developed.

With the emergence of scientific knowledge in various fields, including medicine and chemistry, new types of drugs have appeared. In 1804, Friedrich Serturmer isolated morphine from opium, which became possible to inject into the human body. The spread of morphine caused a colossal outbreak of drug addiction in the British population.

Diacetylmorphine, better known as heroin, was developed by Alder Wright in 1874. Initially, it was used as an anesthetic and cough remedy, but in the future, it was with it that doctors tried to treat the population from already known types of drug addiction. A little later, new drugs began to appear, synthetic ones, such as mescaline and amphetamine. Since 1912, phenobarbital has appeared on the world market, it has been used as a sleeping pill with sedative properties. It was also used for medicinal purposes, mainly for the treatment of epilepsy.

Drug addiction would have continued to be treated with diacetylmorphine, if in 1923 psychiatrists had not come to the conclusion that drug addiction could not be cured with another type of drug. However, sometimes even in our time, attempts are made to cure drug addiction with the help of opiate medications, which are used as substitution therapy.

In this regard, the issue of strict legal regulation of the circulation of narcotic substances remains relevant.

At the legislative level, prohibitions on the distribution of drugs began to appear already in the 12th century. It was then that the Spanish church opposed cannabis smoking, followed by a similar practice in France in the 13th century.

Since 1484, an official ban was introduced by Pope Innocent VIII on medicines, which included cannabis and all substances derived from it. As for China and India, which were the largest producers and suppliers of opium, restrictions on its free circulation were introduced much later, the reason for which was the discovery in 1729 of the harmful properties of this substance on the human body. These restrictions led to the outbreak of the opium wars in China, which were fueled by the simultaneous smuggling of opium from European countries, Britain, Holland and France. According to statistics, it was European countries that, through economically profitable deals, contributed to the prosperity and growth of the Chinese drug business.

The international community began the fight against drug addiction and drug crime in the first half of the 19th century, as the negative consequences of the use of drugs cov-

ered more and more countries and required the creation of an international legal framework that could regulate the flow of drugs and reduce their harmful effects [4, p. 42]. In the past, drug use was largely unregulated. Opium, cocaine, heroin and many other drugs were in free circulation, were available to every person and were sold in pharmacies as freely as ascorbic acid is now. Not only the adult strata of the population, but also the youth and children were subjected to destructive influence. The threat of drug addiction has become more and more serious. Not only individual states were in danger, but also the world community as a whole.

The world needed an effective and efficient set of regulations that would be aimed at developing and maintaining anti-drug policy. It was necessary to develop measures to control the spread of narcotic drugs, given the mass defeat of society by drug addiction.

The fight against the free circulation of drugs at the legislative level began in 1729. The Chinese emperor Yung Chang issued a decree, later known as the Kia Kong Decree, according to which a ban on the distribution of opium and on the maintenance of smoking houses was established throughout the state.

In accordance with the aforementioned decree, tough sanctions were established. If violations were established, then both traders and users of opium were sentenced to death. In order to further resolve the situation, in 1839 China banned foreigners from entering its territory, but this decision only worsened the situation and led to two opium wars. As a result, China was defeated and, in accordance with the Nanjing Treaty, was forced to transfer Hong Kong to Great Britain. Subsequently, foreign states had every right to import opium into China. This led to the prosperity of the drug business and an increase in the distribution of drugs.

The next state to ban the circulation of narcotic substances was Egypt, where in 1864 a ban on the use of cannabis was introduced. As for Europe, the first country to ban the production of any drug is France. In 1800, Napoleon I imposed a ban on the cultivation and sale of hashish.

It should be emphasized that, despite the prohibition on the cultivation of narcotic plants in many countries, such a policy did not have much success. This is explained by the fact that there was no sufficiently effective mechanism for implementing the enforcement of such prohibitions. Hard drugs continued to be used for medical purposes. By the end of the Franco-Prussian War (1870–1871), about half of the German soldiers were drug addicts, as morphine, morphine and heroin were actively used as a sedative and treatment for various wounds and injuries. It was in those years that the term "soldier's disease" appeared [5, p. 38], which gave rise to the process of identifying the signs of drug addiction and realizing its danger.

Over time, more and more evidence appeared that the use of drugs in any form is harmful to the human body, however, despite this, these substances continued to be actively used in medicine. In 1880, the first international conference on opium was convened, which resulted in official confirmation that drugs negatively affect people outside of medical practice, and a statement was made that spoke of the existence of such a phenomenon as drug addiction [7, p. 20].

The next step of the international community was the convening of the Shanghai Conference (Opium Commission) in 1909, on the agenda of which was a discussion of the results of opium consumption, its effects on humans, as well as the international trade in this substance, both in pure form and in various preparations. The conference was attended by representatives of 13 states: USA, Great Britain, France, Germany, Russia, Italy,

China, Japan, the Netherlands, Austria-Hungary, Persia, Portugal and Siam. At the conference, 9 resolutions were adopted, which were of a recommendatory nature. Their content was based on the idea of the need to take urgent measures to reduce and regulate the circulation of opium and morphine. Separately, the position of China and the fact that it needs help to develop and adopt legal acts regulating the circulation of these substances were highlighted.

Based on the results of the Shanghai Conference, the international Hague Conference of 1912 was held, which is fundamental in the field of regulating the circulation of narcotic drugs. It was on it that the first attempts were made to create fundamental essential concepts that could be used to regulate the drug situation in a certain territory [8, p. 29]. Thus, certain criteria for the legal production of narcotic drugs were established, lists of narcotic substances were drawn up, a system of measures was developed that could regulate drug trafficking, and competent authorities were created to control the circulation of opium, cocaine and heroin.

The resolutions adopted by the Opium Commission in 1909 were incorporated into the International Hague Convention, which came into force in 1915. It was this document that marked the beginning of international legal cooperation between states in combating the mass circulation of narcotic drugs. Subsequently, a number of documents were adopted that regulated drug trafficking:

- International Opium Convention, signed at Geneva on February 19, 1925. A feature of this document is that it was allowed to produce narcotic drugs, but only for state purposes. It was this convention that regulated the procedure for controlling the activities of manufacturers of narcotic drugs, that is, made their actions legal, which later served as the corresponding direction in the development of legislation in the field of legal drug trafficking;

- The Geneva Convention on the Restriction of the Production and Regulation of the Distribution of Narcotic Drugs, signed in 1931;

- Geneva Convention for the Suppression of the Illicit Trade in Potent Substances, signed in 1936;

- Protocol amending agreements, conventions and protocols on narcotic drugs, signed in 1946;

- Protocol on the restriction and regulation of the cultivation of poppy plants, signed in 1953 [3, p. 46–48].

In connection with the discoveries of chemists and physicians, by the middle of the 20th century, more and more new types of drugs appeared. Thus, synthetic substances entered the market. Among them were amphetamines, LSD, and so on. Amphetamine, although discovered back in 1887, went on sale only in 1932 as a drug, despite the fact that its psychoactive properties were discovered in 1929. This drug was widely distributed in 1939–1945. In 1938, the Swiss chemist Albert Hofmann synthesized LSD, whose psychotropic properties were only accidentally discovered in 1943, which led to its active use in the medical field. Already in the early 1950s, LSD was prescribed for depression, memory impairment, and for the treatment of alcohol and drug addictions. Many psychiatrists themselves took LSD, as it was believed that personal experience with its use would allow the future doctor to better understand patients who suffer from psychosis.

However, over time, the medical nature of taking narcotic drugs often turned into abuse, which prompted the international community to tighten measures to control the circulation of narcotic drugs and, accordingly, to develop a new universal agreement in this area.

At the UN General Assembly in 1946, the Commission on Narcotic Drugs was created. The new body began its work with the development of a single universal docu-

ment that could qualitatively regulate the issues of drug trafficking and systematize all previously adopted agreements and conventions in this area. Thus, the Single UN Convention on Narcotic Drugs of 1961 was created, which entered into force on December 13, 1964 [2]. In accordance with this document, the production, possession, use, distribution and trade of drugs specifically for medical and scientific purposes was limited. Special conditions were established for the production of specific types of drugs, such as heroin. The need for rehabilitation and treatment of drug addicts was also emphasized. The composition of the Single Convention includes 51 articles and 4 of the List of narcotic drugs, distributed depending on the application of the control regime to them, which, in turn, are determined by the World Health Organization.

In 1971, the Vienna Convention on Psychotropic Substances was adopted. It is this document that establishes the system of international control over the circulation of already psychotropic substances. It obliges Member States to have control bodies that could supervise manufacturers, manufacturers, importers and exporters, wholesalers and retailers of psychotropic substances, as well as medical and scientific institutions using such substances.

The priority goal of the two agreements described above is the creation of a codified international control that could provide access to narcotic drugs and psychotropic substances to scientific and medical institutions, as well as prevent their leakage into other areas of activity. It should be noted that they also include general provisions that reveal the illegal circulation of drugs and psychotropic substances, as well as their abuse [9, p. 911–912].

The next important and influential international document in this area is the 1988 UN Convention on the Suppression of Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances [1]. The main purpose of this agreement is to control drug trafficking, namely: measures are provided against drug smuggling, laundering of profits received from their sale, as well as theft of initial chemicals. The fight against smuggling consists mainly in tracing, freezing and confiscating proceeds and property that have been extracted from drug trafficking. This document also provides for the extradition of drug couriers, their extradition for prosecution. Each state that has signed this convention undertakes to eliminate or reduce the demand for drugs.

Since the above UN Conventions came into force, and the international system of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances has developed and started to work, many countries have adopted national legal acts based on the provisions of these conventions. For example, Argentina tightly regulates the circulation of unregistered chemicals, banning them.

In 2005, the United States passed a law to combat the widespread abuse of methamphetamine. This document establishes restrictions at the federal level in the retail trade in products that contain ephedrine and pseudoephedrine (based on these substances, illegal production of methamphetamine occurs), and introduces quotas for their import and production. It is worth paying attention to the tougher punishment for illegal trade in the said drug. Responsibility is borne by importers and exporters of chemicals used in illegal manufacture, if it was revealed that it was these persons who transferred the goods to illegal channels [6, p. 86].

Thus, it can be concluded that the international legislation on combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances is rather young compared to centuries of free drug consumption. The need to create an anti-drug international legal mechanism was due to the outbreak of heavy drug addiction in various parts of the world. Anti-drug legislation has changed and improved following the creation of new types of drugs and ways of their distribution.

In the modern world, international norms in the field of combating illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances are the basis for the creation of relevant national legal acts.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. United Nations Convention against Illicit Traffic in Narcotic Drugs and Psychotropic Substances of December 20, 1988 [Electronic resource] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121092/ (date of access: 01.12. 2022).
2. The Single Convention on Narcotic Drugs, 1961, as amended by the 1972 Protocol amending the Single Convention on Narcotic Drugs of 30.03.1961. [Electronic resource] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135628/ (date of access: 12/01/2022).
3. Avdeev V.A. The main directions of the implementation of the criminal law policy of the Russian Federation in the field of combating crime: a comparative analysis of federal and regional principles // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2014. No. 2. P. 46–62.
4. Afamgotov E.M. The history of the development of anti-drug legislation: international legal and domestic experience // Society and Law. 2009. No. 1. P. 41–43.
5. Karpovich O.G. Actual issues of combating drug trafficking in the United States // International public and private law. 2012. No. 6. P. 36–41.
6. Rakhmatulin G.G. History of international documents in the sphere of illicit trafficking in drugs and psychotropic substances // Main trends in the development of Russian legislation. 2013. No. 8. P. 85–87.
7. Reutskaya L.A. Control system for legal drug trafficking // Recipe. 2007. No. 6 (56). P. 19–24.
8. Fedorenko T.A. Foreign experience of the activities of bodies to combat drug trafficking and its use in the Russian Federation // Russian justice. 2012. No. 5. P. 27–31.
9. Feige C. The opium wars, opium legalization and opium consumption in China // Applied Economics Letters. 2008. No. 15. P. 911–913.

For citation: Abuzyarova N.A., Ivanov S.A., Sereda E.V. Historical background and the formation of international legal framework to combat drug trafficking: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 34–39.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.002

Научная статья

УДК: 340.1

ББК: 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.003

И.Г. Аллахвердиев*

ТОЛКОВАНИЕ CONTRA LEGEM: МЕСТО В СИСТЕМЕ ВИДОВ ТОЛКОВАНИЯ

Аннотация. Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что толкование *contra legem* нередко используется в практике судов, прежде всего высших, однако его теоретические аспекты (юридическая природа, место в системе видов толкования и т.д.) изучены недостаточно. Автор пытается восполнить этот пробел, поскольку широкая научная дискуссия относительно толкования *contra legem* необходима в целях определения его условий, пределов и способов осуществления. Благодаря анализу доктринальных источников и судебной практики (как российской, так и иностранной) автор пришел к выводу, что толкование *contra legem* не является самостоятельным способом толкования, а представляет из себя именно результат применения различных способов толкования. В этой связи оно относится к видам толкования «в зависимости от его результатов» наряду с буквальным, расширительным и ограничительным видами толкования. Для разрешения вопроса о месте толкования *contra legem* в системе видов толкования автор опирался на систему и терминологию В.В. Лазарева и С.В. Липеня.

Ключевые слова: *contra legem*, виды толкования, способы толкования, пробел в праве, судебное правотворчество, права человека, справедливость.

1. Введение. Толкование *contra legem* – неотъемлемая часть современной юридической действительности, что обусловлено тремя взаимосвязанными причинами. Это и отход от свойственных позитивизму формально-догматических представлений о праве и игнорирования его аксиологических и телеологических проблем [14, с. 3], и усложнение социальных взаимодействий, требующих более активной роли суда, и наконец, общее признание имманентной пробельности закона.

В некоторых наиболее развитых западных странах допустимость толкования *contra legem* признается не только на уровне доктрины. Например, Р. Алекси пишет, что Конституционный суд Германии в своих постановлениях прямо ссылался на «формулу Радбруха» [9, с. 34], согласно которой закон теряет свое значение в случае его чрезмерной и очевидной несправедливости.

В российском праве оправдать толкование *contra legem* с формально-юридической точки зрения можно со ссылкой на положение Конституции Российской Федерации о непосредственном действии прав и свобод человека, обеспечиваемых правосудием (ст. 18) [1]. Такой подход согласуется и с неоднократно повторявшейся

---

* Аллахвердиев Ибрагим Гусейн оглы – магистрант НИУ «ВШЭ» («Право: исследовательская программа»), юрист ООО «ЮБФ Консалтинг». E-mail: allahverdi.ib@gmail.com // ORCID: 0000-0001-7772-1082.

позицией Конституционного Суда РФ, требующей от судов следовать такому варианту понимания и применения норм, при котором исключается возможность ущемления прав человека [5].

При этом вынося решение против буквы закона, суд может опираться не только на непосредственно конституционные, но и на отраслевые принципы права. Это следует, в частности, из логики решения Конституционного суда Германии по делу Люта (Конституционный Суд РФ называл это решение «модельным»). В данном деле суд признал, что конституционная система ценностей, центром которой является человек и его достоинство, распространяется на нормы всех отраслей права, а юридическое содержание основных прав раскрывается в отраслевых нормах [6]. Именно поэтому представляется правильным подход, при котором среди функций частноправового принципа добросовестности выделяется функция по «этико-правовому преодолению норм позитивного права „contra legem“» [23, с. 166]. По сути, такой функцией обладают и другие отраслевые принципы.

Таким образом, если мы не относим себя к легистам и считаем, что нормы позитивного права – инструментальные служители справедливости и что они ценны лишь в той мере, в которой позволяют достигать объективных целей права в виде соблюдения и защиты прав и свобод человека, допустимость толкования *contra legem* становится очевидной. Это тем более верно, если исходить из того, что толкование является не только средством уяснения и разъяснения смысла позитивной нормы, но также и средством ее совершенствования, корректировки и приспособления к изменяющимся реалиям [25, с. 246], то есть процесс толкования состоит из трех последовательных этапов: этапы уяснения и разъяснения нормы, являющиеся обязательными, и этап развития или корректировки нормы, являющийся возможным, но не обязательным этапом толкования [13, с. 85].

Давая положительный ответ на философско-правовой вопрос о допустимости толкования *contra legem*, стоит сконцентрироваться на практико-ориентированных вопросах теоретического характера. Ранее мной обсуждалась сбалансированная модель толкования *contra legem*, целью которой является попытка совмещения трех важнейших правовых ценностей – справедливости, законности и определенности [8]. Предметом же настоящей статьи главным образом выступает тезис, который гласит, что толкование *contra legem* представляет из себя не самостоятельный способ толкования, а именно результат толкования, достигаемый за счет применения различных способов толкования, то есть относится к видам толкования «в зависимости от его результатов» (в статье осознанно используется именно данный термин, а не более привычный синоним «толкование по объему», поскольку он уже по своему смысловому значению).

2. Толкование *contra legem* как вид толкования. Перед тем как перейти к обсуждению главного вопроса по теме статьи, необходимо обосновать следующий тезис: несмотря на то, что толкование *contra legem* допускает существенное отклонение от буквального смысла закона и фактически приводит к правотворческим результатам, с теоретической точки зрения его все равно уместнее рассматривать в рамках категории толкования.

Во-первых, отправным пунктом при вынесении решения против буквы закона в любом случае выступает уяснение смысла применимой нормы через ее текстуальное прочтение. Причем такой подход свойственен не только странам с континентальной правовой традицией. Э.Ю. Викторова, анализируя доктрины толкования,

используемые в Англии и США, пришла к выводу, что «первоначальный приоритет толкования отдается текстуальной теории» [11, с. 192].

Во-вторых, при толковании *contra legem* суд все равно действует в рамках права. Принимая решение против буквы закона, суд является «не творцом нового порядка, а служителем, стремящимся поддержать существующий порядок и улучшить его функционирование» [22, с. 138]. Е.В. Васьковский писал об этом так: «суд получает возможность отремонтировать и достраивать незаконченное здание законодательства, без помощи самого законодателя, но должен придерживаться плана, по которому оно возведено, продолжая намеченные законодателем линии и дополняя недоделанные им части; он может творить новое право, но не иначе, как соблюдая прежний стиль, и не в праве к готическому корпусу пристраивать романские своды и разрисовывать его в мавританском вкусе» [10].

Таким образом, «решение суда суть продолжение процесса законотворчества, а не его начало» [24, с. 92]. Если суды и создают новые нормы (здесь имеется в виду не только толкование *contra legem*, а судебное правотворчество вообще), то происходит это (должно происходить) лишь (i) в результате толкования закона, (ii) с опорой на правовые принципы и устоявшиеся доктрины, (iii) с целью устранения пробелов и иных дефектов. Наглядным примером может выступить история становления в России доктрины защиты добросовестного залогодержателя, которая формировалась «по образу и подобию понятия добросовестный приобретатель» [17, с. 57] и на основе принципов равенства и добросовестности (речь идет о постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по делам №А56-24071/2010 и №А03-10830/2010 [4], правовые позиции из которых в дальнейшем нашли свое отражение в абзацах 2 и 3 п. 2 ст. 335 ГК РФ [2]).

3. Толкование *contra legem* как результат использования различных способов (методов) толкования. Во избежание терминологической путаницы в начале данного раздела следует кратко представить систему, которая лежит в основе разрешения вопроса о месте толкования *contra legem* в системе видов толкования. Такая система видов толкования была описана в юридической литературе, включая и известный учебник В.В. Лазарева и С.В. Липеня по теории государства и права [21, с. 398].

Как правило, выделяются три вида толкования.

1) Первый вид толкования – это вид толкования по субъектам, то есть в зависимости от того, кто толкует норму.

2) Второй вид толкования состоит из способов толкования. В данном случае речь идет о том, каким образом толкуется норма. Здесь обычно выделяются такие способы, как грамматический, системный, телеологический и т.д.

3) К третьему виду, обычно именуемому как «толкование по объему», авторы относят результаты толкования. Принято выделять три результата толкования: буквальный, расширительный и ограничительный [16, с. 427].

Отталкиваясь от данной системы видов толкования, следует предложить тезис, согласно которому толкование *contra legem* – это не какой-то особый способ толкования (наряду с грамматическим, системным, телеологическим и др.), а именно результат толкования (наряду с буквальным, расширительным и ограничительным), достигаемый посредством применения различных способов толкования. Примерно о том же писали и некоторые немецкие исследователи. Так, У. Брюггер отмечал, что «суды используют системное и телеологическое толкование для обхода буквального смысла нормы в случаях, когда результат буквального толкования рассматрива-

ется судьями как нерациональный или несправедливый» [26, с. 401], а В. Флюме исходил из того, что толкование *contra legem* представляет собой «экстренный вариант системного толкования» [27, с. 274].

Обоснованность приведенного выше тезиса подтверждается анализом судебной аргументации, используемой как в хорошо известных решениях иностранных судов, так и в современной российской судебной практике. Рассмотрим несколько решений с тем, чтобы проследить, к каким способам толкования обращались суды, вынося решения против буквы закона.

В деле Риггс против Палмера (*Riggs v Palmer*), рассмотренном Апелляционным судом Нью-Йорка в 1889 г. [19] и получившим широкую известность благодаря Р. Дворкину [12, с. 47], стоял вопрос о допустимости вступления в наследство лица, признанного виновным в убийстве наследодателя.

Э. Палмер убил своего деда, чтобы немедленно вступить в наследство, поскольку сомневался в возможности получения завещанного ему имущества (дед собирался вступить в брак и мог изменить завещание). Он был осужден за убийство и отбыл назначенное наказание, но претендовал на свою долю в наследстве. Э. Палмер утверждал, что наследодатель мертв, а завещание составлено в надлежащей форме, поэтому в соответствии с законом он имеет право на завещанное ему имущество.

Судья Р. Эрл (*Robert Earl*), подготовивший решение от имени большинства, отметил, что нормы, регулирующие составление и действие завещаний, при их буквальном толковании действительно предоставляют убийце право на вступление в наследство. Но далее судья обращается к телеологическому толкованию и указывает, что законодатель, регулируя наследственные отношения, никогда не имел и не мог иметь своей целью предоставление преимуществ убийце. Законодатели не всегда точно выражают свое намерение, поэтому судьям стоит исходить, в том числе и из рациональных предположений о намерении законодателя. Ссылаясь на работы Ф. Бэкона, Аристотеля и У. Блэкстоуна и других, судья Эрл подчеркивает, что буква закона иногда может быть ограничена либо расширена соображениями справедливости, разумности и здравого смысла.

Все законы, отмечает судья, находятся под воздействием общих принципов права. Одним из них является принцип, в соответствии с которым никто не вправе получать выгоду обманным путем. Это значит, что никому не позволено извлекать выгоду из совершенного им преступления, а также предъявлять требования, основываясь на собственном противоправном поступке.

Далее судья Эрл проводит своего рода аналогию закона. Он пишет, что если преступник силой отберет у кого-то имущество, то он не получит титул собственника; если преступник силой или обманом принудит составить на него завещание, закон не позволит ему завладеть имуществом. Судья приходит к выводу, что если закон запрещает такого рода противоправные действия, то нет оснований для поощрения действий, совершенных Э. Палмером.

Опираясь на данные рассуждения, апелляционный суд отменил решение нижестоящей инстанции и запретил Э. Палмеру вступить в наследство и получить право собственности на завещанное ему имущество.

В этом деле суд открыто заявил, что принял решение против буквы закона, обратившись к телеологическому толкованию и общеправовым принципам (в том числе к рассуждениям о справедливости), а также к аналогии закона.

Другим показательным примером выступит знаменитое решение Конституционного суда Германии 1973 г. по делу иранской принцессы Сорайи (Soraya) [7]. В данном решении Конституционный суд поддержал практику Верховного суда, которая вопреки буквальному смыслу положений Гражданского кодекса позволяла взыскивать в определенных случаях денежную компенсацию за нематериальный ущерб, причиненный гражданину. Конституционный суд признал такую практику допустимой по следующим причинам.

Статья 20 Основного закона устанавливает, что правосудие связано «законом и правом». Это значит, что германский правопорядок на уровне конституции отверг позитивизм, признав, что право не тождественно совокупности законов. Помимо предписаний государственной власти действуют нормы, источником которых являются основные конституционные ценности и принципы. Суд указал, что такие принципы могут выступать «средством корректировки» норм позитивного права. Таким образом, задача правосудия состоит не только в следовании воле законодателя, но и в реализации ценностных представлений, присущих конституционному правопорядку. При этом Конституционный суд обращает внимание на то, что судья должен воздерживаться от произвола и восполнять пробелы в соответствии с общепризнанными представлениями общества о справедливости и в рамках здравого смысла.

Конституционный суд отметил, что технологическое и социальное развитие привело к таким нарушениям неимущественных прав личности, которые не могли предвидеть разработчики Гражданского кодекса. Если защита человеческого достоинства является основной целью государства, то судья не может быть связан устаревшим решением законодательного органа, который объективно не мог предусмотреть такой ход развития событий. Поскольку законодательная норма действует в контексте социальных условий и общественно-политических воззрений, суду должна быть предоставлена возможность творческого развития права для адаптации текста закона к реальным общественным отношениям.

В данном решении Конституционный суд для усиления своих аргументов ссылался на доктрину, а также на опыт других европейских стран по регулированию вопросов денежной компенсации за нематериальный ущерб. Также суд подчеркнул, что судьям не следует проявлять формальную законопослушность ценой принятия несправедливых решений по конкретным делам в надежде, что законодатель в конце концов вмешается и изменит устаревшую норму.

Таким образом, Конституционный суд Германии поддержал толкование *contra legem*, данное Верховным судом, используя системный и телеологический способы толкования, а также обращаясь к юридическим аналогиям.

Подобные подходы применяются и в российской судебной практике.

Как известно, ст. 431 ГК РФ устанавливает определенную иерархию методов толкования договора, в которой приоритет отдается буквальному толкованию. Законодатель недвусмысленно определил, что «если текст договорного условия становится очевидным на основе его анализа с точки зрения правил русского (или иного) языка, на этом процесс толкования должен заканчиваться, и суд применяет условие договора в такой его интерпретации» [2; 15, с. 936]. Однако Пленум Верховного Суда РФ в п. 43 постановления от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» фактически дезавуировал примат буквальному толкованию договора, модифицировав диспозицию ст. 431 ГК РФ с помощью сис-

темного толкования, направленного на реализацию основных гражданско-правовых принципов.

В первом абзаце п. 43 постановления Пленум установил, что условия договора должны толковаться в системной взаимосвязи с основными началами гражданского законодательства, прямо сославшись на ст. 1 ГК РФ. В данной статье, помимо прочего, содержится указание на принцип добросовестности, что допускает ценностно-ориентированное толкование, тогда как буквальное толкование предполагает максимальное подавление ценностных установок интерпретатора.

Во втором абзаце п. 43 Пленум указал, что буквальное толкование договора не принимается во внимание, если иное его значение следует из деловой практики сторон и иных обстоятельств дела.

В третьем абзаце, ссылаясь на п. 4 ст. 1 ГК РФ, Пленум запретил следовать буквальному толкованию, если оно предоставляет преимущества недобросовестной стороне договора. Пленум сформулировал и еще одно основание, позволяющее отходить от буквального толкования договора, – толкование договора не должно приводить к такому пониманию его условий, которое стороны с очевидностью не могли иметь в виду. Здесь находит выражение принцип абсурдности, который хотя и не закреплен в законодательстве, но является устоявшимся в доктрине и реализовывается в практике высших судов (в качестве одного из классических примеров исследователи часто ссылаются на п. 3 Информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.11.2002 № 70).

Устанавливая данные правила, очевидно, противоречащие буквальному смыслу ст. 431 ГК РФ, Пленум Верховного Суда РФ использовал системный способ толкования. Можно также предположить, что Пленум учитывал цели закона (телеологический способ толкования), а также условия, в которых действовала толкуемая норма (функциональный способ толкования).

Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ в определении от 12.10.2016 №306-ЭС16-3611 по делу №А57-16992/2015 путем совместного использования телеологического и системного способов толкования скорректировала смысл правила, закрепленного в абз. 2 п. 2 ст. 7 Федерального закона о банкротстве [3].

В соответствии с абз. 1 п. 2 ст. 7 Федерального закона о банкротстве право на обращение с заявлением о признании должника банкротом возникает у кредиторов с даты вступления в законную силу решения суда о взыскании задолженности, принятого в общеисковом порядке. Второй абзац данного пункта делает исключение из этого правила для кредитных организаций, устанавливая, что они вправе инициировать процедуру банкротства без вступившего в силу решения суда о взыскании задолженности [3].

В рассматриваемом деле торговая компания, не являющаяся кредитной организацией, обратилась в суд с заявлением о признании должника по кредитному договору банкротом. Свое требование торговая компания предварительно не подтвердила в общеисковом порядке, полагая, что поскольку данное требование возникло из кредитного договора и было приобретено по договору цессии от кредитной организации, то оно может быть заявлено непосредственно в рамках производства о банкротстве. Нижестоящие суды оставили заявление торговой компании без рассмотрения, основываясь на положении абз. 2 п. 2 ст. 7 Федерального закона о банкротстве, поскольку она не обладает статусом кредитной организации [3].

Коллегия Верховного Суда РФ отменила акты нижестоящих судов, придя к выводу, что для инициирования процедуры банкротства в порядке абз. 2 п. 2 ст. 7 Фе-

дерального закона о банкротстве решающее значение имеет не статус заявителя как кредитной организации, а природа требования, вытекающая из деятельности кредитных организаций. Коллегия пришла к такому выводу с учетом того, что целью законодателя было предоставить преимущества не конкретным субъектам, а определенным видам требований, поскольку отличительной особенностью предъявляемых кредитными организациями требований является то, что процесс их доказывания носит упрощенный характер.

Коллегия также указала, что буквальное применение абз. 2 п. 2 ст. 7 Закона о банкротстве будет предоставлять необоснованные преимущества кредитным организациям, нарушая тем самым принцип равенства. Помимо этого, Коллегия сослалась на п. 1 ст. 384 ГК РФ (согласно которому права cedentа (продавца долга) переходят к цессионарию в том объеме и на тех условиях, что существовали на момент перехода прав) и п. 1 ст. 819 ГК РФ [2] (согласно которому одной из сторон кредитного договора является кредитная организация), заключив, что на требования, вытекающие из кредитного договора, в любом случае распространяется диспозиция абз. 2 п. 2 ст. 7 Федерального закона о банкротстве.

Таким образом, приведенные примеры из иностранной и отечественной судебной практики показывают, что толкование *contra legem* не представляет собой специальный способ толкования, а является результатом толкования, достигаемым путем использования различных способов толкования. Это в свою очередь приводит к выводу, что толкование *contra legem* занимает место среди видов толкования «в зависимости от его результатов» наряду с буквальным, расширительным и ограничительным видами толкования.

Стоит заметить, что схожую систему предлагал А.Г. Манукян, выделявший среди «видов толкования правовых норм в зависимости от его результатов» наряду с буквальным, расширительным и ограничительным видами исправляющий (коррекционный) вид толкования [18, с. 102–119].

Можно также добавить, что обоснованность отнесения толкования *contra legem* к видам толкования «в зависимости от его результатов» может подтверждаться и тем, что расширительное и ограничительное толкование так же, как и толкование *contra legem*, являются результатом использования различных способов толкования. Эта мысль уже находила свое отражение в доктрине: «уяснение смысла нормы путем „ограничительного“ или „расширительного“ толкования в действительности всегда сводится либо к логическому, либо к систематическому или иным известным способам толкования (или к их сочетанию)» [20, с. 107].

4. Заключение. Гуманистическая основа современной юриспруденции определяет наше отношение к нормам позитивного права лишь как к средству, инструменту, а не как к самоценности. Рациональная же основа современной юриспруденции дает нам понимание того, что нормы позитивного права не могут быть совершенными в силу тех или иных ограничений, присущих объективной реальности и человеческой природе. В этой связи признание допустимости судебного толкования *contra legem* позволяет нивелировать недостатки позитивных предписаний при разрешении конкретных споров во имя разумности и справедливости.

Проведенный в статье анализ судебной практики показывает, что толкование *contra legem* является результатом применения различных способов толкования, предполагающих как работу с системным смыслом толкуемой нормы, так и обращение к целям нормы, условиям и практике ее применения, а также к юридическим

аналогиям. Достигаемый в процессе толкования результат, предполагающий вынесение решения против буквы закона, не укладывается в традиционную дихотомию расширительного и ограничительного толкования, поскольку может включать и иные варианты уточнения или корректировки его смысла (как, например, полное изменение смысла нормы).

Таким образом, толкование *contra legem* занимает свое место среди видов толкования «в зависимости от его результатов» наряду с буквальным, расширительным и ограничительным видами толкования.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комментарий к Конституции Российской Федерации. 4-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 333 с.
2. "Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)" от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022) // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О несостоятельности (банкротстве)» // www.consultant.ru
4. Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ по делам №А56-24071/2010 и №А03-10830/2010 // www.consultant.ru
5. Пункт 4 мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ от 15.04.2020 № 18-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго пункта 1 статьи 335 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.В. Тюрина» // www.consultant.ru
6. Решение Конституционного суда Германии по делу Люта // URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv007198.html> (дата обращения: 13.04.2022).
7. Решение Конституционного суда Германии 1973 г. по делу иранской принцессы Сорайи (Soraya) //URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv034269.html> (дата обращения: 13.04.2022)
8. *Аллахвердиев И.Г.* Сбалансированная модель толкования *contra legem*: попытка обоснования // Право и политика. – 2021. – № 12. – С. 69–88.
9. *Алекси Р.* Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / Р. Алекси. – Москва-Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. – 192 с.
10. *Васьковский Е.В.* Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Судебные уставы за 50 лет. СПб., 1914. С. 379–380 // Цит. по: Васьковский Е.В. Правотворческая деятельность новых судов в сфере процесса и права гражданского // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2017;(3):172–199.
11. *Викторова Э.Ю.* Толкование норм права в Англии и США: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 273 с.
12. *Дворкин Р.* О правах всерьез / пер. с англ.; ред. Л.Б. Макеева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 389 с.
13. *Залоило М.В., Малютин Н.С.* Толкование и конкретизация как универсальные формы эволюции права // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 4 (53). – С. 84–89.
14. *Зорькин В.Д.* Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 3–14.
15. *Карапетов А.Г. и др.* Комментарий к гражданскому законодательству #Глосса: Договорное и обязательственное право (Общая часть): постатейный комментарий к ст. 307–453 ГК РФ / Под ред. А.Г. Карапетова. – М., 2017. – 1120 с.

16. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
17. Маковская А.А. Незавершенная реформа норм Гражданского кодекса о вещных правах и ипотеке // Закон. – 2018. – № 12. – С. 53–62.
18. Манукян А.Г. Толкование норм права (виды, система, пределы действия): дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – 177 с.
19. Риггс против Палмера (Riggs v Palmer) // Решение Апелляционного суда Нью-Йорка в 1889 г. //URL: [https://www.humanities.mcmaster.ca/~walucho/3Q3/riggs_v%20 palmer.html](https://www.humanities.mcmaster.ca/~walucho/3Q3/riggs_v%20palmer.html) (дата обращения: 13.04.2022).
20. Российское гражданское право: Учебник: В 2 т. Т. I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотип. – М.: Статут, 2011. – 958 с.
21. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 521 с.
22. Хайек Ф.А. фон. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. – М.: ИРИСЭН, 2006. – 645 с.
23. Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 8. – С. 157–187.
24. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии государства и права. – М.: Гнозис, 1994. – 319 с.
25. Шмагин А. Основы немецкой методики толкования права // Вестник гражданского права. – М.: ООО "Издат. дом В. Ема", 2012. – Т. 12. – № 4. – С. 247–284
26. Brugger W. Legal Interpretation, Schools of Jurisprudence, and Anthropology: Some Remarks from a German Point of View. The American Journal of Comparative Law. Vol. 42, No. 2 (Spring, 1994), pp. 395–421 (27 pages), p. 401.
27. Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. Bd. II. Das Rechtsgeschäft. 3. Aufl. Berlin; Heidelberg; NY, 1979. S. 298–299 / Цит. по: Галин К.А., Жужжалов М.Б. Правила толкования общих условий заключения сделок в Германии // Свобода договора: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. – М.: Статут, 2016. – С. 246–352.

Для цитирования: Аллахвердиев И.Г. Толкование contra legem: место в системе видов толкования: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 40–48.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.003

INTERPRETATION OF CONTRA LEGEM: PLACE IN THE SYSTEM OF TYPES OF INTERPRETATION

Ibragim H. Allahverdiyev *

***Annotation.** The relevance of the undertaken study is due to the fact that the interpretation of contra legem is often used in the practice of courts, especially higher ones, but its theoretical aspects (legal nature, place in the system of types of interpretation, etc.) have not been studied enough. The author tries to fill this gap, since a broad scientific discussion regarding the interpretation of contra legem is necessary in order to determine its conditions, limits and methods of implementation. Thanks to the analysis of doctrinal sources and judicial practice (both Russian and foreign), the author came to the conclusion that the interpretation of contra*

---

* Allahverdiyev Ibragim Hussein oglu – graduate student of National Research University “Higher School of Economics” (“Law: Research Program”), lawyer at UBF Consulting LLC. E-mail: allahverdi.ib@gmail.com // ORCID: 0000-0001-7772-1082.

legem is not an independent method of interpretation, but is precisely the result of the application of various methods of interpretation. In this regard, it refers to modes of interpretation "depending on its results" along with literal, expansive and restrictive modes of interpretation. To resolve the issue of the place of interpretation of contra legem in the system of types of interpretation, the author relied on the system and terminology of V.V. Lazareva and S.V. Lipen.

Key words: *contra legem, types of interpretation, ways of interpretation, gap in law, judicial law-making, human rights, justice.*

1. Introduction. The interpretation of contra legem is an integral part of modern legal reality, which is due to three interrelated reasons. This is both a departure from the formal dogmatic ideas about law inherent in positivism and ignoring its axiological and teleological problems [14], and the complication of social interactions that require a more active role of the court, and finally, the general recognition of the immanent gap of the law.

In some of the most developed Western countries, the admissibility of contra legem interpretation is recognized not only at the level of doctrine. For example, R. Alexi writes that the German Constitutional Court in its rulings directly referred to the "Radbruch formula" [9, p. 34], according to which the law loses its significance in case of its excessive and obvious injustice.

In Russian law, the interpretation of contra legem can be justified from a formal legal point of view with reference to the provision of the Constitution of the Russian Federation on the direct effect of human rights and freedoms provided by justice (Article 18) [1]. This approach is also consistent with the repeatedly repeated position of the Constitutional Court of the Russian Federation, which requires the courts to follow such a variant of understanding and application of the norms, which excludes the possibility of infringement of human rights [5].

At the same time, when making a decision against the letter of the law, the court can rely not only on directly constitutional, but also on branch principles of law. This follows, in particular, from the logic of the decision of the Constitutional Court of Germany in the Luth case (the Constitutional Court of the Russian Federation called this decision "model"). In this case, the court recognized that the constitutional system of values, the center of which is a person and his dignity, extends to the norms of all branches of law, and the legal content of fundamental rights is revealed in branch norms [6]. That is why the approach seems to be correct, in which, among the functions of the private law principle of good faith, the function of "ethical and legal overcoming of the norms of positive law "contra legem"" is singled out [23, p. 166]. In fact, other industry principles also have this function.

Thus, if we do not consider ourselves legalists and believe that the norms of positive law are instrumental servants of justice and that they are valuable only to the extent that they allow us to achieve the objective goals of law in the form of observance and protection of human rights and freedoms, the admissibility of interpreting contra legem becomes obvious. This is all the more true if we proceed from the fact that interpretation is not only a means of understanding and clarifying the meaning of a positive norm, but also a means of improving it, adjusting and adapting to changing realities [25, p. 246], that is, the process of interpretation consists of three successive stages: the stages of clarification and clarification of the norm, which are mandatory, and the stage of development or correction of the norm, which is a possible, but not mandatory, stage of interpretation [13, p. 85].

Giving a positive answer to the philosophical and legal question of the admissibility of the interpretation of contra legem, it is worth concentrating on practice-oriented ques-

tions of a theoretical nature. Earlier, I discussed a balanced model of contra legem interpretation, the purpose of which is an attempt to combine the three most important legal values – justice, legality and certainty [8]. The subject of this article is mainly the thesis that states that the interpretation of contra legem is not an independent method of interpretation, but rather the result of an interpretation achieved through the use of various methods of interpretation, that is, it refers to the types of interpretation “depending on its results” (in the article, this term is deliberately used, and not the more familiar synonym “interpretation by volume”, since it is already in its semantic meaning).

2. Interpretation of contra legem as a type of interpretation. Before proceeding to the discussion of the main issue on the topic of the article, it is necessary to substantiate the following thesis: despite the fact that the interpretation of contra legem allows a significant deviation from the literal meaning of the law and actually leads to law-making results, from a theoretical point of view it is still more appropriate to consider it within the category of interpretation.

Firstly, the starting point in making a decision against the letter of the law in any case is the clarification of the meaning of the applicable norm through its textual reading. Moreover, this approach is characteristic not only of countries with a continental legal tradition. E.Yu. Viktorova, analyzing the doctrines of interpretation used in England and the USA, came to the conclusion that “the initial priority of interpretation is given to textual theory” [11, p. 192].

Secondly, when interpreting contra legem, the court still acts within the law. Making a decision against the letter of the law, the court is “not the creator of a new order, but a servant seeking to maintain the existing order and improve its functioning” [22, p. 138]. E.V. Vaskovsky wrote about it this way: “the court gets the opportunity to repair and complete the unfinished building of legislation, without the help of the legislator himself, but must adhere to the plan according to which it was erected, continuing the lines outlined by the legislator and supplementing the unfinished parts; he can create a new law, but not otherwise than by observing the old style, and not in the right to attach Romanesque vaults to the Gothic corps and paint it in Moorish taste” [10].

Thus, “the decision of the court is the continuation of the process of lawmaking, and not its beginning” [24, p. 92]. If the courts create new norms (here we mean not only the interpretation of contra legem, but judicial lawmaking in general), then this happens (should happen) only (i) as a result of the interpretation of the law, (ii) based on legal principles and established doctrines, (iii) in order to eliminate gaps and other defects. A good example is the history of the formation in Russia of the doctrine of protecting a bona fide pledgee, which was formed “in the image and likeness of the concept of a bona fide purchaser” [17, p. 57] and based on the principles of equality and good faith (we are talking about the decisions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in cases No. and 3 paragraph 2 article 335 of the Civil Code of the Russian Federation [2]).

3. Interpretation of contra legem as a result of using different ways (methods) of interpretation. In order to avoid terminological confusion, at the beginning of this section, we should briefly present the system that underlies the resolution of the issue of the place of interpretation of contra legem in the system of types of interpretation. Such a system of types of interpretation was described in the legal literature, including the well-known textbook by V.V. Lazareva and S.V. Lipen on the theory of state and law [21, p. 398].

As a rule, three types of interpretation are distinguished.

Theory of State and Law

---

1) The first type of interpretation is a type of interpretation by subjects, that is, depending on who interprets the norm.

2) The second type of interpretation consists of ways of interpretation. In this case, we are talking about how the norm is interpreted. Here, such methods as grammatical, systemic, teleological, etc. are usually distinguished.

3) The third type, usually referred to as "interpretation by volume", the authors refer to the results of the interpretation. It is customary to single out three results of interpretation: literal, expansive and restrictive [16, p. 427].

Based on this system of types of interpretation, it is necessary to propose the thesis according to which the interpretation of *contra legem* is not some special way of interpretation (along with grammatical, systemic, teleological, etc.), but precisely the result of interpretation (along with the literal, expansive and restrictive), achieved through the use of various methods of interpretation. Approximately the same was written by some German researchers. Thus, W. Brugger noted that "the courts use systemic and teleological interpretation to circumvent the literal meaning of the norm in cases where the result of the literal interpretation is considered by the judges as irrational or unfair" [26, p. 401], while V. Flume proceeded from the fact that the interpretation of *contra legem* is an "emergency version of a systemic interpretation" [27, p. 274].

The validity of the above thesis is confirmed by the analysis of judicial reasoning used both in well-known decisions of foreign courts and in modern Russian judicial practice. Let's take a look at a few judgments to see what interpretations the courts have resorted to when ruling against the letter of the law.

In the case of *Riggs v Palmer*, considered by the New York Court of Appeal in 1889 [19] and widely known thanks to R. Dvorkin [12, p. 47], there was a question about the admissibility of the inheritance of a person found guilty of the murder of the testator.

E. Palmer killed his grandfather in order to immediately inherit, because he doubted the possibility of receiving the property bequeathed to him (his grandfather was going to marry and could change his will). He was convicted of murder and served his sentence, but claimed his share of the inheritance. E. Palmer argued that the testator is dead, and the will was drawn up in the proper form, therefore, in accordance with the law, he has the right to the property bequeathed to him.

Judge R. Earl, who drafted the decision on behalf of the majority, noted that the rules governing the making and operation of wills, when taken literally, do grant the murderer the right to inherit. But then the judge turns to a teleological interpretation and points out that the legislator, regulating hereditary relations, never had and could not aim at giving advantages to the murderer. Legislators do not always accurately express their intention, so judges should proceed, among other things, from rational assumptions about the intention of the legislator. Referring to the works of F. Bacon, Aristotle and W. Blackstone and others, Judge Earl emphasizes that the letter of the law can sometimes be limited or expanded by considerations of justice, reasonableness and common sense.

All laws, the judge notes, are under the influence of general principles of law. One of them is the principle that no one has the right to receive an advantage fraudulently. This means that no one is allowed to benefit from the crime he has committed, and also to make claims based on his own wrongful act.

Judge Earle goes on to draw a kind of analogy of the law. He writes that if a criminal takes property from someone by force, he will not receive the title of owner; if a criminal by force or deceit compels him to make a will, the law will not allow him to take possession

of the property. The judge comes to the conclusion that if the law prohibits such illegal actions, then there are no grounds for encouraging the actions committed by E. Palmer.

Based on these arguments, the Court of Appeal overturned the decision of the lower court and forbade E. Palmer to inherit and obtain ownership of the property bequeathed to him.

In this case, the court openly stated that it ruled against the letter of the law by appealing to teleological interpretation and general legal principles (including reasoning about justice), as well as to the analogy of the law.

Another illustrative example is the famous decision of the Constitutional Court of Germany in 1973 in the case of the Iranian princess Soraya [7]. In this decision, the Constitutional Court supported the practice of the Supreme Court, which, contrary to the literal meaning of the provisions of the Civil Code, allowed in certain cases to recover monetary compensation for non-material damage caused to a citizen. The Constitutional Court recognized this practice as admissible for the following reasons.

Article 20 of the Basic Law establishes that justice is bound by "law and law". This means that the German legal order at the level of the constitution rejected positivism, recognizing that law is not identical with the totality of laws. In addition to the prescriptions of the state power, there are norms, the source of which is the basic constitutional values and principles. The Court pointed out that such principles can act as a "means of correction" of the norms of positive law. Thus, the task of justice is not only to follow the will of the legislator, but also to implement the value ideas inherent in the constitutional legal order. At the same time, the Constitutional Court draws attention to the fact that a judge must refrain from arbitrariness and fill in the gaps in accordance with the generally accepted ideas of society about justice and within the framework of common sense.

The Constitutional Court noted that technological and social development has led to such violations of the non-property rights of the individual, which the drafters of the Civil Code could not foresee. If the protection of human dignity is the main goal of the state, then the judge cannot be bound by an outdated decision of the legislature, which objectively could not have foreseen such a course of events. Since the legislative norm operates in the context of social conditions and socio-political views, the court should be given the opportunity to creatively develop the law in order to adapt the text of the law to real social relations.

In this decision, the Constitutional Court, in order to strengthen its arguments, referred to the doctrine, as well as to the experience of other European countries in regulating issues of monetary compensation for non-pecuniary damage. The court also emphasized that judges should not be formally law-abiding at the cost of making unfair decisions in specific cases in the hope that the legislator will eventually intervene and change an outdated rule.

Thus, the German Constitutional Court upheld the *con-tra legem* interpretation given by the Supreme Court, using systemic and teleological interpretations, as well as referring to legal analogies.

Similar approaches are used in Russian judicial practice.

As you know, Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation establishes a certain hierarchy of methods for interpreting the contract, in which priority is given to literal interpretation. The legislator unambiguously determined that "if the text of the contractual condition becomes obvious on the basis of its analysis from the point of view of the rules of the Russian (or other) language, the process of interpretation should end there, and the court applies the condition of the contract in such an interpretation" [2; 15, p. 936]. How-

ever, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation in paragraph 43 of the resolution of December 25, 2018 No. 49 “On some issues of application of the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the conclusion and interpretation of the contract” actually disavowed the primacy of the literal interpretation of the contract, modifying the disposition of Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation with the help of a systematic interpretation aimed at implementing the basic civil law principles.

In the first paragraph of paragraph 43 of the resolution, the Plenum established that the terms of the contract should be interpreted in a systematic relationship with the basic principles of civil law, directly referring to Art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation. This article, among other things, contains an indication of the principle of good faith, which allows for a value-oriented interpretation, while a literal interpretation involves the maximum suppression of the interpreter's value orientations.

In the second paragraph of clause 43, the Plenum pointed out that the literal interpretation of the contract is not taken into account if its other meaning follows from the business practice of the parties and other circumstances of the case.

In the third paragraph, referring to paragraph 4 of Art. 1 of the Civil Code of the Russian Federation, the Plenum forbade following a literal interpretation if it provides advantages to the unfair party to the contract. The Plenum also formulated one more reason that allows to depart from the literal interpretation of the contract – the interpretation of the contract should not lead to such an understanding of its terms, which the parties obviously could not have in mind. Here the principle of absurdity finds expression, which, although not enshrined in legislation, is well-established in doctrine and is implemented in the practice of higher courts (as one of the classic examples, researchers often refer to paragraph 3 of the Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 04.11.2002 No. 70).

By establishing these rules, obviously contrary to the literal meaning of Art. 431 of the Civil Code of the Russian Federation, the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation used a systematic method of interpretation. It can also be assumed that the Plenum took into account the goals of the law (teleological method of interpretation), as well as the conditions in which the norm being interpreted operated (functional method of interpretation).

The Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation, in ruling No. 306-ES16-3611 of October 12, 2016 in case No. A57-16992 / 2015, through the joint use of teleological and systemic methods of interpretation, corrected the meaning of the rule enshrined in par. 2 p. 2 art. 7 of the Federal Bankruptcy Law [3].

In accordance with par. 1 p. 2 art. 7 of the Federal Bankruptcy Law, the right to file an application for declaring a debtor bankrupt arises from the date of entry into force of a court decision on the collection of debt, adopted in a general lawsuit. The second paragraph of this paragraph makes an exception to this rule for credit institutions, establishing that they have the right to initiate bankruptcy proceedings without a court decision on debt collection that has entered into force [3].

In the case under consideration, a trading company, which is not a credit institution, applied to the court to declare the debtor under the loan agreement bankrupt. The trading company did not previously confirm its claim in a general lawsuit, believing that since this claim arose from a loan agreement and was acquired under an assignment agreement from a credit organization, it can be filed directly within the framework of bankruptcy proceedings. The lower courts left the application of the trading company without consideration,

based on the provision of par. 2 p. 2 art. 7 of the Federal Bankruptcy Law, since it does not have the status of a credit institution [3].

The collegium of the Supreme Court of the Russian Federation canceled the acts of lower courts, having come to the conclusion that in order to initiate bankruptcy proceedings in the manner of par. 2 p. 2 art. 7 of the Federal Bankruptcy Law, it is not the applicant's status as a credit institution that is of decisive importance, but the nature of the claim arising from the activities of credit institutions. The Board came to this conclusion, taking into account the fact that the legislator's goal was to provide benefits not to specific entities, but to certain types of claims, since a distinctive feature of the claims presented by credit institutions is that the process of proving them is simplified.

The Board also pointed out that the literal application of para. 2 p. 2 art. 7 of the Bankruptcy Law will provide unreasonable advantages to credit institutions, thereby violating the principle of equality. In addition, the Board referred to paragraph 1 of Art. 384 of the Civil Code of the Russian Federation (according to which the rights of the assignor (the seller of the debt) are transferred to the assignee to the extent and on the conditions that existed at the time of the transfer of rights) and clause 1 of Art. 819 of the Civil Code of the Russian Federation [2] (according to which one of the parties to the loan agreement is a credit institution), concluding that the requirements arising from the loan agreement are in any case subject to the disposition of par. 2 p. 2 art. 7 of the Federal Bankruptcy Law.

Thus, the above examples from foreign and domestic judicial practice show that the interpretation of *contra legem* is not a special way of interpretation, but is the result of an interpretation achieved by using various methods of interpretation. This in turn leads to the conclusion that the *contra legem* interpretation ranks among the kinds of interpretation "depending on its results" along with the literal, expansive and restrictive kinds of interpretation.

It is worth noting that a similar system was proposed by A.G. Manukyan, who singled out among the "types of interpretation of legal norms depending on its results", along with the literal, expansive and restrictive types, the corrective (correctional) type of interpretation [18, p. 102–119].

It can also be added that the validity of referring *contra legem* interpretation to types of interpretation "depending on its results" can also be confirmed by the fact that the broad and restrictive interpretation, as well as the *contra legem* interpretation, are the result of using different methods of interpretation. This idea has already been reflected in the doctrine: "clarification of the meaning of a norm by means of a 'restrictive' or 'expanding' interpretation in reality always comes down to either logical or systematic or other well-known methods of interpretation (or a combination of them)" [20, p. 107].

4. Conclusion. The humanistic basis of modern jurisprudence predetermines our attitude to the norms of positive law only as a means, a tool, and not as a value in itself. The rational basis of modern jurisprudence gives us an understanding that the norms of positive law cannot be perfect due to certain limitations inherent in objective reality and human nature. In this regard, the recognition of the admissibility of judicial interpretation of the *contra legem* makes it possible to level the shortcomings of positive prescriptions in resolving specific disputes in the name of reasonableness and justice.

The analysis of jurisprudence carried out in the article shows that the interpretation of *contra legem* is the result of applying various methods of interpretation, involving both work with the systemic meaning of the interpreted norm, and appeal to the objectives of the norm, the conditions and practice of its application, as well as to legal analogies. The

result achieved in the process of interpretation, which involves making a decision against the letter of the law, does not fit into the traditional dichotomy of broad and restrictive interpretation, since it may include other options for clarifying or correcting its meaning (such as a complete change in the meaning of the norm).

Thus, the *contra legem* interpretation takes its place among the kinds of interpretation "depending on its results" along with the literal, expansive and restrictive kinds of interpretation.

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru; Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 4th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2022. 333 p.
2. "Civil Code of the Russian Federation (Part One)" dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on February 25, 2022) // www.consultant.ru
3. Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002 (as amended on November 21, 2022) "On Insolvency (Bankruptcy)" // www.consultant.ru
4. Resolutions of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation in cases No. A56-24071/2010 and No. A03-10830/2010 // www.consultant.ru
5. Clause 4 of the motivational part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04/15/2020 No. 18-P "On the case of checking the constitutionality of paragraph 2 of clause 1 of Article 335 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen S.V. Tyurin // www.consultant.ru
6. Decision of the German Constitutional Court in the Luth case // URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv007198.html> (Accessed 13.04.2022).
7. Decision of the Constitutional Court of Germany in 1973 in the case of the Iranian princess Soraya // URL: <https://www.servat.unibe.ch/dfr/bv034269.html> (accessed 04/13/2022)
8. Allahverdiev I.G. A balanced model of *contra legem* interpretation: an attempt to substantiate // Law and Politics. 2021. No. 12. P. 69-88.
9. Aleksii R. The concept and validity of law (a response to legal positivism) / R. Aleksii. Moscow-Berlin: Infotopic Media, 2011. 192 p.
10. Vaskovskiy E.V. Law-making activity of new courts in the sphere of process and civil law // Judicial charters for 50 years. SPb., 1914. S. 379-380 // Tsit. by: Vaskovsky E.V. Law-making activity of new courts in the sphere of process and civil law // Bulletin of the O.E. Kutafin (MSUA). 2017;(3):172-199.
11. Viktorova E.Yu. Interpretation of the Rules of Law in England and the USA: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2019. 273 p.
12. Dvorkin R. Seriously about rights / trans. from English; ed. L.B. Makeev. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN), 2004. 389 p.
13. Zaloilo M.V., Malyutin N.S. Interpretation and concretization as universal forms of the evolution of law // Actual problems of Russian law. 2015. No. 4 (53). Pp. 84-89.
14. Zorkin V.D. Value Approach in the Constitutional Regulation of Rights and Freedoms // Journal of Russian Law. 2008. No. 12 (144). Pp. 3-14.
15. Karapetov A.G. and others. Commentary on civil law #Gloss: Contract and obligation law (General part): article-by-article commentary to Art. 307-453 of the Civil Code of the Russian Federation / Ed. A.G. Karapetova. Moscow, 2017. 1120 p.

16. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
17. Makovskaya A.A. Incomplete reform of the norms of the Civil Code on real rights and mortgage // Law. 2018. No. 12. P. 53–62.
18. Manukyan A.G. Interpretation of the norms of law (types, system, limits of action): Dis. ... cand. legal Sciences. SPb., 2006. 177 p.
- 19 Riggs v Palmer, 1889 New York Court of Appeal, URL: https://www.humanities.mcmaster.ca/~walucho/3Q3/riggs_v%20palmer.html (date of access: 04/13/2022).
20. Russian civil law: Textbook: In 2 vols. T. I: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights / Otv. ed. E.A. Sukhanov. 2nd ed., stereotype. Moscow: Statute, 2011. 958 p.
21. Theory of state and law: a textbook for academic undergraduate studies / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. 5th ed., rev. and additional Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 521 p.
22. Hayek F.A. background. Law, legislation and freedom: Modern understanding of the liberal principles of justice and politics. Moscow: IRISEN, 2006. 645 p.
23. Hesselink M.V. The principle of good faith // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2020. No. 8. P. 157–187.
24. Heffe O. Politics. Right. Justice. Fundamentals of the critical philosophy of state and law. Moscow: Gnosis, 1994. 319 p.
25. Shmagin A. Fundamentals of the German methodology for the interpretation of law // Bulletin of civil law. Moscow: LLC "Publishing House V. Ema", 2012. Vol. 12. No. 4. P. 247–284.
26. Brugger W. Legal Interpretation, Schools of Jurisprudence, and Anthropology: Some Remarks from a German Point of View. The American Journal of Comparative Law. Vol. 42, no. 2 (Spring, 1994), pp. 395–421 (27 pages), p. 401.
27. Flume W. Allgemeiner Teil des Bürgerlichen Rechts. bd. II. Das Rechtsgeschäft. 3. Aufl. Berlin; Heidelberg; NY, 1979. S. 298–299 / Cited. by: Galin K.A., Zhuzhzhhalov M.B. Rules for the interpretation of the general conditions for concluding transactions in Germany // Freedom of contract: a collection of articles / otv. ed. M.A. Rozhkov. Moscow: Statut, 2016, pp. 246–352.

For citation: Allahverdiev I.G. Interpretation of contra legem: place in the system of types of interpretation: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 48–56.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.003

Научная статья

УДК: 321.01

ББК: 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.004

О.В.Андрусенко *

О.Г.Селихова **

Н.В.Селихов ***

ПУТЬ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** В поисках пути развития российской государственности в статье поднимается проблема выбора мировоззренческого подхода, анализируются недостатки цивилизационно-формационных взглядов, обосновывается потребность науки в институциональном миропредставлении. Попутно анонсируется идея развития в России всеобщего гражданского самоуправления, способного вывести наше общество из политического кризиса, вызванного противостоянием базиса и надстройки государства. Переход российского народа к либертарному публично-правовому укладу позволит ему сохранить единство и целостность своей государственности, выстоять в противостоянии с Западом.*

***Ключевые слова:** цивилизация, формация, институция, народ, российская государственность.*

Введение. С тех пор, как человечество отказалось от теистических представлений об устройстве мира (в основе сущего лежит Божественное проявление) и обратилось к науке, его знания покоятся на наблюдениях, опыте и осмысленном воздействии на реальность. Цель науки – проверка гипотез о сущности фактов и явлений, причинно-следственных связей между ними с учётом философского осмысления и идеологического наполнения социального бытия. В этом контексте развитие любого государства оценивается в плоскости философской онтологии, политической теории и идеологической догмы. Вместе они задают исторический абрис государственно организованных народов, разносторонне характеризуют их общественную жизнь. Равным образом объяснение наукой настоящего и прогнозирование будущего превращается в обработку накопленного материала с позиции определённого миропредставления.

Сегодня в научном ходу три мировоззренческих подхода: цивилизационный, формационный и институционный.

Цивилизационный подход увязывает общественное развитие с эволюцией индивидуальных форм человеческой культуры (народов, государств, идей, языков, хозяйственных укладов, искусства и т.п.) [11, с. 37], создающих определённый куль-

---

* Андрусенко Ольга Владимировна, доцент кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: ms.andol@mail.ru.

** Селихова Ольга Геннадьевна, старший преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя, кандидат юридических наук. E-mail: og_selihova@mail.ru.

*** Селихов Николай Васильевич, независимый исследователь, кандидат юридических наук (Москва). E-mail: selihovnv@mail.ru.

турно-исторический тип бытия (*цивилизацию*). С.А. Комаров определяет в самом общем виде понятие «**цивилизация**» как социокультурную систему, включающую как социально-экономические условия жизнедеятельности общества, так и этнические, религиозные его основы, степень гармонизации человека и природы, а также уровень экономической, политической, социальной и духовной свободы личности. Цивилизация, ее ценности влияют не только на социальную, но и на государственную организацию общества [3, с. 150].

Формационный взгляд сосредоточился на историческом и диалектическом материализме, пытаясь доказать закономерность перехода общества от одного социально-экономический уклада к другому, более развитому. Для него *форма* представлена историческим единством *базиса* (производительных сил и производственных отношений) и *политической надстройки* (политических, правовых, духовно-культурных и иных отношений, форм общественного сознания, органов и институтов власти).

И, наконец, *институциональное* воззрение объясняет историю человечества рациональной сменой публично-правовых укладов (*институций*), для которых свойственны своя социальная стратификация (форма самоопределения) и публичное управление (способ самоорганизации) политического общества. Так сословная институция управлялась наследственным политическим представительство (монаршей властью); классовый уклад существовал благодаря выборной политической надстройке (парламентаризму); либертарное сообщество стремится к гражданскому соуправлению.

У каждого из подходов своё объяснение эволюции политического общества, а значит, использование столь разных представлений в прогнозах о развитии современной России даст совершенно несовпадающие результаты. Потому весьма сложно получить «метафизически» чистый ответ не только на вопрос о том, что ждёт нашу страну в среднесрочной и долгосрочной перспективе, но и предложить единственно верный алгоритм сохранения нашего государства. Всякое мнение будет подвергаться нападкам оппонентов в створе философских онтологий, теоретических посылов и идеологий. Тем не менее в прогнозах исторических событий каждому из нас всё же придётся опереться на одну из вышеупомянутых систем мировосприятия в надежде максимально учесть закономерности происходящего в наиболее достоверной форме. От того, как отечественная наука решит эту задачу, зависит будущее российской государственности.

Эта статья предлагает свой вариант научного прогноза будущего России, свою рациональность (путь развития нашей государственности), развёрнутую на базе институционального подхода. Как нам представляется, в условиях войны, объявленной России западным миром, научной и политической среде стоит присмотреться к нему более внимательно, оценив его достоинства в сравнении с другими подходами мировоззренческого калейдоскопа.

Мировоззренческий калейдоскоп и выбор вектора национального развития. В идеалистическом плане существование народа воспроизводится в политической, экономической и социально-культурной сферах. Российский народ не является исключением, потому мировоззренческие подходы привычно оценивают его историческую реальность и перспективу, исследуя типы политической и экономической организации жизни общества, его идеологическую и духовную основу. При этом следует сразу оговориться, что современное сознание российского народа мировоз-

зренчески ближе к представлениям Запада, нежели придерживается собственного или восточного уклона. И дело не в интеллектуальной пассивности россиян. Исторически сложилось так, что со времён Петра I наша государственность с излишним упорством строилась по западным лекалам. Для западноевропейских народов мы хотели стать своими, подражая в обустройстве власти, в законотворчестве, в экономической сфере и в военном деле, однако, как не старалась, Россия каждый раз обретала своё национально неповторимое лицо.

Сегодня эта особенность российского сознания не только по-своему влияет на мировоззренческие прогнозы, но помогает нам по-иному взглянуть на выбор национального пути развития. Прямые заимствования зарубежного опыта должны быть оставлены в прошлом по той причине, что векторы развития у большинства народов часто не совпадают. Нужна ли нам в этой связи собственная цивилизация или более развитая формация? Сомнительно.

Цивилизационный аспект. Зададимся вопросом: является ли современная Россия плодом развития русской цивилизации? Отнюдь, нет. Сегодня ни политически, ни экономически, ни в социально-культурном плане мы не выделяемся среди западных народов. Из повседневной жизни исчезли остатки соборности, патриархальной общинности, публичной этнографической стратификации. Русская государственность превратилась в российскую, национальная идея обрела наднациональную форму, а русский и российский народы соотносятся как родовое и видовое понятие. Политические идеи, хозяйственные уклады, право, наука стали нашим всеобщим достоянием, а национальные языки и искусство сохранились лишь в качестве проявления культурного многообразия. Столь общая оценка объективна, в ней просматривается историческая закономерность: смешение народов в границах общего государства неизбежно приведёт либо к возникновению единого культурно-исторического типа бытия (цивилизации), либо к обособлению народов в собственных государственных образованиях.

Перед нами научно-исторический факт: к 1991 году советский народ как единая историческая общность не смог сформировать на уровне общественного сознания единый культурно-исторический код, в результате чего распался на ряд национальностей с собственными государствами. Социалистическая цивилизация не состоялась.

Возможно ли на этом историческом фоне возрождение русской цивилизации в чистом виде? И тут ответ отрицателен. Идея воссоздания государства титульного народа заведомо обретает окрас шовинизма и расколет многонациональное российское общество. В этом случае соборность русского народа войдёт в прямое противоречие с признанным равноправием народов и создаст условия для национального размежевания. Нужно помнить, что советское общество заместило идею классической русской цивилизации (русского мира) интернациональной идеей (братства народов), потому перенастроить вспять общественное сознание уже невозможно. По той же причине несостоятельна мысль и о некоей новой русско-российской цивилизации. В культурный код российского народа вжились западноевропейские ценности, которые не дают принять нашей государственной идентичности самостоятельную цивилизационную форму.

Остаётся понять, можно ли спрогнозировать дальнейшую цивилизационную эволюцию России? Эта задача невыполнима по объективной причине: цивилизационный подход склонен к историцизму, суть которого в непредсказуемости дальней-

ших исторических событий [5, с. 37–41]. Нам остаётся лишь ждать и наблюдать за происходящим в реальном времени, вести поиск закономерностей в состоявшихся фактах. Получается, что мы не можем рационально воздействовать на цивилизационное развитие, оно идёт своим ходом независимо от наших желаний. Рационализм и цивилизация не совместимы в принципе.

Между тем, следует заметить, что западно-европейская цивилизация пребывает в схожем состоянии. В XIX–XX вв. идея построения национальных государств потерпела крах вместе с разрушением культурного кода западных народов, они поддались мультикультурности, веротерпимости и гипертрофированному либерализму, а потому прекратили существование как единое целое. В том неотвратимом историческом действии О.Шпенглер справедливо увидел закат Европы, которая, отказавшись от национальной культуры, обратилась к безликому глобализму. Прежняя западная цивилизация исчезла, на её развалинах возникает новая, ещё до конца не понятая нами социокультурная среда. Нужно ли нам поступаться национальной самобытностью в необдуманном стремлении повторить судьбу Европы, признать ценность того, что вызывает в нас культурное отвращение?

Сегодня можно с уверенностью сказать, что поиск цивилизационных оснований нашей государственности как внутри России, так и за её пределами, напрасен. Нельзя выстраивать политическую программу на том, что уже опробовано и отброшено общественным сознанием или ещё им не принято. Цивилизационное мировоззрение даёт нам возможность мысленно коснуться истории народа, но не предугадать или предопределить его будущее. Оно есть инструмент ретроспективной оценки и мерило настоящего. Не более того. Цивилизация как застывшая в развитии культура не способна двигаться дальше и просто угасает [12, с. 38–39]. Классическую русскую цивилизацию растворил в себе интернационализм социалистической фазы развития общества. Распад последней вовсе не означает воскрешение прежнего цивилизационного цикла. Теперь русская культура развивается как часть общероссийской многонациональной культуры. Достигнет ли она когда-либо формы завершённой цивилизации, неизвестно, рационально влиять на культуру мы не можем, но знаем наверняка о её предопределённой судьбе.

Формационный аспект. Он актуален лишь для того, кто продолжает вглядываться в историю человечества глазами К. Маркса. И если в современной России марксизм ещё вспоминают, то в Западной Европе и в большинстве стран Востока он так и не стал всеобщим мировоззренческим основанием.

Начнём с того, что немецкая классическая философия как ось европейского мышления завершилась идеей представительной монархии [1], а следовавшая за ней современная западноевропейская философия ограничилась представительной демократией (парламентаризмом), идеями индивидуализма и функционализма. Классовая борьба и движение к коммунистическому обществу вне государства и права её не интересовали. Европейскую науку более волновало сохранение социальной иерархии посредством идей правового и социального государства. Потому для неё развитие любой государственности в формационном смысле завершилось в его высшей форме – в буржуазном государстве, облик которого теперь лишь ситуативно меняется в противостоянии гражданского общества и системы органов власти.

События в России XX в. протекали ровно наоборот. Поддержанные социалистической теорией идеи коммунизма превратились в программу построения государства нового типа – советского государства. Оно существовало вплоть до того мо-

мента, пока с распадом СССР формационное мировоззрение не потерпело крушение. Стало понятно, что построение коммунистического общества невозможно. Общественное сознание советского народа к тому оказалось не готово, он хоть и утратил классово-антогонистическую структуру, но до конца не избавился от пережитков европейского материализма (тяги к собственности, к пропорциональному распределению общественного продукта по личному участию).

Восток в лице крупнейшей азиатской державы – Китая, некогда присмотревшийся к формационному развитию, сумел переориентировать общественное сознание с идиллии коммунистического общества на вполне прагматичную конструкцию социализма с капиталистическим лицом. Симбиоз широкого участия масс в управлении общественными делами через однопартийную систему и построение чисто капиталистического хозяйственного уклада благотворно сказался на материальном благосостоянии китайского народа, но окончательно изменил его сознание. Материальное благополучие и личный успех отдельного гражданина затмил идею коммунистического сообщества с его общенародной собственностью. О ней теперь предпочитают умалчивать, так же как и о построении коммунизма.

Таким образом, можно утверждать, что Запад, Восток и современная Россия живут примерно одним мировоззрением, равно далёким как от цивилизационных, так и от формационных представлений. Схожие ценности, общие хозяйственные уклады, взаимопроникновение культур, сближают большинство государств современности. В этом смысле всё труднее отыскать в исторической фактуре закономерные нюансы, раскрывающие особый путь развития России, научно просчитать её перспективы.

Единственным средством осмысления современной идентичности российской государственности на онтологическом, теоретическом и идеологическом уровнях остается *институциональное* мировоззрение. Хотя оно также воспринимает историю человечества во всеобщем масштабе и не может восприниматься исключительно русским рецептом, его пригодность в поиске национального пути развития России очевидна. Постклассовая Россия нуждается в новом способе самоорганизации, который и поможет ей не только укрепить свою государственность, но и выжить в противостоянии с Западом.

Данный вывод вытекает из институционального анализа исторического развития нашей страны.

Во-первых, эволюция нашего государства повторила закономерное движение западных народов от патриархального публично-правового уклада к сословному, а затем и к классовому. С разрушением сословно-классовых перегородок и переходом российского общества к постклассовому состоянию, завершился процесс его самоопределения. Появилось *либертарное сообщество* (общность формально равных в политических возможностях граждан), для которого любое неравенство воспринимается атавизмом прошлого, подлежащим искоренению.

Во-вторых, как и западные народы, мы последовательно апробировали едиличные и коллективные формы правления политического представительства (патриархат, сословную монархию и парламентаризм). В итоге, Россия, как и Запад, оказались в общем политическом кризисе, связанным с отторжением базисом (народом) своей политической надстройки (выборного представительства). Разлад между ними случился на почве представлений об общественном благе. Осознанная потребность народа во всеобщем равенстве политических возможностей граждан

столкнулась с полновластием надстройки. То, что некогда считалось нормой политического общежития, теперь вошло в конфликт с общественным сознанием. Социальное неравенство, культивируемое надстройкой в оправдание факта своего существования, превратилось в повсеместную проблему, подлежащую скорейшему решению. Устранить антагонизмы базиса и надстройки привычными полумерами (совершенствованием избирательного права, государственного механизма и отдельных публичных институтов) уже не удаётся. В изменившихся исторических условиях отношения между ними должны выстраиваться на принципиально иной основе, принять новые формы. Народ, который первым определится с новым способом самоорганизации, не только устранит противоречия со своей надстройкой, восстановит своё единство и получит шанс на национальное выживание, но и станет признанным законодателем новой политической культуры.

Учитывая, что возврат общества в сословно-классовое состояние диалектически невозможен, нам придётся переосмыслить социальную самоорганизацию, отвлечься от апробированных представительных форм и заняться поиском иных перспективных форматов правления. Такой шаг вовсе не означает ликвидации общественной надстройки, ведь без неё существование государства невозможно, но позволит привести наше общество к совершенно новому публично-правовому укладу, к созданию условий совместного существования людей, свободных и равных в политических возможностях. В этом качестве государство, ныне отождествляемое исключительно с политической надстройкой, превратится из машины социального подавления в форму политической организации общества, существующую во всеобщих интересах.

Перспективы российской государственности. В контексте институционального мировосприятия перспективы развития России могут представляться только диалектически, но не с позиции историцизма. Диалектика предполагает поступательное развитие явлений от простых форм и состояний к более сложным. В этом процессе социальный мир периодически снимает накопившиеся противоречия, порождает для себя новые смыслы и формы человеческого бытия.

История подмечает, что основу жизнеспособности любого политического общества неизменно закладывает идея народовластия. Её смысл в том, что *всякая власть исходит от народа*. Само же народовластие как общая форма социального управления исторически оправдана. Из чего следует, что каждому этапу развития общественного сознания соответствует своя форма народовластия (представительное правление или народное самоуправление). Однако для науки важна не только форма народовластия, но и её исторический смысл, понимание необходимости.

Анализируя формы народовластия в определённых исторических условиях, наука приходит к выводам об их непротиворечивости общественному сознанию на уровне причинно-следственных связей. Зависимость тут проста: если закреплённая правом и эмпирически опосредованная в публично-правовом укладе форма народовластия поддержана общественным сознанием, то народ пребывает в согласии с политическим представительством. При этом *государственность как устойчивое политическое состояние общества, характеризуемое непротиворечивостью отношений между базисом и надстройкой*, стабильна и предсказуема. Как только базис и надстройка вступают в неразрешимые противоречия, государственность впадает в турбулентное состояние, которое, как показала история, неизменно стабилизируется институциональным переходом. Нечто похожее предлагают цивилизационный и формационный подходы, но их прогнозы существенно разнятся. В частности,

внутренние противоречия цивилизации эволюционно разрешаются в её гибели, в появлении нового культурно-исторического типа бытия. Формационные противоречия разрешаются революционным путём, приводят общество к новому общественно-экономическому укладу.

Для институционального перехода приемлем как эволюционный, так и революционный путь. Публично-правовой уклад меняется как через молниеносное разрушение, так и устанавливается надстройкой государства сверху (октроированный уклад). И то и другое России известно, она прошла через реформы и революции. Теперь нам важнее понять, что ждёт российский народ в средне- и долгосрочной перспективе. Ситуация сегодня примерно такова.

Научное сообщество отмечает деформацию общественного сознания [8, с. 3–15], кризис национального самопознания и неудовлетворенность граждан конституционным строем [2, с. 10–15], всерьёз обсуждает право на восстание [5, с. 65–72], современное протестное движение [10] и новые общественные коммуникации [4]. При этом главной причиной столь негативных тенденций единодушно называется *растущее социальное неравенство*, которое всё сильнее ограничивает свободу индивида. Такое положение считается несправедливым. В конкретике оно проявляется в растущем налоговом бремени, в непопулярных пенсионных реформах, в слабой поддержке малоимущих, в нормативной заурегулированности житейских ситуаций (деятельности учителей, врачей, пользователей транспорта и т.п.), в гиперкоррупции и пр. Всё это поднимает градус неприятия общественным сознанием современной модели представительного правления. Можно сказать, что российское общество пребывает в фазе разрешения противоречий базиса и надстройки. Если коротко, то налицо противостояние российского народа и системы публичной власти.

Трудно просчитать, как разрешится зреющий конфликт, уступит ли надстройка напору базиса или будет удерживать его силой. Понятно одно, бесконечно долго такой дисбаланс существовать не может. В какой-то момент он разрешится эволюционно или революционно. Для российской государственности желателен первый вариант.

Институциональный переход предлагает решить проблему поиска новой модели народовластия мирным путём, на основе анализа общественных интересов и потребностей, используя народное самоуправление как противовес правлению выборного политического представительства. Данный подход способен успокоить общественное сознание, погасить разгоревшийся конфликт базиса и надстройки. Вот только прежние сословно-классовые формы общественного самоуправления тут не пригодны. Сословная, партийно-классовая и территориальная самоорганизация граждан лишены всеобщности, а потому не подходят постклассовому обществу в качестве основного средства политического преобразования. Современная форма народного самоуправления должна быть *всеобщей*, охватить весь народ.

Всеобщность самоуправления исходит не столько из принципа формального равноправия российских граждан, сколько из осознанного равенства их личных политических возможностей. Можно иметь формальное право, но не иметь реальной возможности его реализовать. Дисбаланс между формальным правом и реальной возможностью есть причина современного неравенства, камень преткновения между базисом и надстройкой государства.

Выход из сложившейся ситуации на поверхности. Надстройке нужно следовать настроениям общественного сознания, но не обострять конфликт с базисом.

В том проявляется рациональность мирного институционального перехода в России. Общественное сознание чётко обозначило надстройке свои потребности: *прямая политическая коммуникация граждан и непосредственное участие каждого в правлении общественными делами*. В них прослеживаются современные представления общества о свободе, равенстве и справедливости, ими наполняется всеобщая форма народного самоуправления – *соуправление граждан* [7, с. 202–228]. Новая российская государственность нуждается в ином принципе политического управления, который незнаком ни европейским народам, ни Востоку. *Народный демократизм* станет сутью всеобщего гражданского соуправления, для которого основанием верховной власти станет суверенная воля народа, конституционно закреплённая в коллективном мнении и действиях большинства граждан, непосредственно определяющих политический быт своего государства.

В итоге мы получим принципиально новый политический режим, в котором самоорганизация политического общества развернётся в праве российского народа утверждать и постановлять законы и управленческие решения, затрагивающие интересы большинства [8, с. 193–202]. Жизнеспособность предложенных механизмов всеобщей легитимации и правовой декларации общественных интересов в принимаемых гражданами декретах не вызывает сомнений. В условиях цифрового технико-технологического уклада воля народа из метафизической сущности превращается в реальность, в статистически опосредованное мнение большинства граждан, а референдум и иные формы всеобщего волеизъявления становятся действенным средством ограничения произвола надстройки и борьбы с социальным неравенством. Современный конфликт между базисом и представительством может быть решён лишь на условиях обретения реального политического веса мнения каждого человека, всеобщего паритета прав и возможностей граждан в управлении делами государства, гармонии полновластия российского народа и индивидуальной свободы его представителей.

В **заключении** хотелось бы повторить, что поиск Россией цивилизационной и формационной канвы в современных условиях бесперспективен. Сознание российского народа должно наполниться новыми сущностями, теоретическими и идеологическими выкладками.

Потеря времени грозит потерей нашей государственности. Движение к либертарному публично-правовому укладу (политическому общежитию, основанному на всеобщем гражданском соуправлении) есть единственный путь к примирению российского базиса со своей надстройкой. Только единый российский народ способен выстоять в войне с Западом, сохранить свою национальную идентичность и первым совершить переход от представительско-демократической республики к республике *народно-демократической*.

Библиографический список

1. Гегель Г. Философия права. – М.: Издательство «Мысль», 1990. – 524 с.
2. Дудко И.Г. Особенности Российской бюрократии / Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сб. научн. тр. – Вып. 2. – Нижний Новгород: ООО «Растр», НИУ ВШЭ – Нижний Новгород, 2015. – С. 10–15.
3. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для бакалавриата и магистратуры / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с. – (Серия : Бакалавр и магистр. Академический курс).

4. Коммуникация в современном мире: теория и практика. – Новосибирск: Издательство АНС «СибАК», 2017. – 196 с.
5. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. Том I. Чары Платона. – М.: Международный фонд «КУЛЬТУРНАЯ ИНИЦИАТИВА» SOROS FOUNDATION (USA), 1992. – 437 с.
6. *Романовский Г.Б.* Право на восстание и «цветные революции» в современном мире // Российский журнал правовых исследований. – 2016. – № 1. – С. 65–72.
7. *Селихов Н.В., Курмаев Р.М.* Институционный подход к пониманию государства // Теория государства и права. – 2022. – № 3. – С. 202–228.
8. *Селихов Н.В.* Институционный подход, политический универсум и общественное сознание: новый взгляд на идентичность современной России // KANT. – 2021. – № 4. – С. 193–202.
9. *Тощенко Ж.Т.* Метаморфозы современного общественного сознания: методологические основы социологического анализа // Социологические исследования. – 2001. – № 6. – С. 3–15.
10. *Хохлова О.М.* Протестное движение в современном российском обществе (с учетом региональных особенностей). – Красноярск: СФУ, 2013. – 135 с.
11. *Шпенглер О.* Закат Европы. – Ростов-на-Дону: Издательство «Феникс», 1998. – 640 с.
12. *Шпенглер О.* Пруссачество и социализм. – М.: Праксис, 2002. – 240 с.

Для цитирования: Андрусенко О.В., Селихова О.Г., Селихов Н.В. Путь развития современной России: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 57–65.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.004

THE PATH OF DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIA

Olga V. Andrusenko *

Olga G. Selikhova **

Nikolai V. Selikhov ***

Annotation. *In search of a way for the development of the Russian statehood, the article raises the problem of choosing a worldview approach, analyzes the shortcomings of civilizational-formational views, substantiates the need for science in an institutional worldview. Along the way, the idea of development in Russia of universal civil co-government is announced, capable of leading our society out of the political crisis caused by the confrontation between the basis and superstructure of the state. The transition of the Russian people to a libertarian public legal system will allow them to maintain the unity and integrity of their statehood, to withstand the confrontation with the West.*

Key words: *civilization, formation, institution, people, Russian statehood.*

Introduction. Since humanity abandoned theistic ideas about the structure of the world (the basis of existence is the Divine manifestation) and turned to science, its knowledge has been based on observations, experience and meaningful impact on reality. The

---

* *Andrusenko Olga Vladimirovna*, Associate Professor of the Department of History of State and Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovleva, candidate of legal sciences, associate professor. E-mail: ms.andol@mail.ru.

** *Selikhova Olga Gennadievna*, Senior Lecturer of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya.Kikot, Candidate of Law. E-mail: og_selikhova@mail.ru.

*** *Selikhov Nikolai Vasilyevich*, independent researcher, candidate of legal sciences (Moscow). E-mail: selihovnv@mail.ru.

purpose of science is to test hypotheses about the essence of facts and phenomena, the cause-and-effect relationships between them, taking into account the philosophical understanding and ideological content of social life. In this context, the development of any state is assessed in terms of philosophical ontology, political theory and ideological dogma. Together they set the historical outline of the state-organized peoples, versatile characterize their social life. In the same way, the explanation of the present by science and the prediction of the future turns into the processing of the accumulated material from the standpoint of a certain worldview.

Today there are three ideological approaches in the scientific course: civilizational, formational and institutional.

The civilizational approach links social development with the evolution of individual forms of human culture (peoples, states, ideas, languages, economic structures, art, etc.) [11, p. 37], creating a certain cultural and historical type of being (civilization). S.A. Komarov defines in the most general terms the concept of "civilization" as a socio-cultural system that includes both the socio-economic conditions of society, and its ethnic, religious foundations, the degree of harmonization of man and nature, as well as the level of economic, political, social and spiritual freedom of the individual. Civilization, its values affect not only the social, but also the state organization of society [3, p. 150].

The formational view focused on historical and dialectical materialism, trying to prove the regularity of the transition of society from one socio-economic structure to another, more developed one. For him, the formation is represented by the historical unity of the basis (productive forces and production relations) and the political superstructure (political, legal, spiritual, cultural and other relations, forms of public consciousness, bodies and institutions of power).

And, finally, the institutional view explains the history of mankind by a rational change of public legal structures (institutions), which are characterized by their own social stratification (a form of self-determination) and public administration (a way of self-organization) of a political society. So the estate institution was controlled by hereditary political representation (monarchy); the class structure existed thanks to the elective political superstructure (parliamentarism); the libertarian community seeks civil co-governance.

Each of the approaches has its own explanation of the evolution of political society, which means that the use of such different ideas in forecasts about the development of modern Russia will give completely different results. Therefore, it is very difficult to get a "metaphysically" clean answer not only to the question of what awaits our country in the medium and long term, but also to offer the only correct algorithm for preserving our state. Any opinion will be attacked by opponents in the alignment of philosophical ontologies, theoretical messages and ideologies. Nevertheless, in forecasting historical events, each of us will still have to rely on one of the above-mentioned worldview systems in the hope of taking into account the patterns of what is happening in the most reliable form. The future of Russian statehood depends on how domestic science solves this problem.

This article offers its own version of the scientific forecast of the future of Russia, its own rationality (the path of development of our statehood), deployed on the basis of an institutional approach. It seems to us that in the conditions of the war declared on Russia by the Western world, the scientific and political environment should take a closer look at it, evaluating its merits in comparison with other approaches of the worldview kaleidoscope.

Worldview kaleidoscope and the choice of the vector of national development. Idealistically, the existence of the people is reproduced in the political, economic and socio-

cultural spheres. The Russian people are no exception, because worldview approaches habitually assess its historical reality and perspective, exploring the types of political and economic organization of society, its ideological and spiritual basis. At the same time, it should immediately be noted that the modern consciousness of the Russian people is ideologically closer to the ideas of the West, rather than adheres to its own or Eastern bias. And it's not the intellectual passivity of the Russians. Historically, since the time of Peter I, our statehood has been built according to Western patterns with excessive persistence. For the Western European peoples, we wanted to become our own, imitating in the arrangement of power, in lawmaking, in the economic sphere and in military affairs, however, no matter how hard we tried, Russia each time acquired its own nationally unique face.

Today, this feature of the Russian consciousness not only influences world outlook forecasts in its own way, but helps us to take a different look at the choice of the national path of development. Direct borrowing of foreign experience should be left in the past for the reason that the development vectors of most peoples often do not coincide. Do we need our own civilization or a more developed formation in this regard? Doubtful.

Civilization aspect. Let us ask ourselves a question: is modern Russia the fruit of the development of Russian civilization? By no means, no. Today, neither politically, nor economically, nor socially and culturally, we stand out among the Western nations. Remnants of catholicity, patriarchal communality, and public ethnographic stratification have disappeared from everyday life. Russian statehood has become Russian, the national idea has acquired a supranational form, and the Russian and Russian peoples are related as a generic and specific concept. Political ideas, economic structures, law, science have become our common property, while national languages and art have been preserved only as a manifestation of cultural diversity. Such a general assessment is objective, it shows a historical pattern: the mixing of peoples within the boundaries of a common state will inevitably lead either to the emergence of a single cultural and historical type of being (civilization), or to the isolation of peoples in their own state formations.

Before us is a scientific and historical fact: by 1991, the Soviet people, as a single historical community, could not form a single cultural and historical code at the level of public consciousness, as a result of which it disintegrated into a number of nationalities with their own states. Socialist civilization did not take place.

Is it possible against this historical background, the revival of Russian civilization in its purest form? And here the answer is no. The idea of recreating the state of the titular people will certainly take on the color of chauvinism and will split the multinational Russian society. In this case, the sobornost of the Russian people will come into direct conflict with the recognized equality of peoples and will create conditions for national demarcation. It must be remembered that Soviet society replaced the idea of classical Russian civilization (the Russian world) with an international idea (brotherhood of peoples), so it is no longer possible to reconfigure public consciousness. For the same reason, the idea of some new Russian-Russian civilization is also untenable. Western European values have taken root in the cultural code of the Russian people, which do not allow our state identity to take on an independent civilizational form.

It remains to be understood whether it is possible to predict the further civilizational evolution of Russia? This task is impossible for an objective reason: the civilizational approach is prone to historicism, the essence of which is the unpredictability of further historical events [5, p. 37–41]. We can only wait and observe what is happening in real time, to search for patterns in the facts that have taken place. It turns out that we cannot ration-

ally influence civilizational development, it goes on its own regardless of our desires. Rationalism and civilization are incompatible in principle.

Meanwhile, it should be noted that Western European civilization is in a similar state. In the XIX-XX centuries. the idea of building nation states collapsed along with the destruction of the cultural code of Western peoples, they succumbed to multiculturalism, religious tolerance and hypertrophied liberalism, and therefore ceased to exist as a whole. O. Spengler rightly saw the decline of Europe in that inevitable historical action, which, having abandoned national culture, turned to faceless globalism. The former Western civilization has disappeared, on its ruins a new socio-cultural environment, not yet fully understood by us, is emerging. Do we need to give up our national identity in an unthinking desire to repeat the fate of Europe, to recognize the value of what causes cultural disgust in us?

Today we can say with confidence that the search for the civilizational foundations of our statehood, both within Russia and abroad, is in vain. It is impossible to build a political program on what has already been tested and discarded by the public consciousness or has not yet been accepted by it. The civilizational worldview gives us the opportunity to mentally touch on the history of the people, but not to predict or predetermine its future. It is an instrument of retrospective evaluation and a measure of the present. No more. Civilization as a culture frozen in development is not able to move on and simply fades away [12, p. 38–39]. Classical Russian civilization was dissolved in itself by the internationalism of the socialist phase of the development of society. The collapse of the latter does not at all mean the resurrection of the previous civilizational cycle. Now Russian culture is developing as part of the all-Russian multinational culture. Whether it will ever reach the form of a complete civilization is unknown, we cannot rationally influence culture, but we know for sure about its predetermined fate.

Formative aspect. It is relevant only for those who continue to peer into the history of mankind through the eyes of K. Marx. And if Marxism is still remembered in modern Russia, then in Western Europe and in most countries of the East it has not become a universal worldview basis.

Let's start with the fact that German classical philosophy, as the axis of European thinking, ended with the idea of a representative monarchy [1], and the modern Western European philosophy that followed it was limited to representative democracy (parliamentarism), the ideas of individualism and functionalism. The class struggle and the movement towards a communist society outside the state and law did not interest her. European science was more concerned with the preservation of social hierarchy through the ideas of a legal and social state. Therefore, for it, the development of any statehood in the formative sense has ended in its highest form – in the bourgeois state, the appearance of which is now only situationally changing in the confrontation between civil society and the system of government.

Events in Russia of the XX century. proceeded exactly the opposite. The ideas of communism, supported by socialist theory, turned into a program for building a new type of state – the Soviet state. It existed until the moment when, with the collapse of the USSR, the formational worldview did not crash. It became clear that building a communist society was impossible. The public consciousness of the Soviet people was not ready for this, although they lost their class-antagonistic structure, they did not completely get rid of the remnants of European materialism (the craving for property, for the proportional distribution of the social product according to personal participation).

The East, represented by the largest Asian power – China, which once looked closely at formational development, managed to reorient public consciousness from the idyll of

Theory of State and Law

---

a communist society to a completely pragmatic construction of socialism with a capitalist face. The symbiosis of the broad participation of the masses in the management of public affairs through a one-party system and the construction of a purely capitalist economic structure had a beneficial effect on the material well-being of the Chinese people, but finally changed their consciousness. The material well-being and personal success of an individual citizen overshadowed the idea of a communist community with its public property. Now they prefer to keep silent about it, as well as about building communism.

Thus, it can be argued that the West, the East and modern Russia live approximately the same worldview, equally far from both civilizational and formational ideas. Similar values, common economic structures, interpenetration of cultures bring together most of the states of our time. In this sense, it is becoming increasingly difficult to find regular nuances in the historical texture that reveal the special path of Russia's development, to scientifically calculate its prospects.

The only means of comprehending the modern identity of the Russian statehood at the ontological, theoretical and ideological levels remains the institutional worldview. Although it also perceives the history of mankind on a universal scale and cannot be perceived as an exclusively Russian recipe, its suitability in the search for a national path for Russia's development is obvious. Post-class Russia needs a new way of self-organization, which will help it not only strengthen its statehood, but also survive in the confrontation with the West.

This conclusion follows from the institutional analysis of the historical development of our country.

Firstly, the evolution of our state repeated the natural movement of Western peoples from the patriarchal public legal order to the estate, and then to the class. With the destruction of estate-class partitions and the transition of Russian society to a post-class state, the process of its self-determination was completed. A libertarian community has emerged (a community of citizens formally equal in political opportunities), for which any inequality is perceived as an atavism of the past, to be eradicated.

Secondly, like the Western peoples, we have consistently tested individual and collective forms of government of political representation (patriarchy, estate monarchy and parliamentarism). As a result, Russia, like the West, found itself in a general political crisis associated with the rejection by the base (the people) of its political superstructure (elected representation). The discord between them happened on the basis of ideas about the public good. The perceived need of the people for universal equality of political opportunities for citizens collided with the sovereignty of the superstructure. What was once considered the norm of a political community has now come into conflict with public consciousness. Social inequality, cultivated by the superstructure to justify the fact of its existence, has become a widespread problem that must be resolved as soon as possible. It is no longer possible to eliminate the antagonisms of the base and the superstructure by the usual half-measures (by improving the electoral law, the state mechanism and individual public institutions). In the changed historical conditions, relations between them should be built on a fundamentally different basis, take on new forms. The people that will be the first to decide on a new way of self-organization will not only eliminate contradictions with their superstructure, restore their unity and get a chance for national survival, but will also become a recognized legislator of a new political culture.

Given that the return of society to a class-estate state is dialectically impossible, we will have to rethink social self-organization, digress from the proven representative forms

and start looking for other promising formats of government. Such a step does not at all mean the elimination of the social superstructure, because without it the existence of the state is impossible, but it will allow us to bring our society to a completely new public legal order, to the creation of conditions for the joint existence of people who are free and equal in political opportunities. In this capacity, the state, now identified exclusively with the political superstructure, will turn from a machine of social repression into a form of political organization of society that exists in the interests of all.

Prospects for Russian statehood. In the context of the institutional worldview, the prospects for Russia's development can only be presented dialectically, but not from the standpoint of historicism. Dialectics presupposes the progressive development of phenomena from simple forms and states to more complex ones. In this process, the social world periodically removes the accumulated contradictions, gives rise to new meanings and forms of human existence.

History notes that the basis of the viability of any political society is invariably laid by the idea of democracy. Its meaning is that all power comes from the people. Democracy itself as a general form of social control is historically justified. From which it follows that each stage in the development of social consciousness corresponds to its own form of democracy (representative government or people's self-government). However, not only the form of democracy is important for science, but also its historical meaning, understanding of necessity.

Analyzing the forms of democracy in certain historical conditions, science comes to conclusions about their consistency with public consciousness at the level of cause-and-effect relationships. The dependence here is simple: if the form of people's power, fixed by law and empirically mediated in the public legal system, is supported by public consciousness, then the people are in agreement with political representation. At the same time, statehood as a stable political state of society, characterized by the consistency of relations between the base and the superstructure, is stable and predictable. As soon as the base and superstructure enter into irresolvable contradictions, statehood falls into a turbulent state, which, as history has shown, is invariably stabilized by institutional transition. Something similar is offered by civilizational and formational approaches, but their forecasts differ significantly. In particular, the internal contradictions of civilization are evolutionarily resolved in its death, in the emergence of a new cultural and historical type of being. Formational contradictions are resolved in a revolutionary way, leading society to a new socioeconomic order.

For institutional transition, both evolutionary and revolutionary paths are acceptable. The public legal structure changes both through lightning-fast destruction and is established by the superstructure of the state from above (octroited structure). Russia knows both, it has gone through reforms and revolutions. Now it is more important for us to understand what awaits the Russian people in the medium and long term. The situation today is something like this.

The scientific community notes the deformation of public consciousness [8, p. 3–15], the crisis of national self-knowledge and the dissatisfaction of citizens with the constitutional system [2, p. 10–15], seriously discusses the right to rebellion [5, p. 65–72], modern protest movement [10] and new public communications [4]. At the same time, the main reason for such negative trends is unanimously called the growing social inequality, which increasingly restricts the freedom of the individual. This position is considered unfair. In concrete terms, it manifests itself in the growing tax burden, in unpopular pension reforms,

in poor support for the poor, in the normative regulation of everyday situations (the activities of teachers, doctors, transport users, etc.), in hypercorruption, etc. All this raises the degree of rejection by the public consciousness of the modern model of representative government. We can say that Russian society is in the phase of resolving the contradictions between the base and the superstructure. In short, there is a confrontation between the Russian people and the system of public power.

It is difficult to calculate how the ripening conflict will be resolved, whether the superstructure will yield to the pressure of the base or will hold it by force. One thing is clear, such an imbalance cannot exist indefinitely. At some point it will be resolved in an evolutionary or revolutionary way. For Russian statehood, the first option is desirable.

The institutional transition proposes to solve the problem of finding a new model of democracy in a peaceful way, based on an analysis of public interests and needs, using people's self-government as a counterbalance to the rule of elected political representation. This approach is able to calm the public consciousness, extinguish the flared up conflict between the base and the superstructure. But the former estate-class forms of social self-government are not suitable here. Estate, party-class and territorial self-organization of citizens are deprived of universality, and therefore are not suitable for post-class society as the main means of political transformation. The modern form of people's self-government must be universal, embracing the entire people.

The universality of self-government comes not so much from the principle of formal equality of Russian citizens, but from the conscious equality of their personal political opportunities. You can have a formal right, but not have a real opportunity to implement it. The imbalance between formal law and real possibility is the cause of modern inequality, a stumbling block between the basis and superstructure of the state.

Way out of the current situation on the surface. The superstructure needs to follow the moods of public consciousness, but not aggravate the conflict with the base. This shows the rationality of a peaceful institutional transition in Russia. The public consciousness clearly indicated its needs to the superstructure: direct political communication of citizens and direct participation of everyone in the management of public affairs. They trace the modern ideas of society about freedom, equality and justice, they are filled with a universal form of people's self-government – the co-government of citizens [7, p. 202–228]. The new Russian statehood needs a different principle of political governance, which is unknown to either the European peoples or the East. Popular democracy will become the essence of universal civil co-governance, for which the sovereign will of the people, constitutionally enshrined in the collective opinion and actions of the majority of citizens, directly determining the political life of their state, will become the basis of supreme power.

As a result, we will get a fundamentally new political regime in which the self-organization of political society will unfold in the right of the Russian people to approve and enact laws and management decisions that affect the interests of the majority [8, p. 193–202]. The viability of the proposed mechanisms of universal legitimation and legal declaration of public interests in decrees adopted by citizens is beyond doubt. In the digital technical and technological order, the will of the people turns from a metaphysical essence into reality, into a statistically mediated opinion of the majority of citizens, and a referendum and other forms of universal will become an effective means of limiting the arbitrariness of the superstructure and combating social inequality. The modern conflict between the basis and representation can be resolved only on the conditions of gaining real political weight of the opinion of each person, the universal parity of the rights and opportunities of

citizens in managing the affairs of the state, the harmony of the sovereignty of the Russian people and the individual freedom of its representatives.

In conclusion, I would like to repeat that Russia's search for a civilizational and formational outline in modern conditions is futile. The consciousness of the Russian people should be filled with new essences, theoretical and ideological calculations.

The loss of time threatens the loss of our statehood. Movement towards a libertarian public order (a political community based on universal civil co-administration) is the only way to reconcile the Russian base with its superstructure. Only a united Russian people is able to withstand the war with the West, preserve its national identity and be the first to make the transition from a representative democratic republic to a people's democratic republic.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Hegel G. Philosophy of law. Moscow: Publishing house "Thought", 1990. 524 p.
2. Dudko I.G. Features of the Russian bureaucracy / People and power: interaction in history and modernity: Sat. scientific tr. Issue. 2. Nizhny Novgorod: Rastr LLC, NRU HSE – Nizhny Novgorod, 2015. P. 10–15.
3. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for undergraduate and graduate studies / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 528 p. (Series: Bachelor and Master. Academic course).
4. Communication in the modern world: theory and practice. Novosibirsk: Publishing house ANS "SibAK", 2017. 196 p.
5. Popper K. Open society and its enemies. Volume I. Enchantment of Plato. Moscow: International Foundation "CULTURAL INITIATIVE" SOROS FOUNDATION, 1992. 437 p.
6. Romanovsky G.B. The right to rebellion and "color revolutions" in the modern world // Russian Journal of Legal Research. 2016. No. 1. P. 65–72.
7. Selikhov N.V., Kurmaev R.M. Institutional Approach to Understanding the State // Theory of State and Law. 2022. No. 3. P. 202–228.
8. Selikhov N.V. Institutional approach, political universe and social consciousness: a new look at the identity of modern Russia // KANT. 2021. No. 4. P. 193–202.
9. Toshchenko Zh.T. Metamorphoses of modern social consciousness: methodological foundations of sociological analysis. Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. No. 6. P. 3–15.
10. Khokhlova O.M. The protest movement in modern Russian society (taking into account regional characteristics). Krasnoyarsk: SFU, 2013. 135 p.
11. Spengler O. Decline of Europe. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House, 1998. 640 p.
12. Spengler O. Prussianism and socialism. Moscow: Praxis, 2002. 240 p.

For citation: Andrusenko O.V., Selikhova O.G., Selikhov N.V. The path of development of modern Russia: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 65–72.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.004

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI 10.47905/MATGIP.2022.29.4.005

Б.А. Антонов*

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ИСЛАМА: КОНФЛИКТНЫЙ «СОЮЗ» ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ПОНЯТИЯ «ШАРИАТ»

***Аннотация.** Юридическая литература, касающаяся правовой системы любого государства, создается в рамках того глобального универсума, в котором она (литература) подлежит пониманию, осмыслению и применению. При отсутствии знаний об этом универсуме можно легко ошибиться в трактовке правовых теорий и доктрин. Аналогичным образом недостаток знаний в правоприменительной области шариата затрудняет понимание истории ислама в целом и самой его сущности, не дает возможности исследовать причины, в связи с которыми правовая система ислама (шариат) выступает источником конфликта его интерпретаций с позиции власть предержащих, с одной стороны, и профессиональными исламоведами, с другой.*

Источник конфликтных интерпретаций самой сущности шариата напрямую связан с его историей, которая началась задолго до появления мусульманского государства (халифата) и предполагала право иджтихада (право на толкование Корана и Сунны), творимое исключительно профессиональным сообществом исламоведов – богословов (муджтахидов – факихов-теоретиков права и муфтиев-юристов). Проявление всех признаков исламской государственности ознаменовало собой конфликт между до-государственным шариатом (в лице богословов), с одной стороны, и государством (в лице мусульманских правителей), с другой, поскольку обязательно-принудительный характер государственного права (и как следствие – лоббирование интерпретации (которая выгодна власти) входил в противоречие с идеями социальной справедливости, находившими свое воплощение в до-государственном шариате. Результатом такого противостояния стала глубинная трансформация шариата, а следствием – фактические распады ряда мусульманских государств (Афганистан, Ливия, Йемен, Сомали, Судан).

***Ключевые слова:** шариат, ислам, халифат, Коран, Сунна, иджтихад, интерпретация, конфликт, государство.*

***Введение.** Незнание тех правовых средств, с помощью которых происходит процесс применения исламского права (шариата), крайне затрудняет понимание его сущности. В течение долгого времени на Западе в этом направлении не делалось практически ничего в связи с бытующим там убеждением, что исламское право веками применялось главным образом в ритуальных и семейных сферах. Западные исследователи были убеждены также и в том, что в более публичных сферах права (та-*

---

* Антонов Борис Александрович, доцент кафедры международной безопасности Российского государственного гуманитарного университета, кандидат юридических наук. E-mail: heidel@rambler.ru

ких как гражданское, договорное, коммерческое, уголовное, процессуальное, административное, налоговое и конституционное) ему (праву) слепо повиновались в большей степени на бумаге, чем в реальности.

Это убеждение частично подтверждалось выводом не только западных, но и российских ученых (Сюкияйнен Л.Р., Керимов Г.М., Хашматулла Б.), в соответствии с которым еще в самом начале своего развития шариату была придана та степень жесткости, которая предполагала его трансформацию в ригидный корпус доктрин, изначально считавшимися неизменными. Неизменность шариата объясняется источником его происхождения. В отличие от западного законодательства, которое апеллирует к земному создателю, шариат (дословно, “путь следования”) есть не что иное, как извлечение из божественных откровений. В юридической литературе отмечается, что в основе мусульманского права лежат четыре источника:

а) священная книга **Коран** (основной источник права), состоящая из высказываний Аллаха, обращенных к последнему из его пророков и посланцев Магомету;

б) **Сунна** – сборник традиционных правил, содержащий высказывания Магомета, воспроизведенные рядом посредников;

в) **Иджма** – конкретизация положений Корана в изложении крупных ученых;

г) **Кияс** – рассуждения в области права по аналогии о тех явлениях, которые не охватываются предыдущим толкованием трех первых источников.

Кроме этого, можно отнести к источникам права **фирман** (указы, распоряжения халифов), **канун** (законы), **урф** (правовые обычаи, сложившиеся в арабском обществе) [3, с. 287–288].

Данное обстоятельство не просто демонстрирует кардинальное отличие между исламским и западным правом, но и объясняет, какие последствия влечет за собой данное отличие: «...шариат, как право божественное, является в принципе неизменным. В то время как в западных правовых системах общепризнано, что содержание права *меняется*, так как законодатель, а также судьи и все остальные силы общества, участвующие в правотворческом процессе, приспособливают его к меняющимся общественным потребностям, в исламе исходят из постулата о *богоданном* характере всего сущего права, которое в определенный момент истории Аллах открыл людям через пророка Мухаммеда» [9, с. 22].

Еще одним следствием «*богоданного* характера всего сущего права» можно считать полное игнорирование *исторического подхода* к нему. Другими словами, без учета меняющихся исторических условий право воспринимается как нечто неизменное, к чему общество обязано приспособиться, в то время как на самом деле именно общество «порождает право», чтобы пользоваться им как инструментом для решения тех или иных жизненных вопросов. Применение исторического подхода к исламскому праву (прежде всего, к фикху) предполагает фиксацию тех изменений, которые повлияли на его интерпретацию, а значит и на его функции и роль в мусульманском обществе. По мнению мусульманского ученого Мустафы Ибрахима аз-Залами, если шариат в его основных нормах и предписаниях неизменен, то фикх, трактуемый как толкование предписаний Корана и Сунны и их перевод в плоскость конкретных норм, подвижен и изменчив [6, с. 16].

Шариат vs государство: причины противостояния. Истоком для появления разного рода интерпретаций шариата выступает история его возникновения и дальнейшего развития. Шариат как часть ислама возник до появления мусульманского государства (халифата). Наиболее настойчиво данную точку зрения отстаивал в свое

время шейх египетского мусульманского университета Аль-Азхар Али Абдель Ра-зек (1888–1966). В своей книге «Ислам и основы власти», опубликованной в 1925 г., он не просто возражал против общепринятой теории обязательности халифата, но и высказал идею о том, что «Коран ничего не говорит о халифате как государстве или форме правления» [4, с. 152]. Разеку вторит В. Халляк, профессор Колумбийского университета (США) и автор большого количества публикаций об истории и природе ислама. В качестве основания для того, чтобы считать шариат внегосударственным продуктом, Халляк выдвигает один из постулатов исламской веры в Единого Бога, который признается Творцом, Законодателем и Судьей. Такое признание предполагает, что, будучи наместниками Бога на земле, исламские представители власти не творят закон и не вершат суд, и тогда закономерным оказывается вопрос, который задает Халляк и на который сам же и отвечает: «Если шариат это не продукт исламского правителя или государства*, как мы по определению думаем, то кто же тогда его производит? Ответ заключается в том, что сообщество, общий социальный порядок органически производят своих правовых экспертов, людей, которые обладают квалификацией для выполнения ряда юридических функций...» [10 (перевод мой – Б.А.)].

Такой ответ свидетельствует о том, что его автор мог игнорировать определенные знания в области правоприменительной практики исламского права и как следствие – этот вакуум мог быть заполнен ошибочными толкованиями исламской юридической литературы в целом: «Так, очень часто западные исследователи характеризуют отдельные правила исламского права, апеллируя к их религиозной и этической мотивации и следуя в дальнейшем правилам доказывания, объявляют эти правила слишком идеализированными для того, чтобы придать им юридическую силу. Если и в дальнейшем исследование исламского права будет проводиться в отрыве от правоприменительной практики, его толкование будет сведено к знанию в области теологии, не более» [11(перевод мой – Б.А.)].

Справедливости ради следует заметить, что процесс осмысления природы шариата в его развитии привел западных востоковедов к выводу о том, что за последние два столетия шариат перестал быть всемирно признанным институтом и/или специфической культурой, трансформировавшись в некую *текстуальность*, а именно в совокупность текстов, которые полностью лишены своего социального и социологического контекста, своей экологической среды. И, наконец, то, что достойно еще большего сожаления, – эта текстуальность теперь замешана на политике, которую юристы прошлого никак не учитывали при вынесении решения.

Иными словами, то, что осталось от шариата, – это его зашифрованная в тексте форма, которая функционирует в современных условиях таким образом, что этот остаток по своей сущности и функции чужд любому из его исторических предшественников. Эта глубинная трансформация стала результатом противостояния между шариатом и наиболее значимым институтом современности – государством. При

---

* В. Халляк отмечает, что не следует использовать термин «государство» в отношении ранних форм правления, при которых мусульмане жили до начала XIX в. Вместо термина «государство» автор пользовался такими терминами, обозначающими власть, как «*правитель*» (ruler) или «*правление*» (rule, government) [10]. «...У мусульман не было единого «государства», но это было и непринципиально – перемещаясь из одной земли Исламского мира в другую, мусульманин мог даже не заметить смену «государства», ведь, невзирая на смену административной юрисдикции территорий, их правовая юрисдикция и весь социальный порядок оставались практически идентичными» [5].

этом современная Европа выступала создателем и экспортером политики лоббирования власти современного государства. Необходимыми условиями трансформации шариата были централизация, кодификация (в самом широком смысле этого слова), бюрократизация, гомогенизация, идеологизация и милитаризация общества. Все эти условия стали впоследствии фактическими опорами и признаками современного государства.

Общеизвестно, что существование *государства* связано с той или иной степенью *принуждения*, легитимная основа которого закладывается в *государственном праве*. Однако между государственным правом конкретного мусульманского государства и шариатом неизбежно возникает некое напряжение, если не сказать конфликт, поскольку *принудительный момент* государственного права зачастую оспаривается его оппонентами. Отвергая право как продукт государства, они находят *идеи социальной справедливости* в шариате, которому государственное право в силу принуждения не соответствует. А поскольку государственное право, по их мнению, не соответствует шариату, то и все правление в стране является *неисламским*.

Следствием подобных убеждений становятся вооруженные конфликты на религиозной почве, которые, в конце концов, приводят к фактическому распаду ряда мусульманских государств (Афганистан, Ливия, Йемен, Сомали, Судан) и возникновению исламских террористических организаций.

Периодизация истории шариата. Конфликтность по линии “исламское-неисламское” прослеживается и сквозь призму исторических этапов развития шариата как изначально *негосударственной* правовой системы.

Первый этап: *период зарождения и начального развития шариата* (VII в.). Возникновение ислама, исламского права связано с деятельностью Пророка Мухаммеда, который признан не только политическим, но и духовным лидером мусульманского мира, создателем “Мединской конституции”. По определению В. Халляка *Мединская конституция* – это “договор, заключенный Мухаммедом с арабскими и иудейскими племенами Йасриба после хиджры и ставшего *политико-юридической основой новой мусульманской социальной общности – уммы*” [8, с. 21].

В рамках шариата понятие мусульманской уммы неоднозначно. Сидоров Х.В. подчеркивает *теоретический характер мусульманской уммы* на примере Израиля: “Он [Израиль] не только автоматически предоставляет свое гражданство каждому еврею (лицу, имеющему право на репатриацию), не только привлекает евреев со всего мира в Израиль, но и поддерживает интенсивные связи с диаспорами евреев по всему миру, выступая инструментом сохранения в них еврейской идентичности. ... Любой член еврейской «уммы», если завтра его идентичности, религии или жизни как еврея будет угрожать опасность, кем бы он ни был по территориальному происхождению и культуре, может приехать в Израиль, найти в нем убежище и получить его гражданство. Совершенно очевидно, что ничего подобного у членов Исламской уммы после заката последнего Османского халифата нет” [5].

В отсутствии государственной системы и самого понятия “государство” шариат, субъектами которого первоначально являлись профессиональные богословы – муджтахиды (факихи-теоретики права и муфтии-юрисконсульты), носил исключительно *консультативный характер*.

Таким образом, на этом этапе *шариат* можно было бы определить как построенную на Божественном откровении *негосударственную* правовую систему. При этом последняя *не объединяет* мусульманскую умму, а она, в свою очередь, *не имеет*

статуса государственного народа, поскольку *не обладает* стандартизированным юридическим менталитетом. (Он, как известно, не характерен, для племенных образований, территория которых исключает необходимость государственных границ в силу кочевого образа жизни арабов и отсутствия понятия “государства”, его признаков и форм в шариате).

Второй этап: *шариат в период Арабского халифата* (VII–XIII вв.). Он характеризуется объединением нескольких временных периодов доктринальной разработки шариата: период Праведных халифов, период Омейядов, период Аббасидов: «В этот период сложилась наднациональная империя, получившая название Арабский халифат, основанная на исламе, с новыми административной, налоговой, военной и судебной системами» [7].

Отличительным признаком этого этапа можно считать появление кади (судьи) в качестве еще одного субъекта шариата, который (шариат) продолжает действовать в отрыве от *мусульманского правления*, ассоциируясь с «чистой» судебной практикой. Однако данное обстоятельство неизбежно связано с привнесением «принудительного эффекта» в сущностную природу самого шариата, поскольку судебные решения, в отличие от фетв муфтиев, обладают обязательной юридической силой. Помимо кади к субъектам шариата можно отнести пятерых имамов – создателей мазхабов (юридических школ шариата), учения которых были сформулированы на основе соответствующих интерпретаций Корана и Сунны.

В этот период из шариата пытались сделать *средство легитимации политических решений* власть предрержащих, что нередко приводило к случаям тирании, произвола и притеснений со стороны отдельных правителей по отношению к простым людям. При этом власть мусульманских правителей носила не государственный, а *индивидуальный характер*, поскольку, как это уже упоминалось выше, такие понятия как «государство» и «государственная власть» в шариате отсутствуют. Подобная легитимизация со стороны мусульманских богословов с определенной долей условности возвышала индивидуальную власть мусульманских правителей до уровня власти политической.

Тем не менее, шариат не выражал волю верховной власти государства, поскольку отсутствовал приоритет государства над правом. Шариат не был связан с политикой в том смысле, что он не предусматривал использования принудительной или государственной власти. Как следствие – нормы шариата не подвергались изменениям, отражающим интересы доминирующего класса, как это делает законодательство большинства современных государств сейчас.

Следует, однако, отметить, что уже в период существования халифата наметилась тенденция к *поглощению* шариата нарождающимися государственными структурами: «судьи назначались правителем, который мог отстранить судью от должности или ограничить его юрисдикцию (например, вопросами того или иного права, как то семейное, уголовное, или конкретной территорией, будь то город или его часть и т.п.)» [5]. При этом с момента назначения судьи на должность и вплоть до его смещения правитель не мог вмешиваться в дела судьи, за которым закреплялась ответственность за ведение дела, которому он обучался и как следствие – был профессионально и нравственно предан.

Третий этап: *шариат после падения халифата* (середина XIII – XX в.) Данный этап охватывает дальнейшую эволюцию шариата в период существования Османской империи. Однако следует оговориться: после падения халифата шариат нахо-

дился в состоянии застоя и только вторая половина XIX в. была ознаменована началом «исламской реформации» на Аравийском полуострове [2], которая «настаивала» на возвращение к исламу (и, соответственно, шариату) времен Пророка Мухаммеда. В остальных мусульманских странах, ставших впоследствии европейскими колониями, дальнейшее развитие шариата было связано с таким способом упорядочивания правового материала, как *кодификация*.

Четвертый этап: *шариат на современном этапе* (вторая половина XX в. – по настоящее время). Распад Османской империи (1918 г.) был ознаменован возникновением *мусульманских государств территориального типа, т.е. образований, территория которых обозначена границами, что предполагает существование строгих правил их пересечения*. Очевидно, что препятствие (в виде границ) для свободного передвижения мусульман – не что иное, как один из признаков вестернизации некоторых мусульманских государств, которая (вестернизация), с одной стороны, привела к фактической *ликвидации мусульманской уммы*, а, с другой, – способствовала реформированию шариата в направлении заимствования формы западных законодательных актов. «[Акты] не предусматривали существенных изменений религиозной основы регламентации, особенно в отношении регулирования «личного статуса», т.е. эти изменения затронули внешнюю сторону исламского права, а что касается его содержательной стороны, то влияние на него классического исламского права является определяющим [7]. В связи с привнесением территориального фактора в сущностную природу шариата этот этап отмечен трансформацией общего смысла правовой системы, которая отныне ассоциируется *только* с государством.

В XX в. в исламском мире происходят радикальные изменения, среди которых наиболее значимыми традиционно считаются Кемалистские реформы в Турции (1924 г.), направленные на создание светского государства. Несмотря на то, что примеру Турции следует целый ряд арабских стран, «светский проект» терпит крах в результате Исламской революции в Иране (1979 г.). Это усиливает влияние классической исламско-правовой доктрины на деятельность правовых систем мусульманских государств, что предполагает возврат этих государств (и прежде всего, Ирана и Афганистана) к традиционным истокам. Тем не менее, возвращение к основам ислама (и соответственно шариата), именуемое *исламизацией*, в реальности не означало *возвращения* к периоду его зарождения и раннего развития. Если изначально шариат был связан с деятельностью муфтиев (Пророк Мухаммад считается первым муфтием в мусульманском мире) и носил *консультативный характер*, то в настоящее время он, скорее, ассоциируется с *принуждением* в лице шариатских судей и шариатской гвардии.

В результате борьбы вокруг выбора дальнейших эволюционных направлений мусульманских стран возникли многочисленные концепции так называемого *исламского пути развития*. Среди них наибольшую сложность составляют концепции, в которых поднимается проблема соотношения (сочетания) процессов исламизации и вестернизации.

Заключение. Позволим себе небольшое рассуждение, связанное с широко распространенным, но, с нашей точки зрения, не совсем корректным выражением «по законам шариата». Данное выражение на самом деле подразумевает буквально следующее: «по закону, который устанавливает шариат». Однако фактически речь здесь идет не о том, что закон устанавливает шариат, а о том, что *закон позволяет шариату существовать до тех пор, пока нормы последнего легитимируют волю власть*

предержажих. Так возникает некоторая юридическая нестыковка, в связи с которой *шариат в современных мусульманских государствах устанавливается нешариатским (неисламским) источником права*. В случае расхождения между шариатом и волей власть предержажих приоритет в правоприменительной практике отдается *закону как принудительному средству исполнения воли* главы мусульманского государства, хотя подобная тема, тем не менее, носит дискуссионный характер [11].

Наличие государства с его границами и принудительной силой закона, «секуляризировала» шариат, низведя его до роли *субсидиарной правовой концепции* (даже не правовой системы), которая может функционировать лишь в случае совпадения с волей мусульманских правителей, претендующих на то, чтобы самим легитимизировать власть богословов-улемов.

Таким образом, расширение субъектного состава шариата (муфтий – кади – имам – мусульманский правитель) привело к *изменению сущностной природы шариата* в разные исторические эпохи. Подобное изменение имело следствием функциональное разделение «исламской правовой системы» на шариат и право мусульманской страны: «... с мусульманским (религиозным) правом не следует смешивать *позитивные правовые системы* мусульманских стран, необходимо различать понятия «мусульманское право» и «право мусульманской страны» [1, с. 322–323]. Подобный дуализм чреват такими опасными политическими последствиями, как возникновение и развитие терроризма и радикализма в целом ряде мусульманских стран (ИГИЛ, Аль-Каида), а также фактический распад некоторых из них (Афганистан, Ливия, Йемен, Сомали, Судан).

Библиографический список

1. Давид, Р. Основные правовые системы современности [Текст]: [пер. с фр.] / Рене Давид, Камилла Жоффри-Спинози. М.: Международные отношения, 2009. – 453 с.
2. Зубайда, С. Исламская Реформация? // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-reformatsiya> (дата обращения: 2 сентября 2022).
3. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С.А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
4. Нерсесянц В.С. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Изд. 2-е, стереотип. М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА М, 1998. 736 с. С. 152.
5. Сидоров Х.В. Невозможный Ислам по Халляку: осмысление и критика, 2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.harunsidorov.info/2015/03/04/hallak/> (дата обращения: 23.07.2022).
6. Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. Вопросы теории и практики. М.: Изд-во "Наука", 1986. 254 с.
6. Хашматулла Б. Эволюция исламского права: теоретико-компаративистское исследование: дисс. ... докт. юрид. наук. [Электронный ресурс]. //URL: http://www.bolgar.academy/files/2019/04/12/dissertation_1555065687 (дата обращения – 2 сен-тября 2022).
8. Халляк, В. История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права / Пер. с англ. И.А. Царегородцевой; под науч. ред. И.А. Алексеева. М.: Изд. Дом высшей школы экономики, 2020. 464 с.
9. Цвайгерт К., Кёту Х. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права: В 2 т. Т. 1: Основы / Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998. 478 с.
10. Hallaq, W. *An introduction to Islamic law* //Hallaq, Wael B., 2009, Publisher Cambridge; New York: Cambridge University Press // URL: <http://soerenkern.com/pdfs/islam/Introduction-ToIslamicLaw.pdf> (дата обращения: 23.07.2022).

11. Vogel, F. *Islamic law and legal system: studies of Saudi Arabia* / by Frank E. Vogel, Brill, Leiden; Boston; Koln, 2000 (Studies in Islamic law and society; Vol. 8) [Электронный ресурс] // URL: https://www.researchgate.net/publication/34959247_Islamic_Law_and_Legal_System_Studies_of_Saudi_Arabia (дата обращения: 23.07.2022).

Для цитирования: Антонов Б.А. Правовая система ислама: конфликтный «союз» интерпретаций понятия «шариат»: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 73–80.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.005

LEGAL SYSTEM OF ISLAM: CONFLICT “UNION” OF INTERPRETATIONS OF THE CONCEPT OF “SHARIA”

Boris A. Antonov *

Annotation. *It is well-known that juridical literature on the legal system of any state is being created within some global universe where it is supposed to be understood, estimated and applied. No knowledge about this universe leads to a mistaken interpretation of legal theories and doctrines. Similarly, no information about the law enforcement practice of sharia prevents one from understanding the history of Islam as well as its essence. It does not allow one to answer the question how it happens that the legal system of Islam (sharia) comes to be interpreted differently by authorities, on the one hand, and experts of Islam, on the other.*

The source of sharia conflict interpretations deals with its history which began long before the emergence of Muslim state (Arab Caliphate) and presupposed the right to jihad (law of interpretation of Koran and Sunnah) done exclusively by the professional community of Islamic scholars. All Islamic statesmanship attributes manifested the conflict between pre state sharia (presented by the Ulema), on the one hand, and the state (presented by viceroys), on the other, as the binding nature of state law (and as a consequence – lobbying by the authority such sharia interpretation that is beneficial for it with the consequent ignorance of ijti had law) contradicted the ideas of social justice that were embodied in the pre state sharia. The result of such confrontation was sharia deep transformation and the consequence – actual collapse on a number of Muslim countries (Afghanistan, Libya, Yemen, Somalia, Sudan).

Keywords: *sharia, Islam, Caliphate, Koran, Sunnah, ijti had, interpretation, conflict, state*

Introduction. Ignorance of the legal means by which the process of application of Islamic law (Sharia) takes place makes it extremely difficult to understand its essence. For a long time, little was done in the West in this direction due to the prevailing belief there that Islamic law was applied for centuries mainly in ritual and family spheres. Western scholars were also convinced that in more public areas of law (such as civil, contractual, commercial, criminal, procedural, administrative, tax and constitutional) it (law) was blindly obeyed more on paper than in reality.

This belief was partially confirmed by the conclusion of not only Western, but also Russian scientists (Syukiyainen L.R., Kerimov G.M., Khashmatulla B.), according to which, at the very beginning of its development, Sharia was given that degree of rigidity that as-

---

* *Antonov Boris Aleksandrovich*, Associate Professor of the Department of International Security of the Russian State University for the Humanities, Candidate of Law. E-mail: heidel@rambler.ru

Theory of State and Law

---

sumed its transformation into a rigid body of doctrines that were originally considered unchanging. The immutability of Sharia is explained by the source of its origin. Unlike Western legislation, which appeals to the earthly creator, Sharia (literally, "the way to follow") is nothing more than an extract from divine revelations. It is noted in the legal literature that Islamic law is based on four sources:

a) the holy book Koran (the main source of law), consisting of the sayings of Allah, addressed to the last of his prophets and messengers, Mohammed;

b) Sunnah – a collection of traditional rules containing the sayings of Mohammed, reproduced by a number of intermediaries;

c) Ijma – concretization of the provisions of the Koran in the presentation of prominent scientists;

d) Qiyas – reasoning in the field of law by analogy about those phenomena that are not covered by the previous interpretation of the first three sources.

In addition, firman (decrees, orders of caliphs), kanun (laws), urf (legal customs that have developed in Arab society) can be attributed to sources of law [3, p. 287–288].

This circumstance not only demonstrates the fundamental difference between Islamic and Western law, but also explains what consequences this difference entails: "... Sharia, as a divine law, is fundamentally unchanged. While in Western legal systems it is generally recognized that the content of law changes, since the legislator, as well as judges and all other forces of society participating in the law-making process, adapt it to changing social needs, in Islam they proceed from the postulate of the God-given nature of all things right, which at a certain point in history, Allah revealed to people through the prophet Muhammad" [9, p. 22].

Another consequence of the "God-given nature of all existing law" can be considered a complete disregard for the historical approach to it. In other words, without taking into account changing historical conditions, law is perceived as something unchanging, to which society must adapt, while in fact it is society that "generates law" in order to use it as a tool for solving certain life issues. The application of the historical approach to Islamic law (primarily to fiqh) involves fixing those changes that influenced its interpretation, and hence its functions and role in Muslim society. According to the Muslim scholar Mustafa Ibrahim al-Zalami, if Sharia is unchanged in its basic norms and prescriptions, then fiqh, interpreted as an interpretation of the prescriptions of the Koran and Sunnah and their translation into the plane of specific norms, is mobile and changeable [6, p. 16].

Sharia vs the state: the reasons for the confrontation. The source for the emergence of various interpretations of Sharia is the history of its emergence and further development. Sharia as part of Islam arose before the advent of the Muslim state (caliphate). Ali Abdel Razek (1888–1966), the sheikh of the Egyptian Muslim University Al-Azhar, defended this point of view most persistently in his time. In his book "Islam and the Foundations of Power", published in 1925, he not only objected to the generally accepted theory of the obligatory nature of the caliphate, but also expressed the idea that "the Quran does not say anything about the caliphate as a state or form of government" [4, c. 152]. Razek is echoed by V. Hallak, a professor at Columbia University (USA) and the author of a large number of publications on the history and nature of Islam. As a basis for considering Sharia as a non-state product, Hallak puts forward one of the postulates of the Islamic faith in the One God, who is recognized as the Creator, Legislator and Judge. This recognition assumes that, being the representatives of God on earth, the Islamic authorities do not create the law and do not administer the court, and then the question that Hallak asks and to which he himself

answers is logical: "If Sharia is not a product of an Islamic ruler or state*", as we by definition think, then who then produces it? The answer lies in the fact that the community, the general social order, organically produces its legal experts, people who are qualified to perform a number of legal functions ... "[10 (my translation – B.A.)].

Such an answer indicates that its author could ignore certain knowledge in the field of law enforcement practice of Islamic law and, as a result, this vacuum could be filled with erroneous interpretations of Islamic legal literature as a whole: "Thus, very often Western researchers characterize certain rules of Islamic law, appealing to their religious and ethical motivations and, following the rules of evidence, declare these rules too idealized to give them legal force. If in the future the study of Islamic law will be carried out in isolation from law enforcement practice, its interpretation will be reduced to knowledge in the field of theology, no more" [11 (my translation – B.A.)].

In fairness, it should be noted that the process of understanding the nature of Sharia in its development has led Western orientalists to the conclusion that over the past two centuries, Sharia has ceased to be an internationally recognized institution and / or a specific culture, having transformed into a kind of textuality, namely, a set of texts that completely devoid of their social and sociological context, their ecological environment. Finally, and even more deplorably, this textuality is now entwined with politics that the jurists of the past did not take into account when making a decision.

In other words, what remains of the Sharia is its encrypted form in the text, which functions in modern conditions in such a way that this remainder, in its essence and function, is alien to any of its historical predecessors. This profound transformation was the result of a confrontation between the Shariah and the most significant institution of our time – the state. At the same time, modern Europe acted as the creator and exporter of the policy of lobbying the power of the modern state. The necessary conditions for the transformation of Sharia were centralization, codification (in the broadest sense of the word), bureaucratization, homogenization, ideologization and militarization of society. All these conditions later became the actual supports and signs of the modern state.

It is well known that the existence of the state is associated with varying degrees of coercion, the legitimate basis of which is laid in state law. However, between the state law of a particular Muslim state and the Sharia, there inevitably arises a certain tension, if not a conflict, since the coercive moment of state law is often disputed by its opponents. Rejecting law as a product of the state, they find the ideas of social justice in the Shariah, to which state law does not comply by force of compulsion. And since the state law, in their opinion, does not comply with the Sharia, then the entire government in the country is un-Islamic.

The consequence of such beliefs is armed conflicts on religious grounds, which, in the end, lead to the actual collapse of a number of Muslim states (Afghanistan, Libya, Yemen, Somalia, Sudan) and the emergence of Islamic terrorist organizations.

Periodization of Sharia history. The conflict along the "Islamic-non-Islamic" line can also be traced through the prism of the historical stages in the development of Sharia as an initially non-state legal system.

---

* V. Hallak notes that the term "state" should not be used in relation to the early forms of government under which Muslims lived until the beginning of the 19th century. Instead of the term "state", the author used such terms denoting power as "ruler" (ruler) or "government" (rule, government) [10]. "... Muslims did not have a single "state", but it was also unprincipled – moving from one land of the Islamic world to another, a Muslim might not even notice the change in the "state", because, despite the change in the administrative jurisdiction of the territories, their legal jurisdiction and all social order remained virtually identical" [5].

Theory of State and Law

The **first** stage: *the period of origin and initial development of Sharia (7th century)*. The emergence of Islam, Islamic law is associated with the activities of the Prophet Muhammad, who is recognized not only as a political, but also as a spiritual leader of the Muslim world, the creator of the Medina Constitution. According to the definition of V. Hallak, the Medina Constitution is “an agreement concluded by Muhammad with the Arab and Jewish tribes of Yathrib after the Hijra and which became the political and legal basis of the new Muslim social community – the Ummah” [8, p. 21].

Within the framework of Sharia, the concept of the Muslim Ummah is ambiguous. Sidorov Kh.V. emphasizes the theoretical nature of the Muslim Ummah on the example of Israel: “It [Israel] not only automatically grants its citizenship to every Jew (a person eligible for repatriation), not only attracts Jews from all over the world to Israel, but also maintains intense ties with Jewish diasporas across around the world, acting as a tool for preserving their Jewish identity. ... Any member of the Jewish Ummah, if tomorrow his identity, religion or life as a Jew is in danger, whoever he may be by territorial origin and culture, can come to Israel, take refuge in it and receive his citizenship. It is quite obvious that the members of the Islamic Ummah have nothing of the kind after the end of the last Ottoman Caliphate” [5].

In the absence of a state system and the very concept of “state”, Sharia, whose subjects were originally professional theologians – mujtahids (faqih-theorists of law and muftis-legal advisers), was exclusively advisory in nature.

Thus, at this stage, Sharia could be defined as a non-state legal system built on Divine revelation. At the same time, the latter does not unite the Muslim ummah, and it, in turn, does not have the status of a state people, since it does not have a standardized legal mentality. (As you know, it is not typical for tribal formations, the territory of which excludes the need for state borders due to the nomadic way of life of the Arabs and the absence of the concept of “state”, its signs and forms in Sharia).

The **second** stage: *Sharia in the period of the Arab Caliphate (VII-XIII centuries)*. It is characterized by the unification of several time periods of the doctrinal development of Sharia: the period of the Righteous Caliphs, the period of the Umayyads, the period of the Abbasids: “During this period, a supranational empire was formed, called the Arab Caliphate, based on Islam, with new administrative, tax, military and judicial systems” [7].

A distinctive feature of this stage can be considered the appearance of a qadi (judge) as another subject of Sharia, who (Sharia) continues to operate in isolation from Muslim rule, being associated with “pure” judicial practice. However, this circumstance is inevitably connected with the introduction of a “coercive effect” into the essential nature of Sharia itself, since judicial decisions, unlike the fatwas of muftis, have binding legal force. In addition to qadis, five imams can be attributed to the subjects of Sharia – the creators of madhabs (legal schools of Sharia), whose teachings were formulated on the basis of the corresponding interpretations of the Koran and Sunnah.

During this period, they tried to make Sharia a means of legitimizing the political decisions of those in power, which often led to cases of tyranny, arbitrariness and oppression by individual rulers in relation to ordinary people. At the same time, the power of Muslim rulers was not of a state, but of an individual character, since, as mentioned above, such concepts as “state” and “state power” are absent in Sharia. Such legitimization on the part of Muslim theologians, with a certain degree of conventionality, elevated the individual power of Muslim rulers to the level of political power.

However, Sharia did not express the will of the supreme power of the state, since there was no priority of the state over law. Sharia was not political in the sense that it did

not involve the use of coercive or state power. As a result, Sharia norms were not subject to changes reflecting the interests of the dominant class, as the legislation of most modern states does now.

However, it should be noted that already during the existence of the Caliphate, there was a tendency to absorb the Sharia by the emerging state structures: "judges were appointed by the ruler, who could remove the judge from office or limit his jurisdiction (for example, issues of one law or another, such as family, criminal, or a specific territory, be it a city or part of it, etc.)" [5]. At the same time, from the moment the judge was appointed to the position and until his dismissal, the ruler could not interfere in the affairs of the judge, who was assigned responsibility for conducting the case, which he studied and, as a result, was professionally and morally devoted.

The **third** stage: *Sharia after the fall of the Caliphate (mid-XIII – XX century)*. This stage covers the further evolution of Sharia during the existence of the Ottoman Empire. However, it should be noted that after the fall of the Caliphate, Sharia was in a state of stagnation, and only the second half of the 19th century was marked by the beginning of the "Islamic reformation" in the Arabian Peninsula [2], which "insisted" on the return to Islam (and, accordingly, the Sharia) of the time of the Prophet Muhammad. In other Muslim countries, which later became European colonies, the further development of Sharia was associated with such a way of organizing legal material as codification.

Fourth stage: *Sharia at the present stage (second half of the 20th century – to the present)*. The collapse of the Ottoman Empire (1918) was marked by the emergence of Muslim states of a territorial type, i.e. entities whose territory is marked by boundaries, which implies the existence of strict rules for their crossing. It is obvious that the obstacle (in the form of borders) to the free movement of Muslims is nothing but one of the signs of the Westernization of some Muslim states, which (Westernization), on the one hand, led to the actual liquidation of the Muslim Ummah, and, on the other hand, contributed to reforming Sharia in the direction of borrowing the form of Western legislative acts. "[The Acts] did not provide for significant changes in the religious basis of regulation, especially in relation to the regulation of "personal status", i.e. these changes have affected the external side of Islamic law, and as for its content side, the influence of classical Islamic law on it is decisive [7]. In connection with the introduction of the territorial factor into the essential nature of Sharia, this stage is marked by the transformation of the general meaning of the legal system, which is now associated only with the state.

In the XX century radical changes are taking place in the Islamic world, among which the Kemalist reforms in Turkey (1924), aimed at creating a secular state, are traditionally considered the most significant. Despite the fact that a number of Arab countries follow Turkey's example, the "secular project" collapses as a result of the Islamic Revolution in Iran (1979). This strengthens the influence of the classical Islamic legal doctrine on the activities of the legal systems of Muslim states, which implies the return of these states (and, above all, Iran and Afghanistan) to their traditional origins. Nevertheless, the return to the foundations of Islam (and, accordingly, Sharia), called Islamization, in reality did not mean a return to the period of its origin and early development. If initially Sharia was associated with the activities of muftis (Prophet Muhammad is considered the first mufti in the Muslim world) and was advisory in nature, then at present it is more likely associated with coercion in the person of Sharia judges and Sharia guards.

As a result of the struggle over the choice of further evolutionary directions for Muslim countries, numerous concepts of the so-called Islamic path of development arose.

Theory of State and Law

Among them, the concepts that raise the problem of the correlation (combination) of the processes of Islamization and Westernization are the most difficult.

Conclusion. Let's allow ourselves a little discussion related to the widespread, but, from our point of view, not entirely correct expression "according to Sharia law." This expression actually means literally the following: "according to the law that establishes the Sharia." However, in fact, the point here is not that the law establishes the Sharia, but that the law allows the Sharia to exist as long as the norms of the latter legitimize the will of those in power. So there is some legal inconsistency, in connection with which Sharia in modern Muslim states is established by a non-Sharia (non-Islamic) source of law. In the event of a discrepancy between the Sharia and the will of those in power, priority in law enforcement practice is given to the law as a coercive means of fulfilling the will of the head of the Muslim state, although such a topic, nevertheless, is debatable [11].

The presence of the state with its borders and the coercive force of law "secularized" Sharia, relegating it to the role of a subsidiary legal concept (not even a legal system), which can function only if it coincides with the will of Muslim rulers who claim to legitimize the power of theologians themselves -Ulemov.

Thus, the expansion of the subject composition of Sharia (mufti – qadi – imam – Muslim ruler) led to a change in the essential nature of Sharia in different historical epochs. Such a change resulted in the functional division of the "Islamic legal system" into Sharia and the law of a Muslim country: "... positive legal systems of Muslim countries should not be confused with Muslim (religious) law, it is necessary to distinguish between the concepts of "Muslim law" and "law of a Muslim country" [1 , p. 322–323]. Such dualism is fraught with such dangerous political consequences as the emergence and development of terrorism and radicalism in a number of Muslim countries (ISIS, Al-Qaeda), as well as the actual collapse of some of them (Afghanistan, Libya, Yemen, Somalia, Sudan).

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. David, R. The main legal systems of our time [Text]: [transl. from French] / Rene David, Camille Joffre-Spinosi. Moscow: International relations, 2009. 453 p.
2. Zubaida, S. Islamic Reformation? // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskaya-reformatsiya> (accessed September 2, 2022).
3. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
4. Nersesyants V.S. History of political and legal doctrines. Textbook for high schools. Ed. 2nd, stereotype. Moscow: Publishing group NORMA-INFRA M, 1998. 736 p.
5. Sidorov H.V. Impossible Islam according to Hallak: reflection and criticism, 2015 [Electronic resource] // URL: <http://www.harunsidorov.info/2015/03/04/hallak/> (date of access: 07/23/2022).
6. Syukiyainen L.R. Muslim law. Questions of theory and practice. Moscow: Publishing House "Nauka", 1986. 254 p.
7. Khashmatulla B. The evolution of Islamic law: a theoretical and comparative study: diss. ... doc. legal Sciences. [Electronic resource] //URL: http://www.bolgar.academy/files/2019/04/12/dissertation_1555065687 (Accessed 2 September 2022).
8. Hallak, V. The history of Islamic theories of law: an introduction to the Sunni theory of law / Per. from English. I.A. Tsaregorodtseva; under scientific ed. I.A. Alekseev. Moscow: Ed. House of Higher School of Economics, 2020. 464 p.

Теория государства и права

---

9. Zweigert K., Kötz X. Introduction to comparative law in the field of private law: In 2 vols. T. 1: Fundamentals / Per. with him. Moscow: International relations, 1998. 478 p.

10. Hallaq, W. An introduction to Islamic law // Hallaq, Wael B., 2009, Publisher Cambridge; New York: Cambridge University Press // URL: <http://soerenkern.com/pdfs/islam/Introduction-ToIslamicLaw.pdf> (accessed 23/07/2022).

11. Vogel, F. Islamic law and legal system: studies of Saudi Arabia / by Frank E. Vogel, Brill, Leiden; Boston; Koln, 2000 (Studies in Islamic law and society; Vol. 8) [Electronic resource] // URL: https://www.researchgate.net/publication/34959247_Islamic_Law_and_Legal_System_Studies_of_Saudi_Arabia (дата обращения: 23.07.2022).

For citation: Antonov B.A. Legal system of Islam: conflict "union" of interpretations of the concept of "Sharia": article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 80–86.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.005

Научная статья

УДК: 340.0

ББК: 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.006

Н.В. Володина*

А.Г. Залужный**

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ВИРТУАЛЬНОЙ ВАЛЮТЫ В ЭКСТРЕМИСТСКИХ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ ЦЕЛЯХ

***Аннотация.** В статье исследуются законодательство о цифровых финансовых активах и о цифровой валюте, а также правовые вопросы противодействия финансированию экстремистской и террористической деятельности в условиях информатизации с использованием виртуальных денег (криптовалюты), обладающих децентрализованной эмиссией и системой учёта. С учетом того, что криптовалюта может выступать дополнительным фактором формирования финансовой основы экстремистской и террористической деятельности в условиях цифровой экономики, сохраняя относительную независимость от легальных экономических структур, предлагается усилиями юридического сообщества совершенствовать меры по противодействию финансированию экстремистских и террористических образований через систему Интернет и отмывания нелегальных доходов при помощи виртуальных денег.*

***Ключевые слова:** виртуальная валюта, правовая легитимация криптовалют, законодательство о цифровых финансовых активах, цифровой валюте цифровые финансовые технологии, компьютерная экспертиза, финансирование экстремизма и терроризма, национальная и международная безопасность, противодействие финансированию экстремизма и терроризма.*

Среди современных вызовов национальной и международной безопасности выделяются те из них, которые напрямую связаны с техническим прогрессом, включая и киберпространство в финансовой сфере. В то же время процесс поступательного развития общественных отношений остановить нельзя, поэтому следует вести речь о том, что правовое регулирование в той или иной сфере должно отвечать требованиям безопасного развития человека, общества и государства.

Научно-технический прогресс оказывает непосредственное влияние на развитие информационной цивилизации, что напрямую связано с вовлечением мирового сообщества в современное информационно-коммуникативное пространство. Быстрые темпы развития информационных передовых технологий произвольно по-

---

* Володина Нина Витальевна – профессор факультета подготовки научных кадров Университета Прокуратуры Российской Федерации, доктор философских наук, доктор юридических наук. E-mail: nina_volodina@mail.ru

** Залужный Александр Гаврилович – профессор кафедры правового обеспечения национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. E-mail: zaluzhnyy-ag@ranepa.ru

рождают проблемы адаптационного, организационного и правового характера для субъектов государственных образований в связи взаимодействием их с информационной реальностью [12]. Для преодоления этих проблем требуется новый, адаптивный для всех участников международного сообщества механизм контроля информационной сферы (среды) [11, с. 22].

Так, с появлением платёжной системы «биткоин» (2009) используется термин «криптовалюта», а с 2013 года появляются новые платформы – мессенджеры, биржевая торговля, к которым относят, например, Nxt, Maaastercoin, Bitshares и др. Эксперты считают, что количество криптовалюты продолжает расти, а вопросы относительно ее использования нуждаются, как представляется, не только в экономической, но и в дополнительной юридической оценке.

В Российской Федерации отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, особенности деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов, а также отношения, возникающие при обороте цифровой валюты регулируются Федеральным законом от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1].

Указанный Федеральный закон, в частности, содержит понятие цифровой валюты (ст. 1, п. 3); устанавливает полномочия Банка России по ведению Реестра операторов информационных систем; регламентирует порядок согласования правил информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (ст. 7); особенности выпуска и обращения цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале акционерного общества (ст. 13); оборот цифровой валюты (ст. 14) и др.

Законом внесены изменения и дополнения в целый ряд нормативных правовых актов, включая Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». В частности, статья 3 дополнена частью третьей, в соответствии с которой цифровая валюта для целей данного Федерального закона признается имуществом и др. [2].

При этом Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» запрещает (ч. 10 ст. 4 Закона) принимать цифровые финансовые активы в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги, а также иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг), за исключением случаев, предусмотренных федеральными законами [1].

Следует отметить, что во всех перечисленных случаях речь идет о правовом регулировании вопросов, связанных с цифровыми финансовыми активами и цифровой валютой, находящихся в распоряжении юридических и иных лиц, прошедших государственную регистрацию и контролируемых Центральным Банком России.

Однако при этом виртуальные инвестиционные платформы формируются на основе прямых договоров без участия посредника [9, с. 22], а специалисты уже сегодня видят в использовании виртуальных денег почти безграничные «возможности для злоупотребления правом с использованием цифровых финансовых активов», в том числе, и для финансирования террористических организаций [6] путем отмывания денег, что создает угрозы для национальной безопасности [13].

В мае 2015 г. Европейским парламентом и Советом Европы была принята директива, направленная на предотвращение использования финансовой системы для целей отмывания денег или финансирования терроризма. В сфере использования криптовалюты Директива (ст. 2) применяется к провайдерам криптовалютных кошельков, под которыми (ст. 3) понимается любое юридическое лицо, оказывающее услуги по защите секретных криптографических ключей, необходимых для хранения, владения и перевода виртуальной валюты, по поручению своих клиентов. А раздел 2 Директивы («Надзор») содержит ст. 47, согласно которой государства-члены ЕС предусматривают регистрацию провайдеров, осуществляющих обменные операции между виртуальными и бумажными валютами и провайдеров криптовалютных кошельков [3].

В свою очередь, Банк России в своем информационном письме еще в январе 2014 года предупредил, что предоставление российскими юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» на рубли и иностранную валюту, а также на товары (работы, услуги) будет рассматриваться как потенциальная вовлеченность в осуществление сомнительных операций в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма [15]. Аналогичную позицию занимает и Федеральная служба по финансовому мониторингу [16].

Из вышеизложенного следует, что онлайн-технологии и информатизация кредитно-финансовой системы меняют саму структуру финансовых поступлений, составляющих материальную основу международной террористической и экстремистской деятельности. В частности, в связи с процессами глобализации и цифровизации современное общество столкнулось с новыми проблемами финансирования транснационального радикального экстремизма и терроризма при помощи электронных (виртуальных) денег – криптовалюты.

Соответственно, дополнительно актуализируются правовые вопросы, связанные с использованием виртуальной валюты и созданием механизмов контроля, направленных на обеспечение безопасности в части противодействия финансированию террористической и экстремистской деятельности.

Между тем количество видов криптовалюты ежегодно растет. Предположительно уже существуют более 2,5 тысяч видов криптовалюты, из которых наиболее известны такие, как "Bitcoin" («Биткоин»), имеющий биржевое обозначение BTC или XBT; "Bitcoin Cash" – BCH; "Monero" – XMR; "Dash" – DASH; "IOTA" – IOT; "Ethereum" («Эфириум») – ETH; "Ripple" («Райпл») – XRP; "Litecoin" («Лайткоин») – LTC; "Zcash" – ZEC; "Ethereum Classic" – ETC [21] и другие. При этом каждый вид имеет свои особенности. Соответственно, и для финансирования экстремистской и террористической деятельности могут использоваться разные виды криптовалюты.

В своих теоретических исследованиях различные авторы и научные центры сходятся в том, что в экономическом смысле криптовалюта (биткоин) – это деньги, но строго юридически валютой не является, так как «не выдается и не санкционируется государством или каким-либо правительством», «нарушает порядок оборота товаров и предоставления услуг», работает, в основном «за пределами обычной финансовой системы», в силу чего «регуляторы обеспокоены угрозами отмывания преступных доходов, финансирования терроризма» и т.д. [20]. Обращает на себя внимание и тот факт, что для создания счёта в криптовалюте не нужны идентифицирующие данные, а необходим только пароль, что становится очень привлекательным

для мошенников и преступников, включая экстремистов и террористов и недобросовестных предпринимателей [10].

С появлением электронных денег появились и новые технологии их перечисления. Так, технология блокчейн, претендующая сразу и на регистрацию сделок, и идентификацию лиц, их совершивших, несет в себе опасность разрыва множества сложившихся связей за счет исключения из сферы финансовых услуг таких, например, централизованных учреждений как банки и другие финансовые организации, чья деятельность в достаточной степени урегулирована нормами не только частного, но и публичного права.

Уже создана, функционирует в виртуальном пространстве и автономно существует вне традиционной банковской сферы альтернативная, децентрализованная система по отношению к национальным денежно-валютным системам. Созданные современные технологии позволяют свободное обращение криптовалюты, что сопровождается процессами выхода денежных средств из-под юрисдикции государств и утратой контроля за их движением со стороны национальных банков, что может привести к опасности потери финансового суверенитета любого государства.

Блокчейн, конечно, тоже онлайн-система, однако здесь движение криптовалюты не только не предполагает централизованного управления, но и обеспечивает анонимность участников финансовой деятельности, что, как минимум, затрудняет контроль за ее осуществлением. Такая анонимность позволяет лицам, использующим виртуальные деньги, действовать вне рамок правового поля, создает благоприятные условия для нарушения финансового законодательства, в том числе. способствуют бесконтрольному финансированию радикального экстремизма и терроризма в глобальных масштабах, что является угрозой национальной безопасности.

Для предотвращения активного использования новых цифровых финансовых технологий транснациональными экстремистскими и террористическими организациями на международном уровне необходимо выработать механизмы и новые подходы с учётом национальных систем, например, по расследованию преступлений с использованием криптовалюты любого вида. Особенности криптовалюты (доступность, оперативность переводов и их трансграничный характер и др.) предопределяет возможность её активного использования в преступных целях для финансирования транснационального экстремизма и терроризма.

Российские учёные и сотрудники правоохранительных органов, прокуратуры неоднократно обращали внимание на проблемы по предотвращению финансирования террористической и экстремистской деятельности [8, с. 10]. В этой связи надо согласиться с мнением, что криптовалюта выступает в качестве примера своего рода «инновации экономики террора», так как использование виртуальных денег лежит в основе механизма, неподконтрольного легальным финансовым институтам и требует совершенно иных подходов к противодействию такой деятельности [17, с. 19; 19, с. 4].

При этом нельзя забывать традиционные способы финансирования противоправной деятельности. Существует мнение, что транснациональные экстремистские и террористические организации уже отладили связи с легальными банковскими структурами и активно используют их для совершения необходимых им операций. При этом нет гарантий того, что это происходит без ведома самих финансовых институтов, возможно, знают о преступном происхождении средств, но при этом открывают такие счета [18], создавая таким образом условия для сращивание капита-

ла легальных экономических структур с экстремистскими и террористическими организациями. Происходить это может по разным причинам, например, путем создания легальных предприятий, прибыль от деятельности которых будет использоваться для финансирования экстремистских и террористических организаций. Не исключены угрозы и шантаж в отношении предпринимателей, рэкет, наконец, коррупция и др.

Нельзя исключить и собственные каналы перемещения финансовых средств на основе современных онлайн-платёжных систем, которые позволяют доставлять финансовые средства преступным группам по всему миру [19, с. 4], так как еще в должной мере не созданы эффективные механизмы (включая правовые) противодействия финансированию экстремизма и терроризма при помощи криптовалюты с использованием онлайн-технологий.

Возможность применения комбинированных схем с использованием криптовалюты в преступных целях существенно усложняет не только выявление самих преступлений, но и создает большие трудности для установления лиц, осуществивших переводы с использованием криптовалюты, поскольку идентификация пользователей чаще всего не проводится. В то же время, как полагают специалисты, проблема эта вполне решаема при использовании традиционных методик и современных технических средств [17]. На наш взгляд, к этому необходимо только добавить, что нуждается в дальнейшем совершенствовании экспертная деятельность, направленная на установление фактов финансирования экстремистской и террористической деятельности с использованием виртуальных денег.

Для совершенствования законодательства, регулирующего использование виртуальной валюты следует учитывать и международную практику в рассматриваемой сфере, которая сегодня далека от единых подходов [10]. Многие авторы в этой связи полагают, что государства с учетом интересов друг друга должны «выработать единые для всех стран правила игры в сфере цифровых технологий» [5, с. 176], что, безусловно, способствовало бы более эффективному противодействию террористической и экстремистской деятельности.

В этой связи следует отметить, что и международными организациями признается потенциальная возможность обмена виртуальной валюты на реальные деньги или другие виртуальные валюты и последующего «незаконного использования в целях отмывания денег и финансирования терроризма» [4].

Российская Федерация заинтересована в дальнейшей разработке механизмов противодействия и направила, например, в ФАТФ проект, направленный на выявление и пресечение трансграничных теневых финансовых посредников, к которому присоединились Австралия, Германия, Канада [14] и др.

Нельзя отрицать тот факт, что глобальная цифровизация современного мира привела к использованию криптовалюты в качестве денег будущего, а мировое общество при этом должно быть готово к новым вызовам, включая и противодействие финансированию экстремистской и террористической деятельности. Главное – разработать нормативно-правовую базу и найти механизмы для предотвращения использования виртуальных денег в качестве угрозы безопасности общества. Поэтому относительно использования цифровой валюты в нашей стране следует согласиться с мнением о том, что назрела необходимость введения уголовной ответственности за ее противозаконный оборот и нарушение правил совершения с ней сделок [7, с. 170].

Библиографический список

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 14.07.2022).
2. Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ (ред. от 05.12.2022) «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 14.07.2022).
3. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC (Text with EEA Relevance) // Опубликована в Официальном Журнале (ОЖ) N L 141, 5.6.2015, стр. 73; ОЖ N L 156, 19.6.2018, стр. 43; ОЖ N L 334, 27.12.2019, стр. 155.
4. FATF. Руководство по применению риск-ориентированного подхода. Виртуальные валюты / https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/fatf/rop_virtualnye_valyut_y.pdf. С. 58 / Дата обращения 15.09.2022.
5. *Антонян Е.А., Аминов И.И.* Блокчейн-технологии в противодействии кибертерроризму // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6. – С. 167–177.
6. *Арнаутов Д.Р., Ерохина М.Г.* Цифровые активы в системе российского права // Российский юридический журнал. – 2019. – № 4. – С. 148–157.
7. *Бастрыкин А.И.* Современные способы противодействия терроризму и экстремизму // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 167–170.
8. *Батоев В.Б., Семенчук В.В.* Использование криптовалюты в преступной деятельности: проблемы противодействия / Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 2. – С. 9–15.
9. *Белицкая А.В.* Трансформация государственной инвестиционной политики в условиях цифровой экономики: российский и зарубежный опыт // Право и цифровая экономика. – 2022. – № 1. – С. 21–29.
10. *Володина Н.В.* К вопросу формирования правового статуса криптовалют в конституционно-правовой системе России и зарубежных стран / Современное право. – 2020. – № 3. – С. 43–48.
11. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
12. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Переходное электронное государство в условиях функционирования информационной (кибернетической) цивилизации: теоретико-правовой анализ: статья // Вестник Московского государственного открытого университета. – 2019. – № 1. – С. 17–27. (DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27).
13. *Егорова М.А., Белицкая А.В.* Публичное регулирование криптовалютных отношений в контексте риска национальной безопасности // Юрист. – 2021. – № 1. – С. 2–10.
14. *Епифанова Н.С., Башкина А.А.* Анализ источников финансирования Исламского государства как основа исследования возможностей противодействия терроризму / Электронный научный журнал «Вооружение и экономика» 3 (45) / 2018 / [www/viek.ru/](http://www.viek.ru/) Дата обращения: 15.09.2022
15. Информация Банка России от 27.01.2014 «Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн / КонсультантПлюс.
16. Информационное сообщение Росфинмониторинга «Об использовании криптовалют» от 06.02.2014 / КонсультантПлюс.

17. Кучеров И.И. К вопросу о методике расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалюты // Российский следователь. – 2018. – № 12. – С. 17–21.

18. Ларина Е., Овчинский В. Криптовалюта, блокчейн и преступность. 6 июля 2018 / <https://zavtra.ru/> Дата обращения: 15.09.2022.

19. Сальников Е.В., Сальникова И.Н. Криптовалюта как инновация экономики террора // Интернет-журнал «Науковедение». – 2016. – Т. 8. – № 3. – С. 1–9 (74–83).

20. Трунцевский Ю.В. Цифровая (виртуальная) валюта и противодействие отмыванию денег: правовое регулирование // Банковское право. – 2018. – № 2. – С. 18–28.

21. Как обналечить криптовалюту в Эмиратах? // <https://uae-consult.com/blog/kak-obnalichivat-kriptovalyutu-v-emiratakh/> Дата обращения: январь 2020.

Для цитирования: Володина Н.В., Залужный А.Г. Правовые вопросы противодействия использованию виртуальной валюты в экстремистских и террористических целях: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 87–93.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.006

LEGAL ISSUES OF COUNTERING THE USE OF VIRTUAL CURRENCY FOR EXTREMIST AND TERRORIST PURPOSES

Nina V. Volodina*

Alexander G. Zaluzhny**

Annotation. *The legislation on digital financial assets and digital currency, as well as legal issues of countering the financing of extremist and terrorist activities in the conditions of informatization using virtual money (cryptocurrencies) with a decentralized issue and accounting system are studied. Taking into account the fact that cryptocurrency can act as an additional factor in the formation of the financial basis of extremist and terrorist activities in the digital economy, while maintaining relative independence from legal economic structures, it is proposed by the efforts of the legal community to improve measures to counter the financing of extremist and terrorist entities through the Internet and the laundering of illegal income using virtual money.*

Keywords: *virtual currency, legal legitimization of cryptocurrencies, legislation on digital financial assets, digital currency, digital financial technologies, computer expertise, financing of extremism and terrorism, national and international security, countering the financing of extremism and terrorism.*

Among the modern challenges to national and international security, those that are directly related to technological progress, including cyberspace in the financial sector, stand out. At the same time, the process of progressive development of social relations cannot be stopped, so we should talk about the fact that legal regulation in a particular area must meet the requirements of the safe development of a person, society and the state.

---

* Volodina Nina Vitalievna – Professor of the Faculty of Scientific Personnel Training University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Doctor of Philosophy, Doctor of Law. E-mail: nina_volodina@mail.ru

** Zaluzhny Alexander Gavrilovich – Professor of the Department of Legal Support of National Security Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: zaluzhnyy-ag@ranepa.ru

Scientific and technological progress has a direct impact on the development of information civilization, which is directly related to the involvement of the world community in the modern information and communication space. The rapid pace of development of information advanced technologies involuntarily gives rise to problems of an adaptive, organizational and legal nature for the subjects of state formations in connection with their interaction with information reality [12]. To overcome these problems, a new, adaptive for all participants in the international community mechanism for controlling the information sphere (environment) is required [11, p. 22].

So, with the advent of the Bitcoin payment system (2009), the term “cryptocurrency” is used, and since 2013, new platforms have appeared – instant messengers, exchange trading, which include, for example, Nxt, Maaastercoin, Bitshares, etc. Experts believe that the number Cryptocurrency continues to grow, and questions regarding its use seem to need not only economic, but also additional legal assessment.

In the Russian Federation, relations arising from the issuance, accounting and circulation of digital financial assets, the specifics of the activities of the operator of the information system in which the issuance of digital financial assets and the operator of the exchange of digital financial assets, as well as relations arising from the circulation of digital currency are regulated by Federal Law No. 07/31/2020 No. 259-FZ "On digital financial assets, digital currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" [1].

The specified Federal Law, in particular, contains the concept of digital currency (Article 1, paragraph 3); establishes the powers of the Bank of Russia to maintain the Register of Information System Operators; regulates the procedure for harmonizing the rules of the information system in which the issuance of digital financial assets is carried out (Article 7); features of the issue and circulation of digital financial assets certifying the right to participate in the capital of a joint-stock company (Article 13); circulation of digital currency (Article 14), etc.

The Law introduced amendments and additions to a number of normative legal acts, including the Federal Law “On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism”. In particular, Article 3 is supplemented with part three, according to which digital currency for the purposes of this Federal Law is recognized as property, etc. [2].

At the same time, the Federal Law “On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” prohibits (Part 10, Article 4 of the Law) from accepting digital financial assets as a means of payment or other consideration for transferred goods performed by works, services rendered, as well as in another way that allows one to assume payment for goods (works, services) by a digital financial asset, except for cases provided for by federal laws [1].

It should be noted that in all the above cases, we are talking about the legal regulation of issues related to digital financial assets and digital currency that are at the disposal of legal entities and other persons that have passed state registration and are controlled by the Central Bank of Russia.

However, at the same time, virtual investment platforms are formed on the basis of direct contracts without the participation of an intermediary [9, p. 22], and experts already today see in the use of virtual money almost limitless “opportunities for abuse of the right using digital financial assets”, including for financing terrorist organizations [6] through money laundering, which creates threats to national security [13].

In May 2015, the European Parliament and the Council of Europe adopted a directive aimed at preventing the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing. In the field of cryptocurrencies, the Directive (art. 2) applies to providers of crypto-currency wallets, which (art. 3) means any legal entity that provides services for the protection of secret cryptographic keys necessary for the storage, possession and transfer of virtual currency, on behalf of its clients. And section 2 of the Directive ("Supervision") contains Art. 47, according to which the EU member states provide for the registration of providers that carry out exchange operations between virtual and fiat currencies and providers of cryptocurrency wallets [3].

In turn, the Bank of Russia, in its information letter back in January 2014, warned that the provision by Russian legal entities of services for the exchange of "virtual currencies" for rubles and foreign currency, as well as for goods (works, services) would be considered as a potential involvement in carrying out suspicious transactions in accordance with the legislation on combating the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism [15]. The Federal Financial Monitoring Service takes a similar position [16].

From the foregoing, it follows that online technologies and informatization of the credit and financial system change the very structure of financial receipts, which form the material basis of international terrorist and extremist activities. In particular, in connection with the processes of globalization and digitalization, modern society has faced new problems of financing transnational radical extremism and terrorism with the help of electronic (virtual) money – cryptocurrency.

Accordingly, legal issues related to the use of virtual currency and the creation of control mechanisms aimed at ensuring security in terms of countering the financing of terrorist and extremist activities are being further updated.

Meanwhile, the number of types of cryptocurrencies is growing every year. Presumably, there are already more than 2.5 thousand types of cryptocurrency, of which the most famous are such as "Bitcoin" ("Bitcoin"), which has the exchange designation BTC or XBT; "Bitcoin Cash" – BCH; "Monero" – XMR; "Dash" – DASH; "IOTA" – IOT; "Ethereum" ("Ethereum") – ETH; "Ripple" ("Ripple") – XRP; "Litecoin" ("Litecoin") – LTC; "Zcash" – ZEC; "Ethereum Classic" – ETS [21] and others. Each type has its own characteristics. Accordingly, different types of cryptocurrencies can be used to finance extremist and terrorist activities.

In their theoretical studies, various authors and research centers agree that in the economic sense, cryptocurrency (Bitcoin) is money, but strictly legally it is not a currency, since "it is not issued or sanctioned by the state or any government", "violates the procedure for the circulation of goods and the provision of services", operates mainly "outside the normal financial system", which is why "regulators are concerned about the threats of money laundering, terrorist financing", etc. [twenty]. It is also noteworthy that to create a cryptocurrency account, no identifying data is needed, but only a password is needed, which becomes very attractive for scammers and criminals, including extremists and terrorists and unscrupulous entrepreneurs [10].

With the advent of electronic money, new technologies for their transfer have also appeared. Thus, the blockchain technology, which claims to immediately register transactions and identify the persons who made them, carries the risk of breaking many established ties due to the exclusion from the financial services sector of such, for example, centralized institutions as banks and other financial organizations whose activities in sufficiently regulated by the norms of not only private, but also public law.

An alternative, decentralized system in relation to national monetary systems has already been created, operates in the virtual space and autonomously exists outside the traditional banking sector. The created modern technologies allow the free circulation of cryptocurrency, which is accompanied by the process of exit of funds from the jurisdiction of states and the loss of control over their movement by national banks, which can lead to the risk of losing the financial sovereignty of any state.

Blockchain, of course, is also an online system, but here the movement of cryptocurrency not only does not imply centralized management, but also ensures the anonymity of participants in financial activities, which at least makes it difficult to control its implementation. Such anonymity allows persons using virtual money to act outside the legal framework, creates favorable conditions for violating financial legislation, among other things, contribute to the uncontrolled financing of radical extremism and terrorism on a global scale, which is a threat to national security.

To prevent the active use of new digital financial technologies by transnational extremist and terrorist organizations at the international level, it is necessary to develop mechanisms and new approaches taking into account national systems, for example, to investigate crimes using any kind of cryptocurrency. The features of cryptocurrency (accessibility, promptness of transfers and their cross-border nature, etc.) predetermine the possibility of its active use for criminal purposes to finance transnational extremism and terrorism.

Russian scientists and law enforcement officers, prosecutors have repeatedly drawn attention to the problems of preventing the financing of terrorist and extremist activities [8, p. ten]. In this regard, we must agree with the opinion that cryptocurrency acts as an example of a kind of "innovation of the economy of terror", since the use of virtual money underlies a mechanism that is not controlled by legal financial institutions and requires completely different approaches to countering such activities [17, p. 19; 19, p. 4].

At the same time, one should not forget the traditional ways of financing illegal activities. There is an opinion that transnational extremist and terrorist organizations have already established ties with legal banking structures and are actively using them to carry out the operations they need. At the same time, there are no guarantees that this happens without the knowledge of the financial institutions themselves, perhaps they are aware of the criminal origin of the funds, but at the same time they open such accounts [18], thus creating conditions for the merging of the capital of legal economic structures with extremist and terrorist organizations. This can happen for various reasons, for example, by creating legal enterprises whose profits will be used to finance extremist and terrorist organizations. Threats and blackmail against entrepreneurs, racketeering, finally, corruption, etc. are not excluded.

We cannot exclude our own channels for moving funds based on modern online payment systems that allow the delivery of funds to criminal groups around the world [19, p. 4], since effective mechanisms (including legal ones) for countering the financing of extremism and terrorism with the help of cryptocurrency using online technologies have not yet been adequately created.

The possibility of using combined schemes using cryptocurrencies for criminal purposes significantly complicates not only the detection of the crimes themselves, but also creates great difficulties in identifying the persons who made transfers using cryptocurrencies, since user identification is most often not carried out. At the same time, according to experts, this problem can be completely solved using traditional methods and modern technical means [17]. In our opinion, it is only necessary to add to this that expert activities

aimed at establishing the facts of financing extremist and terrorist activities using virtual money need to be further improved.

To improve the legislation governing the use of virtual currency, one should also take into account international practice in this area, which today is far from uniform approaches [10]. In this regard, many authors believe that states, taking into account the interests of each other, should “develop common rules for all countries in the field of digital technologies” [5, p. 176], which, of course, would contribute to a more effective counteraction to terrorist and extremist activities.

In this regard, it should be noted that international organizations also recognize the potential possibility of exchanging virtual currency for real money or other virtual currencies and subsequent “illegal use for money laundering and terrorist financing” [4].

The Russian Federation is interested in further development of countermeasures and has sent, for example, to the FATF a project aimed at identifying and suppressing cross-border shadow financial intermediaries, which has been joined by Australia, Germany, Canada [14] and others.

It cannot be denied that the global digitalization of the modern world has led to the use of cryptocurrency as the money of the future, while the world community must be ready for new challenges, including countering the financing of extremist and terrorist activities. The main thing is to develop a regulatory framework and find mechanisms to prevent the use of virtual money as a threat to the security of society. Therefore, regarding the use of digital currency in our country, one should agree with the opinion that there is a need to introduce criminal liability for its illegal circulation and violation of the rules for making transactions with it [7, p. 170].

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 (as amended on July 14, 2022) “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru> – 14.07.2022).
2. Federal Law of 07.08.2001 No. 115-FZ (as amended on 05.12.2022) “On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism” // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> – 14.07.2022).
3. Directive (EU) 2015/849 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on the prevention of the use of the financial system for the purposes of money laundering or terrorist financing, amending Regulation (EU) No 648/2012 of the European Parliament and of the Council, and repealing Directive 2005/60/EC of the European Parliament and of the Council and Commission Directive 2006/70/EC (Text with EEA Relevance) // Published in the Official Journal (OJ) N L 141 , 5.6.2015, p. 73; OZH N L 156, 19.6.2018, p. 43; OJ N L 334, 12/27/2019, p. 155.
4. FATF. Guidance on the application of a risk-based approach. Virtual currencies / https://www.fedsfm.ru/content/files/documents/fatf/rop_virtualnye_valyuty.pdf. P. 58 / Retrieved 15.09.2022.
5. Antonyan E.A., Aminov I.I. Blockchain technologies in counteracting cyberterrorism // Actual problems of Russian law. 2019. № 6. P. 167–177.
6. Arnautov D.R., Erokhina M.G. Digital assets in the system of Russian law // Russian legal journal. 2019. No. 4. P. 149–157.

7. Bastrykin A.I. Modern ways of countering terrorism and extremism // Actual problems of Russian law. 2021. No. 6. P. 167–170.
8. Batoev V.B., Semenchuk V.V. The use of cryptocurrency in criminal activity: problems of counteraction / Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 2. P. 9–15.
9. Belitskaya A.V. Transformation of the state investment policy in the digital economy: Russian and foreign experience // Law and digital economy. 2022. No. 1. P. 21–29.
10. Volodina N.V. On the issue of the formation of the legal status of cryptocurrencies in the constitutional legal system of Russia and foreign countries / Modern law. 2020. № 3. Pp. 43–48.
11. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in Information Civilization: Theoretical and Legal Understanding: Article // Theory of State and Law. 2019. No. 3. S. 20–36. 22
12. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Transitional electronic state in the conditions of functioning of the information (cybernetic) civilization: theoretical and legal analysis: article // Bulletin of the Moscow State Open University. 2019. No. 1. P. 17–27. (DOI: 10.18384/2310-6794-2019-1-17-27).
13. Egorova M.A., Belitskaya A.V. Public regulation of cryptocurrency relations in the context of national security risk // Lawyer. 2021. No. 1. P. 2–10.
14. Epifanova N.S., Bashkina A.A. Analysis of the sources of financing of the Islamic State as the basis for studying the possibilities of countering terrorism / Electronic scientific journal "Arms and Economics" 3 (45) / 2018 / www/viek.ru/ Date of access: 09/15/2022
15. Information of the Bank of Russia dated January 27, 2014 "On the use of "virtual currencies" in transactions, in particular, Bitcoin / ConsultantPlus.
16. Information message of Rosfinmonitoring "On the use of cryptocurrencies" dated 06.02.2014 / ConsultantPlus.
17. Kucherov I.I. On the question of the methodology for investigating crimes committed with the use of cryptocurrency // Russian investigator. 2018. No. 12. P. 17–21.
18. Larina E., Ovchinsky V. Cryptocurrency, blockchain and crime. July 6, 2018 / <https://zavtra.ru/> Date of access: 09/15/2022.
19. Salnikov E.V., Salnikova I.N. Cryptocurrency as an innovation in the economy of terror // Journal of Science Science. 2016. V. 8. No. 3. P. 1–9 (74–83).
20. Truntsevsky Yu.V. Digital (virtual) currency and anti-money laundering: legal regulation // Banking law. 2018. No. 2. P. 18–28.
22. How to cash out cryptocurrency in the Emirates? // <https://uae-consult.com/blog/kak-obnalichivat-kriptovalyutu-v-emiratakh/> Accessed: January 2020.

For citation: Volodina N.V., Zaluzhny A.G. Legal issues of countering the use of virtual currency for extremist and terrorist purposes: article // Theory of State and Law. 2022. № 4 (29). P. 93–98.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.006

Научная статья

УДК: 340.1

ББК: 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.007

М.С. Галиев*

Т.Л. Комарова**

Б.А. Ревнов***

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ «ПРАВО НА ЗАЩИТУ» В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Аннотация. В статье авторы предпринимают попытку обосновать объективную необходимость расширения сферы применения общетеоретической правовой категории – право на защиту. Акцентируя внимание на том, что общеправовая категория «право на защиту» как идеальная структура правового мышления и предметная единица юридического познания, содержит в себе модусы правовых возможностей и потенциал правовых связей. Вместе с этим, авторы утверждают, что право на защиту как общеправовая категория выражает идею высшего стандарта защиты в сознании и правосознании личности.

Ключевые слова: правовая категория, право на защиту, государство, право, правосознание, человек, личность, гражданин, правовая культура.

Одной из существенных характеристик правового государства является обеспечение прав и свобод человека и гражданина, что получило свое нормативное закрепление во Всеобщей декларации права человека 1948 года [2], Конвенции о защите прав человека и основных свобод [3], которая в настоящий момент ратифицирована большинством стран мира.

Право на защиту как общетеоретическая правовая категория должна обладать единым и неизменным характером, определяемым ее особой ценностью. В Конституции РФ высшей ценностью провозглашается человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, личная неприкосновенность и безопасность, другие права и свободы, а их обеспечение осуществляется согласно положениям Конституции РФ и общепризнанным принципам и нормам международного права [1; 14]. Государство исходит из приоритета прав и свобод человека и гражданина. Признание, соблюдение и за-

---

* Галиев Михаил Сергеевич, доцент кафедры юриспруденции Дальневосточного филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации» (г. Петропавловск-Камчатский), Генеральный директор ООО «Экономика и право», кандидат юридических наук. E-mail: galiev87@inbox.ru

** Комарова Татьяна Львовна, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: komarova_tl@mail.ru

*** Ревнов Борис Александрович, доцент кафедры конституционного и административного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@yandex.ru

щита прав и свобод, чести и достоинства человека и гражданина – главная обязанность государственной власти [13, с. 197].

Фундаментальную ценность права на защиту обосновал в свое время Д. фон Гильдебранд, который считал, что всякая ценность есть первичная данность, доступная лишь интуитивному познанию. В этом смысле ценность «не может быть к чему-либо сведена или объяснена; ценность интеллигибельна, т.е. постигается прямо разумом» [8, с. 72; 10, с. 732].

В заданном контексте аксиологический (ценностный) смысл права на защиту как общеправовой категории состоит в отражении объективного блага, а не в средствах удовлетворения физических или моральных потребностей. Таким образом, можно констатировать, что право на защиту как общеправовая категория обладает научной и инструментальной ценностью, являясь одной из центральных категорий понятийного ряда науки теория государства и права.

Важно понимать, что объективируясь в категорию права, право на защиту нацелено на объект защиты, в качестве которого может выступать не только нарушенное субъективное право, но охраняемый законом интерес. Так, Н.Ю. Кавелина, исследуя позиции Н.И. Матузова, С.С. Алексеева приходит к выводу: охраняемые законом интересы – «это социальные потребности, взятые законом под свою охрану не путем предоставления им субъективных материальных прав, а предоставления им (или же другим лицам) права прибегнуть к судебной или иным правовым формам защиты» [12, с. 77]. И что особенно важно отметить – при защите охраняемого законом интереса никакой деформации права не происходит. А деформация права, по мнению большинства исследователей, и является обязательным условием появления права на защиту. В.А. Максимов справедливо утверждает, что «защита интереса заключается в обеспечении его удовлетворения посредством субъективного права» [17, с. 89]. Таким образом, объектом субъективного права на защиту всегда является определенное социальное благо, которому соответствует определенная правовая возможность. Ведь по сути **субъективное право** определяется в науке как установленная в объективном праве способность пользоваться определенными социальными благами (материальными и духовными), как вид и мера возможного поведения субъектов, как право субъектов на собственные действия [13, с. 397].

«Аксиологические характеристики права связаны с его природой, формой, местом и ролью в нормативной системе правового общества», пишет Г.В. Нефедовский [21, с. 39]. Это объективное благо и придает правовой категории «право на защиту» универсальность, так как позволяет обеспечить охрану других прав и свобод человека и гражданина. Право на защиту выступает как основа построения законодательства любой страны. Свои качественно-существенные характеристики эта правовая категория обретает в нормативно-правовых актах. Общеправовая категория «право на защиту» нашла свою полноценную объективацию в положении Всеобщей декларации прав человека 1948 г. [2].

Вместе с тем, «право на защиту» как общетеоретическая категория не имеет до сих пор точного понимания, как в отечественной, так и в зарубежной юриспруденции. Универсальность – это, пожалуй, единственная характеристика данной категории, с чем согласны большинство исследователей.

Любое субъективное право, как категория права возникает не само по себе, а как результат воздействия на него более общего понятия, способного отразить

всеобщие сущностные свойства и признаки изучаемого явления. Здесь представляется актуальной позиция А.М. Васильева, который приводит три признака, по которым следует «разграничивать правовую категорию и категорию права, которые: 1) превращаются в общеобязательные государственные установления; 2) не только проявляются как атрибуты абстрактного мышления, но и выступают как средство регулирования общественных отношений, как государственный масштаб оценки поведения людей; 3) приобретают способность переводить общие абстрактные требования на уровень практических действий участников правового общения» [5, с. 66].

Что же касается сущностных свойств правового явления, то в заданном контексте предметом рассмотрения таковых выступают общность и различие, заложенные в общеправовой категории «право на защиту» в соотношении с другими категориями права, которые и обнаруживаются во взаимодействии с ними (правовыми категориями и категориями права).

Итак, в современном отечественном правоведении определилась насущная потребность в четком определении права на защиту как общеправовой категории.

Подчеркнем, что несмотря на то, что субъективные права как фрагменты действительности органически принадлежат к различным сферам отраслевого «правового воздействия», теоретические проблемы субъективного права разрабатываются не только теоретиками права [4; 6; 18]. Еще Г. Ф. Шершеневич отмечал, что «субъективное право есть власть осуществлять свой интерес» [22, с. 885]. Представители отраслевых юридических наук, прежде всего цивилистических (А.В. Власова [7], В.П. Грибанов [9], Е.А. Крашенинников [15], А.М. Лушников, М.В. Лушникова [16], Е.Я. Мотовиловкер [19], Л.С. Таль [24] и др. справедливо исходят из того, что субъективное право по своему содержанию является единством взаимосвязанных элементов (свойств): а) права поведения субъекта; б) права пользования; в) права требования; г) права притязания [13, с. 398].

Теоретики права высказывались в этом плане более определенно. Так, В.С. Нерсисянц приходит к выводу, что «наряду с правами, принадлежащими участникам конкретных правоотношений, в теории государства и права определяют еще и абстрактные права, выражающие лишь абстрактные правовые возможности абстрактных субъектов права» [20, с. 504].

Таким образом, общеправовая категория «право на защиту» как идеальная структура правового мышления и предметная единица юридического познания, содержит в себе не только модусы правовых возможностей (В.А. Патюлин [23]), но и потенциал правовых связей.

Общеправовая категория, безусловно, имеет свою собственную структуру, некоторые элементы которой (ценность, возможность, связь) были рассмотрены выше. Вместе с тем, следует остановиться и на естественно-правовом аспекте данной категории. Необходимость такого подхода обусловлена целью единой концептуализации права на защиту как социально-правового феномена с точки зрения основных эпистемологических типов познавательного отношения к праву – науки, философии и догматики.

Право на защиту как общеправовая категория выражает идею высшего стандарта защиты в сознании и правосознании личности. В силу несовершенства, а иногда и деформации правовой культуры населения в России, становится фактом, что Конституция Российской Федерации в сознании общества связывается со всем пра-

вом и является единственным, достоверным представлением о праве. Конституционно-правовые нормы воспринимаются народом как всеобщее право, принадлежащее каждой личности от рождения [1; 14]. «Раскрывая аксиологическую значимость общеправовой категории «право на защиту» как имеющую естественно-правовой характер, как общеправовой идеи, следует обратить внимание на высказывание Аристотеля, который утверждал, что цель этики – «не познание, а поступки». В свою очередь, этические знания имеют ценность не сами по себе, они переходят в нормы, в требования к поведению» [11, с. 380].

На практике защита гражданских прав осуществляется в установленном порядке судом, арбитражем или третейским судом путем:

признания права;

восстановления положения, существовавшего до нарушения права;

пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения;

признания оспоримой сделки недействительной и применения последствий ее недействительности, применения последствий недействительности ничтожной сделки;

признания недействительным акта государственного органа или органа местного самоуправления;

самозащиты права;

принуждения к исполнению обязанности в натуре;

возмещения убытков;

взыскания неустойки;

компенсации морального вреда;

прекращения или изменения правоотношения;

неприменения судом акта государственного органа или органа местного самоуправления, противоречащего закону;

иными способами, предусмотренными законом.

Аналогичные примеры можно привести и из других отраслей права, в частности, в трудовом праве восстановительной функцией обладают нормы, связанные с выплатой компенсации и восстановлением на работе [13, с. 506].

Право на защиту возникает в сознании личности в результате осмысления потребности в его государственном признании, то есть в придании ему властно-обязательного характера.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 // Российская газета, 1995, 5 апреля.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. (заключена в г. Риме) вместе с Протоколом № 1 от 20 апреля 1952 г. (подписан в г. Париже); Протоколом № 4 от 16 сентября 1963 г. «Об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и Первый протокол к ней» (подписан в г. Страсбурге); Протокол № 7 от 22 ноября 1984 г. (подписан в г. Страсбурге) // СЗ РФ. 2001. № 2. Ст. 163. и др. // www.consultant.ru

4. *Братусь С.Н.* О пределах осуществления гражданских прав (ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) // Правоведение. – 1967. – № 3. – С. 79–86.
5. *Васильев А.М.* Правовые категории. Методологические аспекты разработки системы категорий теории права / Васильев А.М. – М.: Юрид. лит., 1976. – 264 с.
6. *Витрук Н.В.* К вопросу об объективном и субъективном в праве и о понятиях "объективное право" и "субъективное право" // В сб.: Избранное. – М., 2012. – Т. 1. – С. 27–36.
7. *Власова А.В.* Структура субъективного гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. – Ярославль, 1998. – 150 с.
8. *Гильдебранд Д.* Этика /Перевод с нем. А.И. Смирнова. – СПб.: Алетея, 2001. – 569 с.
9. *Грибанов В.П.* Осуществление и защита гражданских прав / изд.2-е, стер. – М.: Статут, 2001. – 294 с.
10. История этических учений: учебник / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Гардарики, 2003. – 755 с.
11. История этических учений: Учебник для вузов / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: Академический проект; Трикста, 2015. – 879 с.
12. *Кавелина Н.Ю.* Понятие и содержание конституционного права на защиту // Правовая культура. – 2008. – № 2 (5). – С. 68–81.
13. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
14. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 4-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А.Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2022. – 333 с.
15. *Крашенинников Е. А.* Структура субъективного права и право на защиту // Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. – Ярославль, 1979. – С. 76–77.
16. *Лушников А.М., Лушников М.В.* Курс трудового права: Учебник: В 2 тт. – Т. 1. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2009. – 879 с.
17. *Максимов В.А.* Охрана и защита субъективных гражданских прав, юридическая природа права на защиту // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2016. – № 2 (70). – С. 86–92.
18. *Малько А.В.* Субъективное право и законный интерес: статья //Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 58–70.
19. *Мотовиловкер Е.Я.* Законный интерес и субъективное гражданское право // Правоведение. – 2005. – № 2. – С. 210–217.
20. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства. Учеб. для юрид. вузов и факультетов. – М.: НОРМА. 2001. – 552 с.
21. *Нефедовский Г.В.* Аксиологические проблемы современной юридической науки // Право и практика. – 2013. – № 1. – С. 39–46.
22. Общая теория права. Вып. 3 / Шершеневич Г.Ф. – М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1912 / Цит. по: Хропанюк В. Н. Теория государства и права. Хрестоматия. Учебное пособие. – М., 1998, – 944 с.
23. *Патюлин В.А.* Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Советское государство и право. – 1971. – № 6. – С. 24–32.
24. Трудовой договор. Цивилистическое исследование. – М.: Статут, 2006. – 539 с.

Для цитирования: *Галиев М.С., Комарова Т.Л., Ревнов Б.А.* Общетеоретическая правовая категория «право на защиту» в эпоху революционных трансформаций: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 99–103.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.007

GENERAL THEORETICAL LEGAL CATEGORY "RIGHT TO PROTECTION" IN THE ERA OF REVOLUTIONARY TRANSFORMATIONS

Mikhail S. Galiev*
Tatyana L. Komarova**
Boris A. Revnov***

Annotation. *In the article the authors makes an attempt to substantiate the objective need to expand the scope of application of the general theoretical legal category – the right to protection. Focusing on the fact that the general legal category "right to protection" as an ideal structure of legal thinking and a subject unit of legal knowledge, contains the modes of legal possibilities and the potential of legal relations. At the same time, the authors argues that the right to protection as a general legal category expresses the idea of the highest standard of protection in the consciousness and sense of justice of the individual.*

Key words: *legal category, right to protection, state, law, sense of justice, personality, legal culture.*

One of the essential characteristics of the rule of law is the provision of the rights and freedoms of man and citizen, which received its normative consolidation in the Universal Declaration of Human Rights of 1948 [2], the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms [3], which is currently ratified by most countries peace.

The right to protection as a general theoretical legal category should have a single and unchanging character, determined by its special value. The Constitution of the Russian Federation proclaims a person, his life and health, honor and dignity, personal integrity and security, other rights and freedoms as the highest value, and their provision is carried out in accordance with the provisions of the Constitution of the Russian Federation and generally recognized principles and norms of international law [1; fourteen]. The state proceeds from the priority of the rights and freedoms of man and citizen. Recognition, observance and protection of the rights and freedoms, honor and dignity of a person and a citizen is the main duty of state power [13, p. 197].

The fundamental value of the right to protection was substantiated in his time by D. von Hildebrand, who believed that any value is a primary given, accessible only to intuitive knowledge. In this sense, value "cannot be reduced to anything or explained; value is intelligible, i.e. comprehended directly by reason" [8, p. 72; 10, p. 732].

In the given context, the axiological (value) meaning of the right to protection as a general legal category consists in reflecting an objective good, and not in the means of satisfying physical or moral needs. Thus, it can be stated that the right to protection as a gen-

---

* Galiev Mikhail Sergeevich, Associate Professor of the Department of Law of the Far Eastern Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian Academy of Foreign Trade of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation" (Petropavlovsk-Kamchatsky), General Director of LLC "Economics and Law", Ph.D. in Law. E-mail: galiev87@inbox.ru

** Komarova Tatyana Lvovna, Vice-Rector for Science and Innovations of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: komarova_tl@mail.ru

*** Revnov Boris Aleksandrovich, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law and Process of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: akziz07@yandex.ru

eral legal category has scientific and instrumental value, being one of the central categories of the conceptual series of science, the theory of state and law.

It is important to understand that being objectified in the category of law, the right to protection is aimed at the object of protection, which can be not only a violated subjective right, but also an interest protected by law. So, N.Yu. Kavelin, exploring the positions of N.I. Matuzova, S.S. Alekseeva comes to the conclusion that legally protected interests are “social needs taken under their protection by law not by granting them subjective material rights, but by granting them (or other persons) the right to resort to judicial or other legal forms of protection” [12, p. 77]. And what is especially important to note is that when protecting an interest protected by law, no deformation of the law occurs. And the deformation of law, according to most researchers, is a prerequisite for the emergence of the right to protection. V.A. Maksimov rightly asserts that “protection of interest consists in ensuring its satisfaction through subjective law” [17, p. 89]. Thus, the object of the subjective right to protection is always a certain social good, which corresponds to a certain legal opportunity. Indeed, in essence, subjective right is defined in science as the ability established in objective law to enjoy certain social benefits (material and spiritual), as the type and measure of the possible behavior of subjects, as the right of subjects to their own actions [13, p. 397].

“The axiological characteristics of law are related to its nature, form, place and role in the normative system of a legal society,” writes G.V. Nefedovsky [21, p. 39]. This is an objective benefit and gives the legal category “right to protection” universality, as it allows to ensure the protection of other rights and freedoms of man and citizen. The right to protection acts as the basis for the construction of the legislation of any country. This legal category acquires its qualitatively significant characteristics in regulatory legal acts. The general legal category “right to protection” found its full-fledged objectification in the provision of the Universal Declaration of Human Rights of 1948 [2].

At the same time, the “right to defense” as a general theoretical category still does not have an exact understanding, both in domestic and foreign jurisprudence. Universality is perhaps the only characteristic of this category, with which most researchers agree.

Any subjective right, as a category of right, arises not by itself, but as a result of the impact on it of a more general concept that can reflect the universal essential properties and features of the phenomenon under study. Here the position of A.M. Vasiliev, who cites three features by which one should “distinguish between the legal category and the category of law, which: 1) turn into generally binding state institutions; 2) not only manifest themselves as attributes of abstract thinking, but also act as a means of regulating social relations, as a state scale for assessing people's behavior; 3) acquire the ability to translate general abstract requirements to the level of practical actions of participants in legal communication” [5, p. 66].

As for the essential properties of a legal phenomenon, in a given context, the subject of consideration of these are the commonality and difference inherent in the general legal category “right to protection” in relation to other categories of law, which are found in interaction with them (legal categories and categories of law).

So, in modern domestic jurisprudence, an urgent need has been identified for a clear definition of the right to protection as a general legal category.

Let us emphasize that despite the fact that subjective rights as fragments of reality organically belong to various areas of branch “legal influence”, the theoretical problems of subjective law are developed not only by legal theorists [4; 6; eighteen]. Even G. F. Shershenevich noted that “a subjective right is the power to exercise one’s own interest” [22,

p. 885]. Representatives of branch legal sciences, primarily civil sciences (A.V. Vlasova [7], V.P. Griбанov [9], E.A. Krashennnikov [15], A.M. Lushnikov, M.V. Lushnikova [16], E. Ya. Motovilovker [19], L. S. Tal [24] and others rightly proceed from the fact that subjective law in its content is a unity of interrelated elements (properties): a) the right of behavior of the subject; b) rights of use; c) the right to claim; d) rights of claim [13, p. 398].

Legal theorists have been more specific in this respect. So, V.S. Nersesyants comes to the conclusion that "along with the rights belonging to the participants in specific legal relations, the theory of state and law also defines abstract rights that express only the abstract legal possibilities of abstract subjects of law" [20, p. 504].

Thus, the general legal category "right to protection" as an ideal structure of legal thinking and a subject unit of legal knowledge contains not only modes of legal possibilities (V.A. Patyulin [23]), but also the potential of legal relations.

The general legal category, of course, has its own structure, some elements of which (value, opportunity, connection) were discussed above. At the same time, one should dwell on the natural-legal aspect of this category. The need for such an approach is due to the goal of a unified conceptualization of the right to protection as a social and legal phenomenon from the point of view of the main epistemological types of cognitive attitude to law – science, philosophy and dogma.

The right to protection as a general legal category expresses the idea of the highest standard of protection in the consciousness and sense of justice of the individual. Due to the imperfection and sometimes deformation of the legal culture of the population in Russia, it becomes a fact that the Constitution of the Russian Federation in the minds of society is associated with all law and is the only reliable idea of law. Constitutional and legal norms are perceived by the people as a universal right that belongs to every person from birth [1; 14]. "Revealing the axiological significance of the general legal category "right to protection" as having a natural legal character, as a general legal idea, one should pay attention to the statement of Aristotle, who argued that the goal of ethics is "not knowledge, but actions". In turn, ethical knowledge is not valuable in itself, it turns into norms, into requirements for behavior" [11, p. 380].

In practice, the protection of civil rights is carried out in accordance with the established procedure by a court, arbitration or arbitral tribunal by: recognition of the right; restoration of the situation that existed before the violation of the right; suppression of actions that violate the right or create a threat of its violation; recognition of a voidable transaction as invalid and application of the consequences of its invalidity, application of the consequences of the invalidity of a void transaction; invalidation of an act of a state body or local self-government body; self-defense rights; coercion to perform duties in kind; indemnification; recovery of a penalty; compensation for moral damage; termination or change of legal relationship; non-application by the court of an act of a state body or local self-government body that contradicts the law; in other ways provided by law. Similar examples can be cited from other branches of law, in particular, in labor law, the norms related to the payment of compensation and reinstatement at work have a restorative function [13, p. 506].

The right to protection arises in the mind of the individual as a result of understanding the need for its state recognition, that is, in giving it an imperious-binding character.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru
2. Universal Declaration of Human Rights. Adopted by the UN General Assembly on 12/10/1948 // *Rossiyskaya Gazeta*, 1995, April 5.
3. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of November 4, 1950 (signed in Rome) together with Protocol No. 1 of April 20, 1952 (signed in Paris); Protocol No. 4 of September 16, 1963 "On ensuring certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and its First Protocol" (signed in Strasbourg); Protocol No. 7 of November 22, 1984 (signed in Strasbourg) // *SZ RF*. 2001. No. 2. Art. 163. and others // www.consultant.ru
4. Bratus S.N. On the Limits of the Exercise of Civil Rights (Article 5 of the Fundamentals of Civil Legislation of the USSR and Union Republics) // *Jurisprudence*. Leningrad: Leningrad Publishing House. un-ta, 1967, No. 3. P. 79–86.
5. Vasiliev A.M. Legal categories. Methodological aspects of the development of the system of categories of the theory of law / Vasiliev A.M. Moscow: Yurid. lit., 1976. 264 p.
6. Vitruk N.V. On the issue of objective and subjective in law and the concepts of "objective law" and "subjective law" // In: *Selected*. Moscow, 2012. T. 1. P. 27–36.
7. Vlasova A.V. The structure of subjective civil law: dis. ... cand. legal Sciences. Yaroslavl, 1998. 150 p.
8. Hildebrand D. Ethics / Translation from German. A.I. Smirnova. St. Petersburg: Alethea. 2001. 569 p.
9. Griбанov V.P. Implementation and protection of civil rights / ed. 2nd, ster. Moscow: Statute, 2001. 294 p.
10. History of ethical doctrines: textbook / Ed. A.A. Huseynov. Moscow: Gardarika. 2003. 755 p.
11. History of ethical teachings: Textbook for universities / Ed. A.A. Huseynov. Moscow: Academic project; Tricksta, 2015. 879 p.
12. Kavelina N.Yu. The concept and content of the constitutional right to protection // *Legal culture*. 2008. No. 2 (5). Pp. 68–81.
13. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., rev. and additional. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
14. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 4th ed., rev. and additional // Ed. prof. S.A. Komarov. Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 333 p.
15. Krashennnikov E. A. The structure of subjective law and the right to protection // *Problems of protection of subjective rights and Soviet civil proceedings*. Yaroslavl, 1979. P. 76–77.
16. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor Law Course: Textbook: In 2 vols. T. 1. 2nd ed. revised and additional. Moscow: Statut, 2009. 879 p.
17. Maksimov V.A. Protection and protection of subjective civil rights, the legal nature of the right to protection // *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2016. No. 2 (70). P. 86–92.
18. Malko A.V. Subjective law and legitimate interest: article // *Jurisprudence*. 1998. No. 4 (223). Pp. 58–70.
19. Motovilovker E.Ya. Legitimate interest and subjective civil law // *Jurisprudence*. 2005. No. 2. P. 210–217.
20. Nersesyants V. S. General theory of law and state. Proc. for legal universities and faculties. Moscow: NORM, 2001. 552 p.
21. Nefedovsky G.V. Axiological problems of modern legal science // *Law and practice*. 2013. No. 1. P. 39–46.
22. General theory of law. Issue. 3 / Shershenevich G.F. – M.: Ed. Br. Bashmakovs, 1912 / Cit. Quoted from: Khropanyuk V.N. *Theory of State and Law*. Reader. Tutorial. Moscow, 1998. 944 p.

23. Patyulin V.A. Subjective rights of citizens: main features, stages, guarantees of implementation // Soviet state and law. 1971. No. 6. P. 24–32.
24. Employment contract: civil research. Moscow: Statut, 2006. 539 p.

For citation: Galiev M.S., Komarova T.L., Revnov B.A. General theoretical legal category "right to protection" in the era of revolutionary transformations: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 104–108.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.007

Научная статья

УДК: 340.1

ББК: 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.008

Ф.Х. Галиев*

А.Х. Султанов**

ДОЛГАЯ ДОРОГА К ПРЕСТОЛУ

***Аннотация.** В 2022 году Великобритания простилась с Елизаветой II, человеком, которая на протяжении 70 лет олицетворяла стабильность политической системы страны, выступала своеобразным лицом нации. Уход Елизаветы II не стал началом кризиса в стране, а привел к власти, согласно вековым традициям, старшего сына покинувшей трон королевы – принца Уэльского Чарльза. На британский престол взошел Карл III (Charles III). К сожалению, в течение десятилетий в Великобритании сложилась устойчивая тенденция, когда наследнику престола средства массовой информации уделяли повышенное внимание, при этом подчас представляя его в неблагоприятном контексте.*

Британские издания систематически подвергали критике неумеренную, по их мнению, активность принца Чарльза, который стремился оказать прямое давление на министров кабинета с целью изменить политику правительства на основе его личных убеждений. Столь многоречивая в различных публикациях характеристика человека, возглавившего сегодня Британское содружество наций, свидетельствует о его ярких, неординарных способностях личности, всегда активной, равнодушной к проблемам современности. Представляется, что британский король в силу протокольных особенностей сможет оказать, хоть и ограниченное воздействие на формирование общего вектора политической деятельности Великобритании, прежде всего во внешнеполитической сфере.

Можно предположить наличие фактора сохранения (на генетическом уровне) негативного отношения представителей британской королевской семьи к политическим лидерам, потомкам первых поселенцев североамериканских колоний, но наличие определенного отрицательного отношения со стороны жителей Соединенного королевства по отношению к представителям американского истеблишмента отрицать не приходится.

Ключевые слова: наследный принц, критика прессы, американский истеблишмент.

Каждая эпоха порождает свои символы. Современный человек все больше тяготеет к тому, что свидетельствует о стабильности, преемственности в жизни общества. Очевидно, что подобное отношение проявляется и к историческим личностям. В 2022 году Великобритания простилась с человеком, которая на протяжении 70 лет

---

* Галиев Фарит Хатипович, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: galievfarikhat@mail.ru

** Султанов Ахсан Харисович, преподаватель Уфимского колледжа статистики, информатики и вычислительной техники, кандидат исторических наук, доцент. E-mail: harisovich58@mail.ru

олицетворяла стабильность политической системы страны, выступала своеобразным лицом нации. Уход Елизаветы II не стал началом кризиса в стране, а привел к власти, согласно вековым традициям, старшего сына покинувшей трон королевы – принца Уэльского Чарльза. На британский престол взошел Карл III (Charles III).

Следует отметить, что британский монарх прошел долгую школу подготовки к своему восшествию на трон. Как свидетельствует пресса, будучи наследником короны, Чарльз активно занимался вопросами благотворительных фондов, организацией помощи различных общественных организаций. Он состоял в различных обществах, в том числе патронировал около 350 структур. Он является основателем «Фонда принца» («The Prince's Trust») и 15 других благотворительных организаций. Облациями его повышенного внимания являются охрана окружающей среды и совершенствование городской среды.

Лондонский *Foundation for Building Community* короля Карла III занимается продвижением архитектурных идей неонисторизма. Под его эгидой выстроен экспериментальный новый город Паундбери. Принц является автором ряда книг по архитектуре, живописи и садоводству, автором сценария документальных фильмов по экологии.

Будучи членом британской королевской семьи, король Карл III принадлежит к англиканской церкви. Однако средства массовой информации неоднократно утверждали о том, что он проявляет интерес к православию, в свое время, будучи представителем греческой линии Ольденбургской династии, он был крещен в православной церкви. Сообщается также о том, что король Чарльз в прошлом многократно посещал гору Афон в Греции.

В соответствии с протоколом как член королевской семьи Чарльз наносил визиты во многие страны мира. Он дважды посещал Россию – в 1994 и 2003 годах. Являясь руководителем десятка советов, он вникал в суть проблем и добивался реализации поставленных задач.

К сожалению, в течение десятилетий в Великобритании сложилась устойчивая тенденция, когда наследнику престола средства массовой информации уделяли повышенное внимание, при этом подчас представляя его в неблагоприятном контексте. Британские издания систематически подвергали критике неумеренную, по их мнению, активность принца Чарльза, который стремился оказать прямое давление на министров кабинета с целью изменить политику правительства на основе его личных убеждений.

В свое время были опубликованы 10 посланий, отправленных наследником престола Тони Блэру и нескольким его самым высокопоставленным министрам в 2004 и 2005 годах. Содержание указанных писем показывает, как Чарльз добивался реализации ему обещанных действий в связи со своей давней одержимостью комплементарной медициной и обвинял лейбористское правительство в том, что оно подвело британских солдат в Ираке.

В письмах, написанных в период с сентября 2004 г. по апрель 2005 г. во время второго срока пребывания у власти Блэра, принц придерживается делового тона с министрами, давая советы по вопросам от назначений на государственные должности и лоббируя действия в области от школьного питания до обеспечения военной техникой. Содержание посланий отчетливо демонстрирует, что принц был готов использовать свое положение с тем, чтобы обращаться с просьбами к самым влиятельным политикам страны.

В некоторых случаях сам тон писем фактически призывают к немедленным действиям. В одном случае Т.Блэр ответил на просьбу принца о мерах по борьбе с директивой Европейского Союза, ограничивающей некоторые растительные лекарственные средства, предложив шестилетнюю отсрочку ее реализации.

В другом разговоре с Т.Блэром в конце 2004 года Чарльз сослался на проблему о характеристиках вертолетов Lynx, используемых британскими войсками в Ираке, чтобы предположить, что правительство отправляет солдат в бой плохо экипированными.

Грэм Смит подчеркнул: «Правительство должно принять меры, чтобы положить конец королевской тайне. Любой риск для монархии от раскрытия информации должен меркнуть по сравнению с риском для демократии от того, что принц-активист действует тайно». Другие, однако, заявили, что письмо показало, что мнение принца находится в консенсусе с общественным мнением по многим вопросам.

Депутат-консерватор Майкл Эллис выступил с возражением. Говоря о принце, он подчеркнул: «Он порядочный человек, и это видно из писем. Он увлечен многими вопросами... он вносит дельные предложения. Я думаю, что многие люди, включая самих военнослужащих, будут впечатлены тем, что он искренне заинтересован подобными проблемами» [1]. Британская газета напомнила тот факт, что принц не извлек уроков из горького опыта после того, как написал письмо Маргарет Тэтчер в 1985 году.

В письмах были высказаны опасения о том, что политика правительства тори оставит ему в наследство разделенную страну. Как результат, премьер-министр госпожа Тэтчер была так возмущена, что тут же позвонила в Букингемский дворец и сказала Чарльзу: «Я управляю этой страной, а не вы, сэр» [1].

Подобная нелюбезная критика со стороны газетных изданий вызывала у читателей определенное, не всегда положительное, отношение к наследнику британской короны. Однако, у людей, непосредственно общавшихся с принцем Чарльзом, сложилось иное отношение. В своих мемуарах бывший премьер-министр Великобритании Тони Блэр уделил особое внимание описанию той нелегкой обстановке, которая возникла вокруг королевской семьи после гибели принцессы Дианы. Особенно напряженной стала атмосфера вокруг принца Чарльза. Как пишет Блэр: «Он и Камилла были очевидными объектами повышенного внимания и многочисленных рассуждений. А что оставалось ему делать? Выглядеть как человек, убитый горем, – сразу же станут обвинять в неискренности. Появиться на публике спокойным, назовут излишне хладнокровным. Возникла невыносимая ситуация и каждый его жест получал определенное толкование или чаще всего трактовался в ложном свете, люди готовы были критиковать его за любой неверный шаг» [2, с. 144].

Что больше всего поражает в приведенных воспоминаниях, так это оценка британской общественностью действий наследного принца в столь нелегких условиях. Не удержался от этого и Т.Блэр: «В столь чрезвычайно вызывающее время его отношения с сыновьями **спасли** (выделено нами – Ф.Г., А.С.) Чарльза. До этого эпизода я лично не видел их вместе, но по мере того, как я наблюдал за ними позднее, воочию убедился, что отношения между ними очень близки и проникнуты чувствами с обеих сторон. Не удивительно, с точки зрения простого человека казалось все очевидным. Это были отец и сыновья. Но именно в тот период времени существовало огромное количество людей, которые были убеждены в том, что напряженные отношения между бывшими супругами неизбежно перейдут в сферу повседневного

общения отца и сыновей. С течением времени картина становилась все ясней, что существенно ослабило общественное давление на Чарльза» [2, с. 144].

Подобный эпизод свидетельствует об огромном давлении, которое регулярно оказывали британцы на представителей королевской семьи. В книге Тони Блэра множество тому примеров. Он описывает, как реакция публики заставила королеву нарушить протокол и вернуться в Лондон для того, чтобы засвидетельствовать почтение человеку, самостоятельно разорвавшей связи с династией. В книге, где автор сам предстает исключительно с положительной стороны, не констатируется очевидный факт, что действия Дианы, прежде всего, подрывали авторитет короны. Да и сами шаги, предпринятые Т.Блэром и его кабинетом, в определенной мере служили деструктивным элементом. Известно, что с подачи своих сотрудников он произнес речь, где содержалась знаменитая фраза о «народной принцессе». Более «удачного» сравнения нельзя было и предположить. Температура общенационального неприятия традиционных британских ценностей (прежде всего, пиетет к королевской семье) сразу же повысилась на десятки градусов.

Сегодня, когда опубликованы многочисленные воспоминания очевидцев событий прошлого, попытки тех, кто оказывал воздействие на формирование общественного мнения, предстают в более бледном свете. А громкие заявления тех дней со стороны главы британского кабинета нельзя воспринимать иначе, чем очевидное проявление популистских тенденций.

Вместе с тем следует отдать должное Т.Блэру. В своих воспоминаниях он приводит позитивную оценку деловых качеств наследного принца. По словам бывшего британского премьера, Чарльз познакомился с будущим главой кабинета еще до его вхождения во власть. Согласно Т.Блэру Чарльз «сделал своей деловой привычкой лично знакомиться с ведущими членами будущей правящей партии. В нем необычно сочетались элементы традиционного и радикального подходов, сочетались черты наследника престола и одновременно неуверенного в себе человека». Отмечается также, что он «был чувствителен к критике и нервничал по поводу отношения общественности к нему» [2, с. 144].

Следует помнить о том, что указанная книга была написана более десяти лет назад. Поэтому отдельные страницы воспринимаются сегодня с повышенным вниманием. В частности Т.Блэр пишет о наследном принце: «у него есть и очень важное, а для меня непреходящее, качество: он в огромной степени и искренне предан идее. Он не отсиживается и не выжидает, когда придет время коронации. Он действительно проникает в суть проблемы, за решение которых он берется, более того, он олицетворяет себя с поставленными задачами. Он очень глубоко размышляет над ними. И когда вы узнаете его больше, он предстает гораздо менее высокомерным, чем руководители многих государств». Т.Блэр подчеркивал, что часто принц отказывался «играть по правилам», угождать всевозможным потребностям общественного мнения. Бывший премьер-министр Великобритании со всей откровенностью подчеркнул, что основная населения страны осознает, что Чарльз «хорошо выполняет свою работу, полностью понимает свои обязательства перед подданными короны, обладает твердыми убеждениями». «А это дорого стоит», – заключает Т.Блэр [2, с. 145].

Любопытные подробности привела британская пресса о воспитании наследного принца. В детстве принц Чарльз неоднократно испытывал страдания после того, как его отец, принц Филипп, пытавшийся сформировать характер сына, часто подвергал его критике.

Это продолжалось и в том возрасте, когда Чарльз подросток, принц Филипп сохранил свой стиль общения со старшим сыном, упрекая его, по-прежнему исходя из стремления сделать сына более мужественным, но вместо этого часто доводил его до слез.

Чарльз и Анна видели своих родителей только за завтраком и чаем, а в 1954 году, после продолжительного шестимесячного турне, королева приветствовала пятилетнего Чарльза всего лишь рукопожатием.

Позже, с появлением его собственной семьей, он не стеснялся нежных чувств по отношению к детям не только наедине, но и при свидетелях.

После того, как в 1982 году родился его сын Уильям, он писал в одном из писем об «удивительном опыте» и о том, что рождение ребенка «значило для меня больше, чем я мог себе представить» [3].

Таким образом, столь многоречивая характеристика человека, возглавившего сегодня Британское содружество наций, свидетельствует о его ярких, неординарных способностях личности, всегда активной, равнодушной к проблемам современности. Представляется, что британский король в силу протокольных особенностей сможет оказать, хоть и ограниченное воздействие на формирование общего вектора политической деятельности Великобритании, прежде всего во внешнеполитической сфере.

Следует отметить сдержанное отношение британского монарха к политике США. В этой связи можно вспомнить о полемике наследного принца с Тони Блэром, возглавлявшим в свое время правительство ее Величества, по вопросу об эффективности применения британских подразделений в боевых операциях в Ираке. Достаточно вспомнить предложение Чарльза переподчинить американские части командованию королевских частей, что вызвало негативное отношение британских генералов. Трудно представить наличие возможности сохранения (на генетическом уровне) негативного отношения представителей британской королевской семьи к политической элите, потомков первых поселенцев североамериканских колоний, но наличие определенного отрицательного отношения со стороны жителей Соединенного королевства по отношению к представителям американского истеблишмента отрицать не приходится.

На протяжении 2000-х годов подобное отношение находило свое отражение в реальной действительности. Достаточно вспомнить, какой отрицательный резонанс вызвало излишне «демократическое» (вопреки протокольным требованиям) приветствие британской королевы со стороны «первой леди» США Мишель Обамы. Скандальный характер приобрело интервью принца Гарри и его супруги, которое они дали популярной американской телеведущей Опре Уинфри. Звезда телеэфира своими вопросами фактически подтолкнула Меган к тому, что она дважды повторила многомиллиардной аудитории фразу о существовании в британской королевской семье расистских предрасположений.

Впоследствии самой ведущей пришлось дезавуировать эту часть интервью. Принц Гарри и его супруга вынуждены были публично оправдываться. Все британские издания единым фронтом выступили в защиту чести и достоинства королевской семьи. На страницах ведущих газет и журналов опубликовали материалы, где утверждалось, что ни королева, ни члены ее семьи, ни разу не допускали подобных высказываний. Журналисты напомнили тот очевидный факт, что королева не позволяет себе публично высказываться по политическим проблемам.

Пolemika наследного принца в отдельные периоды с отдельными руководителями правительства ее величества также сегодня не может вызвать однозначную

трактовку. Современные публикации в Великобритании, в том числе и научного характера, посвященные политическому наследию Маргарет Тэтчер, сходятся в том, что ее политика во многом способствовала расколу в обществе, а экономические реформы замедлили последующее развитие британской экономики на рубеже двух тысячелетий. На этом фоне представляются не столь скоропалительными высказывания наследного принца в адрес «железной леди», высказанные в 1985 г.

Немаловажное значение приобретает вопрос о генеалогических корнях британского короля. Широко известно, что по линии матери и отца он имеет родственные связи с династией Романовых, правившей Российским государством с 1613 по 1917 гг. Также в статье уже упоминалось о его глубоко почтительном отношении к православию и многочисленных посещениях Афона. Представляется, что в данном контексте возникают уникальные возможности для более интенсивных контактов представителей Российской Федерации, включая и руководителей Русской православной церкви. Несмотря на все трудности современной обстановки руководители Великобритании должны помнить, что в самые трудные периоды истории – кампании против Наполеона, две мировые войны – наши государства сражались вместе. Свообразным гарантом сохранения подобной памяти может и выступить британский монарх.

Библиографический список

1. The Independent, 14th May 2015.
2. Blair, Tony. A journey. London: Arrow books/ The Random house group limited. 2011. P. 718.
3. The Sun, 6th, April 2017.

Для цитирования: Галиев Ф.Х., Султанов А.Х. Долгая дорога к престолу: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 109–114.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.008

LONG ROAD TO THE THRONE

Farit Kh. Galiev*
Akhsan Kh. Sultanov**

Annotation. *In 2022, Great Britain said goodbye to a person who for 70 years personified the stability of the country's political system, acted as a kind of face of the nation. The departure of Elizabeth II did not become the beginning of a crisis in the country, but brought to power, according to centuries-old traditions, the eldest son of the queen, who left the throne, Prince Charles of Wales. Charles III ascended the British throne. Unfortunately, for decades there has been a steady trend in the UK, when the media paid increased attention to the heir to the throne, while sometimes presenting him in an unfavorable context. British publications systematically criticized the immoderate, in their opinion, the activity of Prince Charles, who sought to put direct pressure on cabinet ministers in order to change*

---

* Galiev Farit Khatipovich, Head of the Department of Theory of State and Law, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: galievfarkhat@mail.ru

** Sultanov Akhsan Kharisovich, lecturer at the Ufa College of Statistics, Informatics and Computer Engineering, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor. E-mail: harisovich58@mail.ru

government policy based on his personal convictions. The characterization of the man who today heads the British Commonwealth of Nations, so verbose in various publications, testifies to his bright, extraordinary abilities of a person who is always active, not so indifferent to the problems of our time. It seems that the British king, due to protocol features, will be able to exert, albeit limited, influence on the formation of the general vector of the political activity of Great Britain, primarily in the foreign policy sphere. It can be assumed that there is a conservation factor (at the genetic level) of the negative attitude of the British royal family towards political leaders, descendants of the first settlers of the North American colonies. Evidently, the presence of a certain negative attitude on the part of the inhabitants of the United Kingdom towards representatives of the American establishment cannot be denied.

Key words: crown princes, press criticism, American establishment.

Each era generates its own symbols. Modern man gravitates more and more towards what testifies to stability and continuity in the life of society. It is obvious that such an attitude is also manifested towards historical figures. In 2022, Great Britain said goodbye to the person who for 70 years personified the stability of the country's political system, acted as a kind of face of the nation. The departure of Elizabeth II did not become the beginning of a crisis in the country, but brought to power, according to centuries-old traditions, the eldest son of the queen who left the throne, Prince Charles of Wales. Charles III ascended the British throne.

It should be noted that the British monarch went through a long school of preparation for his accession to the throne. As the press testifies, being the heir to the crown, Charles was actively involved in charitable foundations, organizing assistance from various public organizations. He was a member of various societies, including patronizing about 350 structures. He is the founder of The Prince's Trust and 15 other charities. His areas of focus are environmental protection and improvement of the urban environment.

The London Foundation for Building Community of King Charles III promotes the architectural ideas of neo-historicism. Under his auspices, the experimental new city of Poundbury was built. The prince is the author of a number of books on architecture, painting and gardening, the author of the script for documentaries on ecology.

As a member of the British Royal Family, King Charles III belongs to the Anglican Church. However, the media have repeatedly claimed that he is interested in Orthodoxy, at one time, being a representative of the Greek line of the Oldenburg dynasty, he was baptized in the Orthodox Church. King Charles is also reported to have visited Mount Athos in Greece many times in the past.

In accordance with the protocol, as a member of the royal family, Charles paid visits to many countries of the world. He visited Russia twice – in 1994 and 2003. As the head of a dozen councils, he delved into the essence of the problems and achieved the implementation of the tasks set.

Unfortunately, for decades there has been a steady trend in the UK, when the media paid increased attention to the heir to the throne, while sometimes presenting him in an unfavorable context. British publications systematically criticized the immoderate, in their opinion, the activity of Prince Charles, who sought to put direct pressure on cabinet ministers in order to change government policy based on his personal convictions.

At one time, 10 messages sent by the heir to the throne Tony Blair and several of his most senior ministers in 2004 and 2005 were published. The contents of these letters show how Charles pursued the actions promised to him in connection with his long-standing ob-

session with complementary medicine and accused the Labor government of failing British soldiers in Iraq.

In letters written between September 2004 and April 2005 during Blair's second term in office, the Prince has been businesslike with ministers, advising on matters ranging from public office appointments and lobbying for action in areas ranging from school meals to provision of military equipment. The content of the messages clearly shows that the prince was ready to use his position in order to make requests to the most influential politicians in the country.

In some cases, the very tone of the emails is actually a call for immediate action. In one case, Tony Blair responded to the Prince's request for action against a European Union directive restricting certain herbal remedies by offering a six-year delay in its implementation.

In another conversation with Blair in late 2004, Charles cited the performance issue of the Lynx helicopters used by British forces in Iraq to suggest that the government was sending soldiers into battle ill-equipped.

Graham Smith stressed: "The government must take action to put an end to royal secrecy. Any risk to the monarchy from disclosure must pale in comparison to the risk to democracy from an activist prince operating in secret." Others, however, said the letter showed that the prince's opinion was in consensus with public opinion on many issues.

Conservative MP Michael Ellis objected. Speaking about the prince, he emphasized: "He is a decent person, and this is evident from the letters. He's passionate about many things... he makes good suggestions. I think that many people, including the military themselves, will be impressed that he is sincerely interested in such problems. The British newspaper recalled the fact that the prince did not learn from bitter experience after he wrote a letter to Margaret Thatcher in 1985.

The letters expressed fear that the policies of the Tory government would leave him a legacy of a divided country. As a result, Prime Minister Mrs Thatcher was so outraged that she immediately called Buckingham Palace and told Charles: "I run this country, not you, sir" [1].

Such impartial criticism from the newspapers evoked a certain, not always positive, attitude towards the heir to the British crown. However, people who directly communicated with Prince Charles had a different attitude. In his memoirs, former British Prime Minister Tony Blair paid special attention to describing the difficult situation that arose around the royal family after the death of Princess Diana. The atmosphere around Prince Charles became especially tense. As Blair writes: "He and Camille were the obvious objects of much attention and much discussion. What was left for him to do? To look like a heartbroken person will immediately be accused of insincerity. To appear calm in public will be called too cold-blooded. An unbearable situation arose and each of his gestures received a certain interpretation or, most often, was interpreted in a false light, people were ready to criticize him for any wrong step" [2, p. 144].

What is most striking in these memoirs is the assessment by the British public of the actions of the crown prince in such difficult conditions. T. Blair could not resist this: "In such an extremely challenging time, his relationship with his sons **saved** (highlighted by us – *F. Galiev, A. Sultanov*) Charles. Before this episode, I personally did not see them together, but as I watched them later, I was personally convinced that the relationship between them is very close and imbued with feelings on both sides. Not surprisingly, from the point of view of a simple person, everything seemed obvious. They were father and sons. But it was during that period of time that there was a huge number of people who were convinced that the tense relationship between the former spouses would inevitably move into the

sphere of everyday communication between father and sons. Over time, the picture became clearer, which significantly eased public pressure on Charles" [2, p. 144].

Such an episode testifies to the enormous pressure that the British regularly exerted on representatives of the royal family. There are many examples of this in Tony Blair's book. He describes how the public reaction caused the queen to break protocol and return to London to pay her respects to a man who had cut ties with the dynasty on her own. In the book, where the author himself appears exclusively on the positive side, the obvious fact is not stated that Diana's actions, first of all, undermined the authority of the crown. And the very steps taken by T. Blair and his cabinet, to a certain extent, served as a destructive element. It is known that at the suggestion of his employees, he delivered a speech containing the famous phrase about the "people's princess". A more "successful" comparison could not have been imagined. The temperature of the nationwide rejection of traditional British values (above all, reverence for the royal family) immediately rose by tens of degrees.

Today, when numerous eyewitness accounts of the events of the past are published, the attempts of those who influenced the formation of public opinion appear in a paler light. And the loud statements of those days by the head of the British cabinet cannot be taken otherwise than an obvious manifestation of populist tendencies.

At the same time, T. Blair should be given his due. In his memoirs, he gives a positive assessment of the crown prince's business qualities. According to the former British prime minister, Charles met the future head of the cabinet even before he came to power. According to T. Blair, Charles "made it a business habit to personally get acquainted with the leading members of the future ruling party. It unusually combined elements of the traditional and radical approaches, combined the features of the heir to the throne and at the same time an insecure person. It is also noted that he "was sensitive to criticism and was nervous about the attitude of the public towards him" [2, p. 144].

It should be remembered that this book was written more than ten years ago. Therefore, individual pages are perceived today with increased attention. In particular, T. Blair writes about the crown prince: "he also has a very important, and for me, enduring quality: he is to a great extent and sincerely devoted to the idea. He does not sit back and wait for the coronation time to come. He really gets to the heart of the problems he takes on, moreover, he personifies himself with the tasks set. He thinks deeply about them. And when you get to know him more, he appears much less arrogant than the leaders of many states. T. Blair emphasized that the prince often refused to "play by the rules", to cater to the various needs of public opinion. The former Prime Minister of Great Britain, in all frankness, stressed that the main population of the country is aware that Charles "does his job well, fully understands his obligations to the subjects of the crown, has strong convictions." "And this is expensive," T. Blair concludes [2, p. 145].

Curious details were given by the British press about the upbringing of the Crown Prince. As a child, Prince Charles experienced repeated suffering after his father, Prince Philip, who tried to mold his son's character, often criticized him.

This continued into the age when Charles grew up, Prince Philip retained his style of communication with his eldest son, rebuking him, still based on the desire to make his son more manly, but instead often brought him to tears.

Charles and Anna saw their parents only for breakfast and tea, and in 1954, after a long six-month tour, the Queen greeted the five-year-old Charles with just a handshake.

Later, with the advent of his own family, he was not shy about tender feelings towards children, not only in private, but also in front of witnesses.

After his son William was born in 1982, he wrote in one of his letters about the “amazing experience” and that the birth of a child “meant more to me than I could imagine” [3].

Thus, such a long-winded characterization of the man who today heads the British Commonwealth of Nations testifies to his bright, extraordinary abilities of a person who is always active, not indifferent to the problems of our time. It seems that the British king, due to protocol features, will be able to exert, albeit limited, influence on the formation of the general vector of the political activity of Great Britain, primarily in the foreign policy sphere.

The restrained attitude of the British monarch towards US policy should be noted. In this regard, we can recall the controversy between the Crown Prince and Tony Blair, who at one time headed Her Majesty's Government, on the issue of the effectiveness of the use of British units in combat operations in Iraq. Suffice it to recall Charles's proposal to reassign the American units to the command of the royal units, which caused a negative attitude of the British generals. It is difficult to imagine the possibility of preserving (at the genetic level) the negative attitude of the British royal family towards the political elite, the descendants of the first settlers of the North American colonies, but the existence of a certain negative attitude on the part of the inhabitants of the United Kingdom towards representatives of the American establishment cannot be denied.

Throughout the 2000s, this attitude was reflected in reality. Suffice it to recall what a negative response the excessively “democratic” (contrary to protocol requirements) greeting of the British Queen from the “First Lady” of the USA, Michelle Obama, caused. The interview of Prince Harry and his wife, which they gave to the popular American TV presenter Oprah Winfrey, has become scandalous. The TV star, with her questions, actually pushed Meghan to the fact that she twice repeated the phrase to the multi-billion audience about the existence of racist prejudice in the British royal family.

Subsequently, the presenter herself had to disavow this part of the interview. Prince Harry and his wife were forced to publicly justify themselves. All British publications acted as a united front in defense of the honor and dignity of the royal family. Materials were published on the pages of leading newspapers and magazines stating that neither the queen nor members of her family had ever made such statements. Journalists recalled the obvious fact that the queen does not allow herself to speak publicly on political issues.

The controversy of the Crown Prince in certain periods with individual leaders of Her Majesty's government also cannot cause an unambiguous interpretation today. Modern publications in the UK, including scientific ones, devoted to the political legacy of Margaret Thatcher, agree that her policies largely contributed to the split in society, and economic reforms slowed down the subsequent development of the British economy at the turn of two millennia. Against this background, the statements of the Crown Prince in the address of the “Iron Lady”, expressed in 1985, seem not so hasty.

Of no small importance is the question of the genealogical roots of the British king. It is widely known that, through his mother and father, he has family ties with the Romanov dynasty, which ruled the Russian state from 1613 to 1917. Also, the article has already mentioned his deeply respectful attitude towards Orthodoxy and numerous visits to Athos. It seems that in this context unique opportunities arise for more intensive contacts between representatives of the Russian Federation, including the leaders of the Russian Orthodox Church. Despite all the difficulties of the current situation, the leaders of Great Britain must remember that in the most difficult periods of history – the campaigns against Napoleon, the two world wars – our states fought together. The British monarch can act as a kind of guarantor of the preservation of such a memory.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Independent, 14th May 2015.
2. Blair, Tony. A journey. London: Arrow books/ The Random house group limited. 2011. P. 718.
3. The Sun, 6th, April 2017.

For citation: Galiev F.Kh., Sultanov A.Kh. Long road to the throne: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 114–119.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.008

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.009

Дж. Т. Гиреев*

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГРАЖДАН В РОССИИ

***Аннотация.** Статья посвящена анализу применения технологий искусственного интеллекта в системе информационной безопасности граждан Российской Федерации. В статье подчеркивается, что, использование искусственного интеллекта напрямую захватывает область использования и защиты конституционных прав граждан. Остается неурегулированным вопрос юридической ответственности искусственного интеллекта, а соответственно зачастую информационная безопасность граждан России подвергается угрозе.*

***Ключевые слова:** безопасность, право, государство, искусственный интеллект, информация.*

Термин “интеллект” (intelligence) происходит от латинского слова intellectus, что означает ум, рассудок, разум; мыслительные способности человека. Интеллект – это способность мозга человека решать интеллектуальные задачи путем приобретения, запоминания и целенаправленного преобразования знаний в процессе обучения на опыте и адаптации к разнообразным обстоятельствам.

В современном мире для человека уже не совсем целесообразно выполнять все данные ему задачи самостоятельно и вручную. Появляется потребность в замещении человеческих ресурсов в отдельно взятых сферах, а, следовательно, и создание искусственного интеллекта для увеличения эффективности, и продуктивности деятельности человека.

Несмотря на то, что цифровизация проникла во многие сферы жизни человека, однозначного определения искусственного интеллекта (далее – ИИ) не появилось. Учитывая то, что впервые понятие «искусственный интеллект» появилось в законодательстве России совсем недавно, а именно Федеральный закон от 24 апреля 2020 №123-ФЗ [1], это понятие все же отражает характеристику искусственного интеллекта с технической точки зрения, поэтому ни в российском праве, ни в мировой практике четкой и полноценной дефиниции «искусственный интеллект» не существует. Данный закон регулирует проведение эксперимента по установлению правового режима, связанного с разработкой и внедрением технологий искусственного интеллекта.

---

* Гиреев Джафар Темирланович, аспирант кафедры теории и истории государства и права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург). E-mail: gireev166@mail.ru

Научный руководитель – Мамитова Наталия Викторовна, профессор кафедры государственного управления Института государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nvmamitova@mail.ru

Согласно подп. 2 п. 1 ст. 2 указанного закона № 123-ФЗ под искусственным интеллектом понимается комплекс технологических решений, позволяющий имитировать **когнитивные функции человека** и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1]. Такой комплекс технологических решений включает в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение, а также процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. Из данного определения «искусственного интеллекта» мы видим, что он является, прежде всего, имитацией когнитивных функций человека.

В данный момент пока отсутствуют многосторонние международные договоры – конвенции, принятые на уровне Организации Объединенных Наций, которые закрепляли бы общие положения для сферы регулирования искусственного интеллекта. Приняты лишь отдельные документы, способствующие формированию основ международно-правового регулирования в сфере искусственного интеллекта и носящие рекомендательный характер, в виде «мягкого права». Это Окинавская хартия глобального информационного общества (Okinawa Charter on Global Information Society) от 22 июля 2000 года [2] и Рекомендации по искусственному интеллекту Организации экономического сотрудничества и развития – ОЭСР (OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence) от 22 мая 2019 года [4] как первый межправительственный стандарт по искусственному интеллекту.

В апреле 2021 года Европейский Союз выпустил предварительную редакцию законопроекта, который детально регулирует разработку и использование систем, основанных на искусственном интеллекте [5]. В октябре 2020 года был принят ряд резолюций, касающихся искусственного интеллекта, в том числе по вопросам этики, ответственности и авторского прав. В 2021 году за ними последовали резолюции по искусственному интеллекту в уголовных делах и в сфере образования, культуры и аудиовизуального сектора. Европейская Резолюция о структуре этических аспектов искусственного интеллекта, робототехники и связанных с ними технологий особо рекомендует Комиссии Евросоюза предлагать законодательные меры для использования возможностей и преимуществ искусственного интеллекта, а также для обеспечения защиты этических принципов.

В данном документе говорится, что использование систем искусственного интеллекта для «реального времени» дистанционного биометрической идентификации физических лиц в публично доступных пространствах с целью правоохранительных органов считается особенно навязчивым в правах и свободах заинтересованных лиц, в той степени, что это может повлиять на частную жизнь значительной части населения, вызывают чувство постоянного наблюдения и косвенно препятствуют осуществлению свободы собраний и других основных прав. Кроме того, непосредственность воздействия и ограниченные возможности для дальнейших проверок или исправлений в отношении использования таких систем, работающих в «реальном времени», несут повышенный риск для прав и свобод лиц, которых затрагивает правоохранительная деятельность [5].

Таким образом, использование искусственного интеллекта напрямую захватывает область использования и защиты прав и свобод граждан в условиях информационного общества [10; 11; 13].

Несмотря на то, что устоявшегося общепризнанного определения понятия «искусственный интеллект» сегодня не существует, однако, в современной юридической

литературе появляются новые научные подходы и определения, затрагивающие проблемы искусственного интеллекта. Одно из них определяет, искусственный интеллект, как искусственную сложную кибернетическую компьютерно-программно аппаратную систему (электронная, в том числе – виртуальная, электронно-механическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия [16].

Таким образом, в самых общих чертах под искусственным интеллектом следует понимать способность автоматизированных систем брать на себя отдельные функции интеллекта человека. К ним можно отнести выбор и принятие решений на основе ранее полученного опыта и рационального анализа внешних воздействий.

В рамках Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации, был сделан акцент на повышении качества и эффективности государственного управления, развитие социальной сферы, критически зависимых от формирования цифровой экономики. «С этой целью были выделены основные направления развития российских информационно-коммуникационных технологий до 2030 года:

- внедрение технологий искусственного интеллекта;
- конвергенция сетей связи и переход к сетям нового поколения;
- обработка больших объемов данных;
- использование защищенных технологий электронной идентификации и аутентификации, в том числе в кредитно-финансовой сфере;
- развитие облачных вычислений;
- переход к Интернету вещей и промышленному Интернету;
- совершенствование робототехники и биотехнологий, радиотехники и отечественной электронной компонентной базы;
- обеспечение информационной безопасности» [6].

«Исходя из вышеперечисленных стратегических целей, и государство, и общество в России постепенно приходят к осознанию того факта, что наступает цифровая эпоха, одним из важнейших элементов которой становится развитие и активное применение технологий искусственного интеллекта в системе государственного управления, в сфере стратегического планирования и оперативного управления экономическим развитием, в ходе полномасштабной реализации в стране «цифровой экономики», которая будет в конечном итоге способствовать повышению эффективности работы государства и повышению качества жизни его граждан» [6].

В то же самое время сегодня в век цифровизации, остается остро стоящая перед обществом и государством проблема соотношения искусственного интеллекта и прав человека. Помимо статей и работ вышеуказанных и иных авторов в научных журналах, результаты исследований представлены в значительных по объему работах, таких как диссертация на соискание степени доктора юридических наук П.М. Морхата «Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы» [15], его монографии «Право и искусственный интеллект» [14], книги под редакцией А.В. Незнамова «Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта» [8]. Эта проблема заслуживает отдельного исследования, поэтому я обозначу лишь некоторые ее «краеугольные камни».

В 2018 году была принята обновленная Конвенция Совета Европы о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера [3], касающаяся тех угроз неприкосновенности частной жизни, которые возникают из-за новых информационных и коммуникационных технологий. Однако в условиях введения в гражданский оборот систем искусственного интеллекта гарантия в форме права лица на возмещение убытков (вреда) может стать не вполне действенной, пока не будут разработаны концептуальные подходы и внесены законодательные изменения, разрешающие вопросы, поставленные перед юриспруденцией появлением последнего поколения систем ИИ.

Возмещение убытков, причиненных лицу другими лицами, включая государство, является одним из основных и одним из самых древних средств защиты нарушенных прав. Но возникают вопросы, не урегулированные отечественным законодательством: кто относится к числу лиц, ответственных за причинение убытков (вреда) юнитом искусственного интеллекта, а также при совершении с «участием» юнита, правонарушений (в совокупности с вопросом о право/дееспособности самого юнита); каковы виды ущерба, подлежащего возмещению; каковы способы возмещения ущерба, формы компенсации и так далее.

Остается неурегулированным вопрос юридической ответственности искусственного интеллекта, прежде всего потому, что неясно к какому субъекту права относятся системы искусственного интеллекта: электронным, физическим или юридическим лицам. В юридической литературе высказана идея Г.А. Гаджиева и Е.А. Войниканис [12], о том, что робот-искусственный интеллект будет нести ответственность за счёт средств, находящихся на счёте непосредственно у искусственного интеллекта. Реализовать данную идею возможно, если при регистрации какого – либо искусственного интеллекта его владелец будет вносить определённую сумму, которая в дальнейшем будет аккумулирована в страховом фонде и в случае возникновения страхового случая будет направлена на его удовлетворение.

Должен ли робот-искусственный интеллект обладать правосубъектностью? На этот вопрос в юридическом сообществе нет единого мнения. Многие исследователи данного вопроса считают, что следует наделить роботов правосубъектностью для того, чтобы возложить на них ответственность за причиненный вред (при определенных условиях). Однако, употребляя термин «возложить ответственность», большинство имеет в виду именно распределение ответственности между производителем и владельцем робота, не рассматривая робота как субъекта [8; 9; 17].

Однако, вернемся к российской правовой действительности. Основы регулирования искусственного интеллекта в России заложены Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердившим «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года», «в которой установлены основные принципы развития и использования технологий искусственного интеллекта, основные задачи развития искусственного интеллекта и необходимые действия органов государственной власти для реализации этих задач» [7].

В 2021–2022 годах запланирована разработка еще нескольких стандартов, связанных с использованием искусственного интеллекта: «Качество систем искусственного интеллекта», «Прикладные технологии искусственного интеллекта», «Искусственный интеллект в образовании», «Искусственный интеллект в здравоохранении» и т.д.

В январе 2020 года техническим комитетом «Киберфизические системы» на базе Российской венчурной компании совместно со Всероссийским институтом сертификации и при поддержке Министерства промышленности и торговли Российской Федерации был вынесен на публичное обсуждение проект десяти предварительных национальных стандартов (ПНСТ) в области «умного» производства. В пояснениях к проекту сказано, что разработка документов инициирована в целях формирования полноценной экосистемы нормативного технического регулирования цифровой промышленности в Российской Федерации. В ближайшие годы высоковероятным является и начало разработки правил дорожного движения, учитывающих выход на дороги общего пользования беспилотного автомобильного транспорта.

Первым российским законом, направленным на регулирование вопросов, связанных с искусственным интеллектом, стал Федеральный закон от 24 апреля 2020 года № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» [1]. На основании этого закон предусматривается проведение пятилетнего эксперимента по установлению экспериментального правового режима в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта.

Таким образом, искусственный интеллект напрямую связан и вносит заметный вклад в борьбу с современными информационными угрозами. В частности, в большинстве случаев внедрение технологий искусственного интеллекта в информационной безопасности организации сокращает время выявления проблем и реагирования на инциденты, а также расходы на управление персоналом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации – городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона "О персональных данных"» // www.consultant.ru
2. Окинавская хартия Глобального информационного общества от 22 июля 2000 года // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 20.04.2020)
3. Конвенция о защите частных лиц в отношении автоматизированной обработки данных личного характера Страсбург, 28 января 1981 года // <https://rm.coe.int/1680078c46>
4. OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (дата обращения: 20.04.2020)
5. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL LAYING DOWN HARMONISED RULES ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE (ARTIFICIAL INTELLIGENCE ACT) AND AMENDING CERTAIN UNION LEGISLATIVE ACTS//<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELE-X%3A52021PC0206>
6. Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // www.consultant.ru
7. Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // <http://www.consultant.ru/>

8. *Архипов В.В. и др.* Регулирование робототехники: введение в «робоправо». Правовые аспекты развития робототехники и технологий искусственного интеллекта / под ред. А.В. Незнамова. – М.: Infotropic Media, 2018. – 232 с.

9. *Архипов В.В., Наумов В.Б.* Искусственный интеллект и автономные устройства в контексте права: о разработке первого в России закона о робототехнике // Труды СПИИ-РАН. – 2017. – Выпуск 55. – С. 46–62.

10. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Влияние информационно-правовой политики на правосознание личности в условиях действия информационной зависимости: теоретико-правовые аспекты: статья // Юридическая мысль. – 2020. – № 2 (118). – С. 9–26.

11. *Воробьев С.М., Комаров С.А.* Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.

12. *Гаджиев Г.А., Войниканис Е.А.* Может ли робот быть субъектом права? (Поиск правовых форм для регулирования цифровой экономики) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 4. – С. 24–48.

13. *Масловская Т.С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 9. – С. 18–22.

14. *Морхат П.М.* Право и искусственный интеллект. – М.: ЮНИТИ ДАНА, 2018. – 544 с.

15. *Морхат П.М.* Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2018. – 414 с.

16. *Понкин И.В., Редькина А.И.* Искусственный интеллект с точки зрения права. // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – 91–109.

17. Turner J. Robot Rules: Regulating Artificial Intelligence // Springer, 2018. 377 p.

Для цитирования: *Гиреев Д.Т.* Применение технологий искусственного интеллекта и информационная безопасность граждан в России: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 120–125.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.009

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES AND INFORMATION SECURITY OF CITIZENS IN RUSSIA

Jafar T. Gireev *

Annotation. *The article is devoted to the analysis of the use of artificial intelligence technologies in the information security system of citizens of the Russian Federation. The article emphasizes that the use of artificial intelligence directly captures the area of use and protection of the constitutional rights of citizens. The issue of legal responsibility of artificial intelligence remains unresolved, and, accordingly, the information security of Russian citizens is often threatened.*

Key words: *security, law, state, artificial intelligence, information.*

---

* Gireev Jafar Temirlanovich, post-graduate student of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg). E-mail: gireev166@mail.ru

Scientific adviser – Mamitova Natalia Viktorovna, Professor of the Department of State Studies of the Institute of Public Administration of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor. E-mail: nvmmamitova@mail.ru

The term "intelligence" (intelligence) comes from the Latin word *intellectus*, which means mind, reason, reason; human thinking ability. Intelligence is the ability of the human brain to solve intellectual problems by acquiring, remembering and purposefully transforming knowledge in the process of learning from experience and adapting to a variety of circumstances.

In the modern world, it is no longer entirely advisable for a person to perform all the tasks given to him independently and manually. There is a need to replace human resources in individual areas, and, consequently, the creation of artificial intelligence to increase the efficiency and productivity of human activity.

Despite the fact that digitalization has penetrated many areas of human life, an unambiguous definition of artificial intelligence (hereinafter referred to as AI) has not appeared. Considering that for the first time the concept of "artificial intelligence" appeared in Russian legislation quite recently, namely the Federal Law of April 24, 2020 No. 123-FZ [1], this concept still reflects the characteristics of artificial intelligence from a technical point of view, therefore, neither in Russian law, nor in world practice a clear and complete definition of "artificial intelligence" does not exist. This law regulates the conduct of an experiment to establish a legal regime related to the development and implementation of artificial intelligence technologies.

According to sub. 2 p. 1 art. 2 of the said Law No. 123-FZ, artificial intelligence is understood as a set of technological solutions that allow simulating human cognitive functions and obtaining results when performing specific tasks that are at least comparable to the results of human intellectual activity [1]. Such a set of technological solutions includes information and communication infrastructure, software, as well as processes and services for data processing and finding solutions. From this definition of "artificial intelligence" we see that it is, first of all, an imitation of human cognitive functions.

At the moment, there are no multilateral international treaties – conventions adopted at the level of the United Nations, which would fix the general provisions for the regulation of artificial intelligence. Only separate documents have been adopted that contribute to the formation of the foundations of international legal regulation in the field of artificial intelligence and are advisory in nature, in the form of "soft law". These are the Okinawa Charter on Global Information Society of July 22, 2000 [2] and the OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence of May 22, 2019 [4] as the first intergovernmental standard on artificial intelligence.

In April 2021, the European Union released a draft draft law that regulates in detail the development and use of systems based on artificial intelligence [5]. In October 2020, a number of resolutions were adopted regarding artificial intelligence, including those on ethics, liability and copyright. They were followed in 2021 by resolutions on artificial intelligence in criminal cases and in education, culture and the audiovisual sector. The European Resolution on the Framework for the Ethical Aspects of Artificial Intelligence, Robotics and Related Technologies specifically recommends that the Commission of the European Union propose legislative measures to take advantage of the opportunities and benefits of artificial intelligence, as well as to ensure the protection of ethical principles.

This document states that the use of artificial intelligence systems for the "real-time" remote biometric identification of individuals in publicly accessible spaces for the purpose of law enforcement is considered to be particularly intrusive on the rights and freedoms of the persons concerned, to the extent that it may affect the privacy of a significant part of the population, cause a feeling of constant surveillance and indirectly hinder the exercise of

freedom of assembly and other fundamental rights. In addition, the immediacy of the impact and the limited scope for further review or correction regarding the use of such "real-time" systems pose an increased risk to the rights and freedoms of persons affected by law enforcement [5].

Thus, the use of artificial intelligence directly captures the area of use and protection of the rights and freedoms of citizens in the information society [10; eleven; 13].

Despite the fact that there is no well-established generally accepted definition of the concept of "artificial intelligence" today, however, new scientific approaches and definitions that affect the problems of artificial intelligence appear in modern legal literature. One of them defines artificial intelligence as an artificial complex cybernetic computer-software-hardware system (electronic, including virtual, electronic-mechanical, bio-electronic-mechanical or hybrid) with a cognitive-functional architecture and its own or relevantly available (given) computing power of the required capacity and speed [16].

Thus, in the most general terms, artificial intelligence should be understood as the ability of automated systems to take on individual functions of human intelligence. These include choosing and making decisions based on previous experience and a rational analysis of external influences.

As part of the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030, approved by the Decree of the President of the Russian Federation, emphasis was placed on improving the quality and efficiency of public administration, developing the social sphere, critically dependent on the formation of the digital economy. "For this purpose, the main directions for the development of Russian information and communication technologies until 2030 were identified:

- introduction of artificial intelligence technologies;
- convergence of communication networks and transition to new generation networks;
- processing of large volumes of data;
- the use of secure technologies for electronic identification and authentication, including in the credit and financial sector;
- development of cloud computing;
- transition to the Internet of things and the industrial Internet;
- improvement of robotics and biotechnologies, radio engineering and domestic electronic component base;
- ensuring information security" [6].

"Based on the above strategic goals, both the state and society in Russia are gradually coming to the realization of the fact that the digital age is coming, one of the most important elements of which is the development and active use of artificial intelligence technologies in the public administration system, in the field of strategic planning and operational management of economic development, in the course of the full-scale implementation of the "digital economy" in the country, which will ultimately contribute to increasing the efficiency of the state and improving the quality of life of its citizens" [6].

At the same time, today, in the age of digitalization, the problem of the relationship between artificial intelligence and human rights remains acute for society and the state. In addition to the articles and works of the above and other authors in scientific journals, the results of the research are presented in significant works, such as the dissertation for the degree of Doctor of Law P.M. Morkhat "Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems" [15], his monograph "Law and artificial intelli-

gence" [14], books edited by A.V. Neznamov "Regulation of robotics: an introduction to "robotlaw". Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies" [8]. This problem deserves a separate study, so I will outline only some of its "cornerstones".

In 2018, an updated Council of Europe Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data [3] was adopted, dealing with those threats to privacy that arise from new information and communication technologies. However, in the context of the introduction of artificial intelligence systems into civil circulation, a guarantee in the form of a person's right to compensation for losses (harm) may not be fully effective until conceptual approaches are developed and legislative changes are made to resolve the issues posed to jurisprudence by the advent of the latest generation of AI systems.

Compensation for losses caused to a person by other persons, including the state, is one of the main and one of the most ancient means of protecting violated rights. But questions arise that are not regulated by domestic legislation: who is among the persons responsible for causing losses (harm) by an artificial intelligence unit, as well as when committing offenses with the "participation" of the unit (together with the question of the right / legal capacity of the unit itself); what are the types of damage to be compensated; what are the methods of redress, forms of compensation and so on.

The issue of the legal liability of artificial intelligence remains unresolved, primarily because it is not clear to which subject of law artificial intelligence systems belong: electronic, natural or legal persons. In the legal literature, the idea of G.A. Gadzhieva and E.A. Voinikanis [12], that the robot-artificial intelligence will be responsible at the expense of the funds in the account directly with the artificial intelligence. It is possible to implement this idea if, when registering any artificial intelligence, its owner will contribute a certain amount, which will later be accumulated in the insurance fund and, in the event of an insured event, will be directed to its satisfaction.

Should an artificial intelligence robot have legal personality? There is no consensus on this issue in the legal community. Many researchers of this issue believe that robots should be endowed with legal personality in order to hold them responsible for the harm caused (under certain conditions). However, when using the term "put responsibility", the majority has in mind the distribution of responsibility between the manufacturer and the owner of the robot, without considering the robot as a subject [8; 9; 17].

However, let us return to the Russian legal reality. The foundations for the regulation of artificial intelligence in Russia were laid down by Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation", which approved the "National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period until 2030", "which establishes the basic principles for the development and the use of artificial intelligence technologies, the main tasks of the development of artificial intelligence and the necessary actions of public authorities to implement these tasks" [7].

In 2021–2022, it is planned to develop several more standards related to the use of artificial intelligence: "Quality of artificial intelligence systems", "Applied technologies of artificial intelligence", "Artificial intelligence in education", "Artificial intelligence in health-care", etc.

In January 2020, the Cyber-Physical Systems technical committee on the basis of the Russian Venture Company, together with the All-Russian Certification Institute and with the support of the Ministry of Industry and Trade of the Russian Federation, submitted for

public discussion a draft of ten preliminary national standards (PNST) in the field of "smart" production. The explanatory notes to the project say that the development of documents was initiated in order to form a full-fledged ecosystem of regulatory technical regulation of the digital industry in the Russian Federation. In the coming years, it is also highly likely that the development of traffic rules will begin, taking into account the access to public roads of unmanned vehicles.

The first Russian law aimed at regulating issues related to artificial intelligence was Federal Law No. 123-FZ dated April 24, 2020 "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in a constituent entity of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" [1]. Based on this, the law provides for a five-year experiment to establish an experimental legal regime in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies.

Thus, artificial intelligence is directly connected and makes a significant contribution to the fight against modern information threats. In particular, in most cases, the introduction of artificial intelligence technologies in the information security of an organization reduces the time for identifying problems and responding to incidents, as well as the cost of personnel management.

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Federal Law No. 123-FZ dated April 24, 2020 "On conducting an experiment to establish special regulation in order to create the necessary conditions for the development and implementation of artificial intelligence technologies in the subject of the Russian Federation – the city of federal significance Moscow and amending Articles 6 and 10 of the Federal Law "On Personal Data" // www.consultant.ru
2. Okinawa Charter of the Global Information Society dated July 22, 2000 // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (date of access: 04/20/2020)
3. Convention for the Protection of Individuals with regard to Automatic Processing of Personal Data Strasbourg, 28 January 1981 // <https://rm.coe.int/1680078c46>
4. OECD Council Recommendation on Artificial Intelligence // URL: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449> (accessed 20.04.2020)
5. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL LAYING DOWN HARMONISED RULES ON ARTIFICIAL INTELLIGENCE (ARTIFICIAL INTELLIGENCE ACT) AND AMENDING CERTAIN UNION LEGISLATIVE ACTS//<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1623335154975&uri=CELE-X%3A52021PC0206>
6. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030" // www.consultant.ru
7. Decree of the President of the Russian Federation of October 10, 2019 No. 490 "On the development of artificial intelligence in the Russian Federation" // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/
8. Arkhipov V.V. and others. Regulation of robotics: an introduction to "robolaw". Legal aspects of the development of robotics and artificial intelligence technologies / ed. A.V. Neznamov. Moscow: Infotropic Media. 2018. 232 p.

9. Arkhipov V.V., Naumov V.B. Artificial intelligence and autonomous devices in the context of law: on the development of the first Russian law on robotics // Proceedings of SPIIRAS. 2017. Issue 55. P. 46–62.

10. Vorobyov S.M., Komarov S.A. The influence of information and legal policy on the legal consciousness of a person in the conditions of information dependence: theoretical and legal aspects: an article // Legal Thought. 2020. No. 2 (118). Pp. 9–26.

11. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal Status of Cyber-Physical Systems: Theoretical and Legal Understanding: Article // Theory of State and Law. 2020. No. 1. P. 22–35.

12. Gadzhiev G.A., Voinikanis E.A. Can a robot be a subject of law? (Search for legal forms for regulating the digital economy) // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2018. No. 4. P. 24–48.

13. Maslovskaya T.S. Digital sphere and constitutional law: facets of interaction // Constitutional and municipal law. 2019. No. 9. P. 18–22.

14. Morhat P.M. Law and artificial intelligence. Moscow: UNITY DANA, 2018. 544 p.

15. Morhat P.M. Legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: diss. ... doc. legal Sciences. Moscow, 2018. 414 p.

16. Ponkin I.V., Redkina A.I. Artificial intelligence from the point of view of law. // Bulletin of RUDN University. Series: Legal Sciences. 2018. V. 22. No. 1. P. 91–109.

17. Turner J. Robot Rules: Regulating Artificial Intelligence // Springer, 2018. 377 p.

For citation: Gireev D.T. Application of artificial intelligence technologies and information security of citizens in Russia: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 125–130.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.009

Научная статья

УДК 343.268

ББК 67.3(2)61

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.010

О.А. Голикова *

ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА НА ЭТАПЕ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные проблемы, связанные с формированием мер принудительного медицинского характера первых лет советской власти с 1918 г. и до середины 1930-х гг. Отмечено, что именно в данный период времени происходили наиболее сложные процессы обусловленные необходимостью становления нового подхода к пониманию и применению принудительного лечения. Отражены характерные черты формирования института принудительных мер медицинского характера на этапе становления советского государства. Определено, что проблемы были связаны не только с процессом выработки целостной правовой позиции относительно понятия и определения сущности невменяемости и необходимости изоляции, но и с процессом практической реализации. Методологическую основу работы составили формально-юридический метод, позволивший провести всесторонний анализ правовых актов рассматриваемого периода, историко-правовой метод помог проследить особенности, связанные с особенностями формирования правового подхода государства в отношении невменяемых лиц.*

***Ключевые слова:** принудительное медицинское лечение, душевнобольные, меры социальной защиты, судебная психиатрия.*

После октябрьского переворота государство взяло курс на отказ от прежней правовой модели царской России, что привело к существенным изменениям в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, в том числе и в отношении применения принудительного лечения. Согласимся с мнением Лощинкина В.В. о том, что изменились правовая норма о невменяемости и меры, применяемые к лицам, страдающим душевным расстройством [9, с. 5].

Среди исследователей, занимающихся вопросом принудительного лечения психически нездоровых лиц, совершивших преступные деяния, в рассматриваемый период времени существуют различные подходы от исключительно негативной оценки, рассматривающих весь процесс, как перманентное применение карательной медицины, до необходимости и верности выбранной стратегии.

Сторонники позиции карательной медицины Подрабинек А., Молостов В.Д., Коротенко А.И., Аликина Н.В., Буковский В., Глузман С. и др. считали, что советская власть использовала обвинение в психическом расстройстве как средство борьбы

---

* Голикова Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», кандидат исторических наук. E-mail: tom-si@yandex.ru

с инакомыслящими и с теми, кто представлял для нее угрозу. По мнению Коротенко А.И. и Аликиной Н.В. в систему тоталитарного режима вполне логично вписывалась карательная медицина, поскольку использование психиатрического диагноза в политических целях – прямое следствие присущее любому тоталитарному обществу с установками на обесценивание человека как личности [8, с. 8]. Иной позиции придерживались Фейнберг Ц.М., Внуков В.А., Аменицкий Д.А. и др. По мнению Фейнберга Ц.М. в основе постановки диагноза о вменяемости привлекаемых к уголовной ответственности лиц и назначении проведения мероприятий медицинского характера лежал, прежде всего, научный подход [14, с. 19].

Правовая политика государства в отношении душевнобольных преступников с 1918 по 1935 гг. характеризуется весьма не логичными действиями, значительными пробелами в законодательстве и недоработками, обусловленными в целом особенностями развития страны на данном этапе. Установление состояния психического расстройства находилось в совместном ведении Наркомюста и Наркомздрава, но между ними не были урегулированы вопросы организационного характера, также не был решен момент касательно мест принудительного лечения, регламента пребывания в них и выписки, в случае излечения. Несмотря на то, что с 1921 г. действовал Институт им. В.П. Сербского, устанавливающий факт наличия психического состояния, он не был рассчитан на то, чтобы выполнять функции специализированного лечебного заведения для душевнобольных преступников.

Целью данной работы является анализ основных правовых актов в отношении лиц, подлежащих принудительному медицинскому лечению для выделения характерных черт и особенностей, связанных с формированием института применения мер принудительного лечения. В качестве хронологического периода берется этап с 1918 по 1935 гг., так как именно в это время существовали наиболее очевидные проблемы, а сама позиция государства в отношении данных лиц, находилась на этапе своего становления. Все это было обусловлено тем, что рассматриваемый процесс включает ряд положений медицинского и юридического аспектов [7, с. 521], а именно на протяжении указанного времени шло формирование единого подхода между Наркомюстом и Наркомздравом.

Выбранный временной период исследования условно можно разделить на несколько этапов, что позволит определить характерные черты формирования института применения мер принудительного медицинского характера. Первый этап – время с 1918 по 1922 гг., его главной особенностью можно назвать временный, и конструктивный характер правовой позиции государства в отношении принудительного лечения, поскольку принимаемые меры были весьма поверхностны, не содержали точности и конкретности формулировок, а деятельность правоохранительных и медицинской служб не придерживалась единой линии.

Вопросы установления и применения мер принудительного медицинского характера находились в ведении Наркомата юстиции и Карательного отдела при нем, и Наркомата здравоохранения. В 1918 г. принимаются две инструкции одна о порядке проведения освидетельствования душевнобольных, другая – об определении особого правового режима для них. Инструкция о порядке проведения освидетельствования душевнобольных [6, с. 548], возлагала на Врачебный отдел обязанность проведения экспертизы с целью установления факта душевного расстройства.

Временная инструкция от 23 июля 1918 г. [12, с. 709] предписывала направлять лиц, совершивших общественно-опасное деяние и признанных душевноболь-

ными, в карательно-лечебные заведения для арестантов с заметно-выраженными психическими дефектами, или в тюремные больницы. Позиция государства по отношению к преступным элементам, в том числе и к лицам, страдающими психическими расстройствами основывалась на карательном принципе, о чем свидетельствует помещение их в карательно-лечебные заведения. Тюремные же больницы предназначались для оказания медицинской помощи лицам, которые отбывали наказание на общих условиях. Если по прибытию в место заключения тюремный врач обнаруживал у арестанта проблемы со здоровьем имеющие физический характер, то его направляли именно туда.

Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. в ст. 14 предусматривали освобождение от суда и наказания, душевнобольных лиц в силу имеющегося у них душевного расстройства. К ним относились те, кто совершил деяние в состоянии душевной болезни или в состоянии, когда не отдавал себе отчет в своих действиях, или действовал в состоянии душевного равновесия, но к моменту приведения приговора в исполнение страдал душевной болезнью. К таким лицам предусматривалось применение мер лечебного характера и мер предосторожности [3]. Руководящие начала не уточняли вопроса реализации указанных мер, ничего не говорили и о тех, кто мог приобрести психическое расстройство, уже находясь в местах лишения свободы. Имеющиеся пробелы частично были восполнены с принятием «Положения о помещении на принудительное лечение в психиатрическую больницу» 1919 г.

Положение душевнобольных, попавших в места лишения свободы, было крайне тяжелым, о чем свидетельствует проведенная в 1918 г. проверка состояния медицинского дела в тюрьмах. Комиссия, состоявшая из представителей наркоматов юстиции, внутренних дел и здравоохранения, по итогам проверки пришла к выводу, что «психиатрии там не существует вообще, не может быть и речи о поверхностном наблюдении за душевным состоянием заключенных» [5, с. 48]. С целью улучшения положения была создана специальная Медицинская инспекция мест заключения, на которую возлагалось наблюдение за психическим состоянием лиц, находящихся в местах заключения [17, с. 62].

Второй этап связан с принятием уголовного и уголовно-процессуального кодексов. Особенности этого этапа связаны с изменением позиции государства в отношении принудительного лечения, отказом от карательности и замены его на более лояльные меры социальной защиты. В этот период довольно четко обозначились противоречия, возникавшие в процессе взаимодействия органов юстиции и здравоохранения по вопросу установления факта психического расстройства и определения принудительного лечения. В связи с созданием института судебно-психиатрической экспертизы им. В.П. Сербского в 1922 г. был начат процесс внедрения психиатрической экспертизы в тюрьмах.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [1] заменил карательные меры на меры социальной защиты и установил, что содержание душевнобольных, должно проходить в учреждениях для умственно и морально дефектных, где к ним применялось принудительное лечение. Кодекс не указывал что именно являлось основанием для применения мер социальной защиты, и не давал четкого определения относительно тех, к кому применялось принудительное лечение.

Согласимся с позицией Сыча К.А. отмечающего, что основанием для применения мер социальной защиты считалось «опасное состояние личности» [16, с. 23], поскольку цель принудительного лечения указанная в ст. 8 Кодекса в первую очередь

заклучалась в изоляции душевнобольного правонарушителя и предупреждении нового нарушения. Судом выносилось решение, что дальнейшее нахождение в обществе таких лиц является опасным. По мнению Макушкиной О.А. и Казаковцева Б.А. кодекс определял две категории лиц, в отношении которых возможно было применение принудительных мер – невменяемые и лица, заболевшие после совершения преступления, но до вынесения приговора или до приведения в исполнение [15, с. 9].

Следует отметить, что понятие «учреждение для морально-дефектных» представляло довольно расплывчатую формулировку, поскольку четкого и ясного определения ему не давалось. А. Подрабинек считает, что формулировка «учреждение для морально-дефектных» была просто юридическим понятием, не имеющим реального значения [13, с. 19].

В уголовно-процессуальном законодательстве в первой четверти XX столетия указывались процессуальные моменты, связанные с установлением психического расстройства, вводилось понятие невменяемости, определялись юридические и медицинские критерии ее установления (речь идет о самой процедуре установления), обозначался круг лиц, уполномоченных ее проводить: следователь, врач-психиатр (эксперт), судья.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. [2] меры социальной защиты получили более подробное рассмотрение. В отличие от УК 1922 г. здесь меры социальной защиты медицинского характера выделялись в отдельную категорию. Они заключались в принудительном лечении и помещении в лечебное заведение с принудительной изоляцией и предусматривались для лиц, совершивших преступление в состоянии хронической душевной болезни, временного расстройства душевной деятельности, или ином болезненном состоянии. Однако, кодекс не указывал на разницу применения обозначенных мер, ничего не говорил о продолжительности принудительного лечения, об условиях лечения, о возможности его снятия, не указывал на конкретную категорию душевнобольных, к которым применялось бы принудительное лечение. По мнению Назаренко Г.В. разница между применением указанных мер изоляции заключалась в том, что психически больные лица направлялись на лечение в общие психиатрические больницы, а принудительному лечению и изоляции подвергались психопаты [11, с. 9].

Следует отметить, что на протяжении 1920-х гг. решение вопроса о применении принудительного лечения, входило в компетенцию органов расследования и органов прокуратуры, которые могли привлекать медицинских экспертов. Как верно отмечает Морозов Г.В., направление на принудительное лечение осуществлялось следователями, судом и могло происходить без предварительной судебно-психиатрической экспертизы. Психиатры же практиковали выписку лиц, находившихся на принудительном лечении, без решения суда. Сроки принудительного лечения были не достаточными, так как в течение первых шести месяцев выписывалась половина психически больных, треть из них совершила побег из больниц [10, с. 19]. К этому следует добавить и неправильную постановку диагноза.

Такая ситуация складывалась в связи с тем, что еще не сложился единый подход в рамках взаимодействия между наркоматами, занимавшимися этими вопросами, существовали серьезные разногласия между юристами и медицинскими экспертами, которые создавали сложности, требующие решения. Выходом из положения стало принятие Инструкции НКЮ РСФСР и Наркомздрава РСФСР 17 февраля 1935 г. «О порядке назначения и проведения принудительного лечения психически больных, совершивших преступление» [4].

Выделение третьего этапа можно связать с принятием Инструкции 1935 г., поскольку она внесла изменения к подходу государства в вопросе применения принудительных мер лечения. Устанавливался единый порядок проведения психиатрической экспертизы, основывавшийся на научном подходе, разработанного в рамках деятельности института им. В.П. Сербского, определялся формат межведомственного взаимодействия.

Инструкция внесла четкость и установила строгий порядок проведения психиатрической экспертизы. Принудительное медицинское лечение назначалось только по решению суда в случае, если была установлена социальная опасность лица. Решение суда основывалось на предварительной судебно-психиатрической экспертизе, проводимой в институтах или клиниках судебной психиатрии.

В случае установления факта психического расстройства эксперт рекомендовал применение нескольких вариантов: помещение в психическую больницу или колонию на общих основаниях, отдача психически больного на поруки родным и под наблюдение районного психиатра, помещение в психиатрическую больницу на принудительное лечение.

Принудительное лечение в психиатрической больнице применялось к душевнобольным, представляющим серьезную и длительную опасность для общества (стойкие параноиды, эпилептики с сумеречным состоянием, импульсивные шизофреники и др.), к лицам, не представляющим социальную опасность (шизофреники, постэнцифалитники), душевнобольным-хроникам, которые совершили преступление в силу своей беспомощности. Однако, не смотря на ряд положительных моментов, Инструкция 1935 г. не решала важного вопроса касающегося мест принудительного лечения. Она не предусматривала создание специальных больниц, или оборудование специальных отделений при имеющихся психиатрических лечебницах, не рассчитанных на принудительное лечение.

В заключение следует отметить, что с 1918 по 1935 гг. шел процесс становления судебной психиатрии, и формирования правовой политики в отношении принудительного лечения. Была выбрана линия применения мер социальной защиты, заключающаяся в освобождении душевнобольных правонарушителей от наказания и изоляция их от общества, при этом реализация условий изоляции так и не была решена в полной мере, в силу отсутствия необходимых специализированных учреждений. Законодатель использовал предельно общие формулировки, как например, лечебное учреждение для умственно и морально дефектных, что не создавало условий для эффективной реализации поставленных задач.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс РСФСР от 01 июня 1922 г. // <https://docs.cntd.ru/document/901757375>
2. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
3. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР от 12.12.1919 г. // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1
4. Инструкции НКЮ РСФСР и Наркомздрава РСФСР 17 февраля 1935 г. «О порядке назначения и проведения принудительного лечения психически больных, совершивших преступление» / Инструкция Наркомюста РСФСР и Наркомздрава РСФСР. – М., 1935. – 23 с.
5. Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского: Очерки истории / Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.В. Кондратьева. – М.: РИО ФГОУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского», 2006. – 268 с.

6. Инструкция об освидетельствовании душевнобольных. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – С. 548–549.
7. Колмаков П.А. Возвращаясь к неразрешенным вопросам при применении принудительных медицинских мер. Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. – 2022. – Т. 32. – Вып. 3. – С. 521–526.
8. Коротенко А.И., Аликина Н.В. Советская психиатрия: заблуждения и умысел. – Киев, 2002. – 329 с.
9. Лощинкин В.В. Становление и развитие уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера, применяемых к психически больным лицам, совершившим общественно-опасные деяния, после Октябрьской революции 1917 г. // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2013. – № 1 (7). – С. 5–11.
10. Морозов Г.В. Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. – М., – 1976. – 335 с.
11. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера: учебное пособие. – М., – 2011. – 144 с.
12. О лишении свободы, как мере наказания, и порядке отбывания такового (Временная инструкция). Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. – М., 1942. – С. 708–714.
13. Подрабинек А. Карательная медицина. Нью-Йорк: Изд-во «Хроника», 1979. – С. 19.
14. Судебная психиатрия. Учебник для юридических вузов под общей ред. Внукова В.А., Файенберга Ц.М. – М.: Сов. зак-во. 1936. – 472 с.
15. Судебно-психиатрическая профилактика в Российской Федерации. Аналитический обзор под ред. Казаковцева Б.А., Макушкиной О.А. – М., 2012. – С. 7–21.
16. Сыч К.А. Лишение свободы как родовое понятие и виды уголовного наказания (Опыт теоретико-правового конструирования). – М., 2014. – 192 с.
17. Щукина Е.Я., Русаковская О.А. К истокам врачебно-психиатрической экспертизы // Российский психиатрический журнал. – 2017. – № 1. – С. 61–68.

Для цитирования: Голикова О.А. Характерные черты формирования института принудительных мер медицинского характера на этапе становления советского государства: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 131–136.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.010

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE FORMATION OF THE INSTITUTION OF COMPULSORY MEDICAL MEASURES AT THE STAGE OF FORMATION OF THE SOVIET STATE

Olga A. Golikova *

***Annotation.** The article deals with the main problems associated with the formation of compulsory medical measures in the first years of Soviet power from 1918 to the mid-1930s. It is noted that it was during this period of time that the most complex processes took place due to the need to establish a new approach to understanding and applying compulsory treatment. The characteristic features of the formation of the institution of compulsory medical measures at the stage of formation of the Soviet state are reflected. It was determined that the problems*

---

* Golikova Olga Aleksandrovna, Senior Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia", Candidate of Historical Sciences. E-mail: momsi@yandex.ru

were associated not only with the process of developing a holistic right position regarding the concept and definition of the essence of insanity and the need for isolation, but also with the process of practical implementation. The methodological basis of the work was the formal legal method, which made it possible to conduct a comprehensive analysis of the legal acts of the period under review, the historical and legal method helped to trace the features associated with the peculiarities of the formation of the legal approach of the state in relation to insane persons.

Key words: *compulsory medical treatment, mentally ill, social protection measures, forensic psychiatry.*

After the October coup, the state set a course to abandon the former legal model of tsarist Russia, which led to significant changes in criminal and criminal procedure legislation, including in relation to the use of compulsory treatment. We agree with the opinion of Loshchinkin V.V. that the legal norm on insanity and the measures applied to persons suffering from a mental disorder have changed [9, p. 5].

Among researchers dealing with the issue of compulsory treatment of mentally ill persons who have committed criminal acts, in the period under review, there are various approaches from an exclusively negative assessment, considering the whole process as a permanent application of punitive medicine, to the necessity and fidelity of the chosen strategy.

Supporters of the position of punitive medicine Podrabinek A., Molostov V.D., Korotenko A.I., Alikina N.V., Bukovsky V., Gluzman S. and others believed that the Soviet government used the charge of mental disorder as a means of combating dissidents and with those who posed a threat to her. According to Korotenko A.I. and Alikina N.V. punitive medicine quite logically fit into the system of the totalitarian regime, since the use of a psychiatric diagnosis for political purposes is a direct consequence inherent in any totalitarian society with attitudes towards devaluing a person as a person [8, p. eight]. Feinberg Ts.M., Vnukov V.A., Amenitsky D.A. adhered to a different position. and others. According to Fayenberg Ts.M. the diagnosis of the sanity of persons prosecuted and the appointment of medical measures was based, first of all, on a scientific approach [14, p. 19].

The legal policy of the state in relation to mentally ill criminals from 1918 to 1935. characterized by very illogical actions, significant gaps in legislation and shortcomings, due in general to the peculiarities of the country's development at this stage. The establishment of the state of mental disorder was jointly administered by the People's Commissariat of Justice and the People's Commissariat for Health, but organizational issues were not settled between them, and the moment regarding the places of compulsory treatment, the rules of stay in them and discharge, in case of cure, was not resolved. Despite the fact that since 1921 the Institute. V.P. Serbsky, establishing the fact of the presence of a mental state, it was not designed to serve as a specialized medical institution for mentally ill criminals.

The purpose of this work is to analyze the main legal acts in relation to persons subject to compulsory medical treatment in order to highlight the characteristic features and characteristics associated with the formation of the institute for the application of compulsory treatment measures. The stage from 1918 to 1935 is taken as the chronological period, since it was at that time that the most obvious problems existed, and the very position of the state in relation to these persons was at the stage of its formation. All this was due to the fact that the process under consideration includes a number of provisions of the medical and legal aspects [7, p. 521], namely, during the specified time, a unified approach was being formed between the People's Commissariat for Justice and the People's Commissariat for Health.

The selected time period of the study can be conditionally divided into several stages, which will make it possible to determine the characteristic features of the formation of the institute for the application of compulsory medical measures. The first stage is the time from 1918 to 1922, its main feature can be called the temporary and instructive nature of the legal position of the state in relation to compulsory treatment, since the measures taken were very superficial, did not contain accuracy and specificity of the wording, and the activities of law enforcement and medical services did not adhere to the same line.

The issues of establishing and applying compulsory medical measures were under the jurisdiction of the People's Commissariat of Justice and the Punitive Department under it, and the People's Commissariat of Health. In 1918, two instructions were adopted, one on the procedure for conducting an examination of the mentally ill, the other on determining a special legal regime for them. Instructions on the procedure for the examination of the mentally ill [6, p. 548], imposed on the Medical Department the obligation to conduct an examination in order to establish the fact of a mental disorder.

Temporary instruction of July 23, 1918 [12, p. 709] prescribed that persons who committed a socially dangerous act and were recognized as mentally ill be sent to punitive medical institutions for prisoners with markedly pronounced mental defects, or to prison hospitals. The position of the state in relation to criminal elements, including persons suffering from mental disorders, was based on the punitive principle, as evidenced by their placement in punitive medical institutions. Prison hospitals were intended to provide medical care to persons who were serving sentences on general terms. If, upon arrival at the place of detention, the prison doctor discovered that the prisoner had health problems of a physical nature, then he was sent there.

Guidelines on the criminal law of the RSFSR in 1919 in Art. 14 provided for the release from trial and punishment of mentally ill persons due to their mental disorder. These included those who committed an act in a state of mental illness or in a state where they were not aware of their actions, or acted in a state of mental balance, but by the time the sentence was carried out, suffered from mental illness. For such persons, the application of therapeutic measures and precautionary measures was envisaged [3]. The guiding principles did not specify the question of the implementation of these measures, and did not say anything about those who could acquire a mental disorder while already in places of deprivation of liberty. The existing gaps were partially filled with the adoption of the "Regulations on placement for compulsory treatment in a psychiatric hospital" in 1919.

The situation of the mentally ill who ended up in places of deprivation of liberty was extremely difficult, as evidenced by a check conducted in 1918 on the state of medical affairs in prisons. The commission, which consisted of representatives of the people's commissariats of justice, internal affairs and health, following the results of the audit, came to the conclusion that "psychiatry does not exist there at all, there can be no question of superficial monitoring of the mental state of prisoners" [5, p. 48]. In order to improve the situation, a special Medical Inspectorate of Places of Confinement was created, which was entrusted with monitoring the mental state of persons in places of detention [17, p. 62].

The second stage is associated with the adoption of criminal and criminal procedure codes. The features of this stage are associated with a change in the position of the state regarding compulsory treatment, the rejection of punitive measures and its replacement with more loyal measures of social protection. During this period, the contradictions that arose in the process of interaction between the justice and health authorities on the issue of establishing the fact of a mental disorder and determining compulsory treatment were

quite clearly identified. In connection with the creation of the Institute of Forensic Psychiatric Expertise named after V.P. Serbsky in 1922, the process of introducing psychiatric examination in prisons began.

The Criminal Code of the RSFSR of 1922 [1] replaced punitive measures with measures of social protection and established that the maintenance of the mentally ill should take place in institutions for the mentally and morally defective, where compulsory treatment was applied to them. The Code did not specify what exactly was the basis for the application of social protection measures, and did not give an even definition regarding those to whom compulsory treatment was applied.

We agree with the position of Sych K.A. noting that the basis for the application of social protection measures was considered a "dangerous state of the individual" [16, p. 23], since the purpose of compulsory treatment specified in Art. 8 of the Code, first of all, was to isolate the mentally ill offender and prevent a new violation. The court ruled that the continued presence in society of such persons is dangerous. According to Makushkina O.A. and Kazakovtseva B.A. the code defined two categories of persons against whom it was possible to apply coercive measures – insane and persons who fell ill after the commission of a crime, but before a sentence was passed or before execution [15, p. 9].

It should be noted that the concept of "institution for the morally defective" was a rather vague formulation, since it was not given a clear and precise definition. A. Podrabinek believes that the wording "an institution for the morally defective" was just a legal concept that had no real meaning [13, p. 19].

In the criminal procedure legislation in the first quarter of the 20th century, the procedural moments associated with the establishment of a mental disorder were indicated, the concept of insanity was introduced, the legal and medical criteria for its establishment were determined (we are talking about the establishment procedure itself), the circle of persons authorized to carry it out was indicated: investigator, psychiatrist (expert), judge.

In the Criminal Code of the RSFSR of 1926 [2], social protection measures were considered in more detail. In contrast to the Criminal Code of 1922, here the measures of social protection of a medical nature were singled out in a separate category. They consisted in compulsory treatment and placement in a medical institution with compulsory isolation and were provided for persons who committed a crime in a state of chronic mental illness, temporary mental disorder, or other morbid condition. However, the code did not indicate the difference in the application of the indicated measures, did not say anything about the duration of compulsory treatment, about the conditions of treatment, about the possibility of its withdrawal, did not indicate a specific category of mentally ill persons to whom compulsory treatment would be applied. According to Nazarenko G.V. The difference between the use of these isolation measures was that mentally ill persons were sent for treatment to general psychiatric hospitals, while psychopaths were subjected to compulsory treatment and isolation [11, p. 9].

It should be noted that during the 1920s. the decision on the use of compulsory treatment fell within the competence of the investigating authorities and the prosecutor's office, which could involve medical experts. As Morozov G.V. rightly notes, the direction for compulsory treatment was carried out by the investigators, the court and could take place without a preliminary forensic psychiatric examination. Psychiatrists also practiced the discharge of persons who were in compulsory treatment without a court decision. The terms of compulsory treatment were not sufficient, since during the first six months half of the mentally ill were discharged, a third of them escaped from hospitals [10, p. 19]. Added to this is the misdiagnosis.

This situation developed due to the fact that there was not yet a unified approach in the framework of interaction between the people's commissariats dealing with these issues, there were serious disagreements between lawyers and medical experts, which created difficulties that needed to be resolved. The way out was the adoption of the Instruction of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR and the People's Commissariat of Health of the RSFSR on February 17, 1935 "On the procedure for the appointment and conduct of compulsory treatment of mentally ill people who have committed a crime" [4].

The identification of the third stage can be associated with the adoption of the Instruction of 1935, since it introduced changes to the state's approach to the issue of applying compulsory treatment measures. A unified procedure for conducting a psychiatric examination was established, based on a scientific approach developed within the framework of the activities of the Institute. V.P. Serbsky, the format of interdepartmental interaction was determined.

The instruction brought clarity and established a strict procedure for conducting a psychiatric examination. Compulsory medical treatment was prescribed only by a court decision if the social danger of a person was established. The court's decision was based on a preliminary forensic psychiatric examination carried out at institutes or clinics of forensic psychiatry. In the case of establishing the fact of a mental disorder, the expert recommended the use of several options: placement in a mental hospital or colony on a general basis, giving the mentally ill on bail to relatives and under the supervision of a district psychiatrist, placement in a psychiatric hospital for compulsory treatment.

Compulsory treatment in a psychiatric hospital was applied to the mentally ill, representing a serious and long-term danger to society (persistent paranoids, epileptics with a twilight state, impulsive schizophrenics, etc.), to persons who did not pose a social danger (schizophrenics, postencephalitis), chronically committed a crime because of their helplessness. However, despite a number of positive aspects, the Instruction of 1935 did not resolve the important issue regarding places of compulsory treatment. It did not provide for the creation of special hospitals, or the equipment of special departments at existing psychiatric hospitals that were not designed for compulsory treatment.

In conclusion, it should be noted that from 1918 to 1935. there was a process of formation of forensic psychiatry, and the formation of a legal policy regarding compulsory treatment. The line of application of social protection measures was chosen, which consists in releasing mentally ill offenders from punishment and isolating them from society, while the implementation of the conditions of isolation has not been fully resolved, due to the lack of necessary specialized institutions. The legislator used extremely general formulations, such as a medical institution for the mentally and morally defective, which did not create conditions for the effective implementation of the tasks set.

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Criminal Code of the RSFSR of June 01, 1922 // <https://docs.cntd.ru/document/901757375>
2. The Criminal Code of the RSFSR of 1926 // SU RSFSR. 1926. No. 80. Art. 600.
3. Guiding Principles on the Criminal Law of the RSFSR of December 12, 1919 // http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1

4. Instructions of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR and the People's Commissariat of Health of the RSFSR February 17, 1935 "On the procedure for the appointment and conduct of compulsory treatment of mentally ill people who have committed a crime" / Instructions of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR and the People's Commissariat of Health of the RSFSR. Moscow, 1935. 23 p.

5. State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry. V.P. Serbian: Essays on History / Ed. T.B. Dmitrieva, F.V. Kondratiev. Moscow: RIO FGOU "SSC SSP im. V.P. Serbian", 2006. 268 p.

6. Instructions on the examination of the mentally ill. Collection of legalizations and orders of the government for 1917–1918. Office of the Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1942. P. 548–549.

7. Kolmakov P.A. Returning to unresolved issues in the application of coercive medical measures // Bulletin of the Udmurt University. Economy and law. 2022. V. 32. Issue. 3. P. 521–526.

8. Korotenko A.I., Alikina N.V. Soviet psychiatry: delusions and intent. Kyiv, 2002. 329 p.

9. Loshchinkin V.V. Formation and development of criminal legislation on compulsory medical measures applied to mentally ill persons who have committed socially dangerous acts after the October Revolution of 1917 // Bulletin of the Tomsk State University. Right. 2013 No.1(7). Pp. 5–11.

10. Morozov G.V. The main stages in the development of domestic forensic psychiatry. Moscow, 1976. 335 p.

11. Nazarenko G.V. Compulsory measures of a medical nature: a study guide. Moscow, 2011. 144 p.

12. On deprivation of liberty as a measure of punishment, and the procedure for serving it (Temporary instruction). Collection of legalizations and orders of the government for 1917–1918. Office of the Affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow, 1942, pp. 708–714.

13. Podrabinek A. Punitive medicine. New York: Chronicle Publishing House, 1979, p. 19.

14. Forensic psychiatry. Textbook for law schools under the general editorship. Vnukov V.A., Fayenberg Ts.M. Moscow: Sov. order 1936. 472 p.

15. Forensic psychiatric prevention in the Russian Federation. Analytical review, ed. Kazakovtseva B.A., Makushkina O.A. Moscow, 2012. P. 7–21.

16. Sych K.A. Deprivation of liberty as a generic concept and types of criminal punishment (Experience in theoretical and legal construction). Moscow, 2014. 192 p.

17. Shchukina E.Ya., Rusakovskaya O.A. To the origins of medical and psychiatric expertise // Russian Psychiatric Journal. 2017. No. 1. P. 61–68.

For citation: Golikova O.A. Characteristic features of the formation of the institution of compulsory medical measures at the stage of formation of the Soviet state: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 136–141.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.010

Научная статья

УДК

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.011

С.В. Евсеенкова*

Т.Л. Комарова**

ПРАВОВОЙ СТАТУС МАСТЕР-ПЛАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о нормативно-правовом регулировании разработки мастер-планов в Российской Федерации, причем, как подчеркивает автор, понятие «мастер-план» законодательно не закреплено, требования к составу, содержанию и порядку его утверждения не определены. Вопросы, поднятые в статье: «Откуда взялся мастер-план? Кому и зачем они нужны? Существует ли понятие «стандартный мастер-план? Как легитимизировать мастер-план? Должен ли мастер-план быть типовым?» – последовательно получили соответствующее обоснование и решение.*

***Ключевые слова:** мастер-план, Градостроительный кодекс РФ, стратегическое планирование, муниципальная стратегия, генеральный план, агломерация.*

В настоящее время отдельные регионы Российской Федерации, а также Акционерное общество «Корпорация Туризм.РФ» и иные участники сферы территориального планирования, в том числе в рамках работы по комплексному развитию территорий, созданию агломераций, новых туристских территорий с возведением необходимых объектов обеспечивающей инфраструктуры, прежде чем приступить к подготовке градостроительной документации выполняют разработку мастер-планов, понимая под ними совокупность документов стратегического планирования и градостроительного зонирования, включающих также транспортный раздел.

При этом понятие «мастер-план» законодательно не закреплено, требования к составу, содержанию и порядку его утверждения не определены. Таким образом, за счет бюджетных средств создаются мастер-планы, которые не узаконены, в связи с чем при реализации мероприятий, предусмотренных такими мастер-планами, у участников процесса территориального планирования возникают определенные затруднения. В связи с этим появилась необходимость понятие «мастер-план» закрепить в действующем законодательстве Российской Федерации.

При этом необходимо ответить на вопрос: где нормативно закрепить данное понятие, в законодательстве, регулирующем деятельность в сфере градостроительства или же включить данное понятие в закон о стратегическом планировании в Российской Федерации? Одновременно следует определить, какие документы он

---

* Евсеенкова Светлана Васильевна, начальник отдела мониторинга социально-экономического развития регионов по вопросам градостроительной деятельности Департамента комплексного развития территорий Минстроя России. E-mail: svet@epage.ru

** Комарова Татьяна Львовна, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: komarova_tl@mail.ru

может собой заменить, а также следует провести предварительную оценку его возможного негативного воздействия в целях недопущения усложнения работы регионам, если будет понимание, что «мастер-план» является искусственно созданным, избыточным понятием.

Для этого необходимо ответить на ряд вопросов. *Откуда взялся мастер-план? Кому и зачем они нужны? Существует ли понятие «стандартный мастер-план? Как легитимизировать мастер-план? Должен ли мастер-план быть типовым?*

«Мастер-план» это иностранное слово, которое употребляется в разных смыслах, а в Россию же этот термин попал с легкой руки голландского урбаниста Кейса Кристиансе, компания которого Architects & Planners в 2010 году разработала первый в российской практике документ такого рода – стратегию пространственного развития города Перми [5].

Сегодня под мастер-планами целесообразно рассматривать документы стратегического пространственного планирования заселенных территорий, объединяющие в себе элементы генерального плана, муниципальных стратегий и проектов развития территорий, которые носят долгосрочный характер и фокусируются на приоритетных целях и задачах. Разрабатываются сегодня мастер-планы публичной властью при активном участии различных групп экспертов и представителей бизнеса.

Мастер-планы в настоящее время востребованы в субъектах Российской Федерации, поскольку объем потребности бюджетных или инвестиционных средств определяется как раз на стадии мастер-планирования. В регионах сформировался значительный спрос на подготовку мастер-планов муниципальных образований, а также агломераций.

В настоящее время в Градостроительном кодексе Российской Федерации [1] (далее – ГрК РФ) отсутствует единый документ, позволяющий объединить в себе элементы генерального плана, муниципальных стратегий и проектов развития территорий и способный обеспечить системное развитие агломераций. Законодательство Российской Федерации, регулирующее деятельность в сфере градостроительства, не препятствует проведению оценки экономической эффективности и финансовой реализуемости мероприятий градостроительного развития, заложенных как в генеральном плане, так и при разработке градостроительной документации разных уровней. ГрК РФ обязывает оценивать экономическую эффективность градостроительных решений.

Например, мастер-планы развития туристских территорий направлены, в первую очередь, на разработку стратегии развития рассматриваемого ареала с целью определения потенциала отрасли туризма в его границах, во вторую очередь – на разработку планировок отдельных территорий в границах ареала с целью дальнейшего формирования инвестиционных лотов.

Относительно интеграции мастер-плана в систему градостроительной деятельности, необходимо отметить, что с учетом анализа зарубежного опыта, который указывает на объединение в некоторых европейских странах мастер-план (иные названия – комплексный план, стратегический план) с документами в сфере градостроительного зонирования, было бы целесообразно рассматривать возможности внедрения подобной модели в отечественную практику, а параллельно исследовать вопрос актуализации требований к структуре и содержанию генерального плана.

В настоящее время в Российской Федерации документы территориального планирования, градостроительного развития территорий и социально-экономиче-

ского развития не синхронизированы по срокам, требования к утверждению долгосрочных планов и программ различны, используются разные наборы показателей для принятия управленческих решений, в результате чего эти документы находятся в стадии постоянной доработки.

Приведенная выше точка зрения о целесообразности интеграции мастер-плана в градостроительную документацию обусловлена тем, что в нынешних условиях такая ситуация есть следствие сложности и несогласованности документов территориального планирования и градостроительного зонирования, а отсюда недостаточно эффективное использование существующих ресурсов, в том числе опорной транспортной сети, инженерной инфраструктуры, объектов здравоохранения, образования, культуры и спорта. Всё это не только увеличивает сроки и усложняет принятие решений о строительстве объектов, но и приводит к дисбалансу в развитии территорий, так как застройка зачастую идёт без учёта перспективных планов. В итоге съедается городское пространство, нередко нарушается общий облик, уникальный колорит населённых пунктов, а нагрузка на инфраструктуру увеличивается.

Вместе с тем, профессиональное сообщество, определяя ключевой проблемой отсутствие понятия «мастер-плана» в каком-либо нормативном правовом документе вообще, отмечает при этом, что понятие «мастер-план» в большей степени относится к документам стратегического планирования, чем к градостроительной документации.

В этой связи оптимальным решением этой проблемы является разработка верхнеуровневого документа, например, стандарта по разработке мастер-плана или соответствующих методических рекомендаций. Одновременно целесообразно рассмотреть возможность включения понятия «мастер-план» в действующий Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании Российской Федерации» [2].

Однако, стоит отметить, что современная система стратегического планирования в Российской Федерации в настоящее время и без того очень громоздка, в связи с чем усматривается целесообразность системно упрощать процесс стратегического и территориального планирования на всех уровнях: федеральном, региональном и муниципальном.

В целях внедрения долгосрочного градостроительного прогнозирования развития территорий, оптимизации ресурсов и производственных сил, достижения целей стратегии сбалансированного развития Российской Федерации Минстроем России была разработана Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года (далее – Стратегия), которая была рассмотрена и одобрена на заседании Президиума Государственного Совета Российской Федерации 21 июня 2022 года [4].

Третий раздел «Новая градостроительная политика» Стратегии как раз направлен на сбалансированное территориальное развитие страны в целом и раскрытие потенциала отдельного региона.

В целях оптимизации документов планировки и застройки территории, а также исключения дублирования между ними на указанном выше заседании Президиума Государственного Совета Российской Федерации предлагалось *наделить регионы правом утверждать единый документ градостроительного развития, который при необходимости заменит генпланы и правила землепользования и застройки, причём*

необходимо установить возможность разрабатывать такой документ применительно к одному или нескольким муниципальным образованиям или их частям. Также предлагалось пересмотреть подходы к стратегии пространственного развития в современных условиях. Она должна соответствовать актуальным вызовам.

Перечнем поручений Президента Российской Федерации по итогам заседания Президиума Государственного Совета Российской Федерации от 24 августа 2022 года [3] Правительству Российской Федерации поручено *предусмотреть возможность использования единого документа территориального планирования и градостроительного зонирования, определяющего основные направления развития территорий одного или нескольких муниципальных образований (частей таких территорий), установив порядок его подготовки и утверждения.*

Необходимо отметить, что данные предложения о создании единого документа терпланирования и градзонирования, зачастую отождествляемого в среде профессионального сообщества с «мастер-планом», чаще всего являются эскизными предложениями, требующими дополнительно проведения объемной работы по «приземлению» предлагаемых решений и увязкой с источниками финансирования. Поэтому реалистичность таких предложений, обусловленная прежде всего необходимостью их увязки с действующими государственными программами и федеральными проектами по финансовой поддержке регионов в развитии инфраструктуры, весьма не однозначна.

Кроме того, из анализа норм Федерального закона «О стратегическом планировании Российской Федерации» [2] усматривается, что документы стратегии социально-экономического развития региона первичны по отношению к документам территориального планирования. В соответствии с частью 5 статьи 9 ГрК РФ [1] подготовка документов территориального планирования Российской Федерации осуществляется на основании отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации, в том числе генеральных схем в топливно-энергетических и транспортных отраслях, стратегии национальной безопасности Российской Федерации, иных концептуальных и доктринальных документов в области обеспечения безопасности с учетом положений стратегии социально-экономического развития Российской Федерации, стратегии пространственного развития Российской Федерации, национальных проектов, межгосударственных программ, государственных программ Российской Федерации, инвестиционных программ субъектов естественных монополий, решений органов государственной власти, иных главных распорядителей средств соответствующих бюджетов, предусматривающих создание объектов федерального значения, а также сведений, содержащихся в федеральной государственной информационной системе территориального планирования.

Исходя из этого, получается, что мастер-план развития региона или муниципалитета является инструментом стратегического планирования, находящемся на стыке между генеральным планом, стратегией социально-экономического развития и стратегией пространственного развития территории. При разработке мастер-плана особенно акцентируется внимание на вопросах правового регулирования в области территориального стратегического планирования. Вместе с тем, в качестве отправной точки реализации мастер-плана выступает существующее положение города, то есть он ориентирован на работу в существующем контексте, а не работы, которые ведутся в «целинных» условиях, как это предусматривается в генпланах. Мастер-план может носить комплексный или отраслевой характер, учитывая мор-

фологию и типологию различных сред, зон и типов застройки. В нем предлагаются разные варианты развития территории, в том числе функциональное зонирование территории, эскизные планировочные решения, определяется наиболее предпочтительный вариант развития территории и формируется концепция развития территории. Отсюда и ответ на вопрос – существует ли понятие стандартный «мастер-план»? Нет, не существует. Каждый мастер-план по-своему индивидуален.

Таким образом, мастер-план это не единый документ терпланирования и градзонирувания, его первоочередное назначение сводится к тому, чтобы обеспечить взаимоувязку (стыковку) документов территориального планирования и градостроительного зонирования. Это, в свою очередь, дает ответ на главный вопрос – не перегрузит ли введение нового, законодательно оформленного понятия, действующий правовой алгоритм в сфере градостроительной деятельности, не «сломает» ли существующий порядок разработки и утверждения градостроительной документации? Не ломает и не усложнит, поскольку его законодательное закрепление уместно в Федеральном законе «О стратегическом планировании Российской Федерации» [2], а не в ГрК РФ [1], исходя из того, что мастер-планы на практике рассматриваются как документы стратегического пространственного планирования развития заселенных территорий, содержащие выраженную градостроительную компоненту, объединяющие в себе элементы генерального плана, муниципальных стратегий и проектов развития территорий, которые носят долгосрочный характер и фокусируются на ограниченном числе целей и задач, разрабатываются публичной властью, но при активном участии различных групп интересов – экспертов, представителей бизнеса и представителей общественности.

При этом, учитывая, что иностранное слово «мастер-план» весьма основательно закрепилось в среде профессионального сообщества, менять его название на иное похожее по смыслу наименование, такое как, например, «стратегическая градостроительная концепция», не имеет смысла. Это тот случай, когда сначала было слово, а потом появилось дело, и это слово основательно вошло в профессиональную терминологию раньше, чем окончательно определились с его содержанием.

Законодательное закрепление определения мастер-плана в Федеральном законе «О стратегическом планировании Российской Федерации» [2], а также требований к его составу и содержанию, позволит, в этом числе обеспечить единообразие критериев оценки мастер-плана, что, в свою очередь, позволит подготовить типовые требования, обязательные для разработчиков комплексных и отраслевых мастер-планов. При этом расходы бюджетных средств на создание и реализацию мастер-планов станут прозрачными и легитимными.

Библиографический список

1. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 2004 г. № 190-ФЗ (с учетом Постановления Правительства РФ от 12.03.2022 № 353) // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 28 июня 2014 № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «О стратегическом планировании Российской Федерации» // www.consultant.ru
3. Перечень поручений по итогам заседания Президиума Госсовета (утв. Президентом РФ от 24 августа 2022 г.) // www.consultant.ru
4. Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года // http://ancb.ru/files/ck/1655813773_Strategiya_razvitiya_stroitelnoy_otrasli_i_ZhKH_do_2030_g.pdf

5. *Постова Н.* Мастер-план: от простых планировочных решений к глобальной стратегии развития регионов /URL: // <https://rcmm.ru/vlast-i-samoregulirovanie/56790-master-plan-ot-prostyh-planirovochnyh-reshenij-k-globalnoj-strategii-razvitija-regionov/>

Для цитирования: Евсеенкова С.В. Правовой статус мастер-плана в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 142–147.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.011

LEGAL STATUS OF THE MASTER PLAN IN THE RUSSIAN FEDERATION

Svetlana V. Evseenkova *

Tatyana L. Komarova **

Annotation. *The article deals with the issue of legal regulation of the development of master plans in the Russian Federation, and, as the author emphasizes, the concept of "master plan" is not legally fixed, the requirements for the composition, content and procedure for its approval are not defined. Questions raised in the article: where did the master plan come from? Who needs them and why? Is there a concept of a "standard master plan"? How to legitimize the master plan? Should the master plan be generic? – Consistently received the appropriate justification and decision.*

Key words: *master plan, urban planning code, strategic planning, municipal strategy, master plan, agglomeration.*

At present, individual regions of the Russian Federation, as well as the Corporation Tourism.RF Joint Stock Company and other participants in the field of territorial planning, including as part of the work on the integrated development of territories, the creation of agglomerations, new tourist territories with the construction of the necessary infrastructure facilities, first Before starting the preparation of urban planning documentation, they develop master plans, understanding them as a set of documents of strategic planning and urban zoning, including also the transport section.

At the same time, the concept of "master plan" is not fixed by law, the requirements for the composition, content and procedure for its approval are not defined. Thus, at the expense of budgetary funds, master plans are created that are not legalized, and therefore, when implementing the activities provided for by such master plans, participants in the territorial planning process experience certain difficulties. In this regard, it became necessary to fix the concept of "master plan" in the current legislation of the Russian Federation.

At the same time, it is necessary to answer the question: where should this concept be fixed normatively, in the legislation regulating activities in the field of urban planning, or should this concept be included in the law on strategic planning in the Russian Federation? At the same time, it should be determined which documents it can replace, and a prelimi-

---

* *Evseenkova Svetlana Vasilievna*, Head of the Department for Monitoring the Socio-Economic Development of Regions on Urban Planning Activities of the Department for the Integrated Development of Territories of the Ministry of Construction of Russia. Email: svet@epage.ru

** *Komarova Tatyana Lvovna*, Vice-Rector for Science and Innovations of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: komarova_tl@mail.ru

nary assessment of its possible negative impact should be carried out in order to prevent complicating the work of the regions if there is an understanding that the "master plan" is an artificially created, redundant concept.

To do this, you need to answer a number of questions. Where did the master plan come from? Who needs them and why? Is there a concept of a "standard master plan"? How to legitimize the master plan? Should the master plan be generic?

"Master plan" is a foreign word that is used in different senses, but this term came to Russia with the light hand of the Dutch urbanist Case Christianse, whose company Architects & Planners in 2010 developed the first document of this kind in Russian practice – a spatial development strategy the city of Perm [5].

Today, under master plans, it is advisable to consider documents of strategic spatial planning of populated areas that combine elements of a master plan, municipal strategies and projects for the development of territories that are long-term and focus on priority goals and objectives. Today, master plans are being developed by public authorities with the active participation of various groups of experts and business representatives.

Master plans are currently in demand in the constituent entities of the Russian Federation, since the volume of need for budget or investment funds is determined precisely at the stage of master planning. In the regions, a significant demand has formed for the preparation of master plans for municipalities, as well as agglomerations.

At present, the Town Planning Code of the Russian Federation [1] (hereinafter referred to as the CRC of the Russian Federation) does not contain a single document that allows combining elements of the master plan, municipal strategies and territorial development projects and is capable of ensuring the systemic development of agglomerations. The legislation of the Russian Federation regulating activities in the field of urban planning does not prevent the assessment of the economic efficiency and financial feasibility of urban development measures laid down both in the master plan and in the development of urban planning documentation at various levels. The Civil Code of the Russian Federation obliges to evaluate the economic efficiency of urban planning solutions.

For example, master plans for the development of tourist areas are aimed, first of all, at developing a development strategy for the area under consideration in order to determine the potential of the tourism industry within its boundaries, and secondly, at developing layouts for individual territories within the boundaries of the area in order to further form investment lots.

Regarding the integration of the master plan into the system of urban planning, it should be noted that, taking into account the analysis of foreign experience, which indicates the combination in some European countries of the master plan (other names – a comprehensive plan, strategic plan) with documents in the field of urban zoning, it would be it is advisable to consider the possibility of introducing such a model into domestic practice, and in parallel to investigate the issue of updating the requirements for the structure and content of the master plan.

Currently, in the Russian Federation, the documents of territorial planning, urban development of territories and socio-economic development are not synchronized in time, the requirements for the approval of long-term plans and programs are different, different sets of indicators are used for making management decisions, as a result of which these documents are in the stage of constant improvements.

The above point of view on the expediency of integrating a master plan into urban planning documentation is due to the fact that in the current conditions such a situation is

a consequence of the complexity and inconsistency of territorial planning and urban zoning documents, and hence the insufficiently efficient use of existing resources, including the backbone transport network, engineering infrastructure, healthcare facilities, education, culture and sports. All this not only increases the timeframe and complicates the decision-making on the construction of facilities, but also leads to an imbalance in the development of territories, since development often goes without taking into account long-term plans. As a result, urban space is being eaten up, the general appearance and unique coloring of settlements are often violated, and the load on infrastructure is increasing.

At the same time, the professional community, defining the absence of the concept of “master plan” in any regulatory legal document as a key problem, notes that the concept of “master plan” is more related to strategic planning documents than to urban planning documentation. .

In this regard, the best solution to this problem is the development of a top-level document, for example, a standard for the development of a master plan or relevant guidelines. At the same time, it is advisable to consider the possibility of including the concept of “master plan” in the current Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ “On Strategic Planning of the Russian Federation” [2].

However, it should be noted that the modern system of strategic planning in the Russian Federation is already very cumbersome, and therefore it is advisable to systematically simplify the process of strategic and territorial planning at all levels: federal, regional and municipal.

In order to introduce long-term urban planning forecasting of the development of territories, optimize resources and production forces, achieve the goals of the strategy for the balanced development of the Russian Federation, the Ministry of Construction of Russia developed the Strategy for the Development of the Construction Industry and Housing and Communal Services of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035 (hereinafter – Strategy), which was reviewed and approved at a meeting of the Presidium of the State Council of the Russian Federation on June 21, 2022 [4].

The third section “New urban planning policy” of the Strategy is precisely aimed at the balanced territorial development of the country as a whole and unlocking the potential of a particular region.

In order to optimize the planning and development documents of the territory, as well as to avoid duplication between them, at the above meeting of the Presidium of the State Council of the Russian Federation, it was proposed to give the regions the right to approve a single document of urban development, which, if necessary, will replace the general plans and rules for land use and development, and it is necessary to establish the ability to develop such a document in relation to one or more municipalities or their parts. It was also proposed to revise approaches to the strategy of spatial development in today's conditions. It must meet current challenges.

The list of instructions of the President of the Russian Federation following the meeting of the Presidium of the State Council of the Russian Federation dated August 24, 2022 [3] The Government of the Russian Federation was instructed *to provide for the possibility of using a single document of territorial planning and urban planning zoning that determines the main directions for the development of the territories of one or more municipalities (parts of such territories), establishing the procedure for its preparation and approval.*

It should be noted that these proposals for the creation of a single document of territorial planning and zoning, often identified in the professional community with a “master plan”,

are most often draft proposals that require additional volume work to “ground” the proposed solutions and link them with funding sources. Therefore, the realism of such proposals, primarily due to the need to link them with existing state programs and federal projects for financial support of regions in the development of infrastructure, is highly ambiguous.

In addition, from the analysis of the norms of the Federal Law "On the Strategic Planning of the Russian Federation" [2], it is seen that the documents of the strategy for the socio-economic development of the region are primary in relation to the documents of territorial planning. In accordance with Part 5 of Article 9 of the Civil Code of the Russian Federation [1], the preparation of territorial planning documents of the Russian Federation is carried out on the basis of sectoral strategic planning documents of the Russian Federation, including general schemes in the fuel and energy and transport industries, the national security strategy of the Russian Federation, other conceptual and doctrinal documents in the field of ensuring security, taking into account the provisions of the strategy for the socio-economic development of the Russian Federation, the strategy for the spatial development of the Russian Federation, national projects, interstate programs, state programs of the Russian Federation, investment programs of natural monopoly entities, decisions of state authorities, other main managers of funds of the relevant budgets providing for the creation of objects of federal significance, as well as information contained in the federal state information system territorially the planning.

Based on this, it turns out that the master plan for the development of a region or municipality is a strategic planning tool located at the interface between the master plan, the strategy for socio-economic development and the strategy for the spatial development of the territory. When developing the master plan, attention is especially focused on the issues of legal regulation in the field of territorial strategic planning.

At the same time, the starting point for the implementation of the master plan is the current state of the city, that is, it is focused on work in the existing context, and not work that is carried out in "virgin" conditions, as envisaged in the master plans.

The master plan can be complex or sectoral in nature, taking into account the morphology and typology of various environments, zones and types of development. It offers various options for the development of the territory, including functional zoning of the territory, draft planning solutions, determines the most preferred option for the development of the territory, and forms the concept of the development of the territory. Hence the answer to the question – is there a concept of a standard "master plan"? No, it doesn't exist. Each master plan is unique in its own way.

Thus, the master plan is not a single document of territorial planning and urban zoning, its primary purpose is to ensure the interconnection (docking) of documents of territorial planning and urban zoning.

This, in turn, gives an answer to the main question – will the introduction of a new, legislatively formalized concept overload the existing legal algorithm in the field of urban planning, will it not “break” the existing procedure for the development and approval of urban planning documentation? It won't break or complicate, since its legislative consolidation is appropriate in the Federal Law “On Strategic Planning of the Russian Federation” [2], and not in the Civil Code of the Russian Federation [1], based on the fact that master plans are in practice considered as documents of strategic spatial planning development of populated areas, containing a pronounced urban component, combining elements of the master plan, municipal strategies and projects for the development of territories, which are long-term in nature and focus on a limited number of goals and objectives, are developed

by public authorities, but with the active participation of various interest groups – experts, business representatives and members of the public.

At the same time, given that the foreign word "master plan" is very thoroughly entrenched in the environment of the professional community, it does not make sense to change its name to another name similar in meaning, such as, for example, "strategic urban planning concept". This is the case when at first there was a word, and then a deed appeared, and this word thoroughly entered the professional terminology before finally deciding on its content.

Legislative consolidation of the definition of a master plan in the Federal Law "On Strategic Planning of the Russian Federation" [2], as well as the requirements for its composition and content, will, among other things, ensure the uniformity of the criteria for evaluating a master plan, which, in turn, will make it possible to prepare standard requirements obligatory for developers of complex and sectoral master plans. At the same time, budget spending on the creation and implementation of master plans will become transparent and legitimate.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Urban Planning Code of the Russian Federation of December 29, 2004 No. 190-FZ (taking into account the Decree of the Government of the Russian Federation of March 12, 2022 No. 353) // www.consultant.ru
2. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ (as amended on July 31, 2020) "On Strategic Planning of the Russian Federation" // www.consultant.ru
3. List of instructions following the meeting of the Presidium of the State Council (approved by the President of the Russian Federation on August 24, 2022) // www.consultant.ru
4. Strategy for the development of the construction industry and housing and communal services of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035 // http://ancb.ru/files/ck/1655813773_Strategiya_razvitiya_stroitelnoy_otrasli_i_ZhKH_do_2030_g.pdf
5. Rostova N. Master plan: from simple planning decisions to a global strategy for the development of regions / URL: // <https://rcmm.ru/vlast-i-samoregulirovanie/56790-master-plan-ot-prostyh-planirovochnyh-reshenij-k-globalnoj-strategii-razvitija-regionov/>

For citation: Evseenkova S.V., Komarova T.L. Legal status of the master plan in the Russian Federation: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 147–151.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.011

Научная статья

УДК 343.268

ББК 67.3(2)61

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.012

Е.В. Забловская *

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ МЕЖЕВАНИЕМ ЭПОХИ ЕКАТЕРИНЫ II (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

***Аннотация.** Эпоха правления Екатерины II давно стала историей, но удивительным остается факт того, что следы наиболее успешных результатов её правления спустя века находят своё отражение и по сей день.*

Времена правления Екатерины II известны значительным количеством реформ, которые с течением времени показали свою эффективность, более того, свежий взгляд на актуальные проблемы Российской империи сводился к острой необходимости определения границ земельных участков и их территориального отношения к определённым уездам и губерниям. Именно это могло способствовать формированию в законодательстве новых органов, актов и норм, регулирующих земельный фонд Российской империи.

***Ключевые слова:** генеральное межевание, генеральный план, земельный фонд, границы, план земельных владений.*

Нельзя сказать, что Екатерина Великая была единственным вдохновителем идеи межевания, первые шаги в рамках правового регулирования генерального межевания были предприняты Петром I, Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной. Однако, особый подход Екатерины II к правлению Российской империей помог развить идеи предшественников, обозначить проблемные точки и заставить принять кардинальные и свежие меры по модернизации многих отраслей законодательства, в том числе в области генерального межевания и планирования территорий.

Предпосылки генерального межевания. Для начала рассмотрим, что стало основной вехой развития данной процедуры – межевания территории. Е.В. Зазолина отмечает, что основным мотивом начала послужило наличие проблемы неупорядоченности юридических оснований землевладения [6, с. 82]. Так можно отметить письмо государственного деятеля П.П. Шувалова в Сенат от 30 января 1752 г., в котором указывалось, что «непорядок в земельном кадастре приводит к многочисленным обидам и даже убийствам среди землевладельцев» [4, с. 6]. Иными словами, указывалось на отсутствие правового механизма регулирования права собственности на землю по тем или иным основаниям. Если ныне можно говорить о ряде оснований наличия права собственности на землю: по наследству, на основании договоров купли-продажи, дарения и др., то ранее такого правового механизма попросту не было.

Право собственности могло возникнуть посредством заселения земельного участка крестьянами, а границы определялись границами хозяйственных ареалов

---

* Забловская Елена Владимировна, аспирант кафедры юриспруденции ФГБОУ ВО «Университет «Дубна» (Государственный университет «Дубна»). E-mail: helen.zablovskaya@mail.ru

поселений. Безусловно, это не могло не сказываться на различных спорах, связанных с установлением границ права пользования и наложением на чужие земли, так называемое право «въезда». Ушлые частные землевладельцы, благодаря указанным выше проблемам, имели возможность захватить земли для собственного пользования, образуя «примерные» земли без законных на то оснований – документов на право пользования и владения.

Из этого вытекает и следующая проблема – отсутствие государственной системы учета земельного фонда, распространяющегося на всю страну. Ныне благодаря ряду реформ имеет место быть Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), благодаря которому имеется возможным определить к какой категории земель относится тот или иной земельный участок, какой у него вид разрешенного использования, его площадь и др., однако, ранее такая база отсутствовала. Благодаря реформам Екатерины II началось зарождение подобных форм учета.

Основные задачи реформы. В основе межевания и в целом реформе 1765 года стояла задача регистрации земельных владений государственной и частной собственности. Также был предложен правовой механизм закрепления и отнесения земель в собственности посредством регистрации права собственности в межевых книгах и планах. В межевом плане указывались местоположение участка и общее количество земель, их распределение по угодьям. Наравне с изложенным, ставилась задача сформулировать перечень угодий по провинциям и губерниям в целях определения общей картины землевладения в государстве. Таким образом, можно говорить о том, что происходило становление механизма государственного межевания и межевого суда с основной целью упорядочивания землевладения и налогообложения владельцев земельных угодий [7, с. 15].

Предполагалось, что межевые планы должны быть составлены вместе с алфавитными реестрами, в которых отражались характеристики земельных угодий, их экономическое описание, сведения об относимости участка к пахотным землям.

В целях решения поставленных задач реформы Екатериной II была создана «Комиссия о Государственном межевании», которая в этом же году была переименована в Межевую Экспедицию Сената. Ее возглавил сенатор П.И. Панин.

Функции межевания были возложены на специально учрежденные межевые учреждения (экспедиции), которые должны были осуществлять сбор сведений о земле. Наравне с межевыми учреждениями функции по межеванию осуществлялись Корпусом военных топографов, Горной, Гидрографической, Путей сообщения и Межевой канцеляриями.

Межевые учреждения или экспедиции благодаря полученным материалам должны были составлять план каждой отдельной земельной дачи в масштабе 100 саженей в дюйме и план города в масштабе 50 или 100 саженей в дюйме.

В ходе процедуры межевания были созданы «Инструкция землемерам к Генеральному всей империи нашей земли размежеванию», «Инструкция межевым губернским канцеляриям и конторам» и «Наставление землемерам какую методою производить, как планы сочинять» [1].

Данные документы отвечали на возникающие вопросы в ходе проведения реформы и позволяли более точно и быстро реализовывать поставленные перед Межевой Экспедицией Сената задачи, а равно служили своего рода методическими рекомендациями для межевых учреждений на местах.

Вольное экономическое общество. Помимо того, что в результате генерального межевания кроме описания границ примерно всей европейской части России, появились данные о том, как и на каком участке земли велось хозяйство, чем занимались крестьяне, какие культуры прорастали на данной территории.

Необходимость создания описания земель, а равно как создания фонда государственных земель, обуславливалась отсутствием фиксации прав на землю, тем самым государственные земли расхищались, государство ежегодно теряло большие слои угодий.

Результат данного проекта отражался в размежевании 178 тысяч земельных участков общей площадью 275 миллионов десятин, закрепленных в уникальных атласах городов и губерний, сделанных вручную.

«Утверди господи достояние людям твоимъ» таким напутствием Екатерина Великая будто бы направляла земельное законодательство Российской империи в новое, абсолютно не чуждое прежде ему будущее. Такой грандиозный для тех времен проект, датированный 1765 годом, имеющий цель осознания русским дворянством какой землей оно владеет, образуя тем самым прототип национального земельного кадастра.

При создании генерального межевания задействовались точные математические методы, методы новых технических средств, таких как астролябия.

Просто лишь описание земель для XVIII века уже являлось недостаточным, требовалась необходимость урегулирования земельных правоотношений посредством определения границ.

Правовое регулирование генерального плана в Российской Федерации. 2 января 2000 года был принят Федеральный закон «О государственном земельном кадастре» [3]. Данный нормативный правовой акт закрепил земельный кадастр, который представляет из себя систематизированный свод документированных сведений, получаемых в результате проведения государственного кадастрового учета земельных участков, о местоположении, целевом назначении и правовом положении земель Российской Федерации сведений о территориальных зонах и наличии расположенных на земельных участках и прочно связанных с этими земельными участками объектов.

Благодаря вышеназванному закону, были также сформулированы принципы ведения государственного земельного кадастра или, иными словами, учета земельных участков, были определены составы сведений государственного земельного кадастра, формы документов для проведения земельно-кадастровой деятельности, порядок ведения кадастра в Российской Федерации, а также компетенция органов государственной власти и органов субъектов в области осуществления деятельности по ведению земельного кадастра.

Таким образом, мы видим, что в период становления Российской Федерации также продолжается начатый еще Екатериной Великой процесс упорядочивания земель, входящих в территорию государства.

Благодаря развитию идей, предложенных Екатериной II и их переосмыслению появляется упорядоченная система государственного кадастрового учета, позволяющая формировать представление о входящих в Российскую Федерацию землях.

Что же касается самого генерального плана, следует отметить дату принятия Градостроительного кодекса Российской Федерации – 29 декабря 2004 года. Именно с этой даты можно говорить о правовом закреплении в Российской Федерации понимания значимости генерального плана городов и поселений.

Генеральный план представляет собой проектный документ, являющийся основой информационного обеспечения градостроительной деятельности, позволяющий иметь комплексную информационную систему территориального зонирования, территориальных ресурсов и регламентов их использования [5, с. 3].

Статья 23 Градостроительного кодекса Российской Федерации содержит в себе общие положения о том, из чего состоит генеральный план, а статья 24 определяет процедуру его подготовки и утверждения.

Так можно выделить, что генеральный план должен быть утвержден представительным органом местного самоуправления, а проект должен быть представлен главой местной администрации поселения или городского округа. Аналогичная процедура для внесения изменений [2, ст. 24].

Генеральный план должен состоять из положений о территориальном планировании, карты планируемого размещения объектов местного значения, карты границ населенных пунктов, входящих в состав поселения или округа, карту функциональных зон.

Таким образом, можно отметить специфику формирования генерального плана по законодательству Российской Федерации. По сравнению с первоначальной идеей Екатерины Великой, ныне действующие положения четко формируют понятие о том каким образом утверждается генеральное планирование, определяется несколько типов карт, закрепляющих правовое положение городского округа или поселения.

Что же касается межевания надлежит выделить, что в Российской Федерации данный правовой механизм получил новый виток развития. Так, на законодательном уровне закрепилось понятие межевания в целях недопущения ряда споров, ранее имевших быть.

Как уже было сказано, в период правления Екатерины II наблюдалось немало споров относительно бесосновательного пользования земельным участком, право «въезда» и др. Благодаря правовому механизму межевания земельного участка стало возможным закрепить определение и восстановление границ земельного участка или участков, закрепления на местности, определения площади и внесения полученных сведений в соответствующий реестр.

Само по себе межевание довольно емкий и сложный процесс, предусматривающий проведение геодезических работ, сбор документов, процесс согласования границ, составление межевого плана, постановку на кадастровый учет и получение документов на регистрацию права собственности. Благодаря четкой регламентации указанных выше положений в Федеральных законах, регламентирующих государственную регистрацию недвижимости и кадастровую деятельность стало возможным решение ряда ранее возникающих проблем собственников земельных участков.

Также путем охвата и четкого анализа возникающих ранее проблем межевание позволило устранить и ранее возникающую проблему наложения земельного участка на другой или другие, а равно имеющихся ранее споров относительно границ. Так, для проведения межевания участка по действующему законодательству Российской Федерации необходимо наравне с указанными выше процедурами технического характера также получить согласие от соседних правообладателей для проведения межевания, либо же обратиться в суд для четкого определения точек и во избежания споров и разногласий в будущем.

Таким образом, можно говорить о том, что, опережая время идеи, положенные в основу реформы Екатерины Великой в XVIII веке нашли свое отражение даже в XXI веке.

Заключение. Для России проблема пространства и земли была всегда во главе, будь то Российская империя или Российская Федерация, за стремлением каждого великого правителя осваивать и присоединять новые территории, стояла и проблема контроля за безопасностью границ, а что и немаловажно и обеспечение управления жизнедеятельностью населения, проживающего на данной местности.

К концу правления Екатерины II окончательно было обмежевано 22 губернии: Московская, Владимирская, Олонецкая, Псковская, Новгородская, Тверская, Вологодская, Тульская, Рязанская, Тамбовская, Пензенская, Воронежская, Харьковская, Смоленская, Могилевская, Полоцкая, Нижегородская, Ярославская, Костромская, Калужская, Орловская и Курская. На завершающем этапе находились межевания Петербургской и Казанской губерний.

Без должного контроля и картины внутренней структуры устройства земель невозможно осуществлять должный контроль за территорией. Благодаря масштабной реформе Екатерины II началось зарождение формирования единого реестра учета земельных участков государственной и частной собственности, который впоследствии преобразовался в действующий Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество, ныне Единый государственный реестр недвижимости.

Библиографический список

1. Именной указ от 8 октября 1765 г. «Об учреждении сенатской Межевой экспедиции и о прочих постановлениях для приведения к окончанию размежевания всех земель в государстве» // Полное собрание законов Российской Империи. – Т. 18. – № 12.488. – С. 353–356.

2. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 14.07.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 1 (часть I). – Ст. 16.

3. Федеральный закон «О государственном земельном кадастре» от 02.01.2000 № 28-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – № 2. – Ст. 149.

4. Бухерт В.Г. Ради пресечения доньне в спорах и в завладении земель происходящих убивств: Земельный вопрос в России // Родина: журнал. Приложение: Документы русской истории. – 2003. – № 2 (62). – С. 5–7.

5. Гусев И.А. Генеральный план как инструмент устойчивого территориального развития // Огарёв-Online. – 2015. – № 7 (48). – С. 1–4.

6. Зазолина Е.В. Правовое регулирование межевания земель в Российской Империи: Историко-правовой аспект // Вестник Поволжского института управления. – 2021. – № 2. – С. 80–87.

7. Рулев М. С. Органы межевания и разрешение межевых споров в Российской империи: историко-правовое исследование: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 27 с.

Для цитирования: Забловская Е.В. Сравнительный анализ действующего генерального плана с генеральным межеванием эпохи Екатерины II (историко-правовой аспект): статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 152–156.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.012

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE CURRENT MASTER PLAN WITH THE GENERAL SURVEY OF THE ERA OF CATHERINE II (HISTORICAL AND LEGAL ASPECT)

Elena V. Zablovskaya *

Annotation: *The era of the reign of Catherine II is known for a significant number of reforms that over time have shown their effectiveness, moreover, a fresh look at the current problems of the Russian Empire was reduced to the urgent need to determine the boundaries of land and their territorial relationship to certain counties and provinces. This could contribute to the formation in the legislation of new bodies, acts and norms regulating the land fund of the Russian Empire.*

The era of Catherine's reign has long come to an end, but the fact remains that the traces of the most successful results of the reign centuries later are reflected to this day. The importance of land management measures will be discussed in this article.

Key words: *general surveying, master plan, land fund, borders, plan of land holdings.*

It cannot be said that Catherine the Great was the only inspirer of the idea of surveying, the first steps in the framework of the legal regulation of general surveying were taken by Peter I, Anna Ioannovna and Elizaveta Petrovna. However, the special approach of Catherine II to the rule of the Russian Empire helped to develop the ideas of her predecessors, identify problem points and force to take radical and fresh measures to modernize many branches of legislation, including in the field of general land surveying and territorial planning.

Prerequisites for a general survey. To begin with, let's consider what became the main milestone in the development of this procedure – land surveying. E.V. Zazolina notes that the main motive for the beginning was the presence of the problem of disordered legal grounds for land ownership [6, p. 82]. So we can note the letter of the statesman P.P. Shuvalov to the Senate on January 30, 1752, which stated that "disorder in the land cadastre leads to numerous insults and even murders among landowners" [4, p. 6]. In other words, it was pointed out that there is no legal mechanism for regulating the right to own land for one reason or another. If today we can talk about a number of grounds for having the right to own land: by inheritance, on the basis of contracts of sale, donation, etc., then there was simply no such legal mechanism before.

The right of ownership could arise through the settlement of a land plot by peasants, and the boundaries were determined by the boundaries of the economic areas of the settlements. Of course, this could not but affect various disputes related to the establishment of the boundaries of the right to use and the imposition of the so-called right of "entry" on foreign lands. Cunning private landowners, thanks to the above problems, had the opportunity to seize land for their own use, forming "exemplary" land without legal grounds – documents for the right to use and possess.

The next problem follows from this – the lack of a state system for accounting for the land fund, which covers the entire country. Now, thanks to a number of reforms, there

---

* Zablovskaya Elena Vladimirovna, post-graduate student of the department of jurisprudence of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "University "Dubna" (State University "Dubna"). E-mail: helen.zablovskaya@mail.ru

is a Unified State Register of Real Estate (EGRN), thanks to which it is possible to determine which category of land a particular land plot belongs to, what type of permitted use it has, its area, etc., however, previously such a database was absent. Thanks to the reforms of Catherine II, the emergence of such forms of accounting began.

The main objectives of the reform. At the heart of land surveying and the whole reform of 1765, the task of registering land holdings of state and private property. A legal mechanism was also proposed for fixing and attributing land to property through registration of property rights in boundary books and plans. The boundary plan indicated the location of the site and the total amount of land, their distribution by land. Along with the above, the task was to formulate a list of lands by provinces and provinces in order to determine the general picture of land ownership in the state. Thus, we can say that the formation of the mechanism of state land surveying and land surveying court was taking place with the main goal of streamlining land ownership and taxing land owners [7, p. 15].

It was assumed that boundary plans should be drawn up together with alphabetical registers, which reflected the characteristics of land, their economic description, information about the relevance of the site to arable land.

In order to solve the tasks of the reform, Catherine II created the "Commission on State Surveying", which in the same year was renamed the Surveying Expedition of the Senate. It was headed by Senator P.I. Panin.

Surveying functions were entrusted to specially established surveying institutions (expeditions), which were supposed to collect information about the land. Along with the surveying institutions, surveying functions were carried out by the Corps of military topographers, the Mining, Hydrographic, Communications and Survey offices.

Land surveying institutions or expeditions, thanks to the materials received, had to draw up a plan of each individual land dacha on a scale of 100 fathoms per inch and a plan of the city on a scale of 50 or 100 fathoms per inch.

In the course of the land surveying procedure, "Instruction to land surveyors on the General demarcation of the entire empire of our land", "Instruction to land surveying provincial offices and offices" and "Instruction to land surveyors by what method to produce, how to compose plans" were created [1].

These documents answered the emerging questions in the course of the reform and made it possible to more accurately and quickly implement the tasks assigned to the Survey Expedition of the Senate, and also served as a kind of methodological recommendations for survey institutions in the field.

Free economic society. In addition to the fact that as a result of the general survey, in addition to describing the boundaries of approximately the entire European part of Russia, data appeared on how and on what plot of land farming was carried out, what the peasants did, what crops grew in this territory.

The need to create a description of the land, as well as the creation of a fund of state lands, was due to the lack of fixing rights to land, thereby state lands were plundered, the state annually lost large layers of land.

The result of this project was reflected in the demarcation of 178 thousand land plots with a total area of 275 million acres, enshrined in unique atlases of cities and provinces made by hand.

"God confirm the heritage of your people," with such parting words, Catherine the Great seemed to direct the land legislation of the Russian Empire into a new future that was absolutely not alien to it before. Such a grandiose project for those times, dated 1765,

with the goal of realizing by the Russian nobility what kind of land it owns, thereby forming a prototype of the national land cadastre.

When creating a general survey, precise mathematical methods, methods of new technical means, such as the astrolabe, were used.

Just a description of the lands for the 18th century was already insufficient, it required the need to regulate land legal relations through the definition of boundaries.

Legal regulation of the master plan in the Russian Federation. On January 2, 2000, the Federal Law "On the State Land Cadastre" was adopted [3]. This regulatory legal act fixed the land cadastre, which is a systematized set of documented information obtained as a result of the state cadastral registration of land plots, about the location, purpose and legal status of the lands of the Russian Federation, information about territorial zones and the presence of information located on land plots and firmly objects associated with these land plots.

Thanks to the above law, the principles of maintaining the state land cadastre or, in other words, accounting for land plots, were also formulated, the composition of the information of the state land cadastre, the forms of documents for conducting land cadastral activities, the procedure for maintaining the cadastre in the Russian Federation, as well as the competence of state bodies authorities and bodies of subjects in the field of carrying out activities for maintaining the land cadastre.

Thus, we see that during the formation of the Russian Federation, the process of streamlining the lands included in the territory of the state, begun by Catherine the Great, also continues.

Thanks to the development of the ideas proposed by Catherine II and their rethinking, an orderly system of state cadastral registration appears, which makes it possible to form an idea of the lands included in the Russian Federation.

As for the master plan itself, the date of adoption of the Town Planning Code of the Russian Federation, December 29, 2004, should be noted. It is from this date that we can talk about the legal consolidation in the Russian Federation of understanding the significance of the master plan of cities and settlements.

The master plan is a project document that is the basis of information support for urban planning activities, allowing you to have a comprehensive information system of territorial zoning, territorial resources and regulations for their use [5, p. 3].

Article 23 of the Town Planning Code of the Russian Federation contains general provisions on what the master plan consists of, and article 24 defines the procedure for its preparation and approval.

So it can be distinguished that the master plan must be approved by the representative body of local self-government, and the project must be submitted by the head of the local administration of the settlement or urban district. A similar procedure for making changes [2, Art. 24].

The general plan should consist of provisions on territorial planning, a map of the planned placement of objects of local importance, a map of the boundaries of settlements that are part of a settlement or district, a map of functional zones.

Thus, we can note the specifics of the formation of a master plan under the legislation of the Russian Federation. Compared to the original idea of Catherine the Great, the current provisions clearly form the concept of how general planning is approved, several types of maps are defined that fix the legal status of an urban district or settlement.

As for land surveying, it should be noted that in the Russian Federation this legal mechanism has received a new round of development. So, at the legislative level, the con-

cept of land surveying was fixed in order to prevent a number of disputes that previously had to be.

As already mentioned, during the reign of Catherine II, there were many disputes regarding the groundless use of a land plot, the right to “entry”, etc. and entering the information received into the relevant register.

Land surveying itself is a rather capacious and complex process that involves geodetic work, collection of documents, the process of agreeing boundaries, drawing up a land survey plan, cadastral registration and obtaining documents for registering property rights. Thanks to the clear regulation of the above provisions in the Federal Laws regulating the state registration of real estate and cadastral activities, it became possible to solve a number of previously arising problems of land owners.

Also, by covering and clearly analyzing the problems that had arisen before, land surveying made it possible to eliminate the previously arising problem of imposing a land plot on another or others, as well as existing disputes regarding boundaries. So, in order to conduct a land survey under the current legislation of the Russian Federation, it is necessary, along with the above technical procedures, to also obtain consent from neighboring copyright holders for land surveying, or go to court to clearly determine the points and in order to avoid disputes and disagreements in the future.

Thus, we can say that, ahead of time, the ideas underlying the reform of Catherine the Great in the 18th century were reflected even in the 21st century.

Conclusion. For Russia, the problem of space and land has always been at the forefront, whether it be the Russian Empire or the Russian Federation, behind the desire of every great ruler to develop and annex new territories, there was also the problem of controlling the security of borders, and, importantly, ensuring the management of the life of the population living on this locality.

By the end of the reign of Catherine II, 22 provinces were finally fenced: Moscow, Vladimir, Olonets, Pskov, Novgorod, Tver, Vologda, Tula, Ryazan, Tambov, Penza, Voronezh, Kharkov, Smolensk, Mogilev, Polotsk, Nizhny Novgorod, Yaroslavl, Kostroma, Kaluga, Orlovskaya and Kurskaya. At the final stage there were land surveys of the Petersburg and Kazan provinces.

Without proper control and a picture of the internal structure of the land, it is impossible to exercise proper control over the territory. Thanks to the large-scale reform of Catherine II, the emergence of the formation of a unified register of state and private land plots began, which was subsequently transformed into the current Unified State Register of Rights to Real Estate, now the Unified State Register of Real Estate.

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Nominal decree of October 8, 1765 “On the establishment of the Senate Land Survey Expedition and on other resolutions to bring to the end the delimitation of all lands in the state” // Complete collection of laws of the Russian Empire. T. 18. No. 12.488. Pp. 353–356.
2. Urban Planning Code of the Russian Federation No. 190-FZ dated December 29, 2004 (as amended on July 14, 2022) (as amended and supplemented, effective from September 1, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (part I). Art. 16.

3. Federal Law "On the State Land Cadastre" dated January 2, 2000 No. 28-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 2. Art. 149.

4. Buchert V.G. For the sake of suppressing to this day in disputes and taking possession of the lands of ongoing murders: The land issue in Russia // Rodina: journal. Appendix: Documents of Russian history. 2003. No. 2 (62). Pp. 5–7.

5. Gusev I.A. General plan as a tool for sustainable territorial development // Ogaryov-Online. 2015. No. 7 (48). Pp. 1–4.

6. Zazolina E.V. Legal regulation of land surveying in the Russian Empire: Historical and legal aspect // Bulletin of the Volga Institute of Management. 2021. No. 2. P. 80–87.

7. Rulev M. S. Surveying authorities and resolution of boundary disputes in the Russian Empire: historical and legal research: author. diss. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2019. 27 p.

For citation: Zablovskaya E.V. Comparative analysis of the current master plan with the general survey of the era of Catherine II (historical and legal aspect): article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 157–161.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.012

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.013

П.В. Ивлиев*

М.М. Мамонько**

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СУБЪЕКТ ПРАВОВОГО ВОСПИТАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассмотрены основные аспекты деятельности средств массовой информации, и их роли в области правового воспитания граждан. Проводится анализ влияния конструктивного и деструктивного воздействия средств массовой информации на поведение личности, влияние на формирование ее правового сознания.*

***Ключевые слова:** правовое воспитание, правовое сознание, средства массовой информации, формы влияния, формы правового воспитания, средства правового воспитания.*

Правовое воспитание граждан является важнейшим фактором и вектором формирования правовой культуры населения, высокий уровень которого необходим для создания правового государства. СМИ – это, прежде всего инструмент не только государственной власти, но и институтов гражданского общества, сила, которая способна оказать воздействие на правовую ориентацию россиян и определить их выбор поведения [5, с. 16]. Задачу повышения уровня правовой культуры населения ставят перед собой различные общественные институты (субъекты правового просвещения) [3, с. 95–96]. Действительно, деятельностью по организации правовоспитательного процесса посредством реализации различных форм правового воспитания осуществляют государство, семья, образовательные учреждения, общественные организации, правоохранительные органы и др. Особое место среди указанных субъектов правового воспитания граждан занимают средства массовой информации. Одним из средств правового воспитания, наравне с правовым обучением, юридической практикой и самовоспитанием, выступает пропаганда права. В основе указанной формы правового воспитания лежит процесс распространения и популяризации правовой информации, посредством которой формируется правовая осведомленность и информированность граждан [7, с. 319].

Как отмечается в юридической литературе, роль СМИ в процессе правового просвещения имеет специфический характер. С одной стороны, редакция СМИ может заниматься этой деятельностью с целью реализации собственной редакционной политики в соответствии с функциями журналистики (то есть быть полноценным

---

* *Ивлиев Павел Валентинович*, доцент кафедры гражданского права и процесса Института подготовки государственных и муниципальных служащих Академии ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: ivliev_pv@mail.ru

** *Мамонько Михаил Михайлович*, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин юридического факультета Санкт-Петербургского университета ФСИН России. E-mail: mamonko.mi@yandex.ru

субъектом повышения правовой культуры граждан). С другой, иные, субъекты, например, государство, общественные и коммерческие организации, могут использовать СМИ для правового просвещения населения, тем самым превращая медиа в инструмент для решения своих просветительских задач (в числе альтернативных инструментов следует отметить кино, интернет, литературу, искусство, средства наглядной пропаганды и агитации и пр.) [9, с. 32].

Как субъект правового просвещения населения, СМИ имеют свои исключительные особенности:

средства массовой информации сопровождают гражданина государства всю его сознательную жизнь;

процесс распространения правовой информации направлен на массовую аудиторию;

предоставление членам социума правовой информации, позволяющей ориентироваться в социально значимых ситуациях;

передача правовой информации осуществляется в доступной, легкой для усвоения форме;

создание общественного мнения по правовым вопросам, формирование социально активной позиции общественности;

оказывает как конструктивное, так и деструктивное воздействие на правовое сознание граждан.

На сегодняшний день, существует такая разновидность в сфере СМИ, как мировая компьютерная сеть «Интернет», особенностью которой выступает скорость распространения информации, что значительно повышает ее эффективность среди иных разновидностей СМИ. Между отдельными СМИ имеются определенные различия, где каждое обладает своими особенностями и преимуществами. Основными преимуществами перед другими, радио и телевидение, к примеру, несравненны по своей оперативности, возможности информировать людей непосредственно с места события. Такие «традиционные» разновидности СМИ, как газеты, журналы, книги значительно уступают им в оперативности и доступности, однако они более обстоятельны, располагают широкими возможностями для анализа, сбора, комментирования событий и явлений. Стоит отметить, что все эти средства обладают одним общим признаком – массовостью, способностью охватить огромную аудиторию.

Одним из субъектов СМИ выступают непосредственно журналисты. Как справедливо отмечает Е.А. Березина, цель журналиста – убедить читателей в том, что его мнение, его оценка является общепринятой или, по крайней мере, разделяемой разумным большинством. Если этого не происходит, то его оценочная и аргументационная деятельность теряет смысл [2, с. 131].

Как отмечает А.Н. Рыков, влияние СМИ в формировании правосознания может носить как конструктивный, так противоречивый и деструктивный характер. Конструктивное влияние выражается в формировании в правовом сознании адекватных правовых представлений, а также соответствующих отношений, установок к правовым явлениям. «Деструктивное информационное воздействие – это негативное воздействие информации, распространяемой через СМИ, на правосознание с целью деформации имеющихся представлений о праве и правовых явлениях либо формирования и утверждения искаженных представлений о них» [10, с. 8].

Конструктивное влияние СМИ проявляется через осознание того факта, что они по своему содержанию являются самым доступным и популярным каналом рас-

пространения информации о юридической деятельности в сфере законодательства, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Они могут формировать у людей положительный образ законопослушного и социально активного гражданина с точки зрения норм поведения. Кроме того, средства массовой информации могут многое сделать для содействия распространению правовых знаний, формирования законопослушного поведения, утверждения принципа равенства всех перед законом и предотвращения унижения национального достоинства отдельных лиц, групп людей нации.

Например, распространяя информацию о злоупотреблении наркотиками и алкоголем, СМИ своими действиями призваны содействовать проведению результативных кампаний по распространению знаний об огромных опасностях злоупотребления наркотиками и алкоголем и мерах по предотвращению этих явлений. Крайне важно, чтобы журналисты полностью осознавали важность своей работы и не позволяли сенсационно оправдать акты террористического насилия, поскольку это могло бы поставить под угрозу жизнь граждан и сотрудников правоохранительных органов и помешать принятию результативных мер по предотвращению таких действий. Как итог, СМИ своими действиями могут выполнять профилактическую функцию, непосредственно влияющую на законность и правопорядок в обществе.

На данный момент сложились определенные тенденции использования возможностей СМИ сотрудниками правоохранительных органов для решения поставленных перед ними задач. Положительные контакты сотрудников правоохранительных органов со средствами массовой коммуникации могут способствовать формированию позитивного социального мнения о работе правоохранительных структур, а также дальнейшего развития сотрудничества подрастающего поколения с правоохранительными органами в деле охраны правопорядка и борьбы с преступностью.

Более актуальным является вопрос деконструктивного воздействия СМИ. Как показывают последние исследования психологов, в сообщениях СМИ всё чаще акцентируют внимание на безнаказанность нарушений закона. С одной стороны, это может привести к обострению чувства вседозволенности среди граждан, склонных к противоправному поведению. С другой стороны, всё это может породить у законопослушных граждан чувство страха и недоверия к правоохранительным органам в вопросах защиты их прав [8, с. 15]. Кроме того, СМИ завалены большим количеством информации, где обсуждаются происходящие в стране различные правовые явления, но подача такой информации представляется на первом плане с интересными действующими лицами. В таком случае стоит отметить, что форма передач доминирует над их содержанием. Более серьезные передачи чаще всего сложны и поэтому недоступны для понимания населения, так как зрителям элементарно не хватает знания в области права.

По мнению Д.Р. Киреева, существует еще одна проблема – всеядность средств массовой информации. В современном российском обществе СМИ и их роль в распространении правовой информации давно обсуждается на разных уровнях. Эксперты в области журналистики и юриспруденции, а также психологии и политологии вынуждены констатировать частый низкий уровень правовой культуры, несформированность и деформированность правосознания журналистов. Журналисты различных информационных изданий и телевизионных каналов наглядно демонстрируют пренебрежение к правовым требованиям вплоть до полного отрицания всех запретов – мало того, что они не соблюдают внутренние отраслевые нормы права

и этики, так они еще и прививают свое отношение публике – особенно это характерно для региональных СМИ.

Репортажи о правовой и политической ситуации толкуются субъективно, часто безграмотно даже с точки зрения юридической терминологии, грамматики. Располагая сенсационной информацией, обладатель ее подчас руководствуется определенными мотивами и целями, используя средства массовой информации для манипулирования общественным мнением. А безответственность и самонадеянность, легкомыслие журналистов и редакций СМИ способствуют этому. Так, информация распространяется под видом слухов, затем широко обсуждается в массах, и как результат – укрепляется в сознании граждан [6, с. 32]. Весьма интересна в данном контексте позиция М.О. Акишина, который отмечает, что участие журналистов в юридических конфликтах объективно предопределено основными функциями СМИ: информационной, воспитательной и коммуникационной. Журналисты играют значительную роль в правовом просвещении и профилактике преступности, становятся субъектами криминальных, уголовно-процессуальных и гражданско-процессуальных конфликтов [1, с. 13]. Указанная позиция позволяет сделать вывод об актуальности проблемы изучения роли СМИ в юридическом конфликте и его преодоления.

По этому поводу свою точку зрения высказывает Н.Н. Донвар, по мнению которого на сегодняшний день требуются серьезные изменения концептуальных подходов СМИ к выбору правовой тематики. Необходимо изменение векторов интересов СМИ от криминальных тем, в которых заключена только информационная или рекреативная функция, к серьезному разговору о деятельности правоохранительных органов, суда, к материалам, ориентированным на анализ проблем в правовой сфере, в том числе проблем правосудия, состоянии и причин преступности, и другим вопросам, помогающим осознать роль права в гражданском обществе [4, с. 61–62].

Как итог, правосознание граждан непосредственно формируется под влиянием социально-экономических условий, благодаря деятельности органов государственной власти, системы правового воспитания через различные социальные институты, гражданское общество, учреждения образования. Ведущая роль в становлении правосознания личности наряду с иными субъектами, принадлежит СМИ.

СМИ, как субъект формирования правовой культуры и правового сознания граждан, выступают важнейшим субъектом правового воспитания граждан. Однако на современном этапе мощности СМИ для обозначенных целей используются недостаточно. С целью повышения эффективности СМИ на современном этапе необходимо переосмыслить принципиальные подходы государства к СМИ как к субъекту формирования правовой культуры.

Влияние СМИ в формировании правосознания может носить как конструктивный, так противоречивый и деструктивный характер, что объективно требует изменения концептуальных подходов СМИ к выбору правовой тематики.

Библиографический список

1. Акишин, М. О. Средства массовой информации в юридическом конфликте / М. О. Акишин // Ленинградский юридический журнал. – 2018. – № 2(52). – С. 11–20.
2. Березина, Е. А. Средства массовой информации как инструмент правового просвещения субъектов малого и среднего бизнеса / Е. А. Березина // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2014. – № 12(134). – С. 126–136.

3. Гришнова Е.Е. Правовая культура в политическом пространстве современной России. М., 2005. 155 с.

4. Довнар, Н. Н. Роль СМИ в повышении правосознания и правовой культуры общества в период социальных трансформаций / Н. Н. Довнар // Труды по интеллектуальной собственности. – 2014. – Т. 19. – № 4. – С. 46–63.

5. Ивлиев П.В. Средства массовой информации в формировании правового сознания российских граждан: вопросы теории: статья // Теория государства и права. 2018. № 3. С. 16–21.

6. Киреев, Д. Р. Актуальные проблемы и особенности правового воспитания в современном российском обществе / Д. Р. Киреев // Ленинградский юридический журнал. – 2012. – № 2(28). – С. 29–35.

7. Мамонько, М. М. Пропаганда права как форма правового воспитания осужденных к лишению свободы / М. М. Мамонько // XXV юбилейные Царскосельские чтения: Материалы международной научной конференции, Санкт-Петербург, 20–21 апреля 2021 года / Под общей редакцией С.Г. Еремеева. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 318–323.

8. Мартынкина Д. Ю. Роль печатных средств массовой информации в правовом просвещении населения (на материалах общественно-политических газет): автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 2011. 45 с.

9. Мартынкина, Д. Ю. Роль газет и журналов в повышении правовой культуры граждан России / Д. Ю. Мартынкина // Медиаскоп. – 2013. – № 3. – С. 32–47.

10. Рыков А.Н. Деструктивное воздействие средств массовой информации на правосознание граждан (правовые проблемы формирования информационного общества): автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2002. 24 с.

Для цитирования: Ивлиев П.В., Мамонько М.М. Средства массовой информации как субъект правового воспитания: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 162–166.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.013

MASS MEDIA AS A SUBJECT OF LEGAL EDUCATION

Pavel V. Ivliev*

Mikhail M. Mamonko**

Annotation. *The article considers the main aspects of the activities of the media, and their role in the field of legal education of citizens. An analysis is made of the influence of the constructive and deconstructive influence of the mass media on the behavior of the individual, the influence on the formation of his legal consciousness.*

Key words: *legal education, legal consciousness, mass media, forms of influence, forms of legal education, means of legal education.*

The legal education of citizens is the most important factor and vector in the formation of the legal culture of the population, a high level of which is necessary for the creation

---

* *Ivliev Pavel Valentinovich* – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute for Training State and Municipal Employees of the Academy of the Federal Penitentiary Service). E-mail: ivliev_pv@mail.ru

** *Mamonko Mikhail Mikhailovich*, Lecturer of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Law of St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia. E-mail: mamonko.mi@yandex.ru

of a rule of law state. The media is, first of all, an instrument not only of state power, but also of civil society institutions, a force that can influence the legal orientation of Russians and determine their choice of behavior [5, p. 16]. The task of increasing the level of legal culture of the population is set by various public institutions (subjects of legal education) [3, p. 95–96]. Indeed, the activities to organize the legal education process through the implementation of various forms of legal education are carried out by the state, the family, educational institutions, public organizations, law enforcement agencies, etc. A special place among these subjects of legal education of citizens is occupied by the media. One of the means of legal education, along with legal education, legal practice and self-education, is the promotion of law. This form of legal education is based on the process of dissemination and popularization of legal information, through which legal awareness and awareness of citizens is formed [7, p. 319].

As noted in the legal literature, the role of the media in the process of legal education is of a specific nature. On the one hand, the media editors can engage in this activity in order to implement their own editorial policy in accordance with the functions of journalism (that is, to be a full-fledged subject of improving the legal culture of citizens). On the other hand, other entities, for example, the state, public and commercial organizations, can use the media to educate the population on the law, thereby turning the media into a tool for solving their educational tasks (among the alternative tools should be noted cinema, the Internet, literature, art, means of visual propaganda and agitation, etc.) [9, p. 3].

As a subject of legal education of the population, the media have their own exceptional features:

- mass media accompany the citizen of the state all his conscious life;
- the process of dissemination of legal information is aimed at a mass audience;
- providing members of the society with legal information that allows them to navigate in socially significant situations;
- the transfer of legal information is carried out in an accessible, easy-to-learn form;
- creation of public opinion on legal issues, the formation of a socially active position of the public;
- has both a constructive and deconstructive impact on the legal consciousness of citizens.

Today, there is such a variety in the media sphere as the global computer network "Internet", a feature of which is the speed of information dissemination, which significantly increases its effectiveness among other types of media. There are certain differences between individual media, where each has its own characteristics and advantages. The main advantages over others, radio and television, for example, are incomparable in their efficiency, the ability to inform people directly from the scene. Such "traditional" types of media as newspapers, magazines, books are significantly inferior to them in terms of efficiency and accessibility, but they are more detailed, have ample opportunities for analyzing, collecting, commenting on events and phenomena. It is worth noting that all these tools have one common feature – mass character, the ability to reach a huge audience.

One of the subjects of the media are directly journalists. As rightly noted by E.A. Bezin, the goal of a journalist is to convince readers that his opinion, his assessment is generally accepted, or at least shared by a reasonable majority. If this does not happen, then his evaluative and argumentative activity loses its meaning [2, p. 131].

As A.N. Rykov, the influence of the media in the formation of legal consciousness can be both constructive and contradictory and destructive. The constructive influence is ex-

pressed in the formation in the legal consciousness of adequate legal ideas, as well as the corresponding attitudes, attitudes towards legal phenomena. "Destructive information impact is the negative impact of information disseminated through the media on legal consciousness in order to deform existing ideas about law and legal phenomena or form and assert distorted ideas about them" [10, p. 8].

The constructive influence of the media is manifested through the realization of the fact that, in terms of their content, they are the most accessible and popular channel for disseminating information about legal activities in the field of legislation, law enforcement and law enforcement. They can form in people a positive image of a law-abiding and socially active citizen in terms of behavioral norms. In addition, the media can do a lot to promote the dissemination of legal knowledge, the formation of law-abiding behavior, the establishment of the principle of equality of all before the law and the prevention of humiliation of the national dignity of individuals, groups of people of the nation.

For example, by disseminating information about drug and alcohol abuse, media activities are called upon to promote effective campaigns to spread knowledge about the enormous dangers of drug and alcohol abuse and measures to prevent these phenomena. It is imperative that journalists are fully aware of the importance of their work and not allow sensational justifications for acts of terrorist violence, as this could endanger the lives of citizens and law enforcement officials and prevent effective action to be taken to prevent such acts. As a result, the media, through their actions, can perform a preventive function that directly affects the rule of law and order in society.

At the moment, there are certain trends in the use of media opportunities by law enforcement officers to solve their tasks. Positive contacts of law enforcement officials with the mass media can contribute to the formation of a positive social opinion about the work of law enforcement structures, as well as the further development of cooperation between the younger generation and law enforcement agencies in law enforcement and combating crime.

More relevant is the question of the deconstructive impact of the media. Recent studies by psychologists show that media reports are increasingly focusing on impunity for violations of the law. On the one hand, this can lead to an aggravation of the feeling of permissiveness among citizens prone to illegal behavior. On the other hand, all this can give law-abiding citizens a sense of fear and distrust of law enforcement agencies in matters of protecting their rights [8, p. fifteen]. In addition, the media are inundated with a large amount of information, where various legal phenomena taking place in the country are discussed, but the presentation of such information is presented in the foreground with interesting actors. In this case, it is worth noting that the form of transmissions dominates their content. More serious programs are most often complex and therefore inaccessible to the understanding of the population, since viewers simply do not have enough knowledge in the field of law.

According to D.R. Kireeva, there is another problem – the omnivorousness of the media. In modern Russian society, the media and their role in the dissemination of legal information has long been discussed at different levels. Experts in the field of journalism and jurisprudence, as well as psychology and political science, are forced to note the often low level of legal culture, the unformed and deformed legal consciousness of journalists. Journalists from various information publications and television channels clearly demonstrate disregard for legal requirements, up to the complete denial of all prohibitions – not only do they not comply with internal industry standards of law and ethics, they also instill their attitude in the public – this is especially true for regional media.

Reports on the legal and political situation are interpreted subjectively, often illiterately even from the point of view of legal terminology and grammar. Having sensational information, its owner is sometimes guided by certain motives and goals, using the media to manipulate public opinion. And the irresponsibility and arrogance, frivolity of journalists and media editors contribute to this. Thus, information is disseminated under the guise of rumors, then it is widely discussed among the masses and as a result, it is strengthened in the minds of citizens [6, p. 32]. In this context, the position of M.O. Akishin, who notes that the participation of journalists in legal conflicts is objectively predetermined by the main functions of the media: information, educational and communication? Journalists play a significant role in legal education and crime prevention; become subjects of criminal, criminal procedural and civil procedural conflicts [1, p. 13]. This position allows us to conclude that the problem of studying the role of the media in a legal conflict and overcoming it is topical.

On this occasion, N.N. Dovnar expresses his point of view according to which, today, serious changes in the conceptual approaches of the media to the choice of legal topics are required. It is necessary to change the vectors of media interests from criminal topics, which contain only an informational or recreational function, to a serious conversation about the activities of law enforcement agencies, the court, to materials focused on the analysis of problems in the legal sphere, including problems of justice, the state and causes of crime, and other issues that help to understand the role of law in civil society [4, p. 61–62].

As a result, the legal consciousness of citizens is directly formed under the influence of socio-economic conditions, thanks to the activities of state authorities, the system of legal education through various social institutions, civil society, and educational institutions. The leading role in the formation of the legal consciousness of the individual, along with other subjects, belongs to the media.

Mass media as a subject of formation of legal culture and legal consciousness of citizens are the most important subjects of legal education of citizens. However, at the present stage, the capacity of the media for the designated purposes is not used enough. In order to increase the effectiveness of the media at the present stage, it is necessary to rethink the fundamental approaches of the state to the media as a subject of the formation of legal culture.

The influence of the media in the formation of legal consciousness can be both constructive and contradictory and destructive, which objectively requires a change in the conceptual approaches of the media to the choice of legal topics.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Akishin, M. O. Mass media in legal conflict / M. O. Akishin // Leningrad legal journal. 2018. No. 2(52). Pp. 11–20.
2. Berezina, E. A. Mass media as a tool for legal education of small and medium-sized businesses / E. A. Berezina // Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: History. Philology. Culturology. Oriental studies. 2014. No. 12(134). Pp. 126–136.
3. Grishnova E.E. Legal culture in the political space of modern Russia. Moscow, 2005. 155 p.
4. Dovnar, N. N. The role of the media in raising the legal awareness and legal culture of society in the period of social transformations / N. N. Dovnar // Proceedings on intellectual property. 2014. V. 19. No. 4. P. 46–63.

5. Ivliev P.V. Mass media in the formation of the legal consciousness of Russian citizens: questions of theory: article // Theory of State and Law. 2018. No. 3. P. 16–21.

6. Kireev, D. R. Actual problems and features of legal education in modern Russian society / D. R. Kireev // Leningrad Journal of Law. 2012. No. 2(28). Pp. 29–35.

7. Mamonko, M. M. Propaganda of law as a form of legal education of those sentenced to deprivation of liberty / M. M. Mamonko // XXV anniversary Tsarskoye Selo readings: Proceedings of the international scientific conference, St. Petersburg, April 20–21, 2021 / Under the general editorship S.G. Ereemeeva. St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2021. P. 318–323.

8. Martynkina D. Yu. The role of print media in the legal education of the population (based on socio-political newspapers): author. dis. ... cand. philol. Sciences. Moscow, 2011. 45 p.

9. Martynkina, D. Yu. The role of newspapers and magazines in improving the legal culture of Russian citizens / D. Yu. Martynkina // Mediascope. 2013. No. 3. P. 32–47.

10. Rykov A.N. The destructive impact of the media on the legal consciousness of citizens (legal problems of the formation of the information society): author. dis... cand. legal Sciences. Rostov n / D., 2002. 24 p.

For citation: Ivliev P.V., Mamonko M.M. Mass media as a subject of legal education: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 166–170.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.013

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.014

Т.Л. Комарова*

Б.А. Ревнов**

М.Б. Ревнова***

О НОРМАТИВНОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ЛОББИЗМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье рассматривается вопрос о целесообразности регулирования лоббизма в Российской Федерации, содержатся акценты на некоторых наиболее известных на взгляд автора попытках урегулирования, анализируется уже действующее законодательство, которое в определенной степени уже регулирует то, что можно считать лоббизмом, хотя и без введения соответствующей терминологии. Также предлагается один из возможных вариантов нормативного регулирования лоббизма в Российской Федерации.*

***Ключевые слова:** лоббизм, лоббистская деятельность, законодательное регулирование лоббизма в России, влияние на правотворчество.*

В настоящий момент в Российской Федерации не получило законодательного регулирования столь сложное, многоаспектное явление как лоббизм. Что именно подразумевать под этим явлением, насколько действительно необходима законодательная его регламентация, возможно – институционализация и в каких формах она могла бы быть приемлема для Российской Федерации – вот те вопросы, которые будут исследоваться в данной статье. Но прежде, начнем с определения того, что понимается под лоббизмом.

Не погружаясь в содержание определений различных правоведов и практиков [12, с. 20–47; 13; 17, с. 246–248; 18, с. 34; 19], самым верным рабочим и понятным определением этого явления будет следующее: лоббизм – это комплексное влияние (по простому – «продавливание») на принятие каких-либо решений кем-либо в интересах конкретных (физических или юридических) лиц. Естественно, интересуют лоббистов, прежде всего те лица, которые правомочны изменить, либо создать новое нормативно-правовое регулирование. Даже подобное, весьма простое определение однозначно позволяет сделать вывод о повсеместном существовании подобного явления безотносительно его регламентации в нормативно-правовых актах.

---

* Комарова Татьяна Львовна, проректор по науке и инновациям Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. E-mail: komarova_tl@mail.ru

** Ревнов Борис Александрович, доцент кафедры конституционного и административного права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@ya.ru

*** Ревнова Мария Борисовна, ректор Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

Возникает второй вопрос: насколько такая регламентация нужна?. Для ответа на этот вопрос, есть смысл раскрыть сущность лоббизма более подробно, выделив ряд признаков, отличающих его от схожих форм, средств влияния на институты публичной власти и правотворчество:

взаимодействие субъектов, один из которых всегда наделен властными полномочиями;

ориентированность на продвижение конкретных интересов определенной социальной группы;

конфиденциальный характер отношений субъектов лоббистской деятельности и институтов публичной власти;

особая сфера действия, всегда связанная с правотворчеством в широком смысле слова;

наличие специальных методов, средств, технологий продвижения интересов различных социальных групп, общественных структур, функционирующих в различных сферах государственной и общественной жизни.

Данные признаки в их совокупности позволяют отграничить лоббирование от иных форм влияния на институты публичной власти и отразить сущность лоббирования [12, с. 208].

В Российской Федерации уже предпринимались ранее попытки законодательно урегулировать данную область. В конце XX в. – начале XXI в. по разным оценкам появлялось до пяти [14, с. 5] разных законопроектов, посвященных регулированию лоббистской деятельности. Самые известные из них были внесены в 1997 г. (проект федерального закона «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [23]), 2003 г. (проект федерального закона «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» [22]) и в 2015 г. (проект федерального закона «О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления» [21]), однако, они приняты не были.

В 2003 г. на XXII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ был принят «Модельный закон о регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти». Он предписывает нормативное закрепление содержания, целей и задач лоббистской деятельности, которая представляет собой юридически признанные индивидуальные или коллективные действия групп частных интересов в целях оказания влияния на представителей законодательной и исполнительной власти в процессе подготовки и принятия решений, содержит понятия «клиент» (граждане и юридические лица, которые нанимают лиц, занимающихся от имени данного клиента лоббистской деятельностью), «лоббистский контакт» (устное, письменное, электронное или иное сообщение, адресованное от имени клиента должностным лицам и депутатам органов государственной власти в целях оказания влияния на законодательный процесс) [20, ст. 1], также среди прочего определяет перечень органов, в которых проводится аккредитация лоббистов: палаты законодательного органа (Парламента), Правительство, администрация Президента [20, ст. 9]. Однако данный модельный закон не нашёл отражения в российской правовой системе.

Вместе с тем в Российской Федерации действует ряд законов, которые в той или иной сфере регулируют среди прочего и лоббистскую деятельность, хотя бы и не акцентируя отдельно на этом внимание. Да и основываются они на нормах Кон-

ституции РФ, которые допускают, по крайней мере, отчасти, легализовать то, что принято называть лоббистской деятельностью, в частности, на ст. 30 (часть 1), устанавливающей право на объединение как таковое (в том числе и для целей лоббизма), ст. 32 (часть 1) о праве граждан участвовать в управлении делами государства (в этом случае, возможно, рассматривать лоббизм как одну из форм подобного участия), ст. 33, устанавливающей базовое право граждан на обращение безотносительно его предмета, ст. 45 (часть 1) о праве каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, в числе прочего и разрешенными лоббистскими методами. Допустимость лоббизма как такового выводится также и из основ конституционного строя (ст. 1 (часть 1), ст. 2, ст. 3 (части 1 и 2) [1].

Во исполнение, в том числе названных конституционных положений, в той или иной степени лоббистскую деятельность в Российской Федерации уже регулируют федеральные законы «Об общественных объединениях» [8], «О некоммерческих организациях» [10], «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [11], «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» [6] и др. Регламентированы в Российской Федерации также и запрещенные способы лоббизма, нашедшие отражения как в ряде составов преступлений, предусмотренных уголовным законом Российской Федерации. В соответствии с уголовным законодательством представляется возможным квалифицировать применение методов «теневого» лоббирования как преступные деяния следующим образом: незаконное финансирование избирательных кампаний [4, ст. 141.1]; шантаж (вымогательство) [4, ст. 163]; подкуп [4, ст. 290, 291, 291.1] (получение и дача взятки соответственно, а также посредничество во взяточничестве); обман (служебный подлог и заведомо ложные показания и др.) [4, ст. 292, 307]; приемы насилия, угрозы [4, ст. 318] и др.

Также к правовым основаниям регулирования лоббистской деятельности может быть отнесен антикоррупционный пакет законов и подзаконных нормативных актов. Антикоррупционное законодательство содержит ряд положений, касающихся процесса влияния заинтересованных лиц на нормотворческий процесс – временный запрет на осуществление профессиональной деятельности бывших чиновников в подконтрольной сфере, размеры подарков и возможность их дарения должностным лицам, а также ограничения на занятие другой оплачиваемой деятельности для должностных лиц [12, с. 300–304].

Кроме того, в Российской Федерации регулярно проводятся различные мероприятия, подспудно потворствующие лоббистской деятельности, к которым можно отнести в частности различные форумы (юридический, экономический, инвестиционный, международный форум производителей напитков, деловой, различные форумы посвященные конкретным сферам сотрудничества и т.д.). По сути своей форум среди прочего – это площадка, где представители различных профильных сфер гражданского общества могут вести диалог с представителями власти в неформальной обстановке. Более того в Российской Федерации функционирует отдельный орган, целью которого является создание благоприятных условий для лоббизма [16, с. 15] в широком смысле слова – Общественная палата Российской Федерации [7, ст. 1 и 2].

С учетом изложенного, а также наличия весьма обширного регулирования, которое *de facto* так или иначе регламентирует вопросы лоббистской деятельности, возникает ряд вопросов, в частности, о целесообразности отдельного профильного регулирования в этой сфере. В этом вопросе много важных аспектов: во-первых,

с очевидностью общественно опасные деяния, подпадающие под категорию лоббизма и так урегулированы, в том числе и в уголовном праве, как следствие, те проявления лоббизма, которые преступлением не являются, тоже какое-никакое регулирование имеют – правовых лагун, требующих оперативного вмешательства или откровенно мешающих функционированию государственного механизма не наблюдается. При этом, есть ещё один аспект, связанный с «теневым», непубличным лоббизмом, который не исчезнет вне зависимости от того будет он законодательно урегулирован, либо нет: это личные связи, потому как при прочих равных никто не откажется от встречи с другом детства/ однокурсником/, бывшим коллегой по работе и т.д. во встрече, где может обсуждаться любой вопрос, и использоваться в том числе элементы лоббизма. Таким образом, не будет великим прегрешением против истины сделать вывод о том, что сфера лоббизма никогда в действительности не будет действенно полностью урегулирована нормативно.

Попытки построить институционализацию лоббизма в Российской Федерации по образу и подобию коллективного Запада в целом и отдельных его стран в частности по нашему мнению стратегически обречены на провал, из-за огромной разницы, как правовых систем, так и менталитетов. Из данного мнения ни коем образом не следуют выводы о порочности, либо неэффективности законодательного регулирования, выстроенного в этой области в США и Канаде, Польше и Германии и др. Ввиду большого объема и отступления от главной темы, не кажется целесообразным в рамках данной статьи раскрывать каждую из законодательных конструкций, регулирующих лоббизм в обозначенных странах – на то есть более масштабные исследования [12, с. 102–198], потому ограничимся констатацией очевидного: того, что наиболее развитая модель регулирования лоббизма на данный момент присутствует в законодательной системе США [15, с. 35–43], что опять же никак не является основанием для возведения копирования данной системы в отечественном законодательстве как самоцель.

Уж если и институционализировать лоббизм в России, то цель должна быть более практичной. Для выявления этой цели следует отталкиваться не от необходимости урегулировать явление, не от попытки подражания, не от умножения сущностей ради упорядочивания запретов (в этом случае вопрос обеспечения действенности подобного регулирования потребует отдельного многоаспектного исследования), а от практической пользы, причем в реалиях именно нашей правовой системы.

Представляется, что создание отдельного закона, вводящего новых субъектов – лоббистов (лоббистские организации), является целесообразным в том случае, если они могли бы эффективно доносить интересы заказчика (клиента) до субъектов, уполномоченных на создание нормативного регулирования, как в законодательной, так и в исполнительной власти для целей усовершенствования положений законодательных (в первом случае) и подзаконных нормативных актов (в случае номер два). Лоббирование интересов в судебной власти называется вмешательством в осуществление правосудия и имеют надлежащую квалификацию в Уголовном кодексе Российской Федерации [4, ст. 294]. Не думаем, что в этом аспекте имеет смысл что-то радикально менять.

Вместе с тем, механизм лоббирования в органах законодательной и исполнительной власти сводился бы к следующему: любой субъект будь-то физическое или юридическое лицо, иностранное или отечественное, обращается к лоббистской организации с теми или иными предложениями по поводу модернизации действующе-

го нормативного правового регулирования в той или иной сфере: экономической, политической, социальной, духовной. Лоббист должен оказать всяческое содействие таким лицам (назовём их «клиентами»), для того чтобы оформить их пожелания в конкретные предложения (так как клиенты совершенно не обязаны в деталях разбираться в нюансах юридической техники, да и вообще могут не иметь юридического образования). После чего готовый проект нормативно-правового акта (нового, либо о внесении изменений и дополнений в уже существующие нормативные правовые акты) лоббист представляет в тот орган власти, который уполномочен изменить существующий, либо принять новый нормативно-правовой акт.

При этом уполномоченный орган, в случае несогласия с соответствующими предложениями в установленный срок должен дать аргументированный ответ о причинах отказа. Возможно, есть смысл составить график направления подобных проектов в соответствующие органы власти (не чаще, чем раз в 2 месяца, не более 3/5/10 проектов от одной/нескольких лоббистских организации из одного района/субъекта/округа и т.д.) – можно уточнять детали, но важен принцип: грамотно составленная инициатива по изменению нормативного регулирования должна быть доставлена и на нее в разумный срок должен поступить ответ. За лоббистом остается поиск аргументированных доводов в пользу принятия выдвинутых предложений и подготовки юридически грамотного проекта нормативно-правового акта.

Естественно, данная работа должна быть платной, а лоббистские организации должны получать право заниматься данной деятельностью после соответствующей регистрации. При этом, в качестве базовой модели можно использовать Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [5].

Что даст подобное регулирование лоббистской деятельности? Это может быть принципиально новый механизм совершенствования правового регулирования, которым может воспользоваться каждый, так как ныне нормативный акт можно изменить только в судебном порядке через отмену соответствующих норм, и то, в случае, если они противоречат акту, обладающему большей юридической силой [3, гл. 21], либо Конституции Российской Федерации [2, гл. XII]. При этом данное регулирование не нивелирует какие-либо составы, установленные уголовным законом, но и не запрещает использовать какие-либо «кулуарные» возможности, напротив, на подобных связях с внедрением такого механизма возможно будет официально зарабатывать, так как кто угодно может ими официально воспользоваться. При этом попытка «вывести лоббистов из тени» предпринимается не через запреты осуществлять какую-либо деятельность, а через стимулирование к открытости.

С учетом уже имеющегося в Российской Федерации законодательного регулирования деятельности иностранных агентов [9], остается дискуссионным вопрос о целесообразности вводить какие-либо дополнительные ограничения и ответственность ещё и в связи с лоббированием иностранных интересов – более правильным было бы органично распространить нормы об иностранных агентах и на лоббистскую деятельность.

В случае принятия подобного регулирования, естественно, как и любое иное законодательство, оно будет со временем развиваться и модернизироваться, однако, адекватный ответ на вопрос о том, есть ли смысл радикально расширять регулирование лоббистской деятельности, будет понятен только после подведения итогов работы хотя бы данного института. Любое законодательное изменение должно приносить реальную, ощутимую пользу, в том числе через оптимизацию механизмов

решения текущих проблем и ответов на стоящие вызовы. И именно этот побудительный мотив должен лежать в основе любого нового регулирования: ответы на вызовы и практическая польза. Попытки же урегулировать что-либо « по имеющемуся образцу» или « потому что в «развитых демократиях» так принято» заведомо не будут столь же эффективными, сколь при первом подходе, с которого и целесообразно было бы начать. Любой долгий путь начинается с первого шага.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
5. Федеральный закон от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Российская газета, 2002, 5 июня.
6. Федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3609.
7. Федеральный закон от 4 апреля 2005 года № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 15. – Ст. 1277.
8. Федеральный закон от 19 мая 1995 года. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930.
9. Федеральный закон от 14 июля 2022 года № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 29 (часть II). – Ст. 5222.
10. Федеральный закон от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.
11. Федеральный закон от 2 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 19. – Ст. 2060.
12. Теория и практика нормативно-правового регулирования лоббизма (российский и зарубежный опыт): монография [Текст]. 2-е изд., испр. и доп. /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Издательство МАТГиП, 2022. – 384 с.
13. *Артемов, А.* Канадская основа открытого общества. Лоббизм, протекционизм и либерализм – составляющие новой экономической политики России [Текст] / А. Артемов // Независимая газета, 2000, 4 августа.
14. *Байков А., Сушенцов А.* Страновые особенности лоббизма в США и Японии // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 2 (23). – С. 100–111.
15. *Богдановская, И. Ю.* Лоббизм и право: опыт США. // Подборка материалов на тему: «Зарубежный опыт законодательного регулирования лоббистской деятельности в системе мер противодействия коррупции и перспективы его использования в Российской Федерации». – М.: Управление библиотечным фондом: Парламентская библиотека, 2008.
16. *Гриб В.В.* Общественная палата Российской Федерации как элемент политико-правовой институционализации гражданского общества: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2010. – 59 с.

17. Комаров С.А. Общая теория государства и права: Учебник. 10-е изд. испр. и доп. – М.: Юрайт, 2022. – 528 с.
18. Кумс, К. Лоббизм и его регулирование: советы британского эксперта [Текст] / К. Кумс // Бизнес и политика. – 1994. – № 1. – С. 34–39.
19. Павлов В. Есть ли в России лоббизм? // Российская юстиция. – 1998. – № 8.
20. Модельный закон о регулировании лоббистской деятельности в органах государственной власти (Принят в г. Санкт-Петербурге 15 ноября 2003 года Постановлением 22–16 на XXII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. – 2004. – № 33. – С. 261–271.
21. Проект Федерального закона № 833158-6 «О порядке продвижения интересов коммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей в органах государственной власти и местного самоуправления» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/833158-6> [Электронный ресурс] дата обращения 12 августа 2022 года.
22. Проект Федерального закона № 396138-3 «О лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/396138-3> [Электронный ресурс] дата обращения 12 августа 2022 года.
23. Проект Федерального закона № 97801795-2 «О правовых основах лоббистской деятельности в федеральных органах государственной власти» // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97801795-2>

Для цитирования: Комарова Т.Л., Ревнов Б.А., Ревнова М.Б. О нормативном регулировании лоббизма в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 171–177.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.014

ON THE NORMATIVE REGULATION OF LOBBYING IN THE RUSSIAN FEDERATION

Tatyana L. Komarova *

Boris A. Revnov **

Maria B. Revnova ***

Annotation. *The article discusses the question of the advisability of regulating lobbying in the Russian Federation, focuses on some of the most well-known attempts at settlement in the author's opinion, analyzes the existing legislation, which to a certain extent already regulates what can be considered lobbying, although without introducing the appropriate terminology. One of the possible options for the regulatory regulation of lobbying in the Russian Federation is also proposed.*

Key words: *lobbying, lobbying activity, legislative regulation of lobbying in Russia, impact on lawmaking.*

---

* Komarova Tatyana Lvovna, Vice-Rector for Science and Innovations of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Ph.D. in Law, Associate Professor. E-mail: komarova_tl@mail.ru

** Revnov Boris Alexandrovich, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), PhD in Law. E-mail: akziz07@ya.ru

*** Revnova Maria Borisovna, Rector of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), PhD in Law. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

At present, such a complex, multifaceted phenomenon as lobbying has not received legislative regulation in the Russian Federation. What exactly is meant by this phenomenon, how much its legislative regulation is really necessary, perhaps institutionalization, and in what forms it could be acceptable for the Russian Federation – these are the questions that will be explored in this article. But first, let's start with a definition of what is meant by lobbying.

Without plunging into the content of the definitions of various jurists and practitioners [12, p. 20–47; 13; 17, p. 246–248; 18, p. 34; 19], the most correct working and understandable definition of this phenomenon will be the following: lobbying is a complex influence (in simple terms – “pushing through”) on the adoption of any decisions by someone in the interests of specific (individuals or legal entities) persons. Naturally, lobbyists are interested, first of all, in those persons who are authorized to change or create a new legal regulation. Even such a very simple definition unambiguously allows us to conclude that such a phenomenon exists everywhere, regardless of its regulation in regulatory legal acts.

The second question arises: how much such regulation is needed? To answer this question, it makes sense to reveal the essence of lobbying in more detail, highlighting a number of features that distinguish it from similar forms, means of influencing public authorities and lawmaking:

- interaction of subjects, one of which is always endowed with power;

- focus on promoting the specific interests of a particular social group;

- the confidential nature of relations between the subjects of lobbying activities and public authorities;

- a special sphere of action, always associated with lawmaking in the broadest sense of the word;

- availability of special methods, means, technologies for promoting the interests of various social groups, public structures operating in various spheres of state and public life.

These features in their totality make it possible to distinguish lobbying from other forms of influence on public authorities and reflect the essence of lobbying [12, p. 208].

In the Russian Federation, attempts have already been made to legally regulate this area. At the end of the twentieth century – the beginning of the XXI century according to various estimates, up to five appeared [14, p. 5] of various draft laws on the regulation of lobbying activities. The most famous of them were introduced in 1997 (draft federal law "On the legal foundations of lobbying activities in federal government bodies" [23]), 2003 (draft federal law "On lobbying activities in federal government bodies" [22]) and in 2015 (draft federal law "On the Procedure for Promoting the Interests of Commercial Organizations and Individual Entrepreneurs in State and Local Government Bodies" [21]), however, they were not adopted.

In 2003, at the XXII plenary session of the Inter-Parliamentary Assembly of the CIS Member States, the "Model Law on the Regulation of Lobbying Activities in Public Authorities" was adopted. It prescribes the normative consolidation of the content, goals and objectives of lobbying activities, which are legally recognized individual or collective actions of private interest groups in order to influence representatives of the legislative and executive authorities in the process of preparing and making decisions, contains the concept of "client" (citizens and legal persons who hire persons engaged in lobbying activities on behalf of this client), "lobbying contact" (oral, written, electronic or other message addressed on behalf of the client to officials and deputies of public authorities in order to influence the legislative process) [20, Art. 1], also, among other things, determines the list of bodies in which lobbyists are accredited: the chambers of the legislative body (Parliament), the Government, the Presidential Administration [20, Art. 9]. However, this model law was not reflected in the Russian legal system.

At the same time, there are a number of laws in the Russian Federation that, in one area or another, regulate, among other things, lobbying activities, even though they do not focus on this separately. Yes, and they are based on the norms of the Constitution of the Russian Federation, which allow, at least in part, to legalize what is commonly called lobbying, in particular, under Art. 30 (part 1), which establishes the right to association as such (including for the purposes of lobbying), Art. 32 (part 1) on the right of citizens to participate in the management of state affairs (in this case, it is possible to consider lobbying as one of the forms of such participation), art. 33, which establishes the basic right of citizens to appeal, regardless of its subject, art. 45 (part 1) on the right of everyone to protect their rights and freedoms by all means not prohibited by law, including permitted lobbying methods. The admissibility of lobbying as such is also derived from the foundations of the constitutional system (Art. 1 (Part 1), Art. 2, Art. 3 (Parts 1 and 2) [1].

In pursuance of, among other things, the named constitutional provisions, to varying degrees, lobbying activities in the Russian Federation are already regulated by the federal laws “On Public Associations” [8], “On Non-Commercial Organizations” [10], “On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation” [11], “On anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts” [6] and others. Prohibited methods of lobbying are also regulated in the Russian Federation, which are reflected in a number of offenses provided for by the criminal law of the Russian Federation. In accordance with criminal law, it seems possible to qualify the use of “shadow” lobbying methods as criminal acts as follows: illegal financing of election campaigns [4, art. 141.1]; blackmail (extortion) [4, art. 163]; bribery [4, Art. 290, 291, 291.1] (receiving and giving a bribe, respectively, as well as mediation in bribery); deception (official forgery and deliberately false testimony, etc.) [4, art. 292, 307]; methods of violence, threats [4, art. 318], etc.

Also, the anti-corruption package of laws and by-laws can be referred to the legal grounds for regulating lobbying activities. The anti-corruption legislation contains a number of provisions regarding the process of influence of interested parties on the rule-making process – a temporary ban on the exercise of professional activities of former officials in the controlled area, the size of gifts and the possibility of giving them to officials, as well as restrictions on other paid activities for officials [12, p. 300–304].

In addition, various events are regularly held in the Russian Federation that implicitly condone lobbying activities, which include, in particular, various forums (legal, economic, investment, international forum of beverage manufacturers, business, various forums dedicated to specific areas of cooperation, etc.). In essence, the forum, among other things, is a platform where representatives of various specialized areas of civil society can engage in dialogue with government officials in an informal setting. Moreover, a separate body functions in the Russian Federation, the purpose of which is to create favorable conditions for lobbying [16, p. 15] in the broad sense of the word – the Public Chamber of the Russian Federation [7, art. 1 and 2].

In view of the foregoing, as well as the existence of a very extensive regulation, which de facto regulates issues of lobbying activity in one way or another, a number of questions arise, in particular, about the advisability of a separate specialized regulation in this area. There are many important aspects in this issue: firstly, obviously socially dangerous acts that fall under the category of lobbying are already regulated, including in criminal law, as a result, those manifestations of lobbying that are not a crime are also some kind of regulation have – there are no legal gaps requiring prompt intervention or frankly interfering with the functioning of the state mechanism. At the same time, there is another aspect

associated with “shadow”, non-public lobbying, which will not disappear regardless of whether it is legally regulated or not: these are personal connections, because, other things being equal, no one will refuse to meet a childhood friend / classmate/, former work colleague, etc. in a meeting where any issue can be discussed, and elements of lobbying can be used, among other things. Thus, it will not be a great transgression against the truth to conclude that the sphere of lobbying will never really be effectively fully regulated normatively.

Attempts to build the institutionalization of lobbying in the Russian Federation in the image and likeness of the collective West in general and its individual countries in particular, in our opinion, are strategically doomed to failure, due to the huge difference in both legal systems and mentalities. This opinion does not in any way lead to conclusions about the viciousness or inefficiency of the legislative regulation built in this area in the USA and Canada, Poland and Germany, etc. Due to the large volume and deviation from the main topic, it does not seem appropriate to disclose each of the legislative structures regulating lobbying in the designated countries – that is, more extensive studies [12, p. 102–198], therefore, we confine ourselves to stating the obvious: the fact that the most developed model for regulating lobbying is currently present in the US legislative system [15, p. 35–43], which, again, is by no means the basis for erecting a copy of this system in domestic legislation as an end in itself.

If lobbying is to be institutionalized in Russia, then the goal should be more practical. To identify this goal, one should start not from the need to regulate the phenomenon, not from an attempt to imitate, not from the multiplication of entities for the sake of streamlining prohibitions (in this case, the issue of ensuring the effectiveness of such regulation will require a separate multidimensional study), but from practical benefits, and in the realities of our legal systems.

It seems that the creation of a separate law introducing new entities – lobbyists (lobbying organizations) is appropriate if they could effectively convey the interests of the customer (client) to the entities authorized to create regulatory regulation, both in the legislative and in the executive power for the purpose of improving the provisions of legislative (in the first case) and by-laws (in case number two). Lobbying interests in the judiciary is called interference in the administration of justice and are properly qualified in the Criminal Code of the Russian Federation [4, Art. 294]. We do not think that in this aspect it makes sense to change something radically.

At the same time, the lobbying mechanism in the legislative and executive authorities would be as follows: any entity, whether it be an individual or a legal entity, foreign or domestic, addresses a lobbying organization with certain proposals regarding the modernization of the current regulatory legal regulation in one or another sphere: economic, political, social, spiritual. The lobbyist must provide all possible assistance to such persons (let's call them "clients") in order to formulate their wishes into specific proposals (since clients are not at all obliged to understand the nuances of legal technique in detail, and in general they may not have a legal education). After that, the lobbyist submits a finished draft regulatory legal act (new, or on amendments and additions to existing regulatory legal acts) to the authority that is authorized to change the existing one or adopt a new regulatory legal act.

At the same time, the authorized body, in case of disagreement with the relevant proposals, must give a reasoned answer on the reasons for refusal within the prescribed period. Perhaps it makes sense to make a schedule for sending such projects to the relevant authorities (no more than once every 2 months, no more than 3/5/10 projects from one / several lobbying organizations from one district / subject / district, etc.) – you can specify

the details, but the principle is important: a well-written initiative to change the regulatory regulation must be delivered and responded to within a reasonable time. It remains for the lobbyist to search for reasoned arguments in favor of accepting the proposals put forward and preparing a legally competent draft of a normative legal act.

Naturally, this work should be paid, and lobbying organizations should receive the right to engage in this activity after appropriate registration. At the same time, the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" can be used as a basic model [5].

What will such regulation of lobbying activity give? This can be a fundamentally new mechanism for improving legal regulation, which everyone can use, since now a normative act can only be changed in court through the abolition of the relevant norms, and then, if they contradict an act that has greater legal force [3, ch. 21], or the Constitution of the Russian Federation [2, ch. XII]. At the same time, this regulation does not negate any offenses established by the criminal law, but it does not prohibit the use of any "behind-the-scenes" opportunities, on the contrary, it will be possible to officially earn money on such connections with the introduction of such a mechanism, since anyone can officially use them. At the same time, an attempt to "bring lobbyists out of the shadows" is being made not through bans on carrying out any activity, but through incentives for openness.

Taking into account the existing legislative regulation of the activities of foreign agents in the Russian Federation [9], it remains a debatable question of the advisability of introducing any additional restrictions and liability also in connection with lobbying for foreign interests – it would be more correct to organically extend the rules on foreign agents to lobbying activities.

If such regulation is adopted, of course, like any other legislation, it will develop and modernize over time, however, an adequate answer to the question of whether it makes sense to radically expand the regulation of lobbying activities will be clear only after summing up the work of at least this institute. Any legislative change should bring real, tangible benefits, including through the optimization of mechanisms for solving current problems and responding to challenges. And it is this motive that should underlie any new regulation: responses to challenges and practical benefits. Attempts to settle something "according to the existing model" or "because it is customary in "developed democracies"" will certainly not be as effective as with the first approach, from which it would be advisable to start. Any long journey starts with the first step.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Official Internet portal of legal information <http://www.pravo.gov.ru>, [Electronic resource] (accessed 15 August 2022).
2. Federal constitutional law of July 21, 1994 No. 1-FKZ "On the Constitutional Court of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 13. Art. 1447.
3. Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated March 8, 2015 No. 21-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. No. 10. Art. 1391.
4. The Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 21, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 25. Art. 2954.
5. Federal Law of May 31, 2002 No. 63-FZ "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta, 2002, June 5.

6. Federal Law of July 17, 2009 No. 172-FZ "On anti-corruption expertise of regulatory legal acts and draft regulatory legal acts" // Collected Legislation of the Russian Federation 2009. No. 29. Art. 3609.
7. Federal Law of April 4, 2005 No. 32-FZ "On the Public Chamber of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 15. Art. 1277.
8. Federal Law of May 19, 1995. No. 82-FZ "On Public Associations" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. No. 21. Art. 1930.
9. Federal Law of July 14, 2022 No. 255-FZ "On Control over the Activities of Persons Under Foreign Influence" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2022. No. 29 (part II). Art. 5222.
10. Federal Law of January 12, 1996 No. 7-FZ "On Non-Commercial Organizations" // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 3. Art. 145.
11. Federal Law of May 2, 2006 No. 59-FZ "On the Procedure for Considering Appeals from Citizens of the Russian Federation" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 19. Art. 2060.
12. Theory and practice of legal regulation of lobbying (Russian and foreign experience): monograph [Text]. 2nd ed., rev. and additional / Ed. S.A. Komarov. Moscow: MATGiP Publishing House, 2022. 384 p.
13. Artemov, A. Canadian basis of an open society. Lobbyism, protectionism and liberalism are the components of the new economic policy of Russia [Text] / A. Artemov // Nezavisimaya gazeta, 2000, August 4.
14. Baykov A., Sushentsov A. Country specifics of lobbying in the USA and Japan // International processes. 2010. V. 8. No. 2 (23). Pp. 100–111.
15. Bogdanovskaya, I. Yu. Lobbyism and law: the experience of the USA. // A selection of materials on the topic: "Foreign experience of legislative regulation of lobbying activities in the system of anti-corruption measures and prospects for its use in the Russian Federation." Moscow: Library Fund Management: Parliamentary Library, 2008.
16. Grib V.V. The Public Chamber of the Russian Federation as an element of the political and legal institutionalization of civil society: author. dis. ... doc. legal Sciences. Moscow, 2010. 59 p.
17. Komarov S.A. General Theory of State and Law: Textbook. 10th ed. correct and additional. Moscow: Yurayt, 2022. 528 p.
18. Coomes, K. Lobbyism and its regulation: advice from a British expert [Text] / K. Coomes // Business and Politics. 1994. No. 1. P. 34–39.
19. Pavlov V. Is there lobbying in Russia? // Russian justice. 1998. No. 8.
20. Model law on the regulation of lobbying activities in public authorities (Adopted in St. Petersburg on November 15, 2003 by Resolution 22–16 at the 22nd plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States) // Information Bulletin. Interparliamentary Assembly of States Members of the Commonwealth of Independent States. 2004. No. 33. P. 261–271.
21. Draft Federal Law No. 833158-6 "On the Procedure for Promoting the Interests of Commercial Organizations and Individual Entrepreneurs in Government and Local Government Bodies" // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/833158-6> [Electronic resource] Accessed 12 August 2022.
22. Draft Federal Law No. 396138-3 "On lobbying activities in federal government bodies" // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/396138-3> [Electronic resource] accessed August 12, 2022.
23. Draft Federal Law No. 97801795-2 "On the Legal Basis for Lobbying Activities in Federal Government Authorities" // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97801795-2> [Electronic resource] accessed August 12, 2022.

For citation: Komarova T.L., Revnov B.A., Revnova M.B. On the normative regulation of lobbying in the Russian Federation: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 177–182.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.014

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.015

Д.В. Кохман*

Н.И. Полищук**

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПРАВИЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО И ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО АППАРАТА В ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Аннотация. В статье анализируются отдельные нормативные правовые акты, касающиеся порядка издания и применения амнистии в Российской Федерации и на их основе аргументируется целесообразность правильного использования понятийно-категориального и терминологического аппарата в правотворческой и правоприменительной деятельности государства. Авторы утверждают, что имеющийся понятийный аппарат института амнистии демонстрирует недостаточную разработанность, отсутствие единой терминологии в нормативно-правовых актах, а также в актах официального и доктринального толкования.

Ключевые слова: научная терминология, понятийный аппарат, дефиниция, правотворчество, правоприменение, амнистия, юридическая ответственность.

Теоретико-прикладные исследования в области функционирования любого правового института неисполнимы без детального анализа его правовой природы, определения сущности, воплощения основополагающих правовых принципов, установления места и роли в национальной системе права, соотношения с другими правовыми институтами и т. д. Наряду с этим, научные познания немислимы, без умелого обращения с базовыми терминами и понятиями, непосредственно относящимися к исследуемому правовому явлению, поскольку, не зная их истинного значения, нельзя постигнуть и их подлинную сущность.

Проведенное нами исследование свидетельствует о том, что авторы, посвятившие свои работы институту амнистии, не уделяли должного внимания как вопросам научной терминологии, так и предлагаемым дефинициям. В своем подавляющем большинстве они, предлагая дефиницию «амнистия», не видели необходимости разъяснения ее взаимообусловленной связи с целым рядом других правовых категорий, постоянно используемых в исследованиях данного феномена (акт об ам-

---

* Кохман Дмитрий Вадимович, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская Академия Следственного комитета Российской Федерации», кандидат юридических наук. E-mail: kokhman2013@yandex.ru

** Полищук Николай Иванович, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

ности, реализация амнистии, категории амнистируемых и др.). В связи с этим имеющийся понятийный аппарат института амнистии демонстрирует недостаточную разработанность, отсутствие единой терминологии в нормативно-правовых актах, а также в актах официального и доктринального толкования. В данном контексте, необходимость разработки надлежащих юридических категорий обусловлена тем, что неподобающие, двусмысленные, неконкретные формулировки не только препятствуют эффективному правотворчеству, но и отрицательно сказываются на правореализационном процессе.

За все время существования исследуемого правового института было предложено множество определений понятию «амнистия». Проанализируем наиболее удачные из них. Достоинством дефиниции, предложенной А. В. Мицкевич, является то, что в ней закреплён такой важный признак, согласно которому амнистия «не отменяет закон и не вносит в него изменения, а также не подвергает сомнению законность и обоснованность отдельных обвинительных приговоров» [14, с. 42].

Исследуя данную проблему И. А. Васильева, рассматривает амнистию, прежде всего как нормативно-правовой акт (акт об амнистии), указывая на ряд признаков: принимается Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации; распространяется на неопределённый круг лиц; имеет обратную силу действия во времени [9, с. 60]. Среди представленных признаков трудно согласиться с тем, что амнистия имеет обратную силу действия поскольку, как правило, акт об амнистии распространяет свое действие на деяния, совершенные до вступления его в законную силу, хотя так бывает не всегда.

Исключением из данного правила всегда будут амнистии, предусматривающие выполнение потенциально амнистируемыми лицами условий по прекращению длящихся и продолжаемых преступлений. Так, в постановлении об амнистии от 13 декабря 1999 г. № 4784-II ГД сказано, что уголовные дела не возбуждаются в отношении лиц, прекративших вооружённое сопротивление, добровольно сдавших оружие и военную технику [6].

Следует акцентировать внимание на то обстоятельство, что среди ученых нет единого мнения по поводу нормативности или ненормативности акта амнистии. В общей теории государства и права под нормативно-правовым актом понимается письменный документ соответствующего государственного органа, которым устанавливаются, изменяются или прекращаются нормы права, содержащие **правила общего характера** [11, с. 286]. С.С. Алексеев под нормативно-правовым актом понимает официальный документ установленной формы, соответствующий следующим признакам: принимается (издается) в пределах полномочий государственного органа (должностного лица) или на референдуме в соответствии с установленной законом процедурой; содержит обязательные для всех правила поведения; рассчитан на неопределённый круг субъектов; предполагает неоднократное применение [8, с. 315].

Следует отметить, что акт об амнистии не соответствует только одному из перечисленных признаков, а именно – неоднократности применения, так как его действие будет длиться лишь до тех пор, пока будут находиться лица, которые по своим личностным характеристикам подпадают под действие амнистии. Несмотря на это, необходимо акцентировать внимание на том обстоятельстве, что закон о бюджете тоже рассчитан только на определённый период действия, но его нормативность никем не оспаривается. Более того, постановление Консти-

туционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2000 г. закрепило за амнистией статус уникального нормативно-правового акта, отличающегося от постановлений Государственной Думы, принимаемых по другим вопросам, а также от актов других государственных органов, имеющих форму постановлений, то есть, по своей сути, акт об амнистии приравнен к закону [5]. Таким образом необходимо признать, что акт амнистии можно называть нормативно-правовым, а его предписания обязательны для исполнения всеми правоприменительными субъектами.

Заслуживает внимания определение амнистии, предложенное С. И. Комарицким, в котором говорится не только об освобождении по амнистии от уголовной ответственности, но и о других видах юридической ответственности, а именно административной и дисциплинарной [10, с. 15].

Таким образом, из представленных выше признаков, содержащихся в наиболее удачных, по нашему мнению, дефинициях следует, что в общем – универсальном аспекте (широком смысле) амнистию можно определять как нормативный правовой акт высших органов государственной власти, распространяющий свое действие на всю национальную систему права, а более узко (предметно) – выделить уголовную амнистию. Более того, уголовную амнистию можно трактовать еще и как самостоятельный правовой институт.

Итак, амнистия (в универсальном аспекте) – это специальный акт высшего органа государственной власти, принимаемый в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц, который, не отменяет и не изменяет действующий закон, а также не ставит под сомнение законность и обоснованность конкретных решений судебных органов и должностных лиц, устанавливает признаки и условия, в соответствии с которыми лица могут быть освобождены от уголовной, административной, дисциплинарной или иной юридической ответственности.

Учитывая представленные выше признаки, *уголовную амнистию*, можно определить как специальный нормативный правовой акт высшего органа государственной власти, принимаемый в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц, который, не отменяет и не изменяет уголовный закон, не подвергает сомнению законность и обоснованность вынесенных обвинительных приговоров, устанавливает признаки и условия, в соответствии с которыми лица, могут быть освобождены от уголовной ответственности или наказания, а также их последствий (судимости).

По нашему мнению, рациональное (разумное) использование понятийного аппарата, не только содействует формированию юридической конструкции, с помощью которой осуществляется логико-мыслительная деятельность правоприменителя, но и способствует эффективному построению всего нормативного правового материала. Именно поэтому в предлагаемых нами дефинициях «амнистия» (в универсальном аспекте) и «уголовная амнистия» выбрана формулировка «нормативно-правовой акт высшего органа государственной власти», а не «постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации об амнистии», так как они не тождественны и соотносятся между собой как общее и единичное.

Следовательно, акт об амнистии представляет собой юридически оформленное решение высших органов государственной власти, которое может иметь различную современную форму (закон, указ, постановление и др.), так и форму, исполь-

зовавшуюся в прошлом (завещание монарха, манифест, указ, общий милостивый манифест и др.).

Уголовная амнистия как правовой институт представляет собой объективно сложившуюся, комплексно-устойчивую группу правовых норм, предметом регулирования которых являются общественные отношения, возникающие в связи с реализацией акта об амнистии.

Аргументацией того, что уголовная амнистия – это именно правовой институт, а не другой структурный элемент в системе отечественного права, является тот факт, что относящиеся к ней правовые предписания, содержатся в нормах конституционного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и иных отраслях, которые в своей совокупности и образуют самостоятельный, комплексный институт уголовной амнистии. Особо следует отметить, что общность однородных правовых норм, связанных с государственным прощением вины, складывается в результате наделения Конституцией Российской Федерации высших органов государственной власти правом издавать акты об амнистии [1; 12, с. 169, 262]. Следовательно, институт амнистии является межотраслевым образованием, поэтому его нельзя относить к какой-либо одной отрасли.

На наш взгляд, главным критерием, служащим для определения отраслевой принадлежности амнистии должен быть вид общественных отношений, складывающихся в той или иной сфере ее реализации. Безусловно, процедура издания актов об амнистии и их содержание определяются высшими органами государственной власти, но общественные отношения, связанные с их реализацией, регламентированы уже определенными отраслями права. В частности, уголовные акты об амнистии помимо собственных положений «пробуждают» нормы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства в зависимости от стадий их применения. Например, на стадии исполнения наказания реализуется весь комплекс норм, которые связаны с непосредственной процедурой по отбору лиц, подлежащих амнистированию, вынесением и утверждением постановления о применении амнистии, подготовки осужденных к освобождению и оказания им постпенитенциарной помощи, а также осуществлением контроля за деятельностью правоприменительных органов.

К тому же, как отмечалось ранее, амнистия может применяться и за иные правонарушения. Так, в настоящее время российскому обществу стали известны такие понятия, как «экономическая амнистия», «налоговая амнистия», «амнистия капиталов», «амнистия на земельные участки и объекты недвижимого имущества», получившая название дачной амнистии.

По инициативе Федеральной таможенной службы объявлена амнистия в таможенной отрасли. Следовательно, амнистия не может быть предметом только уголовного права [13, с. 56–57].

Необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что перечисленные квазиамнистии (так называемые амнистии) в различных отраслях права не являются таковыми, поскольку провозглашающие их юридические документы не соответствуют как установленной форме, так и всем или некоторым признакам амнистии как нормативного правового акта.

В данном контексте необходимо отметить, что установленной формой амнистии в России является только постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Постановление об амнистии и постановление о по-

рядке его применения в совокупности образуют единый акт об амнистии, и как показывает практика, они принимаются, обнародуются и вступают в законную силу одновременно и в отдельности не применяются. Тогда как, формами выражения налоговой амнистии выступали и указ Президента Российской Федерации, и федеральные законы, и иные документы органов государственной власти, принятые для ее реализации.

Существуют примеры, когда и уголовная амнистия издавалась по процедуре и форме, не предусмотренными для такого рода документов. Например, Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 1995 г. № 1211 «О правовых гарантиях участникам незаконных вооруженных формирований в Чеченской Республике, добровольно прекратившим противоправные действия» [7].

Более того, мы считаем, что Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» [3], именуемый в научных трудах и иных источниках «дачной амнистией» вообще не соответствует правовой природе амнистии, так как главной целью данного закона, является установление упрощенного порядка оформления прав граждан на земельные участки и объекты недвижимого имущества. В данном законе вообще не предусмотрено освобождение от какой-либо юридической ответственности, а значит он не порождает правовые отношения связанные с государственным прощением вины.

Большие сомнения вызывает и причастность к терминологическому понятию «амнистия» содержание Федерального закона от 12 февраля 2015 г. № 17-ФЗ, внесшим изменения в ст. 16.2 и 29.9 КоАП РФ [4], согласно которому лицо освобождается от административной ответственности, если оно после выпуска товаров, подлежащих декларированию, добровольно сообщило в таможенные органы о недостоверно указанных в декларации сведениях. Мы полагаем, что в данном случае цель освобождения лиц от административной ответственности, присутствует, однако реализуется она путем внесения изменений в действующее законодательство, а значит расценено, на многократное применение, что противоречит главному признаку акта амнистии.

Следуя данной логике, амнистией можно назвать, например, норму, предусмотренную примечанием 2 к ст. 198 УК РФ [2], и другие подобные нормы уголовного закона, предусматривающие освобождение от ответственности в случае выполнения определенных условий.

Рассматривая амнистию в уголовно-правовом аспекте, следует сказать, что постановление об амнистии представляется специфическим нормативно-правовым актом, этот документ политизирован и зависит от интересов и целей, преследуемых действующей властью. Юридическим фактом, создающим правоотношения, связанные с амнистированием лиц, совершивших общественно опасные деяния и определяющим круг его субъектов, служит именно воля высших государственных органов власти, оформленная в виде постановления Государственной Думы Российской Федерации об амнистии и постановления о порядке его применения.

Следовательно, это основной юридический документ, непосредственно предусмотренный Конституцией Российской Федерации, а все остальные подчинены ему, поскольку приняты с целью его успешной реализации.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru.
2. "Уголовный кодекс Российской Федерации" от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022, с изм. от 08.12.2022) // www.consultant.ru.
3. Федеральный закон от 30 июня 2006 г. № 93-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации по вопросу оформления в упрощенном порядке прав граждан на отдельные объекты недвижимого имущества» // www.consultant.ru.
4. Федеральный закон от 12.02.2015 № 17-ФЗ "О внесении изменений в статьи 16.2 и 29.9 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // www.consultant.ru.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 5 июля 2001 г. «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 28 июня 2000 г. № 492-111 ГД «О внесении изменения в постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов" в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // www.consultant.ru.
6. Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 13 декабря 1999 г. № 4784-II ГД // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1999. – № 51. – Ст. 6325.
7. Указ Президента Российской Федерации от 1 декабря 1995 г. № 1211 «О правовых гарантиях участникам незаконных вооруженных формирований в Чеченской Республике, добровольно прекратившим противоправные действия» // www.consultant.ru.
8. *Алексеев С. С.* Теория государства и права: учеб. для вузов. – М., 2001. – С. 315.
9. *Васильева И. А.* Амнистия и ее реализация: дис... канд. юрид. наук. – Омск, 2003. – 193 с.
10. *Комарицкий С. И.* Амнистия в советском праве и ее эффективность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1985. – 25 с.
11. *Комаров, С. А.* Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).
13. *Кохман Д. В.* Правовой механизм реализации амнистии в Российской Федерации и социальные последствия ее применения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – 258 с.
14. *Мицкевич А. В.* Акты высших органов советского государства. Юридическая природа нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР. – М., 1967. – 175 с.

Для цитирования: *Кохман Д.В., Полищук Н.И.* К вопросу о целесообразности правильного использования понятийно-категориального и терминологического аппарата в правотворческой и правоприменительной практике: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 183–188.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.015

ON THE QUESTION OF THE APPROPRIATENESS OF THE CORRECT USE OF THE CONCEPTUAL-CATEGORICAL AND TERMINOLOGICAL APPARATUS IN LAW-MAKING AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

Dmitry V. Kokhman*
Nikolai I. Polishchuk**

Annotation. *The article analyzes certain normative legal acts relating to the procedure for issuing and applying amnesty in the Russian Federation and, on their basis, argues the appropriateness of the correct use of the conceptual, categorical and terminological apparatus in the law-making and law enforcement activities of the state. The authors argue that the existing conceptual apparatus of the amnesty institution demonstrates insufficient development, the lack of a unified terminology in legal acts, as well as in acts of official and doctrinal interpretation.*

Key words: *scientific terminology, conceptual apparatus, definition, law-making, law enforcement, amnesty, legal responsibility.*

Theoretical and applied research in the field of the functioning of any legal institution is impossible without a detailed analysis of its legal nature, definition of the essence, implementation of fundamental legal principles, establishment of the place and role in the national system of law, correlation with other legal institutions, etc. Along with this, scientific knowledge is unthinkable without skillful handling of basic terms and concepts that are directly related to the legal phenomenon under study, since without knowing their true meaning it is impossible to comprehend their true essence.

Our study shows that the authors who devoted their work to the institution of amnesty did not pay due attention to both the issues of scientific terminology and the proposed definitions. In their overwhelming majority, when proposing the definition of "amnesty", they did not see the need to clarify its interdependent relationship with a number of other legal categories that are constantly used in research on this phenomenon (amnesty act, implementation of amnesty, categories of amnestied, etc.). In this regard, the existing conceptual apparatus of the amnesty institution demonstrates insufficient development, the lack of a unified terminology in legal acts, as well as in acts of official and doctrinal interpretation. In this context, the need to develop appropriate legal categories is due to the fact that inappropriate, ambiguous, non-specific formulations not only impede effective lawmaking, but also adversely affect the law enforcement process.

Over the entire existence of the legal institution under study, many definitions of the concept of "amnesty" have been proposed. Let's analyze the most successful of them. The advantage of the definition proposed by A. V. Mitskevich is that it contains such an important feature, according to which the amnesty "does not repeal the law and does not amend it, and also does not question the legality and validity of individual convictions" [14, p. 42].

---

* *Kokhman Dmitry Vadimovich*, Senior Lecturer, Department of State and Legal Disciplines, Faculty of Investigator Training, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Candidate of Law. E-mail: kokhman2013@yandex.ru

** *Polishchuk Nikolai Ivanovich*, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

Exploring this problem, I. A. Vasilyeva considers amnesty, first of all, as a normative legal act (amnesty act), pointing to a number of features: adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; applies to an indefinite circle of persons; has a retroactive effect in time [9, p. 60]. Among the features presented, it is difficult to agree that an amnesty has retroactive effect, since, as a rule, an amnesty act extends its effect to acts committed before it entered into force, although this is not always the case.

An exception to this rule will always be amnesties that provide for the fulfillment by potentially amnestied persons of the conditions for the cessation of ongoing and ongoing crimes. Thus, in the decree on amnesty dated December 13, 1999 No. 4784-II of the State Duma, it is stated that criminal cases are not initiated against persons who have ceased armed resistance, who have voluntarily handed over their weapons and military equipment [6].

Attention should be focused on the fact that among scientists there is no consensus on the normativity or non-normativity of the amnesty act. In the general theory of state and law, a normative legal act is understood as a written document of the relevant state body, which establishes, changes or terminates the rules of law containing rules of a general nature [11, p. 286]. S.S. Alekseev understands a normative legal act as an official document of the established form, corresponding to the following features: adopted (issued) within the powers of a state body (official) or at a referendum in accordance with the procedure established by law; contains rules of conduct binding on all; designed for an indefinite circle of subjects; involves repeated use [8, p. 315].

It should be noted that the amnesty act does not correspond to only one of the listed signs, namely, the repeated application, since its effect will last only as long as there are persons who, according to their personal characteristics, are subject to the amnesty. Despite this, it is necessary to focus on the fact that the law on the budget is also designed only for a certain period of validity, but its normativity is not disputed by anyone. Moreover, the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 5, 2000 secured the amnesty status of a unique regulatory legal act that differs from the decisions of the State Duma adopted on other issues, as well as from acts of other state bodies that have the form of decisions, that is, in its essence, the act of amnesty is equated to the law [5]. Thus, it is necessary to recognize that the act of amnesty can be called normative and legal, and its prescriptions are binding on all law enforcement entities.

Noteworthy is the definition of amnesty proposed by S. I. Komaritsky, which refers not only to the release of amnesty from criminal liability, but also to other types of legal liability, namely administrative and disciplinary [10, p. 15].

Thus, from the features presented above, contained in the most successful, in our opinion, definitions, it follows that in the general – universal aspect (broad sense) amnesty can be defined as a normative legal act of the highest bodies of state power, extending its effect to the entire national system of law, and more narrowly (subjectively) – to single out a criminal amnesty. Moreover, the criminal amnesty can also be interpreted as an independent legal institution.

So, an amnesty (in the universal aspect) is a special act of the highest body of state power, adopted in relation to an individually indefinite circle of persons, which does not cancel or change the current law, and also does not call into question the legality and validity of specific decisions of the judiciary and officials, establishes signs and conditions under which persons may be released from criminal, administrative, disciplinary or other legal liability.

Taking into account the signs presented above, a criminal amnesty can be defined as a special normative legal act of the highest body of state power, adopted in relation to an

individually indefinite circle of persons, which does not cancel or change the criminal law, does not question the legality and validity of the guilty verdicts, establishes signs and conditions under which persons may be released from criminal liability or punishment, as well as their consequences (conviction).

In our opinion, the rational (reasonable) use of the conceptual apparatus not only contributes to the formation of a legal structure, with the help of which the logical and mental activity of the law enforcer is carried out, but also contributes to the effective construction of all normative legal material. That is why in our proposed definitions of “amnesty” (in the universal aspect) and “criminal amnesty”, the wording “regulatory legal act of the highest state authority” is chosen, and not “the resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on amnesty”, since they do not are identical and correlate with each other as general and singular.

Therefore, an amnesty act is a legally executed decision of the highest bodies of state power, which can have a different modern form (law, decree, resolution, etc.), and the form used in the past (monarch's testament, manifesto, decree, general gracious manifesto and etc.).

Criminal amnesty as a legal institution is an objectively established, complex and stable group of legal norms, the subject of regulation of which are social relations arising in connection with the implementation of the amnesty act.

The argument that the criminal amnesty is precisely a legal institution, and not another structural element in the system of domestic law, is the fact that the legal prescriptions related to it are contained in the norms of the constitutional, criminal, criminal procedure, penitentiary and other branches which in their totality form an independent, complex institution of criminal amnesty. It should be especially noted that the generality of homogeneous legal norms related to state forgiveness of guilt is formed as a result of vesting the highest bodies of state power with the Constitution of the Russian Federation with the right to issue acts of amnesty [1; 12, p. 169, 262]. Consequently, the amnesty institution is an intersectoral entity, so it cannot be attributed to any one industry.

In our opinion, the main criterion for determining the sectoral affiliation of an amnesty should be the type of social relations that develop in one or another area of its implementation. Of course, the procedure for issuing amnesty acts and their content are determined by the highest bodies of state power, but the social relations associated with their implementation are already regulated by certain branches of law. In particular, criminal acts on amnesty, in addition to their own provisions, “awaken” the norms of criminal procedure and penal legislation, depending on the stages of their application. For example, at the stage of execution of punishment, the whole complex of norms is implemented that are related to the direct procedure for selecting persons subject to amnesty, issuing and approving a decision on the application of amnesty, preparing convicts for release and providing them with post-penitentiary assistance, as well as monitoring the activities of law enforcement agencies.

In addition, as noted earlier, amnesty can be applied for other offenses. So, at present, the Russian society has become aware of such concepts as “economic amnesty”, “tax amnesty”, “amnesty of capital”, “amnesty for land and real estate”, called the dacha amnesty. At the initiative of the Federal Customs Service, an amnesty has been declared in the customs industry. Consequently, amnesty cannot be the subject of only criminal law [13, p. 56–57].

It is necessary to pay attention to the fact that the listed quasi-amnesties (the so-called amnesties) in various branches of law are not such, since the legal documents proc-

claiming them do not correspond to both the established form and all or some of the features of an amnesty as a normative legal act.

In this context, it should be noted that the only established form of amnesty in Russia is a resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. The decree on amnesty and the decree on the procedure for its application together form a single act on amnesty, and as practice shows, they are adopted, promulgated and come into force simultaneously and are not applied separately. Whereas, the decree of the President of the Russian Federation, federal laws, and other documents of state authorities adopted for its implementation were the forms of expression of the tax amnesty.

There are examples when a criminal amnesty was issued according to a procedure and form not provided for such documents. For example, Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 1995 No. 1211 "On legal guarantees for members of illegal armed groups in the Chechen Republic who voluntarily stopped illegal actions" [7].

Moreover, we believe that the Federal Law of June 30, 2006 No. 93-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Simplified Registration of Citizens' Rights to Certain Real Estate Objects" [3], referred to in scientific works and other sources, the "dacha amnesty" does not correspond to the legal nature of the amnesty at all, since the main purpose of this law is to establish a simplified procedure for registering the rights of citizens to land plots and real estate. This law does not at all provide for exemption from any legal liability, which means that it does not give rise to legal relations associated with state forgiveness of guilt.

The content of Federal Law No. 17-FZ of February 12, 2015, which amended Art. 16.2 and 29.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation [4], according to which a person is exempted from administrative responsibility if, after the release of goods subject to declaration, he voluntarily reported to the customs authorities about the information indicated in the declaration inaccurately. We believe that in this case the goal of releasing persons from administrative responsibility is present, however, it is implemented by amending the current legislation, which means it is designed for multiple use, which contradicts the main feature of the amnesty act. Following this logic, an amnesty can be called, for example, the norm provided for in Note 2 to Art. 198 of the Criminal Code of the Russian Federation [2], and other similar norms of the criminal law providing for exemption from liability if certain conditions are met.

Considering the amnesty in the criminal law aspect, it should be said that the amnesty decree is a specific legal act; this document is politicized and depends on the interests and goals pursued by the current government. The legal fact that creates legal relations related to the amnesty of persons who have committed socially dangerous acts and determines the range of its subjects is precisely the will of the highest state authorities, formalized in the form of a resolution of the State Duma of the Russian Federation on amnesty and a resolution on the procedure for its application.

Consequently, this is the main legal document directly provided for by the Constitution of the Russian Federation, and all the rest are subordinate to it, since they were adopted for the purpose of its successful implementation.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru.
2. "Criminal Code of the Russian Federation" dated June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on November 21, 2022, as amended on December 8, 2022) // www.consultant.ru.
3. Federal Law of June 30, 2006 No. 93-FZ "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation on the Issue of Simplified Registration of Citizens' Rights to Certain Real Estate Objects" // www.consultant.ru.
4. Federal Law No. 17-FZ dated February 12, 2015 "On Amendments to Articles 16.2 and 29.9 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" // www.consultant.ru.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 5, 2001 "On the case of checking the constitutionality of the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of June 28, 2000 No. 492-111 GD "On Amending the Resolution of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" On the announcement of an amnesty in connection with the 55th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945" in connection with the request of the Sovetsky District Court of the city of Chelyabinsk and the complaints of a number of citizens" // www.consultant.ru.
6. On the announcement of an amnesty for persons who committed socially dangerous acts during the anti-terrorist operation in the North Caucasus: Decree of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of December 13, 1999 No. 4784-II GD // Collected. legislation Ros. Federation 1999. No. 51. Art. 6325.
7. Decree of the President of the Russian Federation of December 1, 1995 No. 1211 "On legal guarantees for members of illegal armed groups in the Chechen Republic who voluntarily stopped illegal actions" // www.consultant.ru.
8. Alekseev S. S. Theory of state and law: textbook. for universities. Moscow, 2001. P. 315.
9. Vasilyeva I. A. Amnesty and its implementation: thesis ... cand. legal Sciences. Omsk, 2003, p. 60.
10. Komaritsky S. I. Amnesty in Soviet law and its effectiveness: author. dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 1985. P. 15.
11. Komarov, S. A. General theory of state and law: a textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., Rev. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 528 p.
12. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).
13. Kokhman DV Legal mechanism for the implementation of amnesty in the Russian Federation and the social consequences of its application: dis. ... cand. legal Sciences. Moscow, 2019. P. 56–57.
14. Mitskevich A. V. Acts of the highest bodies of the Soviet state. The legal nature of normative acts of the highest bodies of state power and administration of the USSR. Moscow, 1967. P. 42.

For citation: Kokhman D.V., Polishchuk N.I. On the question of the appropriateness of the correct use of the conceptual-categorical and terminological apparatus in law-making and law enforcement practice: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 189–193.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.015

Научная статья

УДК 343.268

ББК 67.3(2)61

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.016

С.З. Кунсбаев*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОРЫВ И СВОБОДА ЧЕЛОВЕКА

***Аннотация.** В статье анализируется процесс непрерывного воздействия научного прогресса на повседневную жизнь людей, что приводит к переосмыслению роли человека в жизни общества, его способности противостоять негативным последствиям изменений, которые неизбежно повлияют на его будущее. Однако реалии современности говорят о том, что ожидания гигантского прорыва в области технологий, представляются, слегка завышенными. В течение 2019–2020 гг. все страны планеты испытали последствия пандемии COVID-19. Одним из результатов подобного процесса стало резкое снижение показателей обычной преступности и резкий рост количества правонарушений, связанных с применением и использованием высоких технологий, прежде всего, в банковской сфере, торговле и т.д. Причем данная тенденция продолжает сохраняться и в современных условиях.*

***Ключевые слова:** научный прогресс, роль человека, персональные данные, безопасность личности, правонарушения, цифровая среда.*

В условиях непрерывного воздействия научного прогресса на повседневную жизнь людей происходит переосмысление роли человека в жизни общества, его способности противостоять негативным последствиям изменений, которые неизбежно повлияют на его будущее. Представляется также очевидным, что современные тенденции, отчетливо проявившиеся в эпоху проникновения цифровой технологии во все сферы жизни, оставляют без ответа на один важный вопрос – безопасность личности, недопущение возможности утечки персональных данных [2; 5]. Все это происходит на фоне постоянно появляющихся фильмов, книг, где рисуется будущее, где человек постепенно утрачивает свою самостоятельность и, в конечном счете, независимость. Такое положение возможно только в условиях формирования кибернетической (информационной) цивилизации [1], усиления роли в жизни общества киберфизических систем и определения их правового статуса [3].

Одной из публикаций относительно прогнозируемого будущего стала книга известного израильского исследователя Ю. Н. Харари «Homo Deus. Краткая история будущего». Он пишет о том, что «в своей повседневной работе юристы посвящают значительное время просмотру бесконечных документов, стремясь обнаружить прецеденты, лазейки и малейшие свидетельства потенциально относящихся к делу материалов. Одни занимаются поисками того, что же произошло в ночь, когда был убит господин N., другие составляют громадный бизнес-контракт таким образом, чтобы уберечь своего клиента от любой негативной возможности. Каковой же будет

---

* Кунсбаев Сайфутдин Зайнетдинович, директор Уфимского колледжа статистики, информатики и вычислительной техники, кандидат педагогических наук, член-корреспондент Академии информатизации образования. E-mail: skunsbaev@mail.ru

судьба всех подобных юристов, если изощренные поисковые алгоритмы смогут найти больше прецедентов за день работы, чем человек за всю свою жизнь? Когда простым нажатием кнопки посредством сканирования мозга можно будет обнаружить ложь или попытку обмана» [6, с. 365].

Ю. Харари утверждает, что даже опытейшие адвокаты и детективы не смогут легко выявить двойственность показаний, отслеживая выражения лиц и прислушиваясь к голосовому тону.

В своей книге он ссылается на установленный наукой факт, согласно которому произнесение ложных слов задействует другие части головного мозга, чем это происходит в то время, когда человек говорит правду. В будущем, утверждает израильский исследователь, можно прогнозировать создание ИМРТ-сканнеров, которые смогут работать в качестве безупречных «установок правды». «Что же тогда станет, – патетически спрашивает Ю. Харари, – с миллионами адвокатов, судей, полицейских и детективов? Им останется вернуться в школу или пройти обучение для подготовки к новой профессии» [6, с. 365].

Не менее мрачными на этом фоне выглядят перспективы для представителей врачебных профессий. Ю. Харари пишет о том, что «первой и самой значимой задачей для врача является квалифицированная диагностика заболевания и рекомендация по его лечению. Если я прихожу в клинику и жалуюсь на жар и диарею, причиной этого может служить пищевое отравление. Однако, подобные последствия могут стать результатом воздействия желудочного вируса, холеры, дизентерии, малярия и множества других, в том числе неизвестных сегодня науке, заболеваний. У моего лечащего врача имеется ограниченное время для нескольких вопросов и быстрого осмотра. Ему необходимо уложиться в этот короткий отрезок времени, в течение которого действует моя медицинская страховка. Затем доктор полученную скудную информацию сравнивает с историей всех моих заболеваний и огромным количеством человеческих недугов. Увы, не каждый, даже самый старательный, врач не сможет вспомнить все мои прежние болезни и результаты их лечения. С другой стороны, ни один врач не знает все заболевания и средства их лечения, не говоря уже о том, что он прочитал все новые статьи во всех медицинских изданиях. В довершении ко всему, врач порой устает или испытывает элементарное чувство голода, чувствует недомогание. А это значительно влияет на принятое врачом решение. Неудивительно, что врачи порой допускают ошибки в своих диагнозах или рекомендуют далеко не оптимальный курс лечения» [6, с. 366].

В своих рассуждениях Ю. Харари приводит картину будущего медицинской профессии. Искусственный врач сможет держать в своей базе данных информацию обо всех известных в истории заболеваниях и медицинских препаратах. Он (искусственный доктор) будет способен ежедневно обновлять подобную базу результатами новых исследований, а также медицинскими статистическими сведениями, полученными из всех, информационно объединенных в одну сеть, клиник и больниц в мире. Во-вторых, подобный доктор будет знаком со всей геномной и повседневной медицинской историей не только пациента, но и его родителей, детей, двоюродных родственников, соседей и друзей. Он же мгновенно сможет узнать, посещал ли в недавнем прошлом пациент тропическую страну, где он мог подхватить желудочную инфекцию. Врач также будет знать о случаях конкретных заболеваний в семье пациента, и даже о том, не жаловались люди во всем городе на диарею этим утром. При этом у подобного врача будет масса свободного времени, и пациент, сидя на диване

в собственной квартире, сможет спокойно отвечать на сотни вопросов о своем самочувствии [6, с. 367].

Интересны рассуждения Ю. Харари о целесообразности замены автомобилей, где за рулем сидит человек, на средства передвижения со специальной программой самоуправления. Он красочно пишет о том, что «таксист может наслаждаться музыкой, проезжая по запруженным улицам Сеула. Его разум пребывает в волнении, когда он бросает взгляд на звезды или задумывается над таинствами вселенной. Взгляд этого мужчины наполняется слезами радости, когда его малышка делает первые шаги. Но система не требует всего этого от таксиста. Все, что нужно ей, – довезти пассажиров от пункта А до пункта Б, причем как можно быстрее, безопаснее и дешевле. И автономный автомобиль в скором времени сможет сделать это гораздо лучше, чем человек-водитель такси. При этом подобный автомобиль не сможет наслаждаться музыкой и пребывать в волнении перед таинством существования» [6, с. 362–363].

Любопытными представляются ассоциации, которые использует в своей книге израильский исследователь. Но «мы, – предупреждает Ю. Харари, – должны помнить о судьбе коня в период индустриальной революции. Обычная сельская лошадь обладала сильно развитым чувством обоняния, могла ласкаться к человеку, узнавать лица, перепрыгивать через препятствия и совершать тысячу других действий гораздо лучше, чем простая модель «Форда» или очень дорогой «Ламборджини». Но автомобили, тем не менее, заменили коней, потому, что они были превосходны для выполнения множества задач, в которых система действительно испытывала острую потребность. Таксистам, – зловеще преддрекает Ю. Харари, – с максимальной вероятностью, предстоит повторить судьбу коней» [6, с. 363].

Однако рассуждения израильского исследователя не ограничиваются исключительно будущей судьбой профессии таксиста. По его замыслу все средства передвижения будут находиться в сфере действия компьютерных алгоритмов, что позволит объединить всю транспортную систему в единую сеть, создав тем самым монополию над движением. Тем самым, по мнению автора книги, можно будет свести к минимальному показателю аварийность на дорогах. В этой связи Ю. Харари ссылается на эпизод, когда в августе 2015 г. экспериментальный самоуправляющийся автомобиль компании «Гугл» попал в аварию. Как выяснилось, при приближении к пешеходному переходу автомобиль обнаружил пешеходов, готовых к тому, чтобы перейти дорогу. Автомобиль затормозил и несколько мгновений спустя в него сзади врывается седан, водитель которого, по едкому замечанию Ю. Харари, «скорее всего, размышлял над тайнами вселенной вместо того, чтобы смотреть на дорогу».

Автор книги о будущем, которое ждет человечество, утверждает, что подобное не произошло, если бы оба автомобиля управлялись компьютерами, соединенными в единую сеть. В подобном случае алгоритм контроля четко представлял себе позиции и намерения каждой находящейся на дороге машины и не допустил бы столкновения своих «марионеток» (определение Ю. Харари – *С.К.*). Однако самой угрожающей звучит следующая перспектива, озвученная автором: «Подобная система позволила бы сэкономить огромное количество времени, денег и человеческих жизней. Но она же приведет к уничтожению способности человека к управлению транспортными средствами, и к ликвидации миллионов рабочих мест, где были заняты люди» [6, с. 363].

Однако реалии современности говорят о том, что ожидания гигантского прорыва в области технологий, представляются, слегка завышенными. Говоря об автомобилях без водителя, еще в 2012 г. представители руководства компании «Гугл»

заявляли, что они появятся в массовом количестве к 2017 г. В 2015 г. Илон Маск подтвердил подобный прогноз. Наступил обещанный 2017 г. и ничего не изменилось, хотя И. Маск пообещал к 2020 г. целую флотилию в 1 миллион самоуправляющихся автомобилей-такси. Наступил 2022 г., а автомобиль без водителя продолжает оставаться в стадии тестовых разработок, несмотря на миллиарды вложенных долларов. Один из таких автомобилей, принадлежащих, кстати, компании «Тесла», совсем недавно врезался в стоящий самолет. Говоря об автоматизированных системах управления, стоит подчеркнуть, что продолжаются расследования многочисленных крушений самолетов, находившихся в режиме автопилотирования [7, с. 31].

Еще одним свидетельством завышенных ожиданий в сфере технологий, является результат, который постиг заявление Джеффри Хинтона, одного из выдающихся исследователей в области создания искусственного разума, сделанное им в 2016 г. Тогда он во всеуслышание сказал о том, что пора перестать готовить радиологов, которые в современных условиях напоминают скорее «койотов, подошедших к краю обрыва и не заглядывающих вниз». При этом ведущий специалист сослался на прогресс в сфере высоких технологий. Сегодня спустя шесть лет, можно констатировать, что ни один из радиологов не был заменен машиной и приходится констатировать, что это не произойдет и в ближайшем будущем.

Одним из нововведений, свидетельствующих о прогрессе в области применения новых технологий, является использование андроидов в банковской и других сферах услуг. В мае 2018 г. глава компании «Гугл» Сундар Пичаи на многолюдной конференции представил новинку – «Google Duplex», систему, позволяющую делать заказы в ресторанах и парикмахерских. Отрицательная реакция публики и средств массовой информации не заставила себя долго ждать, специалисты заговорили о неэтичности применения искусственного интеллекта в телефонных контактах, не указывая одновременно на то обстоятельство, что звонок сделан не человеком. По прошествии четырех лет после громкого заявления С. Пичаи техническая новинка «Гугл» получила весьма ограниченную сферу применения.

Зарубежные средства массовой информации также выделяют такой фактор как ненадежность некоторых образцов, полученных в сфере создания искусственного интеллекта. В свое время британская «Гардиан», американская «Нью-Йорк таймс» и другие издания торжественно провозгласили о появлении программы GTP-3. Она была призвана готовить в быстром темпе гладкие и доступные для понимания тексты. В формальном смысле достигнутый результат впечатлил всех, но поразительным было отсутствие связи программы с действительностью. Так, самую усовершенствованную версию GTP-3 спросили о том, почему представляется хорошей сама идея «есть носки после медитации». Не запрашивая посылку для подобного вопроса, ссылаясь на несуществующих экспертов, программа выдала гладкий текст, не имеющий ничего с реальностью: «Некоторые эксперты полагают, что сам прием в пищу носка позволяет мозгу выйти из измененного состояния, в котором он оказался в результате медитации». Исследования показывают также, что подобные системы часто «застревают» в прошлом. Специалисты объясняют это тем фактом, что основная база данных подобных программ вводилась в течение многих лет. Так, на вопрос: «Кто ныне действующий президент США?» программы называют имя Трампа, а не Байдена [7, с. 31].

Как результат, современные системы в области искусственного интеллекта склонны к воспроизводству дезинформации, производя весьма токсичные речи и увековечивая стереотипы. Они, как попугай, могут имитировать человеческую

речь, но не смогут различить истину от лжи, этическое от неэтичного. Как полагает инженер компании «Гугл» Блейк Лемойн, подобные системы (с точки зрения имитации, а не интеллекта) можно считать разумными, но в действительности, они не имеют представления о чем, они говорят.

Информация подобного рода заставляет усомниться в способности техники в своем развитии «обогнать» и превзойти человека. Достаточно вспомнить, как в прошлом веке отреагировали на создание детектора лжи в ведущих странах мира. Утверждалось, что подобное испытание «правдой» не пройдет ни один человек. Однако, спустя короткое время спецслужбы отдельных государств (прежде всего, СССР и США) выпустили пособия для ограниченного круга лиц, где говорилось о приемах и способах преодолеть испытание детектором лжи. Сегодня предпочитают не вспоминать об исключительных качествах аппарата, когда-то преподносившегося как откровение.

Вспоминается в этой связи также тезис уже упоминавшегося нами Ю. Харари об «обреченности» в будущем следователей, полицейских и адвокатов. Практика показывает, что сканирование лиц, подозреваемых в совершении преступления, приводит к тому, что подавляющему большинству из них можно предъявить обвинение. Большинство людей в условиях, когда задаются вопросы отнюдь не позитивного характера, чувствует себя неуверенно, начинают нервничать. А как же быть с вещественными доказательствами: следами, отпечатками, почерковедческим анализом, результатами баллистических и одорологических исследований? Только специалист, прошедший определенную подготовку и обладающий профессиональными навыками, способен по «горячим следам» восстановить картину преступления. В целом складывается впечатление, что образ подобных компьютерных программ, способных обнаружить преступника, является современной реинкарнацией некоего подобию Ломброзо, который в свое время уделял значительное внимание фациальным чертам.

Обращает на себя внимание один факт. В течение 2019–2020 гг. все страны планеты испытали последствия пандемии COVID-19. Одним из результатов подобного процесса стало резкое снижение показателей обычной преступности и резкий рост количества правонарушений, связанных с применением и использованием высоких технологий, прежде всего, в банковской сфере, торговле и т.д. Причем данная тенденция продолжает сохраняться и в современных условиях. Складывается парадоксальная ситуация, когда результаты деятельности ученых в сфере создания искусственного интеллекта направлены на раскрытие преступлений, совершаемых на улицах, в домах, общественных местах антисоциальными элементами.

В тоже время организованные преступные сообщества «снимают сливки», активно применяя новейшие разработки в сфере научного прогресса. Остается ждать создания новых программ для разоблачения преступников, «оседлавших» компьютеры, различные гаджеты в своей повседневной деятельности. Все это происходит на фоне постоянных сообщений о том, что хакеры взломали очередную закрытую сеть какого-нибудь банка и выложили в сеть персональные данные сотен тысяч лиц.

Сегодня многие выражают скептицизм по поводу перспектив, которые рисуют создатели новых технологий. Подобный скептицизм не должен привести к умалению возможностей среднего профессионального и высшего образования в нашей стране для подготовки человека, обладающего высокой квалификацией, имеющего строго научное представление о перспективах развития области своей будущей деятельности. Мы должны исходить из общей концепции непрерывного образования,

где конечным результатом будет человек, обладающий значительным запасом общих и специальных знаний и опытом практической деятельности.

Представляется также очевидным, что современные тенденции, отчетливо проявившиеся в эпоху проникновения цифровой технологии во все сферы жизни, оставляют без ответа один важный вопрос – как обеспечить безопасность личности, не допустить малейшей возможности утечки персональных данных [4, 5]. Соответственно, требуется совместные усилия государства и общества по созданию непреодолимых преград на этом пути. К тому же, необходимо проявлять определенную бдительность и не допустить возникновения ситуации, когда производители новейших технологий будут доминировать не только в области производства, но и оказывать воздействие на сферу общественного сознания. Следует, в этой связи, вновь повторить вслед за Максимом Горьким: «Человек – это звучит гордо!».

Библиографический список

1. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография /Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.
2. Воробьев С.М., Комаров С.А. Превентивная функция права в системе информационных рисков: статья // Теория государства и права. – 2021. – № 1 (21). – С. 38–46.
3. Воробьев С.М., Комаров С.А. Правовой статус киберфизических систем: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2020. – № 1. – С. 22–35.
4. Комаров С.А., Мицкая Е.В. Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография. – СПб.: Изд-во Юридического института, 2018. – 168 с.
5. Комаров С.А., Мицкая Е.В. Юридическая ответственность за нарушение законодательства о персональных данных в Российской Федерации и Республике Казахстан: статья // Юридическая мысль. – 2018. – № 4. – С. 52–61.
6. Harari Yuval Noah. Homo deus. A brief history of tomorrow. London, 2017. 514 p.
7. The Guardian weekly, 2022, 12 August.

Для цитирования: Кунсбаев С.З. Технологический прорыв и свобода человека: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 194–199.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.016

TECHNOLOGICAL BREAKTHROUGH AND HUMAN FREEDOM

Sayfutdin Z. Kunsbaev*

***Annotation.** The article analyzes the process of the continuous impact of scientific progress on people's daily lives, which leads to a rethinking of the role of man in society, his ability to withstand the negative consequences of changes that will inevitably affect his future. However, the realities of today suggest that the expectations of a giant breakthrough in the field of technology seem to be slightly overstated. During 2019–2020 Every country in the world has experienced the effects of the COVID-19 pandemic. One of the results of this process was a sharp de-*

---

* Kunsbaev Sayfutdin Zainetdinovich, Director of the Ufa College of Statistics, Informatics and Computer Engineering, Candidate of Pedagogical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Informatization of Education. E-mail: skunsbaev@mail.ru

crease in the rates of ordinary crime and a sharp increase in the number of offenses related to the use and use of high technologies, primarily in the banking sector, trade, etc. Moreover, this trend continues to persist in modern conditions.

Key words: *scientific progress, human role, personal data, personal security, offenses, digital environment.*

In the context of the continuous impact of scientific progress on people's daily lives, there is a rethinking of the role of man in society, his ability to withstand the negative consequences of changes that will inevitably affect his future.

It also seems obvious that modern trends, clearly manifested in the era of the penetration of digital technology into all spheres of life, leave one important question unanswered – personal security, preventing the possibility of leakage of personal data [2; 5].

All this happens against the backdrop of constantly appearing films, books, where the future is drawn, where a person gradually loses his independence and, ultimately, independence. Such a situation is possible only under the conditions of the formation of a cybernetic (information) civilization [1], the strengthening of the role of cyber-physical systems in the life of society and the determination of their legal status [3].

One of the publications regarding the predicted future was the book of the famous Israeli researcher Yu. N. Harari "Homo Deus. A Brief History of the Future. He writes that "in their day-to-day work, lawyers devote considerable time to reviewing endless documents, seeking to uncover precedents, loopholes, and the slightest hint of potentially relevant material. Some are searching for what happened on the night Mr. N. was killed, others are arranging a huge business contract in such a way as to save their client from any negative opportunity. What will be the fate of all such lawyers if sophisticated search algorithms can find more cases in a day's work than a person can in a lifetime? When it will be possible to detect a lie or an attempt at deception by simply pressing a button through a brain scan" [6, p. 365].

Yu. Harari argues that even the most experienced lawyers and detectives will not be able to easily identify the ambiguity of testimony, tracking facial expressions and listening to voice tone.

In his book, he refers to the fact established by science that speaking false words involves other parts of the brain than when a person is telling the truth. In the future, the Israeli researcher claims, it is possible to predict the creation of IMRI scanners that can work as flawless "truth machines". "What will happen then," Yu. Harari pathetically asks, "with millions of lawyers, judges, policemen and detectives? They will have to go back to school or receive training to prepare for a new profession" [6, p. 365].

Against this background, the prospects for representatives of the medical profession look no less gloomy. Yu. Harari writes that "the first and most significant task for a doctor is a qualified diagnosis of a disease and a recommendation for its treatment. If I go to the clinic and complain of fever and diarrhea, it could be food poisoning. However, such consequences can be the result of exposure to the stomach virus, cholera, dysentery, malaria and many other diseases, including those unknown to science today. My PCP has limited time for a few questions and a quick checkup. He needs to meet this short period of time during which my health insurance is valid. Then the doctor compares the meager information received with the history of all my diseases and a huge number of human ailments. Alas, not every, even the most diligent, doctor will be able to remember all my previous illnesses and the results of their treatment. On the other hand, no doctor knows all diseases and their cures, let alone read all the new articles in all medical publications. To top it all, the doctor sometimes gets tired or feels an elementary feeling of hunger, feels unwell. And this signifi-

cantly affects the decision made by the doctor. It is not surprising that doctors sometimes make mistakes in their diagnoses or recommend a course of treatment that is far from optimal" [6, p. 366].

In his reasoning, Yu. Harari gives a picture of the future of the medical profession. An artificial doctor will be able to keep in his database information about all diseases and medicines known in history. He (an artificial doctor) will be able to update such a database daily with the results of new research, as well as medical statistical information obtained from all informationally united in one network, clinics and hospitals in the world. Secondly, such a doctor will be familiar with the entire genomic and everyday medical history of not only the patient, but also his parents, children, cousins, neighbors and friends. He will instantly be able to find out if in the recent past the patient visited a tropical country where he could catch a stomach infection. The doctor will also know about cases of specific diseases in the patient's family, and even if people in the whole city complained of diarrhea this morning. At the same time, such a doctor will have a lot of free time, and the patient, sitting on the couch in his own apartment, will be able to calmly answer hundreds of questions about his well-being [6, p. 367].

Yu. Harari's arguments about the expediency of replacing cars, where a person is driving, with vehicles with a special self-government program are interesting. He colorfully writes that "a taxi driver can enjoy music while driving through the crowded streets of Seoul. His mind is in a flurry as he gazes at the stars or contemplates the mysteries of the universe. This man's eyes fill with tears of joy when his baby takes her first steps. But the system does not require all this from the taxi driver. All she needs is to get passengers from point A to point B, as quickly, safely and cheaply as possible. And an autonomous car will soon be able to do this much better than a human taxi driver. At the same time, such a car will not be able to enjoy music and be in awe of the mystery of existence" [6, p. 362–363].

The associations that the Israeli researcher uses in his book are curious. But "we," Yu. Harari warns, "must remember the fate of the horse during the industrial revolution. An ordinary country horse had a highly developed sense of smell, could caress a person, recognize faces, jump over obstacles and perform a thousand other actions much better than a simple model Ford or a very expensive Lamborghini. But automobiles replaced horses nonetheless, because they were excellent for many tasks that the system really needed. Taxi drivers, – Yu. Harari ominously predicts, – with the maximum probability, will have to repeat the fate of horses" [6, p. 363].

However, the reasoning of the Israeli researcher is not limited solely to the future fate of the taxi driver profession. According to his plan, all means of transportation will be within the scope of computer algorithms, which will allow the entire transport system to be combined into a single network, thereby creating a monopoly over traffic. Thus, according to the author of the book, it will be possible to reduce the accident rate on the roads to a minimum. In this regard, Yu. Harari refers to the episode when, in August 2015, an experimental self-driving car from Google had an accident. As it turned out, when approaching a pedestrian crossing, the car detected pedestrians ready to cross the road. The car braked and a few moments later a sedan crashes into it from behind, the driver of which, according to Yu. Harari caustically, "most likely pondered the mysteries of the universe instead of looking at the road."

The author of a book about the future that awaits humanity claims that this would not have happened if both cars were controlled by computers connected to a single network. In such a case, the control algorithm clearly imagined the positions and intentions of

each car on the road and would not have allowed its “puppets” to collide (definition by Yu. Harari – S.K.). However, the most threatening is the following perspective, voiced by the author: “Such a system would save a huge amount of time, money and human lives. But it will also lead to the destruction of a person’s ability to drive vehicles, and to the elimination of millions of jobs where people were employed” [6, p. 363].

However, the realities of today suggest that the expectations of a giant breakthrough in the field of technology seem to be slightly overstated. Speaking of driverless cars, back in 2012, representatives of Google's management announced that they would appear in mass quantities by 2017. In 2015, Elon Musk confirmed this forecast. The promised 2017 has come and nothing has changed, although I. Musk promised by 2020 a whole fleet of 1 million self-driving taxi cars. It's 2022, and the driverless car continues to be in test development, despite billions of dollars invested. One of these cars, owned, by the way, by the Tesla company, recently crashed into a stationary plane. Speaking about automated control systems, it is worth emphasizing that investigations are ongoing of numerous crashes of aircraft that were in autopilot mode [7, p. 31].

Another testament to the inflated expectations in the field of technology is the result that befell the statement of Jeffrey Hinton, one of the foremost researchers in the field of artificial intelligence, made in 2016. Then he publicly said that it is time to stop training radiologists who modern conditions are more reminiscent of “coyotes that have come to the edge of a cliff and do not look down.” At the same time, the leading specialist referred to the progress in the field of high technologies. Today, six years later, it can be stated that not a single radiologist has been replaced by a machine, and we have to admit that this will not happen in the near future either.

One of the innovations that testify to the progress in the application of new technologies is the use of androids in banking and other service industries. In May 2018, the head of the Google campaign, Sundar Pichai, at a crowded conference, presented a novelty – “Google Duplex”, a system that allowed you to make orders in restaurants and hairdressers. The negative reaction of the public and the media was not long in coming, experts started talking about the unethical use of artificial intelligence in telephone contacts, without simultaneously pointing out the fact that the call was not made by a person. Four years after S. Pichai's loud statement, Google's technical innovation has received a very limited scope.

Foreign media also highlight such a factor as the unreliability of some samples obtained in the field of artificial intelligence. At one time, the British Guardian, the American New York Times and other publications solemnly proclaimed the appearance of the GTP-3 program. She was called upon to prepare texts that were smooth and easy to understand at a fast pace. In a formal sense, the result achieved impressed everyone, but the lack of connection between the program and reality was striking. Thus, the most advanced version of the GTP-3 was asked why the idea of “eating socks after meditation” seems good. Without asking for a premise for such a question, referring to non-existent experts, the program produced a smooth text that has nothing to do with reality: “Some experts believe that eating a sock itself allows the brain to get out of the altered state in which it found itself as a result of meditation.” Research also shows that such systems often get stuck in the past. Experts attribute this to the fact that the main database of such programs has been introduced for many years. So, to the question: “Who is the current president of the United States?” programs name Trump, not Biden [7, p. 31].

As a result, current AI systems are prone to reproducing disinformation, producing highly toxic speeches and perpetuating stereotypes. They, like a parrot, can imitate human

speech, but they will not be able to distinguish truth from lies, ethical from unethical. According to Google engineer Blake Lemoyne, such systems (in terms of imitation, not intelligence) can be considered intelligent, but in reality, they have no idea what they are talking about.

Information of this kind casts doubt on the ability of technology to "overtake" and surpass man in its development. Suffice it to recall how in the last century they reacted to the creation of a lie detector in the leading countries of the world. It was argued that not a single person would pass such a test with the "truth". However, after a short time, the special services of individual states (primarily the USSR and the USA) issued manuals for a limited circle of people, which talked about techniques and ways to overcome the polygraph test. Today they prefer not to recall the exceptional qualities of the apparatus, once presented as a revelation.

In this regard, I also recall the thesis of Yu. Harari, already mentioned by us, about the "doom" in the future of investigators, police officers and lawyers. Practice shows that the scanning of persons suspected of committing a crime leads to the fact that the vast majority of them can be charged. Most people feel insecure and nervous when asked questions that are by no means positive. But what about physical evidence: footprints, prints, handwriting analysis, the results of ballistic and odorological studies? Only a specialist who has undergone certain training and has professional skills is able to restore the picture of the crime in hot pursuit. In general, one gets the impression that the image of such computer programs that can detect a criminal is a modern reincarnation of a kind of Lombroso, who at one time paid considerable attention to facial features.

One fact draws attention. During 2019–2020 Every country in the world has experienced the effects of the COVID-19 pandemic. One of the results of this process was a sharp decrease in the rates of ordinary crime and a sharp increase in the number of offenses related to the use and use of high technologies, primarily in the banking sector, trade, etc. Moreover, this trend continues to persist in modern conditions. A paradoxical situation is emerging when the results of the activities of scientists in the field of creating artificial intelligence are aimed at solving crimes committed on the streets, in houses, and public places by antisocial elements.

At the same time, organized criminal communities are "skimming the cream", actively applying the latest developments in the field of scientific progress. It remains to wait for the creation of new programs to expose criminals who "saddle" computers and various gadgets in their daily activities. All this is happening against the background of constant reports that hackers have broken into yet another closed network of some bank and posted the personal data of hundreds of thousands of people online.

Today, many express skepticism about the prospects drawn by the creators of new technologies. Such skepticism should not lead to detracting from the possibilities of secondary vocational and higher education in our country to prepare a highly qualified person who has a strictly scientific understanding of the prospects for the development of the field of his future activity. We must proceed from the general concept of continuous education, where the end result will be a person with a significant stock of general and special knowledge and practical experience.

It also seems obvious that modern trends, clearly manifested in the era of the penetration of digital technology into all spheres of life, leave one important question unanswered – how to ensure the security of the individual, to prevent the slightest possibility of leakage of personal data [4, 5]. Accordingly, joint efforts of the state and society are required to create insurmountable obstacles along this path. In addition, it is necessary to ex-

ercise some vigilance and prevent the emergence of a situation where the producers of the latest technologies will dominate not only in the field of production, but also have an impact on the sphere of public consciousness. In this regard, it should be repeated again after Maxim Gorky: "Man – it sounds proud!".

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Izd-vo MATGiP, 2022. 320 p.
2. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Preventive function of law in the system of information risks: article // Theory of State and Law. 2021. No. 1 (21). Pp. 38–46.
3. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Legal Status of Cyber-Physical Systems: Theoretical and Legal Understanding: Article // Theory of State and Law. 2020. No. 1. P. 22–35.
4. Komarov S.A., Mitskaya E.V. Legal regulation of information security and personal data protection: monograph. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute, 2018. 168 p.
5. Komarov S.A., Mitskaya E.V. Legal liability for violation of legislation on personal data in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: article // Legal Thought. 2018. No. 4. P. 52–61.
6. Harari Yuval Noah. Homo deus. A brief history of tomorrow. London: Vintage, 2017. 514 p.
7. The Guardian weekly, 2022, 12 August.

For citation: Kunsbaev S.Z. Technological breakthrough and human freedom: article // Theory of State and Law. 2022. № 4 (29). P. 199–204.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.016

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.017

Ф.О. Матыцин*

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

***Аннотация.** В статье рассмотрены актуальные проблемы и методы противодействия уклонению от уплаты налогов. Для этого проанализированы причины и общественная опасность такого явления как уклонение от уплаты налогов, а также нерешенные вопросы в сфере борьбы с ним. Кроме того, отмечены основные тенденции и инициативы, выработанные как на национальном, так и на международном уровне, с учетом особенностей, которые налагают на сферу налогообложения последствия пандемии COVID-19, непростая внешнеполитическая ситуация, а также повсеместное внедрение цифровых технологий. По результатам анализа существующих нерешенных вопросов сформулированы выводы, которые могут быть использованы для дальнейшего совершенствования сферы налогообложения.*

***Ключевые слова:** противодействие уклонению от уплаты налогов, соглашения об избежании двойного налогообложения, налоговое планирование, цифровая экономика, международное налогообложение.*

Актуальность научного анализа проблемы противодействия уклонению от уплаты налогов определяется изменениями в межгосударственных налоговых отношениях. Институт международных соглашений об избежании двойного налогообложения претерпевает существенные изменения. В 2020 году Российская Федерация денонсировала соглашения с несколькими странами и продолжает переговоры с другими. Вместе с тем эффективность налоговой системы не может быть в полной мере обеспечена без постоянного и своевременного доступа к информации об иностранном праве и правоприменительной практике. Обмен информацией не только стимулирует развитие доктрины, но и способствует решению задач, аналогичных тем, с которыми столкнулись коллеги за рубежом. Необходимость совместных усилий понимается и на наднациональном уровне, о чем, в частности, говорит соглашение, достигнутое Группой G20 в Риме в октябре 2021 года.

Уклонение от уплаты налогов: причины явления и его общественная опасность. Статья 57 Конституции Российской Федерации устанавливает обязанность каждого гражданина платить законно установленные налоги и сборы [1, 9]. Однако вопрос об оптимальном размере таких налогов и сборов остается открытым и актуальным для любой системы, что объясняется изначальной конфликтностью финансовых (в том числе налоговых) отношений [10]. Дело в том, что в природе любого человека заложено стремление к благополучию, а потому люди очень неохотно расстаются с тем, что заработали собственным трудом, даже когда понимают, что от-

---

* Матыцин Фёдор Олегович, стажер-исследователь Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Высшая школа государственного аудита. E-mail: fo.matytsin@gmail.com

числения идут на пользу обществу. «Граждане в данной ситуации имеют свое мнение по поводу налогов, и оно заметно отличается от мнения государства» [5, с. 45].

В результате, несмотря на всевозможные усилия государства донести до граждан мысль о том, что налоги являются платой за цивилизованное общество, налогоплательщики во все времена стремятся уменьшить тяжесть налогового бремени. При этом методы, которые используются налогоплательщиками для достижения поставленной цели, могут различаться от самых безобидных до уголовно наказуемых, ведь неуплаченные в бюджет денежные средства могут не только повышать благосостояние налогоплательщиков, но и использоваться для финансирования преступной деятельности.

Также при рассмотрении данного вопроса стоит учитывать фактор понятности и доступности самой системы налогообложения. В частности, согласно данным ежегодного отчета группы Всемирного банка, по показателю «простота уплаты налогов», Россия в 2011 году занимала 105 место из 183. Однако ситуация не стоит на месте, и государство прилагает всевозможные усилия, чтобы сделать налоговую систему для плательщиков более доступной. В результате к 2019–2020 году Российская Федерация сделала большой скачок вперед и переместилась со 105 на 58 место [12]. Но, несмотря на стремление большинства стран модернизировать свои налоговые системы, проблема «непонимания» со стороны налогоплательщиков до сих пор остается актуальной и подталкивает людей к налоговым махинациям.

По мнению экспертов четвертого форума Организации экономического сотрудничества и развития (*далее также – ОЭСР*) в Кейптауне, неопределенность налогового законодательства, а также восприятие налогоплательщиками и налоговыми посредниками налоговой системы как не удовлетворяющей универсальным принципам законности и справедливости, являются фактором, существенно влияющим на эффективность системы налогообложения [14].

Во многих странах закреплено понимание налогов как обязательного, безвозмездного платежа, взимаемого в пользу общества [11] или в целях финансового обеспечения деятельности государства и муниципальных образований или общественно полезной деятельности.

Из приведенного определения видно, что налоги представляют собой ту плату за цивилизованное общество, благодаря которой у государства есть возможность поддерживать достойный уровень социального развития и постоянно работать над повышением качества жизни граждан. А потому уклонение от уплаты налогов наносит ущерб не только и не столько государственному аппарату, сколько самому обществу.

Нерешенные вопросы международно-правового регулирования. Несмотря на глубокие теоретические исследования и ежедневную работу специалистов, которые стоят на защите фискальных интересов государства и общества, на практике возникают все новые и новые, более изощренные схемы ухода от налогообложения – на смену бумажному НДС, который легко раскрывается налоговыми органами, пришли уклонительные схемы в сфере электронной торговли и обращения криптовалюты.

Наиболее очевидным рост налоговых преступлений стал в период пандемии COVID-19. Как показало исследование неправительственной организации Tax Justice Network (*далее также – TJN*) [17], потери мировой экономики от неуплаты налогов за 2020 год составили \$ 427 млрд, а в 2021 г. этот показатель вырос до \$ 483 млрд.

По подсчетам TJN, ущерб экономики от недополученных налоговых отчислений в 2020 году был эквивалентен годовому доходу 34 млн медсестер или потере годового заработка одной медсестры каждую секунду, а сумма налогов, неуплачен-

ных в 2021 году, позволила бы трижды вакцинировать все население земного шара от коронавирусной инфекции.

Снижение интереса граждан к уплате налогов отражают и опросы общественного мнения. В 2019 году ОЭСР выпустила отчет под названием «Tax Morale: What Drives People and Businesses to Pay Tax?» [18], направленный на изучение мотивов, которые стимулируют граждан исполнять налоговые обязанности. Данный доклад стал отправной точкой для проведения подобного исследования на национальном уровне.

Схожую информацию в России предоставил Центр стратегических разработок «Налоги глазами россиян», по данным исследований которого, в связи с COVID-19 выросла доля неплательщиков налогов: если в 2019 году 54% респондентов выбирали графу – «Налоги обязательны к уплате, и нельзя оправдать того, кто их не уплачивает», то в мае 2020 года число таких респондентов снизилось до 35%, а число тех, кто относится к неуплате «попустительски», напротив, выросло с 35% до 45% [7].

Из сказанного выше видно, что правовая действительность подвержена изменениям, влияние на которые оказывает множество как объективных, так и субъективных факторов, что требует постоянного совершенствования механизма правового регулирования.

Совершенствование инструментов противодействия уклонению от уплаты налогов. Отдельно стоит отметить активно развивающийся рынок цифровых финансовых активов, правовое регулирование которого на сегодняшний день вызывает вопросы и разногласия у законодателей и исследователей из разных стран.

По данным информационного портала TradingView [19] на февраль 2022 г. рыночная капитализация криптовалюты в мире составляла \$1,8 трлн., а максимальное значение \$2,9 трлн. было достигнуто в ноябре 2021 года и равнялось бюджету таких стран, как Италия и Франция.

Несмотря на значительные объемы, рынок цифровых активов до сих пор является преимущественно неконтролируемым: криптовалюта представляет собой автономную платежную систему, у которой нет собственника или хотя бы администратора, а биржи-площадки для торговли цифровыми активами стремятся сохранить лояльность клиентов, а потому неохотно идут на контакт с налоговыми органами и зачастую отказываются от раскрытия информации.

Необходимость регулирования цифровой сферы отчетливо осознается на международной арене: в июле 2021 года страны G20 договорились о введении наднационального налога и обсудили его правовое регулирование. Детали соглашения специальный комитет BEPS опубликовал в октябре 2021 года – 136 стран одобрили применение Pillar 1 и Pillar 2. Разработка данного вопроса продолжилась в докладе ОЭСР под названием Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy Global Anti-Base Erosion Model Rules (PillarTwo) [20].

Инициатива ОЭСР включает в себя такие механизмы, как уточнение критериев достаточного экономического присутствия цифровых компаний, учет количества пользователей, которые принимали участие в создании стоимости цифрового продукта на территории конкретной страны, а также маркетинг нематериальных активов и многое другое [4].

Россия планировала подписать положения упомянутого соглашения в 2022 году, но в то же время обсуждались варианты сохранения привлекательности России

для глобального IT-бизнеса. В качестве примера называлась Швейцария, которая вместо того, чтобы вести дискуссии об исключениях из общего правила о повышении налоговой ставки, гарантировала компаниям компенсации, в том числе путем освобождения от уплаты других видов налогов.

Вместе с тем, 25 февраля 2022 г. в связи с началом проведения специальной операции на Украине, Комитет министров Совета Европы приостановил членство России в международной организации и отказался от дальнейшего сотрудничества с нашей страной. Позднее в тот же день Совет ОЭСР принял решение прекратить процесс вступления России в состав организации, а также призвал страны не заключать с Россией новых соглашений и прервать любые проекты, финансируемые Российской Федерацией.

В результате, наднациональная интеграция и унификация норм с участием нашей страны встретила на своем пути серьёзные трудности. Все это привело к тому, что за последнее время международно-правовой опыт России по вопросам борьбы с налоговыми правонарушениями претерпел серьёзные изменения.

С одной стороны, Российская Федерация долгое время прилагала большие усилия для того, чтобы стать членом Организации экономического сотрудничества и развития. Однако в условиях той политической и экономической напряженности, которая наблюдается в последние годы на международной арене, можно, в определенном смысле, говорить о смене приоритетов. Подтверждением такой позиции является Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России 25 марта 2020 года, в котором В.В. Путин отметил необходимость повысить с 2021 года ставки в налоговых соглашениях до 15% или расторгнуть такие соглашения в случае несогласия другой стороны [3]. Во исполнение данного поручения, Министерство финансов зимой 2021 года опубликовало список из 34 стран, с которыми достигнуты договоренности по пересмотру соглашений об избежании двойного налогообложения (*далее также – СИДН*) [6]. Кроме того, напряженная внешнеполитическая ситуация оказала влияние и на налоговую сферу – неисполнение обязательств некоторыми западными странами потребовало от России принятия встречных мер. Так, например, в сентябре 2022 года Президент Российской Федерации подписал указ о приостановлении действия СИДН между Россией и Латвией [3].

С другой стороны, нужно учитывать, что, несмотря на денонсацию СИДН, Россия является одной из первых стран, которые применили Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting (*далее также – MLI* [15]). Можно даже сказать, что некоторые инструменты, такие как концепция бенефициарного собственника, а также обмен информацией с иностранными юрисдикциями, начали применяться в Российской Федерации еще до вступления в силу конвенции MLI [6].

Стоит также отметить, что вектор борьбы с уклонением от уплаты налогов на практике порой оказывается направлен против добросовестных налогоплательщиков. Наиболее очевидно это заметно на примере борьбы с кондуитными компаниями, которые повсюду «мерещатся» представителям налоговых органов: в результате большая часть практики по ст. 54.1 НК складывается не в пользу налогоплательщиков [13].

Другая проблема – это недостаточная стабильность российского налогового законодательства. По статистике, продолжительность стабильного периода, в течение которого в Налоговый кодекс РФ не вносятся изменений, в среднем составляет

13 дней (*меньше только у КоАП – 10 дней*), а в 2020 Налоговый кодекс подвергался процедуре внесения поправок 552 раза [8]. При таких условиях не только налогоплательщики-«обыватели» не в состоянии отслеживать изменения, но даже у профессионалов подобная ситуация вызывает недоверие. Все это вызывает уклонистские настроения: физическим лицам и организациям проще скрывать свои доходы, чем пытаться соответствовать многочисленным требованиям законодателя.

В то же время происходит ужесточение ответственности за уклонение от уплаты налогов – в январе 2021 года зампреда Следственного комитета России (*далее также – СК*) выступила с предложением увеличить срок привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов с 2 лет до 10, а материалы дела передавать из налоговой в СК сразу после выявления факта неуплаты. Кроме того, в 18 марта 2022 года был внесен на рассмотрение в Государственной Думе законопроект о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в части появления четырех новых составов в сфере уклонения от уплаты налогов. Несмотря на то, что по формальным основаниям законопроект вернули субъекту законодательной инициативы, он получил положительные отзывы и, мы полагаем, вполне может быть принят в будущем.

На наш взгляд, для решения проблем, связанных с уклонением от уплаты налогов, наиболее целесообразно сосредоточить усилия на следующих направлениях:

1) создание прозрачной и стабильной налоговой системы, которая упростит взаимодействие налогоплательщика и фиска;

2) повышение квалификации налоговых чиновников, уровень профессионализма которых должен быть, по меньшей мере, не ниже того, что имеют налоговые консультанты, придумывающие все более сложные уклонительные схемы;

3) продолжение автоматического обмена правовой информацией и учет опыта зарубежных стран (в настоящих условиях, возможно, было бы полезно сосредоточить свое внимание на сотрудничестве с Китаем и странами ЕАЭС), так как, несмотря на международные конфликты и разногласия, на сегодняшний день, в эпоху глобализации, многие вопросы эффективнее решать совместными усилиями на наднациональном уровне.

Вместо заключения. Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что основными задачами любого государства на пути к эффективной налоговой системе являются создание доступного и прозрачного механизма уплаты налогов, а также условий для формирования гражданского общества, каждый член которого будет добровольно вносить свой вклад и чувствовать ответственность за всеобщее благополучие.

При этом необходимо учитывать, что правовая действительность подвержена постоянным изменениям. Особенно сейчас, в условиях мирового политического и экономического кризиса, специалистам в сфере налогового права ежедневно приходится сталкиваться с новыми трудностями, которые требуют доктринальной проработки и своевременного совершенствования нормативной базы.

Проанализировав сложившуюся ситуацию в сфере противодействия уклонению от налогообложения и рассмотрев причины и мотивы для уклонения от уплаты налогов, мы сформулировали ряд предпосылок для повышения эффективности борьбы с неуплатой налогов.

Преимущество перечисленных методов, на наш взгляд, заключается в том, что они позволяют, создав комфортную среду для налогоплательщика, в конечном сче-

те, способствовать достижению фискальных целей, поскольку лояльность налогоплательщиков является важным шагом на пути к добровольному исполнению налоговой обязанности.

Из всего вышесказанного видно, что в силу своей актуальности, вопрос борьбы с уклонением от уплаты налогов является перспективным и требует дальнейшей регламентации.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения 29.09.2022).

2. «Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 23.11.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2021) // Собрание законодательства РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

3. Обращение Президента Российской Федерации к гражданам России 25 марта 2020 года // <https://legalacts.ru/doc/obrashchenie-prezidenta-rf-ot-25032020-k-grazhdanam-gossii/>; Указ Президента РФ от 26.09.2022 № 668 «О приостановлении Российской Федерацией действия Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Латвийской Республики об избежании двойного налогообложения и о предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении налогов на доходы и капитал» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 40. – Ст. 6781.

4. Андрианова Н.Г. Деофшоризация как институт финансового права: основные тенденции формирования и развития: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2022. – 209 с.

5. Анищенко А.В. Оптимизация налогов. – М.: Бухгалтерский учет, 2015. – 128 с.

6. Ведомости: Ведомости – ежедневная деловая газета. Экономика. Минфин договорился о пересмотре налоговых соглашений с 34 странами // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/01/26/855547-minfin-dogovorilsya> (дата обращения 29.09.2022).

7. Исследование налоговой культуры российских граждан и их отношения к налоговой системе. ЦСР «Налоги глазами россиян», 2020 // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/029/029a94c47e0e9a7c374683d0169beaad.pdf> (дата обращения 29.09.2022).

8. «Клерк»: Клерк.Ру – сайт для бухгалтеров. Каждые 13 дней в Налоговом кодексе что-то меняется // эл. ресурс. URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/509451/> (дата обращения 29.09.2022).

9. Комментарий к Конституции Российской Федерации / С. А. Комаров [и др.]; под ред. С.А. Комарова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 343 с. – (Серия: Профессиональные комментарии).

10. Крохина Ю.А. Юридический конфликт в финансовой сфере: причины, сущность и процедуры преодоления // Журнал российского права. – 2003. – № 9. – С. 68–76.

11. Отчет правительственной комиссии Швеции. Сайт Правительственной канцелярии // URL: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/statens-offentliga-utredningar/2003/06/sou-200361> (дата обращения 14.11.2021)

12. Статистика Всемирного банка, проект Doing Business 2020 // URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreconomies/russia> (дата обращения 14.11.2021).

13. Шиков И.В. Интервью журналу «ГЛАВНАЯ КНИГА» № 11 за 2014 г // эл. ресурс. URL: https://glavkniga.ru/elver/2014/11/1488-agressivnoe_nalogovoe_planirovanie_hagaet_planete.html (дата обращения 29.09.2022).

14. Cape Town Communiqué. Fourth meeting of the OECD forum on tax administration, 11 January 2008 // URL: <http://www.oecd.org/ctp/administration/39886621.pdf> (дата обращения 29.09.2022).

15. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, Paris, November 2016 // URL: <https://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf> (дата обращения 14.11.2021)

16. Ending the Shell Game: Cracking down on the Professionals who enable Tax and White Collar Crimes// approved by the OECD Committee on Fiscal Affairs on 16 November 2020. URL: <https://www.oecd.org/tax/crime/ending-the-shell-game-cracking-down-on-the-professionals-who-enable-tax-and-white-collar-crimes.htm>(дата обращения 29.09.2022).

17. State of Tax Justice 2020. Tax Justice Network // URL: <https://www.taxjustice.net/reports/the-state-of-tax-justice-2020/> (дата обращения 29.09.2022).

18. Tax Morale. What Drives People and Businesses to Pay Tax? // OECD. URL: <https://www.oecd.org/tax/tax-morale-f3d8ea10-en.htm> (дата обращения 29.09.2022).

19. TradingView // эл. ресурс. URL: <https://ru.tradingview.com/markets/cryptocurrencies/global-charts/> (дата обращения 20.09.2022)

20. OECD (2021), Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Inclusive Framework on BEPS, OECD, Paris. URL:<https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-global-anti-base-erosion-model-rules-pillar-two.htm> (дата обращения 20.09.2022)

Для цитирования: *Матыцин Ф.О.* Противодействие уклонению от уплаты налогов: проблемы теории и практики: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 205–211.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.017

COUNTERING TAX EVASION: THEORETICAL AND PRACTICAL ISSUES

Fedor O. Matytsin *

Annotation. *The article deals with current problems and methods of countering tax evasion. For this purpose, the author analyzed the causes and social danger of such a phenomenon as tax evasion, as well as unresolved issues in the field of fighting it. In addition, the main trends and initiatives, developed both at the national and international levels, were noted, taking into account the peculiarities that the consequences of the COVID-19 pandemic, difficult foreign policy situation, as well as the widespread introduction of digital technologies impose on the taxation sphere. Based on the results of the analysis of existing unresolved issues, conclusions were formulated that can be used to further improve the sphere of taxation.*

Keywords: *countering tax evasion, double taxation agreements, tax planning, digital economy, international taxation.*

The relevance of scientific analysis of the problem of combating tax evasion is determined by changes in interstate tax relations. The Institute of International Conventions on Avoidance of Double Taxation is undergoing significant changes. In 2020, the Russian Federation denounced agreements with several countries and continues negotiations with others. At the same time, the effectiveness of the tax system cannot be fully ensured without constant and timely access to information on foreign law and law enforcement practice. The exchange of information not only stimulates the development of

---

* *Matytsin Fedor*, Trainee-researcher Higher School of State Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University. E-mail: fo.matytsin@gmail.com

a doctrine, but also contributes to the solution of tasks similar to those faced by colleagues abroad. The need for joint efforts is also understood at the supranational level, as evidenced, in particular, by the agreement reached by the G20 Group in Rome in October 2021.

Tax evasion: the causes of the phenomenon and its social danger. Article 57 of the Constitution of the Russian Federation establishes the obligation of every citizen to pay legally established taxes and fees [1]. However, the question of the optimal amount of such taxes and fees remains open and relevant for any system, which is explained by the initial conflict of financial (including tax) relations. There is a desire for well-being in the nature of any person and therefore people are very reluctant to part with that they earned by their own labor, even though they understand that deductions benefit society [10]. "In this situation, the people have their own opinion about taxes, and it is markedly different from the opinion of the state" [5, p. 45].

As a result, despite all efforts by the state to convey to citizens the idea that taxes are a payment for a civilized society, taxpayers at all times seek to reduce the severity of the tax burden. At the same time, the methods that taxpayers use to achieve this goal can vary from the most innocuous to the criminally punishable, because unpaid money can not only increase the welfare of non-payers, but also be used to finance criminal activity.

Also, considering this issue, such factor as the clarity and accessibility of the taxation system itself should be taken into account.

Thus, according to the annual report of the World Bank Groups, in terms of "ease of paying taxes", Russia in 2011 ranked 105th out of 183. However, the situation does not stand still, and the state is making every possible effort to make the tax system more accessible to taxpayers. As a result, by 2019–2020, the Russian Federation has made a big leap forward and moved from 105th to 58th place [12].

But despite the desire of most countries to modernize their tax systems, the problem of "misunderstanding" on the part of taxpayers still remains relevant and pushes people to tax fraud.

According to experts of the fourth forum of the Organization for Economic Cooperation and Development (*hereinafter also referred to as OECD*) in Cape Town, the uncertainty of tax legislation, as well as the perception by taxpayers and tax intermediaries of the tax system as not satisfying the universal principles of legality and fairness, are factors that significantly affects the effectiveness of the tax system [14].

In many countries, there is an understanding of taxes as a mandatory, gratuitous payment levied in favor of society [11] or for the purpose of financial support for the activities of the state and municipalities or socially useful activities.

It can be seen from the definition above that taxes are the payment for a civilized society, thanks to which the state has the opportunity to maintain a decent level of social development and constantly work to improve the quality of citizens' life. Therefore tax evasion is detrimental not only and not so much to the government, but to society itself.

Unresolved issues of international legal regulation. Despite in-depth theoretical research and the daily work of specialists who stand on the protection of the fiscal interests of the state and society, in practice there are more and more new, more sophisticated schemes of tax evasion – paper VAT, which is easily disclosed by the tax authorities, has been replaced by evasive schemes in the field of electronic commerce and cryptocurrency circulation.

The most obvious increase in tax crimes has been during the COVID-19 pandemic.

As shown by the study of non-governmental organization Tax Justice Network (*hereinafter also referred to as TJN*) [17], the losses of the world economy from tax evasion for 2020 amounted to \$ 427 billion, and in 2021 this figure rose to \$ 483 billion.

According to TJN's calculations, the damage to the economy from lost tax deductions in 2020 was equivalent to the annual income of 34 million nurses or the loss of annual income of one nurse every second, and the amount of taxes not paid in 2021 would allow the entire population of the globe to be vaccinated three times against coronavirus infection.

The decline in citizens' interest in paying taxes is also reflected in opinion polls. In 2019, the OECD released a report entitled "Tax Morale: What Drives People and Businesses to Pay Tax?", aimed at examining the motives that stimulate citizens to perform tax duties. This report was the starting point for conducting such a study at the national level [18].

Similar information in Russia was provided by the Center for Strategic Research "Taxes through the eyes of Russians", according to whose research, in connection with COVID-19, the share of tax evaders increased: if in 2019 54% of respondents chose the column – "Taxes are mandatory, and it is impossible to justify the one who does not pay them", then in May 2020 the number of such respondents decreased to 35% and the number of those who treat non-payment "connivingly", on the contrary, increased from 35% to 45% [7].

So, it can be seen that legal reality is subject to changes, which are influenced by many both objective and subjective factors, which requires constant improvement of the mechanism of legal regulation.

Improving tools to counter tax evasion. It is worth noting the actively developing market of digital financial assets, the legal regulation of which today raises questions and disagreements among legislators and researchers from different countries.

According to the information portal TradingView [19] for February 2022, the market capitalization of the cryptocurrency in the world was \$ 1.8 trillion, and the maximum value of \$ 2.9 trillion was reached in November 2021 and was equal to the budget of countries such as Italy and France.

Despite the significant volumes, the digital asset market is still predominantly uncontrolled: cryptocurrency is an autonomous payment system that does not have an owner or at least an administrator, and exchanges-platforms for trading digital assets seek to maintain customer loyalty, and therefore are reluctant to contact the tax authorities and often refuse to disclose information.

The need to regulate the digital sphere is clearly realized in the international arena: in July 2021, the G20 countries agreed on the introduction of a supranational tax and discussed its legal regulation. Details of the agreement were published by a special BEPS committee in October 2021 – 136 countries approved the use of Pillar 1 and Pillar 2. The development of this issue was continued in the OECD report entitled "Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy Global Anti-Base Erosion Model Rules (PillarTwo)" [20].

The OECD initiative includes such mechanisms as clarifying the criteria for the sufficient economic presence of digital companies, taking into account the number of users who took part in creating the value of a digital product in a particular country, as well as marketing of intangible assets and much more [4].

Russia planned to sign the provisions of the agreement in 2022, but at the same time, options were discussed to maintain Russia's attractiveness for the global IT business.

As an example, Switzerland was named, which, instead of discussing exceptions to the general rule on raising the tax rate, guaranteed companies compensation, including through exemption from paying other types of taxes.

At the same time, on February 25, 2022, in connection with the launch of the special operation in Ukraine, the Committee of Ministers of the Council of Europe suspended Russia's membership in the international organization and refused further cooperation with our country. Later in that day, the OECD Council decided to stop the process of Russia's accession to the organization, and also called on countries not to conclude new agreements with Russia and to interrupt any projects funded by the Russian Federation.

As a result, supranational integration and unification of rules with the participation of our country met serious difficulties on its way.

All this has led to the fact that recent Russia's international legal experience in fighting tax offenses has undergone serious changes.

On the one hand, the Russian Federation has long made great efforts to become a member of the Organization for Economic Cooperation and Development. However, in the context of the political and economic tensions that have been observed in recent years in the international arena, it is possible, in a certain sense, to talk about a change in priorities. Confirmation of this position is the Address of the President of the Russian Federation to the citizens of Russia on March 25, 2020, in which V.V. Putin noted the need to increase the rates in tax agreements to 15% from 2021 or to terminate such agreements in case of disagreement of the other party [3]. In pursuance of this instruction, the Ministry of Finance in the winter of 2021 published a list of 34 countries with which Russia revised agreement on avoidance of double taxation (*hereinafter also referred to as DTA*) [6]. In addition, the tense foreign policy situation had an impact on the tax sphere – the failure to fulfill obligations by some western countries required Russia to take reciprocal measures. For example, in September 2022, the President of the Russian Federation signed a decree suspending the DTA between Russia and Latvia [3].

On the other hand, it should be borne in mind that despite the denunciation of the DTAs, Russia is one of the first countries to apply the Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting (*hereinafter also referred to as MLI*) [15]. It can even be said that some instruments, such as the concept of beneficial ownership, as well as the exchange of information with foreign jurisdictions, began to be applied in the Russian Federation even before the entry into force of the MLI Convention [6].

It is also worth noting that the vector of the fight against tax evasion in practice is sometimes directed against bona fide taxpayers. This is most obviously seen in the fight against conduit companies, which "appear" everywhere to the tax authorities: as a result, most of the practice under Art. 54.1 of the Tax Code is not in favor of taxpayers [13].

Another problem is the impermanence of Russian tax legislation. According to statistics, the duration of the stable period Tax Code of the Russian Federation is not amended, on average, is 13 days (*only the Code of Administrative Offenses is less – 10 days*), and in 2020 the Tax Code was subject to the amendment procedure 552 times [8]. Under such conditions, not only laypeople are not able to track changes, but even among professionals such a situation causes distrust. All this, causes a deviant mood: it is easier for individuals and organizations to hide their income than to try to meet the numerous requirements of the legislator.

At the same time, there is a toughening of responsibility for tax evasion – in January 2021, the Deputy Chairman of the Investigative Committee of Russia (*hereinafter also*

referred to as IC) proposed to increase the period of criminal prosecution for tax evasion from 2 years to 10, and transfer the case materials from the tax service to the IC immediately after the fact of non-payment was revealed. On March 18, 2022, a bill was submitted to the State Duma on amendments to the Criminal Code of the Russian Federation regarding the emergence of four new offences in the field of tax evasion. Despite the fact the bill was returned to the subject of the legislative initiative on formal grounds, it received positive feedback and, we consider, will be adopted in the near future.

In our opinion, in order to solve the problems associated with tax evasion, it is most expedient to focus on the following areas:

1) creation of a transparent and stable tax system that will simplify the interaction of the taxpayer and the fiscal authority;

2) advanced training of tax officers, whose level of professionalism should be at least not lower than that of tax consultants who come up with increasingly complex evasive schemes;

3) continuation of the automatic exchange of legal information and taking into account the experience of foreign countries (in the present conditions, it may be useful to focus on cooperation with China and the EAEU countries), since, despite international conflicts and disagreements, today, in the era of globalization, many issues are more effectively solved by joint efforts at the supranational level.

Instead of conclusion. To sum up, we can conclude that the main tasks of any state on the way to an effective tax system are the creation of an affordable and transparent mechanism for paying taxes, as well as conditions for the formation of a civil society, each member of which will voluntarily contribute and feel responsible for the general well-being.

At the same time, it is necessary to take into account that the legal reality is subject to constant changes. Especially now, in the conditions of the global political and economic crisis, specialists in the field of tax law daily have to face new difficulties that require doctrinal elaboration and timely improvement of the regulatory framework.

Having analyzed the current situation in the field of fighting tax evasion and considering the reasons and motives for tax evasion, we have formulated a number of prerequisites for improving the effectiveness of the fight against tax evasion.

The advantage of these methods, in our opinion, lies in the fact that they allow, by creating a comfortable environment for the taxpayer, ultimately contribute to the achievement of fiscal goals, since the loyalty of taxpayers is an important step towards the voluntary fulfillment of tax duties.

From all of the above, it can be seen that due to its relevance, the issue of combating tax evasion is promising and requires further regulation.

Bibliographical list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Official Internet portal of legal information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed 09/29/2022).

2. "Tax Code of the Russian Federation (Part One)" dated 31.07.1998 N 146-FZ (as amended on 23.11.2020) (with amendments and additions, entered into force on 01.01.2021) // Collected Legislation of the Russian Federation, No. 31, 03.08.1998, Article 3824.

3. Address of the President of the Russian Federation to the citizens of Russia on March 25, 2020 // <https://legalacts.ru/doc/obrashchenie-prezidenta-rf-ot-25032020-k-grazhdanam-rossii/>; Decree of the President of the Russian Federation dated 26.09.2022 No. 668 "On the suspension by

the Russian Federation of the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of Latvia for the Avoidance of Double Taxation and on the Prevention of Tax Evasion in Respect of Taxes on Income and Capital" // Collected Legislation of the Russian Federation, 03.10.2022, No. 40, Art. 6781.

4. Andrianova N.G. Deoffshorization as an institution of financial law: main trends in formation and development: PhD in Law thesis. Moscow, 2022.

5. Anischenko A.V. Optimization of taxes. Moscow: Accounting, 2015. 128 p.

6. Vedomosti: Vedomosti is a daily business newspaper. Economics. The Ministry of Finance agreed to revise tax agreements with 34 countries // URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2021/01/26/855547-minfin-dogovorilsya> (accessed 29.09.2022).

7. Study of the tax culture of Russian citizens and their attitude to the tax system. CSR "Taxes through the eyes of Russians", 2020 // URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/029/029a94c47e0e9a7c374683d0169beaad.pdf> (accessed 29.09.2022).

8. "Clerk": Klerk.Ru is a website for accountants. Every 13 days something changes in the Tax Code // E-mail. Resource // URL: <https://www.klerk.ru/buh/news/509451/> (accessed 29.09.2022).

9. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / S. A. Komarov [and others]; ed. S.A. Komarov. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 343 p. (Series: Professional Comments).

10. Krokhina Yu.A. Legal Conflict in the Financial Sphere: Causes, Essence and Procedures for Overcoming // Journal of Russian Law, No. 9, September 2003.

11. Trängselavgifter SOU 2003:61. Regeringskansliet // URL: <https://www.government.se/Rattsliga-Dokument/State-public-investigations/2003/06/SoU-200361> (accessed 14.11.2021)

12. Statistics of the World Bank, doing Business 2020 project // URL: <https://russian.doingbusiness.org/ru/data/exploreconomies/russia> (accessed 14.11.2021)

13. Shikov I.V. Interview to the magazine "MAIN BOOK" No 11 for 2014 // e-mail. Resource // URL: https://glavkniga.ru/elver/2014/11/1488-agressivnoe_nalogovoe_planirovanie_shagaet_planete.html (accessed 09/29/2022).

14. Cape Town Communiqué. Fourth meeting of the OECD forum on tax administration, 11 January 2008 // URL: <http://www.oecd.org/ctp/administration/39886621.pdf> (accessed 29.09.2022).

15. Multilateral Convention to Implement Tax Treaty Related Measures to Prevent Base Erosion and Profit Shifting, Paris, November 2016 // URL: <https://www.oecd.org/tax/treaties/multilateral-convention-to-implement-tax-treaty-related-measures-to-prevent-BEPS.pdf> (accessed 14.11.2021)

16. Ending the Shell Game: Cracking down on the Professionals who enable Tax and White Collar Crimes// approved by the OECD Committee on Fiscal Affairs on 16 November 2020 // URL: <https://www.oecd.org/tax/crime/ending-the-shell-game-cracking-down-on-the-professionals-who-enable-tax-and-white-collar-crimes.htm> (accessed 29.09.2022).

17. State of Tax Justice 2020. Tax Justice Network // URL: <https://www.taxjustice.net/reports/the-state-of-tax-justice-2020/> (accessed 29.09.2022).

18. Tax Morale. What Drives People and Businesses to Pay Tax? // OECD. URL: <https://www.oecd.org/tax/tax-morale-f3d8ea10-en.htm> (accessed 29.09.2022).

19. TradingView // эл. Ресурс // URL: <https://ru.tradingview.com/markets/cryptocurrencies/global-charts/> (accessed 20.09.2022)/

20. OECD (2021), Tax Challenges Arising from the Digitalization of the Economy – Global Anti-Base Erosion Model Rules (Pillar Two): Inclusive Framework on BEPS, OECD, Paris // URL: <https://www.oecd.org/tax/beps/tax-challenges-arising-from-the-digitalisation-of-the-economy-global-anti-base-erosion-model-rules-pillar-two.htm> (accessed 20.09.2022).

For citation: Matytsin F.O. Countering tax evasion: theoretical and practical issues: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P.211–216.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.017

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.018

А.А. Орлова*

Л.В. Ханахмедова**

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ОСНОВНЫХ ФОРМАХ ПРАВОВОГО ИНФАНТИЛИЗМА

***Аннотация.** В статье рассматриваются вопросы определения понятия, видов, причин и условий развития правового инфантилизма, как одной из форм деформации правового сознания субъектов реализации права. Специальное внимание уделяется оценке (теоретическая, аксиологическая, практическая) как особой категории, позволяющей устанавливать значимость определенного действия или определенного субъекта в разрезе оценочных критериев.*

***Ключевые слова:** правовое сознание, деформация правового сознания, апатия, инфантилизм, право, норма права, реализация права.*

Инфантильность правосознания – это социальное явление, которое проявляется в неумении решать отдельные общественные задачи группой людей или отдельным индивидом в соответствии с принятыми ценностями, нормами и особенностями рационального поведения. Наряду с правовым идеализмом, правовым нигилизмом [1], представленное явление требует более глубокого, систематического изучения, так как обладает высоким потенциалом в отношении развития социальных и правовых норм, как отдельным индивидом, так и группой людей. Данное понятие также тесно переплетается с ценностными ориентирами, которые влияют на правоотношения, избавляя общество от безответственности, безразличия и от других негативных факторов.

Для проведения анализа правового инфантилизма особое внимание следует уделить информированности общества о правах и свободах человека, личности, гражданина, то есть степени знания о них. Отсутствие или неполнота информированности может проявляться различным образом: отсутствие отдельных знаний в отношении норм или ценностей в обществе; невозможность дать полную и всестороннюю оценку в отношении норм или ценностей, принятых обществом; несформированность требуемого уровня социальной ориентации и правовых установок.

Особой категорией является незнание права, которая отличается высокой сложностью и многообразием, требующей дополнительного уточнения. Нужно отметить, полное незнание норм права априори невозможно. К этому пришел в своих

---

* Орлова Александра Андреевна, доцент кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: orlova4685@ya.ru

** Ханахмедова Людмила Викторовна, доцент кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин Рязанского филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: milars-19@mail.ru

рассуждениях К. Маркс, который отмечал, что невозможно жить в обществе, при этом отличаться полной свободой. При достижении возраста правовой ответственности, человек обретает определенные знания относительно правового регулирования, понимание конкретных правил поведения. Поэтому полное незнание может возникать только в чисто гипотетическом проявлении. При проведении исследования в отношении осознанности прав в младших классах выявлено, что ученики обладают достаточными знаниями и пониманием в правовой сфере [3, с. 46].

Вторая позиция относительно незнания права кроется в том факте, что все правовые нормы и особенности их применения знать невозможно. Это связывается со сложностью и объемом нормативно-правовых актов и отдельных материалов. Это означает, что в обществе презумпция знания законов является фикцией юридического характера. Важно отметить, что не только обычный человек, но и специалист в отдельной области права зачастую не компетентен в других областях права. Именно поэтому рассматриваемое понятие должно соотноситься с минимальным объемом правовых знаний, которых достаточно для сохранения общественных и социальных отношений. То есть принятие определенных ценностей и знаний права, которые позволяют давать правильную оценку осуществляемой деятельности.

При оценке минимального объема знаний в отношении правовых норм и ценностей следует учитывать ряд серьезных обстоятельств. Первым и наиболее важным является различная значимость тех или иных норм права. Например, знание банковского права может являться несущественным для большинства, тогда как правовые нормы в уголовном праве имеют большую значимость и обеспечиваются более серьезными санкциями. Именно поэтому отдельные правовые нормы требуют большего акцентирования внимания, что позволяет преодолеть барьер незнания и обеспечить регламентированные социальные отношения в обществе.

В юридической практике имеется четкое мнение относительно знаний и ценностей, которые закладываются в праве. Они реализуются через различные механизмы, в том числе через средства массовой информации, которые доносят до широких масс правильность и нормативность поведения в обществе. Тем не менее, представленные направления не всегда эффективны. Как показывают исследования социальной направленности, в таком подходе имеется множество пробелов, а также искажений систем ценностей.

Оценка – это особая категория, позволяющая устанавливать значимость определенного действия или определенного субъекта в разрезе оценочных критериев [6, с. 61–71]. В теории выделяют теоретическую, аксиологическую и практическую оценку. Последняя является непосредственным проявлением теоретической и аксиологической, путем волевого воплощения оценочного суждения относительно конкретного предмета или явления.

Если в целом рассматривать правовую сферу, то предметом теоретического оценивания выступают непосредственные объекты права. Сюда попадают преступные деяния, выносимые приговоры, судебные тяжбы, государственные институты. При теоретическом оценивании зачастую субъект оценивает сущность правовых норм, роль государства, законность, степень реализации и прочие позиции, что позволяет выделить определенные черты развития и тенденции.

Существенное значение для исследования имеет аксиологическая оценка. Представленная категория позволяет совместить ценностные ориентиры, культурные традиции с непосредственным правовым полем. При оценке предметов зачас-

тую могут выявляться определенные свойства, а также полное соответствие с правовым регулированием, с запросами общества и социальная значимость. При оценке норм семейного права, каждый субъект может сделать различные выводы, к примеру, в отношении эффективности или неэффективности работы в заданном направлении. Правовой инфантилизм в этой ситуации может привести к категорическому принятию норм законов и в неумении отличить защиту личных интересов от принятых норм правопорядка.

Следует также отметить, что практическая оценка в праве предполагает преобразование теоретической и аксиологической оценки через череду действий или условий, в которые помещена субъективная сторона. Представленная оценка соотносится с ценностным ощущением, которое сложилось в культурном инвариантном представлении мышления человека. Результатом процесса обследования различных социальных норм становятся индивидуальные представления о ценностях.

Инфантилизм практической оценки зачастую наблюдается у незрелых личностей, которые не могут установить причины и следствия, определить взаимосвязи с результатами. То есть такие социально незрелые люди неспособны соотносить общие и частные проявления, перенести на себя чужое поведение. К примеру, у несовершеннолетних детей часто возникает ощущение, что наказание их не коснется или минует.

Следует также отметить, что избегание оценивания также является ценностно-окрашенным актом. Это связывается с той особенностью, что многие социальные нормы в культурном или духовном плане как правило формируются на уровне бессознательного. Представленные позиции широко проработаны в исследовании Матвеевой Е.К., в котором указываются, что подростки часто не дают конкретной оценки собственным действиям или действиям друзей. Они зачастую ссылаются на незнание или отсутствие критериев оценки [5, с. 104].

Подобные ситуации широко распространены в современной правовой практике. Неготовность воспринимать определенные явления или принимать правовые объекты, а также отсутствие достаточного правового определения действий зачастую связывается с недостаточным уровнем адаптации норм права с ценностными установками. Указанные моменты часто проявляются у ряда социальных слоев, в том числе у преступников или лиц, страдающих алкоголизмом или наркозависимостью. Перестроиться не дает накопленный опыт из социума, а также условия жизнедеятельности, которые не позволяют преобразовать отдельные ситуации в позитивное поле. Также существуют и психологические барьеры, которые мешают принципиально поменять собственную позицию относительно определенных действий, явлений или других субъектов права. Исправление такой установки практически невозможно или требует значительных усилий.

Ярким примером правового инфантилизма может выступать поведение асоциальных людей, которые неоднократно привлекались к уголовной ответственности за неуплату алиментов. У таких людей наблюдается устойчивая искаженная психология, при этом независимо от принимаемых мер, последние не дают нужного эффекта. Представленная особенность соотносится с наличием инфантильности личности, невозможностью принять другие общественные ориентиры и ориентации.

Еще одна форма проявления правового инфантилизма соотносится с понятием правовой безответственности. Последнее выступает в качестве противопоставления правовой ответственности. В отношении указанного понятия имеются раз-

личные подходы. В собственных теоретических материалах Кудрявцев В.Н. соотносит определение с отрицанием долга индивида перед обществом и неисполнением правовых обязанностей [4, с. 67]. Другого мнения придерживается Грошев А.Г., который указывал на устойчивость такого процесса, которое является дефектом личности [2, с. 81]. Как отмечает теоретик, представленная особенность проявляется в виде определенных социально-психологических защитных механизмов, которые обеспечивают противоправное поведение. На основании этого происходит отрицание определенных правовых норм и проявление внутреннего понимания отдельных событий и действий, а также последствий за их свершение.

По нашему мнению, наиболее эффективным и правомерным определением правовой безответственности соотносится деформированием правового сознания. То есть рассматривается в качестве несоответствия ценностных ориентиров конкретного человека относительно общепринятых моделей поведения и правового регулирования.

Чтобы понять сущностное проявление, важно соотнести его с психологическими традициями. В классическом психоанализе представлено существенное количество проявлений личностей, на основании которых снимается социальная ответственность, а также осуществляется противопоставление себя обществу.

Сущностная сторона проекции предполагает перенос личностных качеств отдельного человека на окружающих его субъектов. На основании этого переносится и собственная ответственность, что предполагает полное нивелирование из личностной сферы. В практике судопроизводства часто возникают ситуации, когда человек при воровстве искренне полагал, что все так делают. При обращении внимания на других людей, часто возникает смещение определенных норм и правил, что становится причиной преувеличения или приуменьшения совершенного деяния. В этом случае человек считает себя «мелкой сошкой», при этом остальные виновные участники остаются на свободе. Представленные психологические особенности и проявления зачастую помогают пережить собственное неправильное поведение.

Еще один механизм предполагает рационализацию окружения, то есть объяснение определенного действия или поведения с определенными вымышленными или надуманными причинами. Главное, в этом процессе обеспечение достаточной правдоподобности, которая маскирует подлинность мотивов. Такая защита становится причиной появления консонанса, которая рассогласовывает определенные представления относительно ментальной, эмоциональной составляющей, уберегая психику от чувства ощущения вины или общественного порицания.

Феномен вытеснения также широко описан в психологии и соотносится с полным или частичным отказом человека признавать вину, собственные ошибки и нести соответствующую ответственность. Что касается проявления этого феномена, то у индивида случается выпадение определенных обстоятельств, причин, мотивов относительно совершаемого действия, что вычеркивает из памяти и снижает значимость антисоциального эффекта. Если человек не помнит, значит этого не было. Такое представление собственного ощущения для личности является истинным, что постоянно утверждается в социуме. Что касается локуса контроля, то последний смещается в сторону переноса всей ответственности на окружающий мир, выводит из сферы личностного мироощущения.

В правовой сфере часто возникают случаи, когда вытеснение соотносится с потерей контроля, впадением в состояние аффекта, с эмоциональной возбужденностью. Иногда проявление может соотноситься с потерей сознания. Это становится

причиной полного отрицания причиненного вреда и совершенного преступления, так как отсутствует мотив. Иногда личность ссылается на общность подобных действий, при этом зачастую такие заблуждения связываются с полной приверженностью психологическому состоянию и правильности действий, принятых ценностей и так далее. Рассмотренные выше механизмы, как правило, связываются с инфантильным типом личности и поведения. Они находят широкое распространение в обществе, что предполагает потребность в обществе целенаправленной и серьезной работы по преодолению проблемы и обеспечению заинтересованности социальных субъектов в знании норм права.

Среди прочих форм выражения правового инфантилизма следует рассматривать правовую пассивность. Указанное явление имеет две ключевые характеристики. Первая соотносится с отсутствием инициативы в правовых отношениях. Второе сопровождается безразличием к совершаемым преступлениям, а также правовым и иным социальным нормам. Представленные особенности поведения часто связываются с психологической инертностью, отсутствием конкретных целей и мотивов. Личность обычно не имеет определенных творческих склонностей и не желает искать пути к достижению конкретного результата. Что касается ключевых черт психологического проявления, то здесь выделяется пессимизм, апатия, конформизм и так далее.

В юридической практике довольно часто встречаются случаи неиспользования гражданами своих прав (избирательного права, права на судебную защиту и так далее), а также отказ от защиты законных прав и интересов. Также нередки случаи безразличного отношения граждан, участников или свидетелей событий, имеющих юридическое значение (дорожно-транспортных происшествий, преступлений, следственных действий). Чаще всего пассивная установка закладывается в детстве: в процессе семейного воспитания, в подростковой компании, в школе. Она формируется через низкий статус в группе, неспособность добиться своего иным способом, кроме как безучастным, просительным ожиданием, различными манипуляциями. Кроме того, при углубленном изучении психологических качеств и черт подобных субъектов часты случаи общего психопатического развития: болезни центральной нервной системы, преобладание тормозящих импульсов в психике и пр. Необходимо отметить, что проявление инициативы должно особым образом поощряться государством и другими заинтересованными социальными субъектами, подкрепляться соответствующей государственной идеологией. В большинстве стран Европы, проявленная правовая активность (сообщение о неправильной парковке автомобиля, совершенной соседом, информирование правоохранительных органов о подозрительных лицах и пр.) не осуждается обществом в целом как доносительство. Мораль и право, религия и государство, школа и семья в цивилизованном государстве действуют совместно, формируя правопослушное инициативное поведение.

В целом следует констатировать, что правовой инфантилизм – явление многостороннее, оно также, как и другие формы деформации правового сознания (правовой идеализм, правовой нигилизм), имеет множество различных причин.

Библиографический список

1. *Вороненков Д.Н., Комаров С.А.* Правовой нигилизм в поведении личности: статья // В сб.: Правовая культура в России на рубеже столетий: Материалы Всероссийской научно-теоретической конференции /Под ред. Н.Н. Вопленко. – Волгоград. Издательская группа ВРО МСЮ, 2001. – 239 с.

2. *Грошев А. В.* Уголовный закон и правосознание (Теоретические проблемы уголовно-правового регулирования). – Екатеринбург, 1994. – 223 с.

3. *Долгова А. И.* Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей. – М., 1972. – 99 с.

4. *Кудрявцев В. Н.* Причины правонарушений. – М., 1976. – 285 с.

5. *Матевосова, Е. К.* Правовое воспитание как средство борьбы с правовым нигилизмом: специальность 12.00.01 "Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве": дисс. ... канд. юрид. наук / Матевосова Елена Константиновна. – М., 2012. – 185 с.

6. *Полищук Н.И.* Функциональная ценность принципа правовой определенности в правореализационной деятельности государства / Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. – 2022. – № 1 (11). – С. 61–71.

Для цитирования: Орлова А.А., Ханахмедова Л.В. К вопросу о понятии и основных формах правового инфантилизма: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 217–222.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.018

TO THE QUESTION OF THE CONCEPT AND MAIN FORMS OF LEGAL INFANTILISM

Alexandra A. Orlova *

Lyudmila V. Khanakhmedova **

Annotation. *The article deals with the definition of the concept, types, causes and conditions of the development of legal infantilism as one of the forms of deformation of the legal consciousness of the subjects of the realization of law. Special attention is paid to evaluation (theoretical, axiological, practical) as a special category that allows to establish the significance of a certain action or a certain subject in the context of evaluation criteria.*

Keywords: *legal consciousness, deformation of legal consciousness, apathy, infantilism, law, rule of law, realization of law.*

The infantilism of legal consciousness is a social phenomenon that manifests itself in the inability to solve certain social problems by a group of people or by an individual in accordance with accepted values, norms and features of rational behavior. Along with legal idealism, legal nihilism [1], the presented phenomenon requires a deeper, systematic study, as it has a high potential for the development of social and legal norms, both by an individual and a group of people. This concept is also closely intertwined with value orientations that affect legal relations, saving society from irresponsibility, indifference and other negative factors.

To analyze legal infantilism, special attention should be paid to the awareness of society about the rights and freedoms of a person, person, citizen, that is, the degree of know-

---

* *Orlova Alexandra Andreevna*, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, PhD in Law, Associate Professor. E-mail: orlova4685@ya.ru

** *Khanakhmedova Lyudmila Viktorovna*, Associate Professor of the Department of State and Civil Law Disciplines, Ryazan Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after M.V. V.Ya. Kikotya, candidate of legal sciences, associate professor. E-mail: milars-19@mail.ru

ledge about them. The lack or incompleteness of awareness can manifest itself in various ways: lack of individual knowledge about norms or values in society; the inability to give a full and comprehensive assessment in relation to the norms or values accepted by society; lack of formation of the required level of social orientation and legal attitudes.

A special category is ignorance of law, which is highly complex and diverse, requiring further clarification. It should be noted that complete ignorance of the rules of law is a priori impossible. K. Marx came to this in his reasoning, who noted that it is impossible to live in a society, while being distinguished by complete freedom. Upon reaching the age of legal responsibility, a person acquires certain knowledge regarding legal regulation, an understanding of specific rules of conduct. Therefore, complete ignorance can arise only in a purely hypothetical manifestation. When conducting a study on the awareness of rights in the lower grades, it was revealed that students have sufficient knowledge and understanding in the legal sphere [3, p. 46].

The second position regarding ignorance of law lies in the fact that it is impossible to know all the legal norms and the peculiarities of their application. This is due to the complexity and volume of legal acts and individual materials. This means that in society the presumption of knowledge of laws is a fiction of a legal nature. It is important to note that not only an ordinary person, but also a specialist in a particular area of law is often not competent in other areas of law. That is why the concept under consideration should be correlated with the minimum amount of legal knowledge that is sufficient to maintain public and social relations. That is, the adoption of certain values and knowledge of the law, which allow to give a correct assessment of the activities carried out.

When assessing the minimum amount of knowledge regarding legal norms and values, a number of serious circumstances should be taken into account. The first and most important is the different significance of certain rules of law. For example, knowledge of banking law may be unimportant for most, while legal norms in criminal law are of greater importance and are provided with more severe sanctions. That is why certain legal norms require more attention, which allows to overcome the barrier of ignorance and ensure regulated social relations in society.

In legal practice, there is a clear opinion about the knowledge and values that are laid down in law. They are implemented through various mechanisms, including through the media, which convey to the broad masses the correctness and normative behavior in society. However, the presented directions are not always effective. As studies of social orientation show, there are many gaps in this approach, as well as distortions of value systems.

Evaluation is a special category that allows you to establish the significance of a certain action or a certain subject in the context of evaluation criteria [6, p. 61–71]. In theory, there are theoretical, axiological and practical assessment. The latter is a direct manifestation of the theoretical and axiological, through the volitional embodiment of a value judgment regarding a particular object or phenomenon.

If we consider the legal sphere as a whole, then the subject of theoretical evaluation is the direct objects of law. This includes criminal acts, sentencing, litigation, government institutions. In theoretical assessment, the subject often evaluates the essence of legal norms, the role of the state, legality, the degree of implementation and other positions, which makes it possible to highlight certain features of development and trends.

An axiological assessment is essential for the study. The presented category allows to combine value orientations, cultural traditions with a direct legal field. When evaluating

objects, certain properties can often be identified, as well as full compliance with legal regulation, with the demands of society and social significance. When evaluating the norms of family law, each subject can draw different conclusions, for example, regarding the effectiveness or inefficiency of work in a given direction. Legal infantilism in this situation can lead to the categorical acceptance of the norms of laws and the inability to distinguish between the protection of personal interests and the accepted norms of law and order.

It should also be noted that practical assessment in law involves the transformation of theoretical and axiological assessment through a series of actions or conditions in which the subjective side is placed. The presented assessment correlates with the value sensation that has developed in the culturally invariant representation of human thinking. The result of the process of examining various social norms is individual ideas about values.

The infantilism of practical assessment is often observed in immature individuals who cannot establish causes and effects, determine the relationship with the results. That is, such socially immature people are unable to correlate general and particular manifestations, to transfer someone else's behavior onto themselves. For example, underage children often have the feeling that punishment will not affect them or pass them by.

It should also be noted that the avoidance of evaluation is also a value-colored act. This is associated with the peculiarity that many social norms in cultural or spiritual terms, as a rule, are formed at the level of the unconscious. The presented positions are widely worked out in the study of Matevosova E.K., which indicates that adolescents often do not give a specific assessment of their own actions or the actions of friends. They often refer to ignorance or lack of evaluation criteria [5, p. 104].

Similar situations are widespread in modern legal practice. The unwillingness to perceive certain phenomena or accept legal objects, as well as the lack of a sufficient legal definition of actions, is often associated with an insufficient level of adaptation of legal norms with value orientations. These moments often manifest themselves in a number of social strata, including criminals or people suffering from alcoholism or drug addiction. The accumulated experience from society, as well as living conditions that do not allow transforming individual situations into a positive field, do not allow rebuilding. There are also psychological barriers that prevent fundamentally changing one's own position regarding certain actions, phenomena or other subjects of law. Correcting such an installation is almost impossible or requires considerable effort.

A striking example of legal infantilism can be the behavior of asocial people who have repeatedly been prosecuted for non-payment of alimony. Such people have a stable distorted psychology, and regardless of the measures taken, the latter do not give the desired effect. The presented feature correlates with the presence of infantilism of the individual, the inability to accept other social landmarks and orientations.

Another form of manifestation of legal infantilism correlates with the concept of legal irresponsibility. The latter acts as a contrast to legal liability. There are different approaches to this concept. In his own theoretical materials Kudryavtsev V.N. correlates the definition with the denial of the individual's duty to society and the failure to fulfill legal obligations [4, p. 67]. Groshev A.G., who pointed out the stability of such a process, which is a personality defect, has a different opinion [2, p. 81]. As the theorist notes, the presented feature manifests itself in the form of certain socio-psychological defense mechanisms that provide illegal behavior. Based on this, there is a denial of certain legal norms and the manifestation of an internal understanding of individual events and actions, as well as the consequences for their accomplishment.

Theory of State and Law

In our opinion, the most effective and legitimate definition of legal irresponsibility corresponds to the deformation of legal consciousness. That is, it is considered as a discrepancy between the value orientations of a particular person in relation to generally accepted models of behavior and legal regulation.

In order to understand essential manifestation, it is important to relate it to psychological traditions. In classical psychoanalysis, a significant number of manifestations of personalities are presented, on the basis of which social responsibility is removed, and self-opposition to society is also carried out.

The essential side of the projection involves the transfer of the personal qualities of an individual to the subjects surrounding him. On the basis of this, one's own responsibility is also transferred, which implies a complete leveling from the personal sphere. In the practice of legal proceedings, situations often arise when a person, when stealing, sincerely believed that everyone was doing it. When paying attention to other people, there is often a shift in certain norms and rules, which becomes the reason for the exaggeration or downplaying of the committed act. In this case, the person considers himself a "small fry", while the rest of the guilty participants remain at large. The presented psychological features and manifestations often help to survive their own wrong behavior.

Another mechanism involves the rationalization of the environment, that is, the explanation of a certain action or behavior with certain fictional or far-fetched reasons. The main thing in this process is to ensure sufficient credibility, which masks the authenticity of motives. Such protection becomes the cause of the appearance of consonance, which disagrees with certain ideas regarding the mental, emotional component, saving the psyche from feelings of guilt or public censure.

The phenomenon of repression is also widely described in psychology and correlates with the complete or partial refusal of a person to admit guilt, his own mistakes and bear the corresponding responsibility. As for the manifestation of this phenomenon, the individual experiences the loss of certain circumstances, reasons, motives regarding the action being performed, which deletes from memory and reduces the significance of the antisocial effect. If a person does not remember, then this did not happen. Such a representation of one's own feeling for the individual is true, which is constantly affirmed in society. As for the locus of control, the latter is shifting towards transferring all responsibility to the outside world, taking it out of the sphere of personal worldview.

In the legal sphere, cases often arise when repression is correlated with a loss of control, falling into a state of passion, with emotional excitement. Sometimes the manifestation can be correlated with loss of consciousness. This becomes the reason for the complete denial of the harm done and the crime committed, since there is no motive. Sometimes a person refers to the commonality of such actions, while often such delusions are associated with a complete commitment to the psychological state and correctness of actions, accepted values, and so on.

The mechanisms discussed above are usually associated with an infantile type of personality and behavior. They are widespread in society, which implies the need for purposeful and serious work in society to overcome the problem and ensure the interest of social actors in knowing the rules of law.

Among other forms of expression of legal infantilism, legal passivity should be considered. This phenomenon has two key characteristics. The first is related to the lack of initiative in legal relations. The second is accompanied by indifference to the crimes committed, as well as legal and other social norms. The presented features of behavior are often

associated with psychological inertia, the lack of specific goals and motives. A person usually does not have certain creative inclinations and does not want to look for ways to achieve a specific result. As for the key features of psychological manifestation, pessimism, apathy, conformism, and so on stand out here.

In legal practice, there are quite often cases of non-use by citizens of their rights (the right to vote, the right to judicial protection, and so on), as well as refusal to protect legal rights and interests. Also, cases of indifferent attitude of citizens, participants or witnesses of events of legal significance (traffic accidents, crimes, investigative actions) are not uncommon. Most often, a passive attitude is laid in childhood: in the process of family education, in a teenage company, at school. It is formed through a low status in the group, the inability to achieve one's goal in any other way than as an indifferent, pleading expectation, various manipulations. In addition, with an in-depth study of the psychological qualities and traits of such subjects, there are frequent cases of general psychopathic development: diseases of the central nervous system, the predominance of inhibitory impulses in the psyche, etc.

It should be noted that the manifestation of initiative should be encouraged in a special way by the state and other interested social actors, supported by the appropriate state ideology. In most European countries, the legal activity shown (reporting the wrong parking of a car committed by a neighbor, informing law enforcement about suspicious persons, etc.) is not condemned by society as a whole as denunciation. Morality and law, religion and the state, school and family in a civilized state act together, forming law-abiding initiative behavior.

In general, it should be stated that legal infantilism is a multifaceted phenomenon, it, like other forms of deformation of legal consciousness (legal idealism, legal nihilism), has many different causes.

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Voronenkov D.N., Komarov S.A. Legal nihilism in the behavior of the individual: article // In: Legal culture in Russia at the turn of the century: Proceedings of the All-Russian Scientific and Theoretical Conference / Ed. N.N. Voplenko. Volgograd. Publishing group VRO MSU, 2001. 239 p.
2. Groshev A. V. Criminal law and legal awareness (Theoretical problems of criminal law regulation). Ekaterinburg, 1994. 223 p.
3. Dolgova A. I. Legal consciousness and its defects in minors offenders. Moscow, 1972. 99 p.
4. Kudryavtsev V.N. Causes of offenses. Moscow, 1976. 285 p.
5. Matevosova, E. K. Legal education as a means of combating legal nihilism: specialty 12.00.01 "Theory and history of law and the state; history of doctrines about law and the state": diss. ... cand. legal Sciences / Matevosova Elena Konstantinovna. Moscow, 2012. 185 p.
6. Polishchuk N.I. The functional value of the principle of legal certainty in the law enforcement activities of the state / Bulletin of the Tomsk Institute for Advanced Studies of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2022. No. 1 (11). Pp. 61–71.

For citation: Orlova A.A., Khanakhmedova L.V. To the question of the concept and main forms of legal infantilism: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 222–226.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.018

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.019

А.Г. Самусевич*

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ СТАДИЙ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

***Аннотация.** Статья посвящена проблемным вопросам правоприменения, в частности, определению динамической составляющей правоприменительного процесса. Обращено внимание на недостаточность научных исследований, посвященных теоретическим аспектам правоприменения в целом. Автором определяются основные стадии правоприменения, а также рассмотрен проблемный аспект о количестве стадии данного процесса. Сделан вывод о том, что стадия исполнения правоприменительного решения лежит за пределами правоприменения и является отдельной стадией реализации права. В заключении дается определение понятия «стадии правоприменения».*

***Ключевые слова:** правоприменение, правоприменительная деятельность, стадии, основания правоприменительной деятельности, правовая квалификация, правоприменительный акт.*

Актуальность заявленной темы обусловлена тем, что в настоящее время правоприменительной деятельности уделяется все меньше внимания со стороны ученых-правоведов. Доказательством сказанного может служить инструмент поиска Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), в строке которого, при введении словосочетания «правоприменительная деятельность», «правоприменение» или «применение права», появляется список научных публикаций не более чем из восьмидесяти пунктов. При этом более половины публикаций из этого списка не имеют отношения к теоретическим аспектам правоприменения, а посвящены практике правоприменения в различных отраслях права. Это говорит о том, что интерес среди ученых-теоретиков по непонятным причинам к данной теме неоправданно пропал.

Тем не менее, определим, что целью настоящего исследования является комплексный теоретико-правовой подход к определению стадий правоприменения их сущности и количеству. Отсюда можно сформулировать и основные исследовательские задачи: рассмотреть общетеоретические подходы к пониманию стадий правоприменения и их значению; определить основные стадии правоприменения и сформировать унифицированное определение понятия «стадии правоприменения».

Начнем с того, что механизм правоприменения имеет не статическое, а динамическое развитие. Как справедливо отмечает А.С. Категов: «Механизм применения права объединяет в своем содержании все те явления, которые обеспечивают и сопровождают процесс реализации правовых предписаний в форме их применения» [1,

---

* Самусевич Алексей Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент Иркутского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); Иркутский национальный исследовательский технический университет. E-mail: samusevich79@mail.ru.

с. 4]. Действительно, в практике процесс правоприменения обусловлен логично выстроенными действиями правоприменителя, выполнение которых позволяют эффективно достигать поставленной цели – применить норму права к конкретному жизненному случаю. По этому поводу С.А. Комаров пишет: «Правоприменение – это всегда логические действия. Они состоят в подведении какого-либо индивидуально-го случая под общее правило нормы права» [2, с. 416].

В целом можно отметить, что вопрос о стадиях правоприменения остается наиболее спорным. Так, нет единого критерия выделения стадий, их продолжительности во времени и пространстве, а также общего количества. В юридической литературе прочно закрепилось мнение о том, что правоприменительная деятельность осуществляется в определенной последовательности, а в государственно-правовой теории и практике выделяется ряд относительно самостоятельных стадий данного процесса [3, с. 287].

Принятие акта применения есть деятельность компетентного органа, процесс, предшествующий изданию акта. Содержание этого процесса в самом общем виде состоит в изучении нормативных актов, фактических обстоятельств, имеющих юридическую значимость применительно к данной норме, является сложной активной познавательной деятельностью [2, с. 409]. Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнов указывают на то, что «при применении нормы права властный субъект должен произвести, помимо собственно юридических, ряд сложных мыслительных, логических, психологических, организационно-технических и иного рода операций, которые направлены на выяснение всех деталей фактической стороны разрешаемого дела, отыскание подлежащей применению нормы, ее толкование, иногда преодоление пробелов в правовом регулировании, оформление принятого решения в виде правоприменительного акта...» [4, с. 73]. С.С. Алексеев в своих работах отмечал, что стадии применения права – это относительно обособленные группы правоприменительных действий (операций). Стадии применения права соответствуют стадиям любой управленческой деятельности, в том числе и правоприменительной деятельности. Они охватывают: 1) сбор и оценку информации; 2) принятие решения; 3) обеспечение его реализации [5, с. 535].

Как и было сказано ранее, сегодня нет единства мнений по поводу количества стадий правоприменения. Так, М.В. Дорофеев приходит к выводу о необходимости выделения трех основных стадий: 1) установление фактических обстоятельств дела; 2) установление юридической основы дела; 3) принятие решения по делу (или вынесение правоприменительного акта) [6, с. 16]. В этой связи интерес представляет и точка зрения Е.Г. Евдокимовой о целесообразности выделения правоприменительных циклов, которые в процессе правоприменения последовательно сменяют друг друга [7].

Но имеются и другие подходы. Так, ученые к названным стадиям добавляют еще несколько, среди которых указывается такая стадия, как доведение содержания принятого решения до сведения заинтересованных лиц [8, с. 31]. А.Б. Венгеров выделяет шесть стадий применения права [9, с. 504]. Как видно из приведенного, наиболее распространено мнение о выделении трех стадий правоприменительной деятельности: 1) установление фактических обстоятельств дела; 2) установление юридической основы дела; 3) вынесение решения компетентным органом и доведение этого решения до заинтересованных лиц [10, с. 186–189].

В свою очередь, современные исследователи теории правоприменения обосновывают свою позицию и о том, что трехзвенную систему стадий правопримени-

тельной деятельности необходимо дополнить еще одной, не менее значимой стадией – исполнением принятого юридически значимого решения. Так, профессор А.М. Исмаилов пишет: «Суть состоит в том, что сам процесс правоприменения, особенно квалификацию деяния, теснейшим образом связывают только с нормой права, что искажает суть возникшей проблемы. Ведь правоприменение осуществляется не ради самого применения права, а ради разрешения возникшей проблемной ситуации, ради удовлетворения потребностей и интересов ее участников» [11, с. 61].

Заслуживает уважения и мнение С.С. Кузакбирдиева, согласно которого, применение норм права завершается не вынесением решения по делу, а исполнением принятого решения. Такой подход обосновывается тем, что процесс применения права рассматривается не через отдельно взятого правоприменяющего субъекта – должностного лица или органа, а через призму государства, от имени которого все властные субъекты применяют право, выносят решения и исполняют их [12, с. 10].

Учитывая вышеизложенное, все же согласимся с мнением С.А. Комарова относительно того, что исполнение акта правоприменения есть заключительный этап реализации нормы права, поэтому мы не говорим о нем как о стадии применения нормы. Непосредственное воплощение акта применения в поведении субъектов выходит за рамки собственно применения в юридическом смысле. Исполнение больше, чем просто применение. Это реализация нормы в полном смысле этого слова, т.е. претворение ее в жизнь [2, с. 416]. О том, что правоприменительный акт это обязательная составляющая правоприменительной деятельности, а также завершающий этап и оформление ее результатов говорит и Р.Р. Палеха [13, с. 8].

Несомненно, можно согласиться с представленными точками зрения, однако, по нашему мнению, все же необходимо учитывать, что исполнение вынесенного правоприменительного решения характеризуется тем, что в эту стадию включаются отдельные субъекты правоприменительных отношений с другими целями и задачами, отличными от тех, которые лежали в основе самого процесса правоприменения.

По нашему мнению, процесс правоприменения состоит из следующих стадий.

1) *Установления фактических обстоятельств дела*, в рамках которой собираются и анализируются все материалы, имеющие юридическое значение по делу и позволяющие представить наиболее близкую к реальности картину происшедшего. Установление фактических обстоятельств дела может осуществляться правоприменителем, как непосредственно, так и путем доказывания. При этом основания правоприменительной деятельности можно представить в виде совокупности юридических фактов поведенческого и документального характера, которые необходимы для возникновения, изменения и прекращения правоприменительных правоотношений, с целью реализации правовых последствий, предусмотренных нормой права [14, с. 134].

2) *Правовая квалификация* действий адресата правоприменения, т.е. выбор нормы права. Правоприменитель сопоставляет обстоятельства дела с гипотезой и диспозицией нормы права и определяет то правило поведения, которому обязан следовать адресат правоприменения.

Стоит сказать, что первые две стадии взаимопереплетены и находятся в неразрывном единстве. Но, так или иначе, они предшествуют вынесению решения по юридическому делу, поскольку носят подготовительный характер.

3) После того, как по юридическому делу установлены все необходимые обстоятельства, процесс применения права логически переходит в следующую стадию – ус-

Теория государства и права

тановление юридической основы дела (эту стадию нередко называют стадией выбора и анализа правовых норм, подлежащих применению). По мнению Р.А. Ромашова, указанная стадия является основной в процессе применения права. Эта стадия отграничивается от предыдущей, скорее всего, в творческом плане. На практике они между собой взаимосвязаны, представляются едиными. Данную стадию можно разделить на ряд подстадий: а) выбор нормы права и анализ ее действия в пространстве, во времени и по кругу лиц; б) толкование нормы и разрешение возможных коллизий норм; в) юридическая квалификация фактических обстоятельств дела [10, с. 187].

4) *Вынесение решения компетентным органом и доведение этого решения до заинтересованных лиц.* Данную стадию многие авторы называют «центральной» в правоприменительном процессе, так как в решении юридического дела выражено само применение права, применение права как таковое, о чем мы говорили ранее. На данной стадии субъект правоприменения осуществляет подготовку проекта правоприменительного акта, его проверку на соответствие правовым предписаниям и выносит правоприменительный акт, после чего, данное решение доводится до сведения заинтересованных лиц. Если есть необходимость, то этим лицам разъясняются порядок и последствия обжалования решения. Для более полного понимания динамической характеристики правоприменения, приведем схему (Рис. 1), которая наглядно показывает данный процесс в движении.

Рис. 1. Стадии правоприменения

Тем не менее, стоит отметить, что рассмотренные стадии раскрывают механизм и логику применения права с *внутренней* стороны, которая показывает, как вообще осуществляется применение, какие необходимые действия правопримени-

теля оно в себя включает. Именно эти действия, отражающие механизм применения права, и будут составлять функциональные стадии процесса применения права. В свою очередь, с *внешней* стороны правоприменительная деятельность представляет собой процесс производства по конкретному юридическому делу. «Этот процесс, – справедливо отмечает Н.А. Пьянов, – отражает движение юридического дела и может состоять из принятия целого ряда актов применения права, из которых только один будет основным и решать юридическое дело по существу, а остальные – вспомогательными и способствовать движению юридического дела» [15, с. 176].

Кроме того, в своем развитии правоприменение, как управленческая деятельность, проходит ряд процедурных стадий, которые отражают этапы развития разрешаемого юридического дела.

Логика подсказывает, что если обобщить производство по отдельным категориям юридических дел (уголовным, гражданским, административным и т.п.), то возможно говорить о выделении трех процедурных стадий: 1) стадия возбуждения производства по юридическому делу; 2) стадия выяснения фактических обстоятельств совершенного правонарушения; 3) стадия рассмотрения юридического дела по существу и принятие решения.

Кроме того, в юридической литературе часто встречаются дополнительные стадии: стадия пересмотра принятого решения и стадия контроля над исполнением принятого решения. По этому поводу М.В. Дорофеев пишет: «В данном отношении могут существовать и дополнительные циклы: кассационное обжалование судебного решения по инициативе заинтересованных лиц или опротестование судебного решения прокурором; пересмотр в порядке надзора; пересмотр решений, постановлений и определений по вновь открывшимся обстоятельствам; исполнительное производство, связанное с необходимостью принудительного исполнения судебного решения, если обязанное лицо добровольно этого не делает» [6, с. 16–17].

Подводя итоги наших размышлений относительно стадий правоприменения, отметим, что они (стадии) характеризуют правоприменительный процесс в динамике. Стадии правоприменения можно рассматривать как с внешней, так и с внутренней стороны.

В свою очередь, можно сформулировать следующее определение понятия «стадии правоприменения»: *взаимосвязанные, но относительно самостоятельные этапы процесса применения правовых норм, которые отделены друг от друга определенными промежуточными правоприменительными решениями и характеризуются непосредственными задачами, субъектами, вовлеченными в этот процесс, порядком процессуальной деятельности и характером процессуальных отношений.*

В заключении хотелось бы отметить, что дискуссионность и зачастую несовместимость ряда позиций и взглядов по проблемам правоприменения, диктуют необходимость дальнейшей разработки теории правоприменительной деятельности с учетом современных реалий. Мы продолжим и далее исследовать актуальные проблемы правоприменения с точки зрения теоретических подходов.

Библиографический список

1. *Категов А.С.* Механизм применения права и правовая система современной России: теоретико-методологический анализ: дисс. ... докт. юрид. наук. – СПб., 2002. – 455 с.
2. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. 10-е изд. испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

3. Цечоев В.К. Теория государства и права: учебник. – М.: Прометей, 2017. – 330 с.
4. Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции: монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2004. – 202 с.
5. Алексеев С.С. Общая теория права. – М.: Проспект. – 576 с.
6. Дорофеев М.В. Правоприменительная деятельность по исполнению судебных актов: теоретико-прикладной аспект: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2004. – 24 с.
7. Евдокимова Е.Г. Правоприменительные отношения в сфере расследования преступлений органами внутренних дел (теоретико-правовой аспект): дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2001. – 207 с.
8. Иванова С.А. Реализация принципа социальной справедливости в правоприменительной деятельности // Ученые труды российской академии адвокатуры и нотариата. – 2011. – № 1. – С. 28–38.
9. Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М.: Омега-Л, 2006. – 608 с.
10. Ромашов Р.А. Теории государства и права. – СПб.: Питер, 2009. – 256 с.
11. Исмаилов А.М. Правоприменение и стадии применения права // Способы, модели и алгоритмы управления модернизационными процессами: сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 60–63.
12. Кузакбирдиев С.С. Проблемы определения завершающей стадии правоприменения // Научный вестник Тюменского юридического института МВД России: сборник научных трудов. – Тюмень: Тюменский юридический институт МВД РФ, 2002. – С. 10–12.
13. Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Елец, 2004. – 19 с.
14. Самусевич А.Г. Основания правоприменительной деятельности // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 7 (134). – С. 132–134.
15. Пьянов Н.А. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 2007. – 253 с.

Для цитирования: Самусевич А.Г. Понятие и значение стадий правоприменения: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 227–232.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.019

THE CONCEPT AND SIGNIFICANCE OF THE STAGES OF LAW ENFORCEMENT

Alexey G. Samusevich *

***Annotation.** The article is devoted to problematic issues of law enforcement, in particular, the definition of the dynamic component of the law enforcement process. Attention is drawn to the insufficiency of scientific research devoted to the theoretical aspects of law enforcement in general. The author defines the main stages of law enforcement, and also considers the problematic aspect of the number of stages of this process. It is concluded that the stage of enforcement of a law enforcement decision lies beyond the scope of law enforcement and is a separate stage of the implementation of the right. In conclusion, the author defines the concept of "stages of law enforcement".*

---

* Samusevich Alexey Gennadievich – Candidate of Law, Associate Professor. Irkutsk Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia); Irkutsk National Research Technical University. E-mail: samusevich79@mail.ru.

Theory of State and Law

Keywords: dynamics of law enforcement, law enforcement activity, stages of law enforcement, grounds for law enforcement activity, legal qualification, law enforcement act.

The relevance of the stated topic is due to the fact that at present law enforcement activities are receiving less and less attention from legal scholars. The proof of the above can be the search tool of the Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), in the line of which, when the phrase “law enforcement”, “law enforcement” or “law enforcement” is entered, a list of scientific publications of no more than eighty items appears. At the same time, more than half of the publications from this list are not related to the theoretical aspects of law enforcement, but are devoted to the practice of law enforcement in various branches of law. This suggests that interest among theoretical scientists, for unknown reasons, to this topic has unjustifiably disappeared.

Nevertheless, let us define that the purpose of this study is a comprehensive theoretical and legal approach to determining the stages of law enforcement, their essence and quantity. From here it is possible to formulate the main research tasks: to consider general theoretical approaches to understanding the stages of law enforcement and their significance; define the main stages of law enforcement and form a unified definition of the concept of “stages of law enforcement”.

Let's start with the fact that the law enforcement mechanism has not a static, but a dynamic development. As rightly noted by A.S. Kategov: “The mechanism of application of law combines in its content all those phenomena that provide and accompany the process of implementing legal requirements in the form of their application” [1, p. 4]. Indeed, in practice, the process of law enforcement is conditioned by the logically structured actions of the law enforcement officer, the implementation of which allows you to effectively achieve the goal – to apply the rule of law to a specific life case. On this occasion, S.A. Komarov writes: “Law enforcement is always logical actions. They consist in subsuming any individual case under the general rule of the rule of law” [2, p. 416].

In general, it can be noted that the question of the stages of law enforcement remains the most controversial. So, there is no single criterion for distinguishing stages, their duration in time and space, as well as the total number. In the legal literature, the opinion that law enforcement activities are carried out in a certain sequence is firmly entrenched, and in state-legal theory and practice, a number of relatively independent stages of this process are distinguished [3, p. 287].

The adoption of the act of application is the activity of the competent authority, the process preceding the issuance of the act. The content of this process in its most general form consists in the study of normative acts, actual circumstances that have legal significance in relation to this norm, is a complex active cognitive activity [2, p. 409]. N.N. Voplenko and A.P. Rozhnov point out that “when applying the rule of law, the power subject must perform, in addition to the actual legal ones, a number of complex mental, logical, psychological, organizational, technical and other operations that are aimed at clarifying all the details of the factual side of the case being resolved, finding the subject to application norms, its interpretation, sometimes overcoming gaps in legal regulation, formalizing the decision in the form of a law enforcement act ...” [4, p. 73].

S.S. Alekseev noted in his works that the stages of application of law are relatively separate groups of law enforcement actions (operations). The stages of application of law correspond to the stages of any management activity, including law enforcement activities.

They cover: 1) collection and evaluation of information; 2) decision making; 3) ensuring its implementation [5, p. 535].

As mentioned earlier, today there is no consensus on the number of stages of law enforcement. So, M.V. Dorofeev comes to the conclusion that it is necessary to distinguish three main stages:

- 1) establishing the factual circumstances of the case;
- 2) establishment of the legal basis of the case;
- 3) making a decision on the case (or issuing a law enforcement act) [6, p. 16].

In this regard, the point of view of E.G. Evdokimova on the expediency of identifying law enforcement cycles, which successively replace each other in the process of law enforcement [7].

But there are other approaches as well. So, scientists add a few more to the above stages, among which such a stage is indicated as bringing the content of the decision to the attention of interested parties [8, p. 31]. A.B. Vengerov identifies six stages of the application of law [9, p. 504].

As can be seen from the above, the most common opinion is that there are three stages of law enforcement activity: 1) establishing the actual circumstances of the case; 2) establishment of the legal basis of the case; 3) making a decision by the competent authority and bringing this decision to the interested parties [10, p. 186–189].

In turn, modern researchers of the theory of law enforcement justify their position that the three-tier system of stages of law enforcement activity must be supplemented with another, no less significant stage – the execution of a legally significant decision. So, Professor A.M. Ismailov writes: “The bottom line is that the very process of law enforcement, especially the qualification of an act, is closely connected only with the rule of law, which distorts the essence of the problem that has arisen. After all, law enforcement is carried out not for the sake of the very application of law, but for the sake of resolving the problem situation that has arisen, for the sake of satisfying the needs and interests of its participants” [11, p. 61].

Deserves respect and the opinion of S.S. Kuzakbirdiev, according to which, the application of the rule of law ends not with the issuance of a decision on the case, but with the execution of the decision. This approach is justified by the fact that the process of applying the law is considered not through a single law enforcement entity – an official or body, but through the prism of the state, on behalf of which all powerful subjects apply the law, make decisions and execute them [12, p. 10].

Given the above, we still agree with the opinion of S.A. Komarov regarding the fact that the execution of an act of law enforcement is the final stage in the implementation of the rule of law, so we do not talk about it as a stage in the application of the rule. The direct embodiment of the act of application in the behavior of subjects goes beyond the actual application in the legal sense. Performance is more than just application. This is the implementation of the norm in the full sense of the word, i.e. its implementation [2, p. 416].

The fact that a law enforcement act is an obligatory component of law enforcement activity, as well as the final stage and registration of its results, is also indicated by R.R. Palekh [13, p. 8].

Undoubtedly, one can agree with the points of view presented, however, in our opinion, it is still necessary to take into account that the execution of the issued law enforcement decision is characterized by the fact that this stage includes individual subjects of law enforcement relations with other goals and objectives that are different from those that lay in basis of the enforcement process itself.

In our opinion, the law enforcement process consists of the following stages.

1) Establishing the factual circumstances of the case, within the framework of which all materials of legal significance in the case are collected and analyzed and allow presenting a picture of what happened that is closest to reality. Establishment of the actual circumstances of the case can be carried out by the law enforcer, both directly and by proving. At the same time, the grounds for law enforcement activity can be represented as a set of legal facts of a behavioral and documentary nature, which are necessary for the emergence, change and termination of law enforcement legal relations, in order to implement the legal consequences provided for by the rule of law [14, p. 134].

2) Legal qualification of the actions of the addressee of law enforcement, i.e. choice of law. The law enforcer compares the circumstances of the case with the hypothesis and disposition of the rule of law and determines the rule of conduct that the addressee of law enforcement must follow.

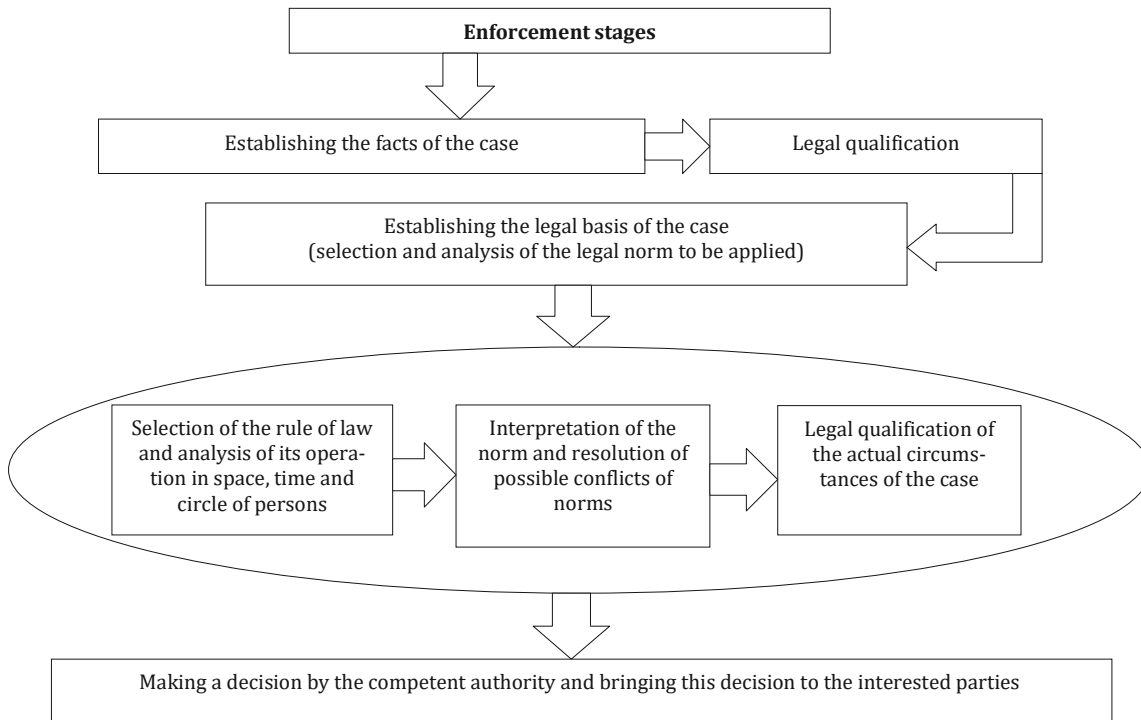
It is worth saying that the first two stages are intertwined and are in an inseparable unity. But, one way or another, they precede the issuance of a decision on a legal case, since they are of a preparatory nature.

3) After all the necessary circumstances have been established in a legal case, the process of applying the law logically proceeds to the next stage – establishing the legal basis of the case (this stage is often called the stage of selecting and analyzing the legal norms to be applied). According to R.A. Romashov, this stage is the main one in the process of applying the law. This stage is delimited from the previous one, most likely in creative terms. In practice, they are interconnected, appear to be the same. This stage can be divided into a number of substages: a) the choice of the rule of law and the analysis of its operation in space, time and circle of persons; b) interpretation of the norm and resolution of possible conflicts of norms; c) legal qualification of the actual circumstances of the case [10, p. 187].

4) Making a decision by the competent authority and bringing this decision to the interested parties. Many authors call this stage “central” in the law enforcement process, since the decision of a legal case expresses the very application of law, the application of law as such, which we discussed earlier. At this stage, the subject of law enforcement prepares a draft law enforcement act, checks it for compliance with legal requirements and issues a law enforcement act, after which this decision is brought to the attention of interested parties. If necessary, these persons are explained the procedure and consequences of appealing the decision. For a more complete understanding of the dynamic characteristics of law enforcement, we present a diagram (Fig. 1), which clearly shows this process in motion.

Nevertheless, it is worth noting that the considered stages reveal the mechanism and logic of the application of law from the inside, which shows how the application is carried out in general, what necessary actions of the law enforcer it includes. It is these actions, reflecting the mechanism of application of law, that will constitute the functional stages of the process of application of law.

In turn, from the outside, law enforcement activity is a process of production on a specific legal case. “This process,” rightly notes N.A. Pyanov, “reflects the movement of a legal case and may consist of the adoption of a number of acts of application of law, of which only one will be the main one and decide the legal case on the merits, and the rest will be auxiliary and contribute to the movement of the legal case” [15, p. 176].

Figure 1. Enforcement stages

In addition, in its development, law enforcement, as a management activity, goes through a number of procedural stages that reflect the stages of development of a legal case being resolved.

Logic suggests that if we generalize the proceedings for certain categories of legal cases (criminal, civil, administrative, etc.), then it is possible to speak of three procedural stages: 1) the stage of initiating proceedings in a legal case; 2) the stage of clarifying the actual circumstances of the offense committed; 3) the stage of considering a legal case on the merits and making a decision.

In addition, additional stages are often found in the legal literature: the stage of revising the decision and the stage of control over the execution of the decision. On this occasion, M.V. Dorofeev writes: "In this regard, there may be additional cycles: a cassation appeal against a court decision on the initiative of interested parties or a protest against a court decision by a prosecutor; supervisory review; revision of decisions, resolutions and rulings on newly discovered circumstances; enforcement proceedings related to the need to enforce a court decision, if the obligated person does not voluntarily do this" [6, p. 16–17].

Summing up our reflections on the stages of law enforcement, we note that they (the stages) characterize the law enforcement process in dynamics. The stages of law enforcement can be viewed both from the outside and from the inside.

In turn, we can formulate the following definition of the concept of "stages of law enforcement": interrelated, but relatively independent stages of the process of applying legal norms, which are separated from each other by certain intermediate law enforcement decisions and are characterized by immediate tasks, subjects involved in this process, the order of procedural activity and the nature of the procedural relationship.

In conclusion, I would like to note that the debatability and often incompatibility of a number of positions and views on the problems of law enforcement dictate the need for further development of the theory of law enforcement, taking into account modern realities. We will continue to further explore the actual problems of law enforcement from the point of view of theoretical approaches.

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Kategov A.S. The mechanism of application of law and the legal system of modern Russia: theoretical and methodological analysis: diss. ... doc. legal Sciences. St. Petersburg, 2002. 455 p.
2. Komarov S.A. General theory of state and law: textbook. 10th ed. correct and additional Moscow: Yurayt Publishing House, 2022. 528 p.
3. Tsechoev V.K. Theory of state and law: textbook. Moscow: Prometheus, 2017. 330 p.
4. Voplenko N.N., Rozhnov A.P. Law enforcement practice: concept, main features and functions: monograph. Volgograd: VolGU Publishing House, 2004. 202 p.
5. Alekseev S.S. General theory of law. Moscow: Prospect. 576 p.
6. Dorofeev M.V. Law enforcement activities for the execution of judicial acts: theoretical and applied aspect: author. diss. ... cand. legal Sciences. St. Petersburg, 2004. 24 p.
7. Evdokimova E.G. Law enforcement relations in the field of investigation of crimes by internal affairs bodies (theoretical and legal aspect): diss. ... cand. legal Sciences. SPb., 2001. 207 p.
8. Ivanova S.A. Implementation of the principle of social justice in law enforcement // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2011. No. 1. P. 28–38.
9. Vengerov A.B. Theory of Government and Rights. Moscow: Omega-L, 2006. 608 p.
10. Romashov R.A. Theories of state and law. St. Petersburg: Piter, 2009. 256 p.
11. Ismailov A.M. Law enforcement and stages of application of law // Methods, models and algorithms for managing modernization processes: a collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Ufa, 2020. Pp. 60–63.
12. Kuzakbirdiev S.S. Problems of determining the final stage of law enforcement // Scientific Bulletin of the Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia: a collection of scientific papers. Tyumen: Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002. Pp. 10–12.
13. Palekha R.R. The nature of law enforcement as a special form of realization of the law: author. diss. ... cand. legal Sciences. Yelets, 2004. 19 p.
14. Samusevich A.G. Grounds for law enforcement // Eurasian legal journal. 2019. No. 7 (134). Pp. 132–134.
15. Pyanov N.A. Actual problems of the theory of state and law: textbook. allowance. Irkutsk: Irkutsk State University, 2007. 253 p.

For citation: Samusevich A.G. The concept and significance of the stages of law enforcement: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 232–237.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.019

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.020

Ю.Г. Серова*

ПОЯВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА «СОЮЗНЫХ» СПРАВОЧНЫХ КОНТОР О КРЕДИТОСПОСОБНОСТИ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию вопроса появления института «союзных» справочных контор о кредитоспособности в России в начале XX века. Данная разновидность справочных контор существовала в дореволюционной России наряду с частными справочными бюро о кредитоспособности. В статье рассматриваются основные задачи, которые выполнялись «союзными» справочными бюро о кредитоспособности.*

***Ключевые слова:** кредитоспособность, частные справочные бюро о кредитоспособности, союзные справочное бюро, кредиты, союз купцов и промышленников, справки о кредитоспособности.*

Расширение торговли, развитие промышленности в дореволюционной России было напрямую связано с возможностью использования кредита, применением кредитных операций (займ, купля-продажи с отсрочкой платежа и др.). Явным сдерживающим барьером такого развития и на общегосударственном, и на региональном уровнях являлось отсутствие возможности получения точных и объективных сведений о кредитоспособности контрагента.

Так, об этом упоминали представители крупной промышленности и торговли в отчете Саратовского Биржевого комитета за 1902–1903 гг.: «в настоящее время сделки в кредит при торговых операциях преобладают, а при отсутствии организованной осведомленности о кредитоспособности приходится или раздавать кредит на-авось или сокращать обороты торговых операций; получение сведений о кредитоспособности тем более осложняется, когда торговые сношения представителей известного района связаны с представителями, живущими в других районах» [6, с. 31]. Спрос на организацию осведомленности о кредитоспособности существовал практически во всех регионах Российской империи, но особенно остро стоял вопрос о получении сведений о кредитоспособности в крупных торгово-промышленных районах.

В понимании ученых дореволюционной России «кредитоспособность» – это, прежде всего, «степень доверия, внушаемая данным лицом или фирмой на основании своего материального благосостояния и нравственных качеств, в зависимости от чего и определяется размер возможного кредита» [12, с. 76]. Очевидно, что понятие кредитоспособности находится в тесной связи с реализацией права на кредит, поскольку данное право признается за субъектом со стороны общественного мнения, либо конкретного контрагента-кредитора, в том числе с помощью собранных сведений о благонадежности и получения справок о кредитоспособности данного лица.

---

* Серова Юлия Геннадьевна, заместитель начальника Волго-Вятского главного управления Центрального банка Российской Федерации, кандидат юридических наук. E-mail: Juljug2011@mail.ru

До появления специального правового регулирования деятельности справочных бюро о кредитоспособности в России потребность в получении информации о благонадежности клиентов удовлетворялась торговцами и промышленниками посредством получения сведений от разных субъектов – это могли быть «дружественные-деловые справки» [13, с. 265] от иных торговцев, данные «коммивояжёров», справки полиции, переписка государственных учреждений, данные учетных комитетов [8, с. 24–25]. При экспортно-импортных сделках в виду отсутствия надежных справочных контор в России потребность в надлежащей осведомленности о кредитоспособности торговцев и коммерческой солидности заграничных фирм удовлетворялась торговцами и промышленниками путем обращения в том числе к услугам иностранных информационных бюро.

В России справочные бюро о кредитоспособности, как специализированные организации, стали появляться лишь в 1905 году, когда был принят закон [3, с. 549], которым был определён концессионный порядок их открытия – разрешение на открытие контор давались Министром торговли и промышленности по соглашению с Министром внутренних дел, также соответствующие министерства осуществляли контрольные функции в отношении справочных бюро. После получения разрешения, владельцы справочных контор о кредитоспособности, должны были внести до открытия залог «для обеспечения могущих возникнуть исков» – 25000 рублей.

Первыми справочными конторами о кредитоспособности в рамках появившегося в России правового регулирования стали два справочных бюро: «Товарищество справочных бюро С.Клячкин и К^о» и институт Шиммельпфенга, открывший шесть отделений в следующих городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Варшаве, Одессе и Нижнем Новгороде (действовало во время ярмарки) [2, с. 6]. Данные учреждения были образованы частными предпринимателями.

В законе, регулирующем порядок учреждения справочных контор о кредитоспособности применительно к биржевым комитетам, а также обществам или союзам торговцев, промышленников и торгово-промышленных предприятий содержалась норма о том, что именно эти субъекты были освобождены в силу закона от предоставления залога при учреждении ими справочных контор о кредитоспособности [3, с. 550]. Таким образом, законодатель намеренно установил более упрощённый порядок, освободив от обязанности оплачивать существенный по своему размеру залог для субъектов, открывающих «союзные справочные конторы».

Российский опыт появления и функционирования «союзных» справочных контор о кредитоспособности наравне с частными не является уникальным. Так, например, в Германии существовал «Verband der Kreditreformvereine» («Союз кредитной реформы»), деятельность которого была направлена на сбор и обобщение сведений об имущественных отношениях самими членами, принадлежащими к торгово-промышленному миру и соединившимися на общественных началах. «В основе этого института лежит практическая и здравая мысль, что если представители делового мира, например, известной отрасли соединяются вместе, организуют бюро и работают вместе на товарищеских началах, то такое справочное учреждение уже потому имеет надежду на успех, что получаемая здесь прибыль идет на дальнейшее развитие и усовершенствование дела, и притом, члены заинтересованы в этом институте гораздо более, чем в каком-нибудь бюро, от которого они стоят далеко» [11, с. 295].

Быстрое развитие и востребованность «Verband der Kreditreformvereine» иллюстрируется сведениями годового отчета за 1900–1901 г., согласно которым количе-

ство устных и письменных справок достигло в 1899 г. 3600000. Число членов в 1895 году составляло – 47028, а в 1900 г. – 63879 [11, с. 296].

Именно опыт и организация деятельности таких учреждений за рубежом «вдохновили» на появления союзных справочных контор в России.

В дореволюционной России одна из первых справочных контор о торговой кредитоспособности, основанная на союзных началах, была открыта Обществом Купцов Польских в Варшаве в январе 1911 года. Учредителями данной конторы были четыре торгово-промышленные организации: Управа старшин купечества города Варшавы, Общество Промышленников Царства Польского, Варшавский Биржевой комитет и Центральное Земледельческое общество. Позднее были приняты решения об открытии общественных контор для справок о кредитоспособности при Обществе фабрикантов и заводчиков г. Одессы и Обществе заводчиков и фабрикантов московского промышленного района.

До создания справочных бюро объединения промышленников и предпринимателей направляли свои усилия на сбор и обмен информацией о неплательщиках и нарушителей договорных обязательств. Такие союзы преследовали цель «оберегать кредитодателей от убыточных кредитов – так называемая самопомощь промышленного класса на почве учета и повсеместного бойкота недобросовестных плательщиков» [10, с. 5].

Регистрация неплательщиков стала осуществляться в России в середине 1910 года «Обществом заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района» при участии 17 других промышленных организаций России и Царства Польского. Однако практика показала, что одной регистрации неплательщиков недостаточно, актуальной оставалась потребность в организации сети справочных контор о кредитоспособности.

Что касается деятельности «союзных контор по выдачи справок о кредитоспособности», то, с точки зрения, подходов к организации и делопроизводству процесса данная деятельность во многом была схожа с порядком выдачи справок частными справочными бюро. Однако в качестве особенностей можно выделить – цель и мотивацию субъектов, собирающих сведения о кредитоспособности. Так, в «Основных принципах организации Справочных контор о кредитоспособности, в связи с учреждением таковой на союзных началах при Обществе Заводчиков и Фабрикантов Московского промышленного района» было определено, что «...тут каждый из них делает свое дело, работает для себя, на пользу своего класса. Соображения наживы здесь отступают далеко на задний план, весь доход идет здесь на пользу общего дела, а каждый знает, как много значит в любом, а особенно в таком щепетильном деле, лозунг взаимопомощи» [10, с. 29].

Особое внимание в союзных конторах о кредитоспособности уделялось вопросам включения в состав союза новых членов. Один из основных принципов деятельности таких контор – это принцип доверия, и, прежде всего, доверия к благонадежности членов таких контор. Интересной представляется справка, заполняемая на каждого кандидата в члены Взаимного общества купцов, фабрикантов и заводчиков [9, л. 27]. Так, после поступления заявления от кандидата о желании вступить в члены общества, данное заявление рассматривалось на заседании Правления общества. По итогам рассмотрения заявления составлялась справка, которая включала информацию о заявителе, месте его жительства, категории производимой и (или) торгуемой продукции, также указывалось торговое или промышленное наименование

фирмы, информация об имуществе, имеющемся во владении кандидата на вступление в члены общества. В данной справке также указывался размер кредита, на который заявитель имеет право. Только на основании всех данных выносилось решение Правления, отражаемое в справке о включении заявителя в состав членов общества, там же определялся размер паевого взноса. Таким образом, проходил серьезный отбор в члены Общества купцов, фабрикантов и заводчиков.

Деятельность по выдаче справок о кредитоспособности союзными конторами не редко строилась путем продажи так называемых абонентских книжек, которые позволяли клиенту – владельцу таких книжек получать определенное количество справок, указанных в абонементе. Так, например, Российское взаимное общество купцов, фабрикантов и заводчиков осуществляло продажу абонентских книжек на 10, 30, 50 и 100 запросов.

В образованных в России союзных справочных конторах о кредитоспособности кроме непосредственно выдачи справок получила продолжение деятельность по ведению списков неплательщиков, «недостойных кредита».

По форме это были своего рода реестры недобросовестных контрагентов, которые регулярно обновлялись и рассылались всем участникам объединения.

Показательна деятельность учреждения при Обществе заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района в этом направлении. Так, за период июнь-декабрь 1911 года были подготовлены списки, включающие в себя сведения о 1688 неплатежах, в том числе 1608 – неплатежей по векселям, 43 – по наложенным платежам, 37 – по векселям [10, с. 6]. При этом необходимо отметить, что попадание в данный список контрагентов производилось только после неоднократных напоминаний о необходимости исполнения своих договорных обязательств.

Кроме того, существовала возможность «реабилитации» неплательщиков. Так, на основании данных из предварительных списков были изъяты 10 лиц (около 0,6%). Велась статистика в разрезе территорий расположения неплательщиков, а также в разрезе сфер деятельности. О необходимости и востребованности данной информации предпринимательским сообществом указывает, в том числе тот факт, что количество участников союза предоставляющего и пользующегося данными о неплательщиках значительно увеличилось – количество фабрично-заводских предприятий возросло с 142 (по данным 1910 г.) до 265 (по данным декабря 1911 г.); количество промышленных предприятий с 10 до 18 за этот же период [10, с. 6].

В объявлении от 1913 года об открытии «Одесского общества взаимной охраны торгово-промышленного кредита» одной из главных целью учреждения определялось не только предоставление своим членам различного рода сведений коммерческого характера, но взыскание способов «к устранению всякого рода недоразумений и споров коммерческого характера, путем соглашения или третейского суда» [5, с. 2].

Помимо выдачи непосредственно коммерческих справок и регистрации должников союзные конторы о кредитоспособности часто осуществляли и иную деятельность, направленную на поддержку и помощь своим членам. Так, согласно рекламному буклету от 1913 года Российское взаимное общество купцов, фабрикантов и заводчиков помимо выдачи справок о кредитоспособности, «принимает на инкассо и для выдачи долговых обязательств, учиняет расчеты за проданные товары, исполняет поручения по купле-продаже всяких товаров; определяет и получает претензии по накладным и налоговому обложению; рассылает периодические осведомительные циркуляры; принимает представительство солидных фирм» [7, л. 31].

Реализация такого спектра деятельности невозможно без широкого представительства на территории страны.

По аналогии с частными кредитными бюро «союзные» конторы о кредитоспособности особое внимание уделяли регламентации деятельности персонала. Так, например, в договоре заключаемом Российским взаимным обществом купцов, фабрикантов и заводчиков с заведующим справочным отделом по выдаче справок о кредитоспособности московским купцом Максимом Романовичем Рубенштейном отдельно оговорилось в качестве обязанности привлечение комитентов для общества, а вознаграждение определялось «в размере 25% с суммы вырученной им лично от продажи справочных книжек в г. Москва и экстра 10% с суммы вырученной от продажи справочных книжек ... аквизиторами помощникам, каковые получают свое вознаграждение от Рубенштейна, и получают 5% с вырученной суммы от продажи справочных книжек в остальных городах Российской империи и за границей» [4, л. 30].

Отдельно оговаривалось вознаграждение и по иным направлениям деятельности, помимо предоставления справок о кредитоспособности. Так, например, в договоре было определено, что руководитель справочным отделом по выдаче справок о кредитоспособности «имеет право принимать от разных лиц и учреждений всякого рода долговые обязательства для взыскания по таковым денег, за что имеет право на вознаграждение в размере 20% с взимаемой комиссии по таковым взысканиям» [4, л. 30].

Безусловно, «справочные бюро являются, прежде всего, вспомогательным средством торговли» [1, с. 243], но важность и значимость института «союзных» справочных контор о кредитоспособности состояла не только в предупреждении и минимизации потерь от недобросовестного поведения участников кредитных отношений путем выдачи справок, но и в объединении усилий и оказания помощи «членам единого союза» по взысканию задолженности, предоставлении иных сведений об условиях производства и сбыта товаров.

Кроме того, данный институт имел, вероятно, и важное государственное экономическо-статистическое значение, что подтверждается более мягким правовым регулированием открытия таких справочных контор и освобождение их от уплаты залога, поскольку фиксация недобросовестности поведения, регистрация неплатежей, их увеличение или уменьшение являлось косвенным показателем емкости рынка для соответствующей отрасли промышленности или торговли.

Библиографический список

1. Барац С.М. Коммерческие справочно-осведомительные (информационные бюро)//Счетоводство. Журнал коммерческих и финансовых знаний под ред. А.М. Вольфа. – 1896. – С-П, 15–30 сентября, № 17–18. – С. 243–247.

2. Генкин Д.М. Справки о торговой кредитоспособности (юридическое исследование). – М., 1911. – 115 с.

3. Гессен Я.М. Устав торговый (Т. XI ч.2., изд. 1903 г. по сводному продолжению 1912 года) с разъяснениями по решениям бывшего 4-го, Судебного, Гражданского Кассационного Департаментов и Общих Собраний Правительствующего Сената, с относящимися к Уставу Торговому статьями из прочих томов Свода законов и Проекта Гражданского Уложения и с приложением Гамбургских общих правил морского страхования, Йорк-Антверпенских правил о большой аварии, правил о наследовании после лиц, производивших торговлю, законов о товариществах, акционерных обществах и артелях, уставов бирж и указателей,

сравнительного постатейного и алфавитного предметного. – С.-Петербург: издание Юридического Книжного склада «Право»: типография Д.П. Вейсбрут, 1914. – 860 с.

4. Договор между Российским взаимным обществом купцов, фабрикантов и заводчиков и заведующим справочным отделом по выдаче справок о кредитоспособности московским купцом Максимом Романовичем Рубенштейном // ЦГА г. Москвы. Ф. 639. ОП. 1. Д.1. 30 л.

5. Одесса. Общество взаимной охраны торгово-промышленного кредита //Кредитор. Специализированная коммерческая газета. Издание учред. «Т-ва Справочных контор о кредитоспособности С.Клячкин и К^о, 1911, № 28.

6. Отчет Саратовского Биржевого комитета за 1902–1903 год. – Саратов: Паровая Типо-лит. Т-ва Г.Х. Шельгорн и К^о, 1904. – 209 с.

7. Рекламный буклет от 1913 года Российского взаимного общества купцов, фабрикантов и заводчиков // ЦГА г. Москвы. Ф. 639. ОП. 1. Д. 1. 31 л.

8. Серова Ю.Г. Институт собирания информации о благонадежности контрагентов в России (историко-правовой анализ) // История государства и права. – 2012. – № 7. – С. 23–28.

9. Справка на кандидата в члены Взаимного общества купцов, фабрикантов и заводчиков // ЦГА г. Москвы. Ф. 639. ОП. 1. Д. 1. 27 л.

10. Справочная контора о кредитоспособности Общества заводчиков и фабрикантов Московского промышленного района. – М.: тип. П.П. Рябушкинского, 1912. – 32 с.

11. Справочные бюро о кредитоспособности // Вестник Финансов, промышленности и торговли, указатель правительственных распоряжений по министерству финансов. – С.-Петербург, том II. 1903. – С. 292–297.

12. *Шехмейстер Л.* Коммерческая терминология: Полный словарь специально-коммерческих слов и выражений: пособие для бухгалтеров, корреспондентов и коммерсантов //Л. Шехмейстер /под ред. И.Р. Фридман. – Санкт-Петербург: Ред. «Коммерч.энцикл.», 1915. – 224 с.

13. *Янжул И.И.* Между делом: очерки по вопросам народного образования, экономической политики и общественной жизни. – Санкт-Петербург: тип. М.М. Стасюлевича, 1904. – 476 с.

Для цитирования: Серова Ю.Г. Появление и развитие института «союзных» справочных контор о кредитоспособности в дореволюционной России: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 238–243.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.020

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTION OF "UNION" REFERENCE OFFICES ON CREDITWORTHINESS IN PREREVOLUTIONARY RUSSIA

Yulia G. Serova *

Annotation. *The article is devoted to the study of the issue of the emergence of the institute of "union" reference offices on creditworthiness in Russia at the beginning of the twentieth century. This type of reference offices existed in pre-revolutionary Russia along with private reference offices on creditworthiness. The article discusses the main functions that were performed by the "union" reference offices on creditworthiness.*

Keywords: *creditworthiness, bureau of creditworthiness, union reference bureau, certificates of creditworthiness, union of merchants and industrialists.*

---

* Serova Yulia Gennadievna, Deputy Head of the Volga-Vyatka Main Department of the Central Bank of the Russian Federation, Candidate of Law. E-mail: julsug2011@mail.ru

The expansion of trade, the development of industry in pre-revolutionary Russia was directly related to the possibility of using credit, the use of credit operations (loans, purchase and sale with deferred payment, etc.). A clear limiting barrier to such development both at the national and regional levels was the inability to obtain accurate and objective information about the creditworthiness of the counterparty.

Thus, this was mentioned by representatives of large industry and trade in the report of the Saratov Exchange Committee for 1902–1903: “at present, transactions on credit in trading operations prevail, and in the absence of organized awareness of creditworthiness, one has to either distribute credit at random or reduce turnover of trading operations; obtaining information about creditworthiness is all the more complicated when trade relations between representatives of a certain area are connected with representatives living in other areas” [6, p. 31]. Demand for the organization of awareness of creditworthiness existed in almost all regions of the Russian Empire, but the issue of obtaining information on creditworthiness was especially acute in large commercial and industrial areas.

In the understanding of the scientists of pre-revolutionary Russia, “creditworthiness” is, first of all, “the degree of confidence inspired by a given person or company on the basis of their material well-being and moral qualities, depending on which the amount of a possible loan is determined” [12, p. 76]. Obviously, the concept of creditworthiness is closely related to the realization of the right to a loan, since this right is recognized by the subject from the side of public opinion, or a specific creditor counterparty, including with the help of collected information about the reliability and obtaining certificates of creditworthiness of this person.

Before the advent of special legal regulation of the activities of information bureaus on creditworthiness in Russia, the need to obtain information about the reliability of customers was satisfied by merchants and industrialists by obtaining information from different entities – these could be “friendly-business inquiries” [13, p. 265] from other merchants, data from “traveling salesmen”, police certificates, correspondence from government agencies, data from accounting committees [8, p. 24–25]. In export-import transactions, in view of the lack of reliable information offices in Russia, the need for proper awareness of the creditworthiness of merchants and the commercial solidity of foreign firms was satisfied by merchants and industrialists by contacting, among other things, the services of foreign information bureaus.

In Russia, reference bureaus on creditworthiness, as specialized organizations, began to appear only in 1905, when a law was passed [3, p. 549], which determined the concession procedure for their opening – permission to open offices was given by the Minister of Trade and Industry in agreement with the Minister of the Interior, and the relevant ministries also carried out control functions in relation to information bureaus. After obtaining permission, the owners of reference offices on creditworthiness had to make a deposit before opening “to secure claims that may arise” – 25,000 rubles.

The first information offices on creditworthiness within the framework of the legal regulation that appeared in Russia were two information bureaus: the Association of Information Bureaus S. Klyachkin and Co. and the Schimmelpfeng Institute, which opened six branches in the following cities: St. Petersburg, Moscow, Riga, Warsaw, Odessa and Nizhny Novgorod (operated during the fair) [2, p. 6]. These institutions were formed by private entrepreneurs.

The law regulating the establishment of reference offices on creditworthiness in relation to stock exchange committees, as well as societies or unions of merchants, industrial-

ists and commercial and industrial enterprises, contained a rule that these entities were exempted by law from providing collateral when they established information offices on creditworthiness [3, p. 550]. Thus, the legislator deliberately established a more simplified procedure, releasing from the obligation to pay a significant deposit for entities opening "union information offices".

The Russian experience of the emergence and operation of "union" reference offices on creditworthiness on a par with private ones is not unique. So, for example, in Germany there was a "Verband der Kreditreformverein" ("Credit Reform Union"), whose activities were aimed at collecting and summarizing information about property relations by the members themselves, belonging to the commercial and industrial world and united on a voluntary basis. "This institution is based on the practical and sound idea that if representatives of the business world, for example, of a well-known industry, unite together, organize an office and work together on a comradely basis, then such an information institution has the hope of success because the profit received here goes to further development and improvement of the matter, and, moreover, the members are much more interested in this institution than in any bureau from which they stand far away" [11, p. 295].

The rapid development and demand for the "Verband der Kreditreformverein" is illustrated by the annual report for 1900–1901, according to which the number of oral and written references reached 3,600,000 in 1899. The number of members in 1895 was 47,028, and in 1900 – 63,879 [11, p. 296].

It was the experience and organization of the activities of such institutions abroad that "inspired" the emergence of allied information offices in Russia.

In pre-revolutionary Russia, one of the first information offices on trade creditworthiness, based on allied principles, was opened by the Society of Polish Merchants in Warsaw in January 1911. The founders of this office were four commercial and industrial organizations: the Council of the foremen of the merchants of the city of Warsaw, the Society of Industrialists of the Kingdom of Poland, the Warsaw Stock Exchange Committee and the Central Agricultural Society. Later, decisions were made to open public offices for inquiries about creditworthiness at the Society of Manufacturers and Factory Owners of Odessa and the Society of Factory Owners and Manufacturers of the Moscow Industrial Region.

Before the creation of information bureaus, associations of industrialists and entrepreneurs focused their efforts on collecting and exchanging information about non-payers and violators of contractual obligations. Such unions pursued the goal of "protecting lenders from unprofitable loans – the so-called self-help of the industrial class on the basis of accounting and widespread boycott of unscrupulous payers" [10, p. 5].

Registration of defaulters began to be carried out in Russia in the middle of 1910 by the "Society of Breeders and Manufacturers of the Moscow Industrial Region" with the participation of 17 other industrial organizations of Russia and the Kingdom of Poland. However, practice has shown that one registration of non-payers is not enough; the need to organize a network of reference offices on creditworthiness remained relevant.

As for the activities of the "union offices for issuing creditworthiness certificates", from the point of view of approaches to the organization and paperwork of the process, this activity was in many respects similar to the procedure for issuing certificates by private information bureaus. However, as features, one can single out the purpose and motivation of subjects collecting information on creditworthiness. So, in the "Basic principles for organizing reference offices on creditworthiness, in connection with the establishment of such on an allied basis under the Society of Breeders and Manufacturers of the Moscow

Industrial Region”, it was determined that “... here each of them does his own thing, works for himself, for the benefit of his class. Considerations of profit here recede far into the background, all income here goes to the benefit of the common cause, and everyone knows how much the slogan of mutual assistance means in any, and especially in such a sensitive matter” [10, p. 29].

Particular attention in the allied offices on creditworthiness was paid to the inclusion of new members in the union. One of the basic principles of the activities of such offices is the principle of trust, and above all trust in the reliability of the members of such offices. Interesting is the certificate filled in for each candidate member of the Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Breeders [9, l. 27]. So, after receiving an application from a candidate about the desire to join the society, this application was considered at a meeting of the Board of the society. Based on the results of consideration of the application, a certificate was drawn up, which included information about the applicant, his place of residence, the category of manufactured and (or) traded products, also indicated the trade or industrial name of the company, information about the property owned by the candidate for membership in the society. This certificate also indicated the amount of credit to which the applicant was entitled. It was only on the basis of all the data that the decision of the Board was made, reflected in the certificate on the inclusion of the applicant in the membership of the company, and the size of the share contribution was also determined there. Thus, there was a serious selection for members of the Society of Merchants, Manufacturers and Breeders.

The activity of issuing certificates of creditworthiness by the allied offices was often built by selling the so-called subscriber books, which allowed the client – the owner of such books to receive a certain number of certificates indicated in the subscription. For example, the Russian Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Breeders sold subscriber books for 10, 30, 50 and 100 requests.

In the allied information offices on creditworthiness formed in Russia, in addition to directly issuing certificates, activities were continued to maintain lists of non-payers, "unworthy of a loan."

In form, these were a kind of registers of unscrupulous counterparties, which were regularly updated and sent to all participants in the association.

The activities of the institution under the Society of Breeders and Manufacturers of the Moscow Industrial Region in this direction are indicative. Thus, for the period June-December 1911, lists were prepared that included information about 1688 non-payments, including 1608 non-payments on bills, 43 on cash on delivery, 37 on bills [10, p. 6]. At the same time, it should be noted that getting into this list of counterparties was made only after repeated reminders of the need to fulfill their contractual obligations. In addition, there was the possibility of "rehabilitation" of non-payers. Thus, on the basis of data, 10 persons (about 0.6%) were withdrawn from the preliminary lists. Statistics were kept in the context of the territories where non-payers are located, as well as in the context of areas of activity. The need and demand for this information by the business community is indicated, among other things, by the fact that the number of members of the union providing and using data on non-payers has increased significantly – the number of factory enterprises has increased from 142 (according to 1910) to 265 (according to December 1911); the number of industrial enterprises from 10 to 18 over the same period [10, p. 6].

In the announcement of 1913 on the opening of the “Odessa Society for the Mutual Protection of Commercial and Industrial Credit”, one of the main goals of the institution

was determined not only to provide its members with various kinds of information of a commercial nature, but to seek ways “to eliminate all kinds of misunderstandings and disputes of a commercial nature, by means of an agreement or arbitration tribunal” [5, p. 2].

In addition to issuing directly commercial certificates and registering debtors, union credit bureaus often carried out other activities aimed at supporting and helping their members. So, according to an advertising booklet dated 1913, the Russian Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Breeders, in addition to issuing certificates of creditworthiness, “accepts for collection and for the issuance of debt obligations, makes payments for goods sold, executes orders for the purchase and sale of any goods; determines and receives claims for invoices and taxation; circulates periodic awareness circulars; accepts representative offices of reputable firms” [7, l. 31]. The implementation of such a range of activities is impossible without a broad representation in the country.

By analogy with private credit bureaus, the “union” credit bureaus paid special attention to the regulation of the activities of personnel. So, for example, in an agreement concluded by the Russian Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Factory Owners with the head of the reference department for issuing certificates of creditworthiness, the Moscow merchant Maxim Romanovich Rubenstein, it was separately stipulated as an obligation to attract consignors for the company, and the remuneration was determined “in the amount of 25% of the amount of proceeds to them personally from the sale of reference books in Moscow and an extra 10% of the amount proceeds from the sale of reference books ... by acquirors to assistants who receive their remuneration from Rubenstein, and will receive 5% of the proceeds from the sale of reference books in other cities of the Russian Empire and for border” [4, l. 30]. Separately, remuneration was also stipulated for other areas of activity, in addition to providing certificates of creditworthiness. So, for example, in the agreement it was determined that the head of the reference department for issuing credit certificates “has the right to accept from various persons and institutions all kinds of debt obligations for collection of such money, for which he is entitled to a remuneration of 20% of the commission charged for such penalties” [4, l. 30].

Of course, “information bureaus are, first of all, an auxiliary means of trade” [1, p. 243], but the importance and significance of the institution of “union” reference offices on creditworthiness consisted not only in preventing and minimizing losses from unscrupulous behavior of participants in credit relations by issuing certificates, but also in joining efforts and providing assistance to “members of a single union” in collecting debts, providing other information about the conditions of production and sale of goods. In addition, this institution was probably of great state economic and statistical significance, as evidenced by the more lenient legal regulation of the opening of such information offices and their release from the payment of collateral, since the fixation of dishonest behavior, registration of non-payments, their increase or decrease was an indirect indicator of the capacity market for the relevant industry or trade.

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Barats S.M. Commercial reference and information (information bureaus)//Accounting. Journal of Commercial and Financial Knowledge ed. A.M. Wolf. 1896 . St. Petersburg, September 15–30, No. 17–18. Pp. 243–247.

2. Genkin D.M. References on trade creditworthiness (legal research). Moscow, 1911. 115 p.
3. Gessen Ya.M. The Trade Charter (Vol. XI, Part 2, ed. 1903 based on the consolidated continuation of 1912) with clarifications on the decisions of the former 4th, Judicial, Civil Cassation Departments and General Assemblies of the Governing Senate, with articles related to the Trade Charter from other volumes of the Code of Laws and the Draft Civil Code and with the application of the Hamburg General Rules for Marine Insurance, the York-Antwerp Rules for a Major Accident, the Rules for Inheritance after Traders, the Laws on Partnerships, Joint Stock Companies and Artels, the Charters of Exchanges and Indexes, a Comparative Article by Article and alphabetical subject. – St. Petersburg: edition of the Legal Bookstore "Pravo": printing house D.P. Weisbrut, 1914. 860 p.
4. Agreement between the Russian Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Factory Owners and the head of the reference department for issuing certificates of creditworthiness, the Moscow merchant Maxim Romanovich Rubenstein // TsGA of Moscow. F. 639. OP. 1. D.1. 30 l.
5. Odessa. Society for Mutual Protection of Commercial and Industrial Credit //Creditor. Specialized commercial newspaper. Establishment edition. "T-va Reference offices on creditworthiness S. Klyachkin and Co., 1911, No. 28.
6. Report of the Saratov Exchange Committee for 1902–1903. Saratov: Steam Tipo-lit. T-va G.Kh. Shelgorn i K^o, 1904. 209 p.
7. Advertising booklet from 1913 of the Russian Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Breeders // TsGA of Moscow. F. 639. OP. 1. D. 1. 31 sheets.
8. Serova Yu.G. Institute for collecting information on the reliability of contractors in Russia (historical and legal analysis) // History of State and Law. 2012. No. 7. P. 23–28.
9. Certificate for a candidate member of the Mutual Society of Merchants, Manufacturers and Breeders // TsGA of Moscow. F. 639. OP. 1. D. 1. 27 l.
10. Information office on the creditworthiness of the Society of Breeders and Manufacturers of the Moscow Industrial Region. Moscow: type. P.P. Ryabushkinsky, 1912. 32 p.
11. Information bureaus on creditworthiness // Bulletin of Finance, Industry and Trade, index of government orders for the Ministry of Finance. St. Petersburg, Volume II. 1903. P. 292–297.
12. Shekhmeister L. Commercial terminology: A complete dictionary of special commercial words and expressions: a guide for accountants, correspondents and merchants //L. Shekhmeister / ed. I.R. Friedman. – St. Petersburg: Ed. "Kommerch.entsikl.", 1915. 224 p.
13. Yanzhul I.I. Between times: essays on public education, economic policy and public life. St. Petersburg: type. MM. Stasyulevich, 1904. 476 p.

For citation: Serova Yu.G. The emergence and development of the institution of "union" reference offices on creditworthiness in pre-revolutionary Russia: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 243–248.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.020

Научная статья

УДК 34.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.021

Р.Л. Хачатуров *

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИХ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК**

Аннотация. В статье рассматриваются истоки формирования и последующего развития теории и истории государства и права. Выделяются два этапа становления древнерусской государственности, объясняются пути и причины возникновения государства и права. Специальное внимание уделяется русской политико-правовой мысли, исследуются содержание источников древнерусского права и прежде всего – «Русской Правды» – как древнейшего свода законов древнерусского государства.

Ключевые слова: наука теории государства и права, история государства и права, «Русская Правда», обычное право, писаное право, летописи, власть, государство, право, церковь.

Доктрина о государстве и праве возникла давно. Считается, что одним из основателей теории государства и права являлся древнегреческий мыслитель Платон. Мыслители по-разному объясняли, когда и по каким причинам возникали государство и право. Множественность теорий по данным вопросам объясняется различными историческими и социальными условиями, в которых жили их авторы.

Известно, что государственность на Руси возникла на несколько тысячелетий позже, чем в странах Древнего Востока. Полагаю, что становление древнерусской государственности – длительный исторический процесс, который прошел два этапа.

Первый этап можно условно назвать предысторией государственности. У истоков древнерусской государственности стоит мощный союз восточнославянских племен. Главную роль в этом союзе играли поляне, слившиеся с Русью с VI в. нашей эры. Формирование древнерусского права в VI-IX вв. завершилось переходом от казуального к обычному праву, нормы которого со ссылками на казуальное право и прецеденты передавались, по памяти из поколения в поколение.

Правовое развитие на *втором этапе* выступает в виде писаного права. В X в. завершается переход от устного обычного права к писаному праву, создаваемому правотворчеством государства. Уже в период существования Древнерусского госу-

---

* Хачатуров Рудольф Леонович – советник при ректорате Тольяттинского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации. E-mail: jus@tltsu.ru

** В данной статье излагаются вопросы, ранее обсуждаемые автором в публикациях: Хачатуров Р.Л. Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1974. – С. 42–135; Хачатуров Р.Л. Становление права (на материале Киевской Руси). – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1988; Памятники Российского права в 35 Т. под общ. ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2013–2017; Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности в 12 т. / под ред. Р.Л. Хачатурова. – М.: Юрлитинформ, 2020–2022 и др.

дарства и права мыслители на Руси стали задумываться над причинами и путями возникновения государства и права [46, с. 42–135]. Тогда начали формироваться следующие концепции: Норманская теория происхождения Древнерусского государства и права; концепция о греческом и еврейском законодательстве как источниках древнерусского права. В.М. Сырых верно отметил, что попытка некоторых российских правоведов соотнести становление российской юридической науки с XVIII в. несостоятельна, так как не учитывает многовековой путь становления российской науки в отрыве и независимости от достижений западно-европейских правоведов [41, с. 8]. Что касается общей теории права как науки, то процесс ее формирования завершился в XIX в. Русские авторы в своих исследованиях опирались на произведения немецких юристов, философов, социологов и политологов [42, с. 24].

Досюветский период (X в. – начало XX в.) бытия науки В.М. Сырых разделил на 4 этапа:

допетровский, когда обучение научным знаниям о государстве и праве признавалось сугубо частным делом;

академический, когда правовая наука и образование развивались в основном усилиями приглашенных из-за рубежа специалистов в качестве членов Российской академии наук и преподавателей российских университетов;

западноевропейский, когда послевузовское обучение научно-педагогических кадров осуществлялось западно-европейскими юридическими учебными учреждениями;

«Золотой век» *российского правоведения*, в котором подготовка научно-педагогических кадров осуществлялась российскими университетами [41, с. 9].

Рассмотрим первый этап – **допетровский**.

С принятием христианства русская правовая культура признала основные источники греко-римского права. Ученые отмечают, что древнерусская культура пережила своеобразный синтез: она соединила в себе культурные традиции восточных славян с наследием цивилизации Византии. Сложный синтез происходил и в сфере права. Самостоятельное развитие преобладало в светском праве, что нашло свое отражение в Русской Правде. Церковное право Руси, испытавшее воздействие канонического права России тоже «впитало» местные правовые традиции [45, с. 45].

Первым русским юридическим идеологом был Иларион, автор «Слово о Законе и Благодати», опубликованное в середине XI в. Киевский митрополит Иларион был лицом, близким к великому князю Ярославу Мудрому. Летопись характеризует Илариона как человека образованного. Вполне возможно, что он принимал участие в составлении Русской Правды [12, с. 209]. Иларион рассматривал вопросы, связанные с происхождением, сущностью, целями и задачами верховной власти. Источниками верховной власти он считал Божественную волю. Власть и государство «как Троица едина в трех лицах». Троица образуют власть, государство и церковь. Князь ответственен за управление людьми и страной, он «единодержец земли своей». Особо подчеркнута законодательная деятельность Владимира и Ярослава мудрого. Часть трактата посвящена проблемам соотношения права и нравственности.

Иларион сформулировал большой комплекс политико-правовых тем, которые в дальнейшем до XVIII в. оказались в центре внимания русской политико-правовой мысли [12, с. 213]. Русская летопись является важным памятником зарождения древнерусской исторической, политической и правовой мысли. Летописцы, опираясь на устные сказания, попытались восстановить историческое прошлое и настоя-

щее государственно-правовое положение Руси. Летописный свод «Повесть временных лет» датируется началом XII в. Ее авторами являются предположительно Нестор и Сильвестр – монахи Киево-Печерского монастыря. В Повести временных лет рассматривались следующие задачи: историко-правовая – происхождение Древнерусского государства и права («Откуда есть, пошла Русская земля»).

С того времени почти девять веков продолжается спор об установлении великокняжеского династического начала Рюриковичей на Руси. Именно рассказ летописцев «О призвании варягов» трех братьев норманнов – Рюрика, Синеуса и Трувора лег в основу первых норманистских исследований. В летописи отмечается, что новгородцы, приглашая князей, говорили им: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. – Да пойдите княжить и володети нами». А перед этим они решают: «Поищем себе князя, иже бы володел нами и судил по праву» [32, с. 18]. Представляется, что сам по себе факт призвания князя – есть результат внутреннего общественного развития восточного славянства, на службу знати которого он и приглашается. Проблемы истории происхождения государственности на Руси до настоящего времени находятся в сфере идеологической борьбы. Так, западно-германский историк Хартмут Рюс признает, что спорность точек зрения, касающихся истории Руси объясняется несколькими причинами, включая различные мировоззренческие и политические позиции ученых. Американский профессор Т. Андерсон «прослеживает» эволюцию русской политической мысли от киевского князя Рюрика до современности [47, с. 4–5].

После распада СССР в Киеве появились публикации, в которых утверждается, что образование Древнерусского государства не относится к истории государства России. Так, П.П. Кононенко утверждал, что Киевская Русь древнее России, поскольку государственность Украины возникла раньше, чем в России [25], но известно, что термин «Киевская Русь» книжный. Тогда не существовало Украины и Киевской Руси как государства. Термин Украина и ее государственность определились в XX в. Для генезиса русской правовой мысли является призыв к объединению и сохранению целостности русской земли. «Повесть временных лет» отличается политическим кругозором ее авторов, пониманием интересов страны и стремлением к утверждению законных форм установления и осуществления государственной власти [12, с. 216].

В начале XII в. в стране с дальнейшим расширением феодализации резко обострились классовые отношения. В 1113 г. после смерти Великого Киевского князя Святослава в столице Древнерусского государства – Киеве – вспыхнуло мощное народное восстание. В этих условиях правящая феодальная знать призвала на Киевский великокняжеский престол влиятельного князя Владимира Мономаха. В этом же году в селе Берестове он созвал совещание знати, на котором был принят новый юридический сборник, известный под названием «Устав Владимира Мономаха», имевший целью ликвидировать народное движение, укрепить позиции правящего класса ценой некоторых уступок горожанам и крестьянам.

С одной стороны, он стремился укрепить основы феодального правопорядка, с другой, чтобы добиться «умиротворения» страны, он пошел на некоторые уступки закупам и смердам. К этим постановлениям относятся статьи о «резах», посвященные долговым обязательствам, в которых несколько ограничивались проценты. Согласно ст. 53 Пространной Правды, займодавцу, давшему в рост деньги из 50%, допускалось взыскивать с должника указанный «рез» два раза. Если же он получал трижды по 50%, то терял право на взыскание долга. К «умиротворяющим» относят-

ся также статьи, регламентировавшие правовое положение закупа, в которых смягчалось положение закупа и ограничивался произвол их господ.

Закупам по ст. 56 разрешалось идти на поиски денег для уплаты долга, обращаться с жалобой на господина. В ст. 61 законодатель запретил продавать закупа в обельные холопы. В Уставе Владимира Мономаха закуп не раб, а феодально-зависимый крестьянин. Правовое положение закупа было ограничено, прежде всего, тем, что он не имел права уйти, кроме отмеченных выше случаев, от своего господина. За совершение кражи или за побег от господина он превращался в холопа.

Устав Владимира Мономаха отличался от других памятников права Древней Руси несравненно большей полнотой правового регулирования общественных отношений. Основные правовые нормы, включенные Мономахом в Русскую Правду, сводились к защите феодального правопорядка и охране личности и собственности, прежде всего представителей господствующего класса феодалов. Наряду с подробной регламентацией обязательственных отношений, Устав Владимира Мономаха устанавливает принципы феодального семейного, наследственного и опекунского права. В Уставе содержится также большой раздел, посвященный уголовному и процессуальному праву.

В своих произведениях Владимир Мономах продолжил разработку проблем, поставленных Иларионом: форма правления, объем власти великого князя, его нравственные черты, отношения с князьями, вассалами и подвластным населением. Образ правителя он описал поэтично. Великий князь сохраняет верность в словах и делах, имеет добрые помыслы и творит добрые дела, никогда никому не мстит.

Владимир Мономах советует судить праведно и не допускать беззаконие. «Избавьте обиженного от руки обижающего, праведно судите сироту..., не давайте сильным погубить человека». Смертную казнь Мономах не приемлет, исходя из нравственных постулатов христианства. Владимир Мономах первый в русской истории высказал мысль об ответственности воинов перед мирным населением [12, с. 216–219].

Восточные славяне не случайно назвали древнейший свод источников древнерусского права «Русской Правдой». Слово «право» проистекало от правды, справедливости. Правда – это истина, то, что соответствует действительности; порядок, основанный на справедливости. Еще во времена Русской Правды родилось понятие «суд правый». К сожалению, впоследствии жестокость и несправедливость стали основной законодательной и правоприменительной деятельностью государства.

Русская Правда дает возможность изучить социальную жизнь восточных славян в течение нескольких столетий. До середины XII в. текст Русской Правды дополнялся и изменялся. Наиболее архаические по содержанию статьи Русской Правды изображают явления, характерные для времен доклассового строя. Многие статьи дают представление о возникновении и развитии государственной власти, феодальной собственности, правовом положении социальных групп древнерусского общества. Поэтому содержание Русской Правды отражает переходный период от первобытнообщинного строя к классовому обществу и эпоху раннего феодализма.

Говоря о пределах действия Русской Правды, необходимо отметить, что она являлась действующим нормативным актом не только в период существования Древнерусского государства. На протяжении нескольких веков она служила руководством при судебных разбирательствах. Отдельные нормы Русской Правды стали источниками юридических памятников периода феодальной раздробленности на Руси, а затем кодификации права в едином Русском государстве.

Русская Правда оставила будущим поколениям богатое правовое наследие и имела большое значение для развития русского, украинского и белорусского права.

В последующие годы Даниил Заточник, Нил Сорский, Максим Грек, Зиновий Отенский, Иосиф Володский, Филофей, Федор Карпов, Иван Пересветов, Андрей Курбский, Иван Грозный, Иван Тимофеев, Симеон Полоцкий, А. Л. Ордин-Насчекин и другие мыслители и просветители оказывали заметное влияние на решение важных государственно-правовых проблем соответственно тех лет. Наиболее ярко это проявилось в подготовке и принятии Судебника 1497 г., Судебника 1550 г., Соборного Уложения 1649 г., «концептуальные основы которых и закрепленные ими нормы права не уступали аналогичным правовым источникам западных государств, а в чем то и превосходили их» [41, с. 9].

Вслед за Древней Русью удельная Русь явилась новым этапом в истории русского права и государства, который происходил в условиях политической раздробленности, когда на территории некогда единого Древнерусского государства обособились и стали самостоятельными отдельные русские княжества и земли. Переломный этап в развитии права связан с появлением Псковской и Новгородской Судных грамот, а также княжеских уставов.

Создание Псковской Судной грамоты, так же, как и Русской Правды, носило длительный, растянутый во времени характер. Текст Грамоты дополнялся и редактировался на вечевых собраниях XIV-XV вв.

Схожим образом характеризуется место Новгородской Судной грамоты в системе источников русского права. Сохранившаяся до наших дней часть Новгородской Судной грамоты содержит преимущественно нормы процессуального права, в отличие от Псковской Судной грамоты, в которой представлены также нормы уголовного, обязательственного, брачно-семейного права. Псковская и Новгородская Судные грамоты оказали значительное влияние на формирование правовой традиции Московского государства XVI в.

В процессе феодализации Древнерусское государство раздробилось на отдельные княжества и земли. Политическая раздробленность, являвшаяся историческим этапом развития Руси, была следствием экономического и социального обособления княжеств и земель. Политическая раздробленность усилила княжеские усобицы, что привело к ухудшению международного положения Руси. В XII-XIV вв. на Руси изменился характер княжеской власти. Постепенно прекращались перемещения князей из одного княжества в другое. По мнению некоторых историков, причиной ослабления политического и социального единства Руси в XII в. стала разрушительная в отношении государства деятельность князей-изгоев.

Результаты систематизации права, проводившейся в конце XV в. и в середине XVI в., нашли выражение в великокняжеском Судебнике 1497 г. и в Судебнике 1550 г.

Судебник 1497 г. основывался на предшествующем законодательстве – как общерусском, так и московском. В содержании этого Судебника преобладают нормы процессуального права, значительно меньше гражданско-правовых норм. Преимущественное внимание Судебник уделял организации и деятельности судебных органов.

Судебник 1550 г., в отличие от великокняжеского Судебника 1497 г., отражавшего ранний этап становления централизованного государства, является систематизацией права, сформировавшегося централизованного Московского государства. Этим Судебником были ограничены полномочия наместников и волостелей

в пользу органов местного самоуправления, значительно более подробно регулировались уголовно-правовые и процессуальные отношения.

В XV веке Русское государство вступило в период своей государственно-правовой централизации. Важнейшей задачей, стоящей перед московской властью, становится распространение юрисдикции Великого Московского князя на территории русских княжеств и земель, присоединенных к Московскому княжеству. В этой связи законодательством особое внимание уделяется преступлениям, которые подрывали единство государственной власти. Уголовная политика великокняжеской власти учитывала последствия репрессий и заботилась о сохранении русских княжеств и земель в составе Московского единого государства.

В начале XVI века государственная власть особенно нуждалась в церковном обосновании единства общественного и государственного строя, что привело к усилению роли русской церкви в стране. В этот период начинается гонения против ересей. Думается, что в литературе было несколько преувеличено значение ересей как формы классовой борьбы, характерной для средних веков. Период централизации государственности на Руси власть особенно нуждалась в идеологии единства. Поэтому интересы церкви и государства совпадали.

Становление и развитие единого централизованного государства включало в себя формирование единой территории государства за счет объединения русских земель и установление власти единого Московского князя над всей территорией.

Образованию русского централизованного государства способствовали развитие всех отраслей законодательства. В области гражданско-правовых отношений некоторые новеллы можно отметить в обязательственном и наследственном праве. В отличие от гражданского права уголовное право претерпело более существенные изменения. Изменилось само понятие преступления. По Русской Правде преступлением считалось причинение кому-либо материального, физического или морального вреда. По Судебникам XV-XVI вв. под преступлением стали понимать действия опасные для общества и государства и поэтому запрещенные уголовным законом. Изменился и термин для обозначения преступления. Вместо обиды Русской Правды оно стало именоваться «лихое дело». В соответствии с изменением понятия преступления изменяются система преступления, виды и цели наказаний. В это время развивается гражданский и уголовный процесс.

В целях централизации государства и подчинения присоединенных территорий власти Московского князя издавались грамоты наместничего управления. Грамоты наместничего управления являются систематизациями накопленного законодательного материала. Среди них особое место занимают три группы актов: таможенные, земские и губные грамоты. Все они издавались для определенной территории, при этом каждая разновидность была призвана регулировать свою сферу общественных отношений.

Разработка, обсуждение, введение в действие и публикации Соборного уложения 1649 г. явились важной ступенью в истории систематизации российского права и юридической техники.

Соборное Уложение определило развитие отраслей права и законодательства XVII в. Так, гражданскому праву посвящены главы X, XVI-XVII, уголовному праву – I-V, XXI, XXII и др. Главы посвящены административному, финансовому праву, уголовному и гражданскому процессу. Таким образом, Соборное Уложение внесло существенные изменения и дополнения в правовое регулирование. Однако главным принци-

пом права остается право-привилегии для феодального класса, как и прежде, право силы преобладало над силой права.

Составители Соборного Уложения закрепили принцип неравенства перед законом, основанием которого являлась разная степень тяжести государственного тягла для всех сословий российского общества.

Законоположения Соборного Уложения нередко взаимно противоречат и отрицают себя, что можно объяснить возникшим в XVII в. соотношением положений древних начал обычного права с новыми требованиями законоведения.

До сегодняшнего дня дискуссионными остаются проблемы о нормативном составе и источниках права Соборного Уложения. В историографии некоторые ученые XVIII-XIX вв. допустили явное преувеличение роли иностранного законодательства как источника Уложения. К другим наиболее спорным проблемам относится вопрос о юридической сущности процесса закрепощения крестьян.

Соборное Уложение 1649 г. отразило состояние российского общества и актуальные проблемы правового регулирования XVII в. и оказало большое влияние на развитие российской правовой системы, оставаясь действующим источником права Российского государства в течение почти двух столетий.

Второй этап – академический.

Недостаточный уровень развития российской науки и юридического образования по мнению В.М. Сырых наглядно проявился при проведении Петром I государственно-правовых реформ, потребовавших квалифицированных юридических кадров для создаваемых государственных учреждений и университетов [41, с. 9].

Продлившийся 29 лет период единодержавия Петра I (январь 1696 г.-январь 1725 г.) вместил множество событий, значимых для политической, военной, дипломатической, социально-экономической истории России. Немало из этих событий оставили заметный след и в истории отечественного государства и права. Отдельные тогдашние нововведения сохранились до настоящего времени. Достаточно вспомнить, что мы сейчас живем по летоисчислению, установленному в нашей стране Петром I. Проведенные им масштабные преобразования отразились на системе законодательства. Появление многих новых объектов правового регулирования потребовало издания значительного массива нормативно-правовых актов. Но дело было не только в интенсификации законотворческого процесса.

Для законодательства Петровского времени были характерны, с одной стороны, невиданная для XV–XVII вв. широкая рецепция иностранных правовых актов, а с другой – стремление законодателя детально регламентировать самые разные стороны жизни общества и деятельности государственного аппарата. Наряду с этим первый российский император принимал самое широкое личное участие в законотворческом процессе. К примеру, «Должность Сената» имела шесть подготовленных с участием царя редакций.

Петру I принадлежали инициатива и руководство всей законодательной работой, а также разработка и редактирование отдельных законодательных актов. В процессе этой работы вырабатывалась новая юридическая терминология.

Реформаторские нововведения Петра I ожидала разная судьба. Большая часть Петровских коллегий оказалась ликвидирована в конце 1770-х–1780-х гг. в ходе проведения судебно-административной реформы Екатерины II. Измененный первым российским императором в 1722 г. порядок престолонаследия просуществовал до 1797 г.

В 1725 г. была создана Академия наук, а в 1755 г. Московский университет, в составе которого имелся и первый в России юридический факультет. Из-за отсутствия соответственной профессуры в Академию наук и на юридический факультет приглашались ученые из других стран. Приглашенные академики и профессора не знали ни русского языка, ни законодательства Российского, поэтому изучение юриспруденции началось с иностранного права. В дальнейшем изучение и сравнительный анализ иностранного права составляли характерную черту русской юридической высшей школы.

Иностранцы ученые, приглашенные в первой половине XVIII века в Российскую Академию наук Г.З. Байер, Г. Ф. Миллер, А. Л. Шлецер, Штрубе де Пирмонт и др., утверждали, что государственность у восточных славян была создана пришельцами – варягами (норманнами). Признавая восточнославянские племена, населявшие западноевропейскую часть нашего отечества в начале IX в. отсталыми с весьма низкой культурой, немецкие академики приписывали громадное значение иноземному элементу, проникшему в среду этих племен в лице первых варяжских князей и пришедших с ними норманнов. Варяги, отмечали они, явились носителями культуры и дали им государственные учреждения и законы. Например, А. Л. Шлецер отмечал, что до первой половины IX в, то есть до призвания варягов, на территории, заселенной восточными, люди были, но люди без правления, жившие подобно зверям и птицам, которые наполняли их леса [31, с. 419].

Авторитет немецких ученых-норманистов, работавших в Российской Академии наук получил такое признание, что большинство русских историков поддержали норманскую теорию. Но на норманской теории дело не остановилось. Историки стали сравнивать памятники русского права с правом других народов, отыскивая источники русского права. Так, Ф. Морошкин в примечаниях книги А. Рейца отмечал: «Думаю, что русская правда есть чадо одной семьи с варварскими кодексами, особенно близкая к скандинавскому... и салическому. Может быть, и она прибыла к нам вместе с руссами в каком-либо письменном виде [35, с. 392].

Позднее К. Д. Кавелин правильно и образно охарактеризовал это стремление найти корни русского права в иноземном праве. «Заметит ли исследователь какое-нибудь сходство между нашим обычаем и еврейским, – писал автор, – он смело говорит, что обычай этот заимствован у евреев, с греческим или римским – от греков или римлян. Нет исторической возможности, очевидной нелепости, через которую храбро не перепрыгивали, только чтобы вывести наш древний обычай за тридевять земель, из тридевятого царства, все равно какого: была бы тень сходства, слабейшая аналогия» [3, с. 43].

Концепции дореволюционных ученых по проблемам истории становления Древнерусского государства и права основывались с позиций двух диаметрально противоположных, но одинаково спорных представлений об уровне общественно-экономического развития Киевской Руси. Одни историки отождествляли нормы права с социальными нормами доклассового общества восточных славян. Другие полагали, что нормы древнерусского права могли сложиться только под воздействием или при помощи заимствования норм иноземного права.

На современном этапе развития истории норманской теории происхождения Древнерусского государства и права остается важным политическим вопросом.

Норманская теория в ряде пунктов совпадает не только с вариантами расовой теории, но и теории завоевания. Многие норманисты утверждали, что Древнерус-

ское государство было создано варягами, завоевавшими земли восточных славян. Версия норманского завоевания остается одним из главных аргументов и современных норманистов. В этом плане, переключаясь с расовой теорией и теорией завоевания, норманская теория, игнорируя социальные причины происхождения государства и права, выдает расовые различия и завоевание за источники государственной и правовой жизни.

На наш взгляд, признание «участия варягов в формировании» русского государства или выявление той роли, которая принадлежала варягам в создании государства, означает признание некоторых важных постулатов норманской теории.

Процесс образования Древнерусского государства начался за несколько веков до появления варягов в Восточной Европе. Когда варяги впервые появились на Руси, здесь уже существовали государства-княжества [8].

Отправляясь от концепции о создании Русского государства варяжскими князьями и их дружиной, иностранные ученые рассматривали памятники русского права как уставы пришлых князей, переведенные с законов их родины. Поэтому исследование древнерусского права велось при помощи сопоставления норм Русской Правды с теми источниками, из которых они, как считалось, были инкорпорированы. Памятники русского права сравнивались со шведскими, датскими и так называемыми варварскими законами норманского происхождения; в то же время усилия ученых были направлены на то, чтобы найти для каждой нормы Русской Правды соответствующую статью в названных законах.

Авторитет немецких историков, проповедовавших норманскую теорию происхождения Древнерусского государства и права, получил в России в этот период такую силу, что даже придворный историограф Н.М. Карамзин, писавший русскую историю под покровительством императора Александра I, послал первый том своей «Истории государства Российского» на рецензию Шлецеру. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться, писал впоследствии Н.П. Загоскин [10, с. 80].

Под влиянием норманской теории Н.М. Карамзин отмечал низкий уровень общественно-экономического развития восточного славянства и норманское происхождение русского права. Он писал: «... древляне имели обычаи дикие, подобно зверям, с коими они жили среди лесов темных, питаюсь всякою нечистотою. Северяне, радимичи и вятичи уподоблялись нравам древлян ... Законы, данные варяжскими князьями нашему государству, весьма сходны с норманскими ... Варяги были первыми чиновниками, знаменитыми воинами и гражданами нашими ..., варяги принесли с собою общие гражданские законы в Россию, известные нам по договорам великих князей с греками и во всем согласные с древними законами скандинавскими» [14, с. 43, 139–140].

В конце XIX – начале XX вв. не забывали норманскую теорию и на Западе. Один из крупнейших норманистов профессор Копенгагенского университета В. Томсен отмечал: «Племя, основавшее Русское государство и давшее ему свое имя, было скандинавского происхождения ... Заложение первых основ русского государственного строя, – утверждал он, – является делом скандинавов» [44, с. 16, 118]. После опубликования в России работы В. Томсена многие русские историки пришли к мнению, что норманское происхождение Древнерусского государства и права доказано. Даже профессор Московской Духовной Академии Е.Е. Голубинский, отступив от теологической теории божественного происхождения государства и права, присоеди-

нился к норманской концепции происхождения Древнерусского государства. Он говорил: «История нашего государства началась тем, что были добровольно призваны или (гораздо вероятнее) недобровольно приняты, пришли владеть нами норманские варяги-русы... В IX в. было основано варягами наше русское государство» [7, с. 63].

Огромный поток норманистской литературы в основном по происхождению государства в прошлом столетии является в своей основе продуктом антисоветизма, он был порожден желанием доказать «исконную неспособность» русского народа к организации. Так, например, в переведенной с немецкого и изданной в Нью-Йорке в 1962 г. книге В. Келлера под названием «Восток минус Запад = нуль» утверждается, что русские с самого начала своей истории проявляли неспособность к научному и техническому прогрессу и были вынуждены заимствовать знания у Запада [28, с. 118].

До 60-х годов XX столетия норманская теория происхождения древнерусского права не встречала на Западе серьезных возражений. В 1963 г. в Осло появилась работа Коре Сельнеса «Древнерусское право и скандинавские законы», в которой автор пришел к выводу о «собственной русской почве» Русской Правды, что Русская Правда и скандинавские законы отражают два различных исторических этапа в развитии общества. Русская Правда, по мнению автора, является более древней, чем скандинавские законы XII-XIII вв. [20, с. 198].

Норманская теория происхождения Древнерусского государства и права и с точки зрения фактической (исторической), и теоретической является ненаучной. По мнению норманистов, восточные славяне были приобщены впоследствии к культуре якобы лишь под влиянием норманской, а затем и византийской культур. Так, например, Е.Н. Щепкин считал, что Киевская Русь была вовлечена в сферу влияний культуры викингов главным образом скандинавским происхождением своей первой династии князей, а «варяжская дружина «русских» князей являлась одно время устойчивым проводником типичных признаков этой единообразной культуры» [50, с. 153].

Следует рассмотреть и другие точки зрения, трактующие «импортное» происхождение Древнерусского государства и права. Спорным представляется мнение о том, что приглашенные на Русь византийские церковные иерархи, как отмечается в книге «Российское законодательство», «принесли вместе с новой религиозной системой и новую правовую систему» [36, с. 153].

Имелась еще одна точка зрения, о том, что источниками, как Русской Правды, так и договоров Руси с Византией, заключенных в X в., являлись в основном нормы древнееврейского законодательства. Названные положения имели цель доказать отсталость восточных славян, «исконную неспособность» русского народа в государственно-правовом и культурном отношениях и неоригинальность Русской Правды.

В свое время некоторые ученые пытались доказать еврейское происхождение некоторых источников древнерусского права. Была высказана мысль о том, что правовыми и литературными источниками Русской Правды и международных договоров Руси с Византией были древнееврейские законодательство и литература. Так, сравнивая наследственное право по русскому и моисеево-толмудическому законодательству, М.Г. Моргулис пришел к выводу, что ст. 13 договора Руси с Византией 911 г. одинаково регулировала общественные отношения в двух странах, причем у руссов, судя по Русской Правде, порядок наследования основан был преимущественно на началах моисеево-толмудического законодательства [29].

Г.М. Барац пытался доказать, что литературными и правовыми источниками как договоров Руси с Византией, так и Русской Правды является якобы древнееврейское законодательство и литература. Он, как и норманисты, пытался доказать иноземное происхождение Русской Правды. Задавшись такими целями, они находили то, что им было нужно, только ведь вопрос в том, как находили? Одни отыскивали соответствующие иностранные законодательные акты, которые якобы являлись «оригиналами» норм Русской Правды. Другие, например, как Г.М. Барац, добавляли к сравнительному методу еще один способ исследования – «это устранение из каждого данного предложения слов и фраз, ошибочно туда приплетенных переписчиками, и перестановке в те места как самих договорных грамот, так и летописных повестей, где они должны стоять и первоначально несомненно стояли, но, по оплошности писателей, были пропущены, а также перенесение с одних мест на другие целых сегментов и периодов». По признанию автора, «работа эта сходная с так называемой в типографском деле переброскою строк, переверсткою полос» [3, с. 8]. При желании, если прибегнуть к «операциям», предложенным Г.М. Барацем, можно «доказывать» еврейское происхождение права всех народов.

Вопрос о национальной принадлежности древнерусского права имеет и еще один аспект. В XIX столетии украинские националисты выдвинули версию, по которой Древнерусское государство и право являются по своей природе украинским государством и правом. Ни в IX, ни в XII веке нельзя еще говорить об Украине, нет еще украинской культуры и народности. Тогда существовала единая древнерусская народность, которая позже породит три самостоятельные народности.

До XVIII в. в России не существовали юридические факультеты, не было и своей профессуры. После создания университета во второй половине XVIII в. в России впервые было введено преподавание юриспруденции, для чего были приглашены иностранные ученые. Поскольку они не имели представления о русском праве, изучение юриспруденции началось с иностранного права. В дальнейшем изучение и сравнительный анализ иностранного права составляли характерную черту русской юридической школы [43, с. 41].

Первым выступил против норманской теории М.В. Ломоносов. В 1749 г. в замечаниях на диссертацию Г.Ф. Миллера о «Происхождении имени и народа российского» он подверг критике все основные положения норманской теории. Древнерусское государство, по мнению М.В. Ломоносова, существовало до прихода варягов в форме разобщенных племенных союзов и отдельных княжеств. Ломоносов подчеркивал, что не слабость и не неспособность восточных славян к государственному управлению, как это утверждали норманисты, а внутренние противоречия, которые были подавлены силой варяжской дружины, явились причиной призвания варягов [27].

Великий русский ученый М.В. Ломоносов для построения своих выводов использовал обширные источники о славянах. Миллер, пытаясь доказать решающую роль норманнов в истории восточных славян, использовал скандинавские саги, но оставил без внимания свидетельства античных и других писателей о славянах. В полемике с Миллером источниковедческая база М.В. Ломоносова была гораздо богаче и основательнее, чем у Миллера [2, с. 11]. М.В. Ломоносов показал многовековую историю славян до прихода к ним варягов и, что уровень общественно-экономического развития у них не был таким низким, как это рисовали Миллер, а затем и другие норманисты. Заслуга М. Л. Ломоносова состоит в том, что он выступил против теории о внесении русской государственности со стороны.

Во второй половине XVIII в. среди русских ученых видное место принадлежит С.Е. Десницкому – основоположнику истории русского права, первому русскому ученому-юристу. Ему принадлежит ряд «Слов» и «Рассуждений» на собраниях Московского университета, в которых он изложил свои взгляды по вопросам теории и истории государства и права. Это – «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции» (1768); «Слово о причинах смертных казней по делам криминальным...» (1770); «Юридическое рассуждение о пользе знания отечественного законодательства и о надобном возобновлении оногo в государственных высокопокровительствуемых училищах» (1778) и др.

В противоположность теории о «естественном праве» как основе общественного строя, распространенной в то время, С.Е. Десницкий считал, что изменения в общественном строе связаны с изменениями понятий о частной собственности, с эволюцией хозяйственной жизни. Поэтому происхождение государства и права С.Е. Десницкий связывает с возникновением и развитием частной собственности. В юридическом рассуждении о происхождении собственности, произнесенном в 1781 г., С.Е. Десницкий впервые высказал мысль о феодальном характере общественных отношений в Древней Руси и необходимости соединения трех элементов при изучении истории права: исторического, теоретического и философского. Эта мысль выражена автором в «Слове о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции», произнесенном им 20 июня 1768 г. Этот вывод С.Е. Десницкого примечателен тем, что в то время западноевропейские юристы не помышляли еще о таких методах исследования истории права.

Материалист по общефилософским воззрениям, С.Е. Десницкий сделал шаг в направлении материалистического понимания истории. По мнению ученого, причиной возникновения государства было «начало и происхождение собственности в возвышенном состоянии народов», а изучать историю, законы и обычаи народов следует из условий хозяйственной жизни [9, с. 6].

Таким образом, формирование теоретико-исторических юридических наук берет свое начало с периода образования Древнерусского государства и права. Однако, некоторые российские правоведы полагают, что начало юридической науки относится к XVIII в., когда в России были созданы Академия наук и первые университеты. В.С. Нерсисянц отмечал: «Юридическая наука в России формировалась под заметным влиянием западно-европейской юриспруденции...Важную роль при этом сыграли реформы Петра I. По его указанию в начале XVIII в. была переведена работа С. Пуфендорфа «Об обязанностях гражданина и человека». Первыми преподавателями в русских университетах были иностранцы, в основном – немцы, ориентировавшиеся на положения тогдашней немецкой юриспруденции и философии естественного права» [30, с. 135].

Итак, попытка поднять юридическую науку и образование на данном этапе не удалась. Поскольку в университете все лекции по дисциплинам учебного плана читались на немецком или латинском языках, в 1765 г. из 18 студентов юридического факультета половина подали заявления об отсутствии «склонности более обучаться наукам». Из-за недобора студентов университет в 1766 г. был закрыт [41, с. 10].

В период правления Екатерины II (1762–1796 гг.) намечаются тенденции по совершенствованию процесса формирования теоретико-исторических юридических наук. В ее правление были осуществлены многие прогрессивные государственные преобразования. В те же годы формируются политико-правовые теории, намечают-

ся тенденции по совершенствованию юридической науки и образования. Значительные успехи были достигнуты в области культуры. Екатерина II обосновала необходимость преобразований социально-экономических и политических отношений. Императрица, придя к власти в результате государственного переворота, установила законность ее пребывания на российском престоле и разработала новую официальную идеологию абсолютной монархии в России.

На характер верховной власти в период 1762–1796 гг. большое влияние оказали личные воззрения Екатерины II, искренне убежденной, что монарх призван трудиться ради общего блага его подданных, а любое их недовольство должно рассматриваться монархом как его личная недоработка. Приступая к реализации своей политико-правовой программы, основывавшейся на идеях европейских просветителей, Екатерина значительное внимание уделяла созданию качественной правовой основы для своих преобразований. В результате законодательство периода правления Екатерины II представляет собой внушительное по объёму собрание правовых актов, затрагивающих все сферы жизни российского общества второй половины XVIII в.

Важные изменения произошли в период правления Екатерины II в системе центрального и местного управления. В ходе губернской реформы 1775 г. в рамках децентрализации управления произошло перераспределение полномочий в пользу местных органов власти, что создало условия для постепенной ликвидации коллегий, окончательно завершившейся в начале XIX в.

В сфере систематизации накопленного законодательного материала Екатерина II, как и её предшественники, предприняла неудачную попытку, созвав Уложенную комиссию, целью работы которой должна была стать выработка нового Уложения взамен Соборного уложения 1649 г. Уложенная комиссия проработала больше одного года, но затем, так и не достигнув поставленной задачи, была распущена в связи с началом русско-турецкой войны. Однако материалы, наработанные комиссией, оказались востребованы в начале XIX в. в ходе новых работ по систематизации законодательства.

Третий этап – университетский, когда подготовка юридических кадров велась в российских университетах и российскими профессорами, а послевузовское обучение научно-педагогических кадров осуществлялось ведущими европейскими учебными заведениями.

Достижения российской юридической науки XVIII в. были подготовлены работами М.В. Ломоносова, С.Е. Десницкого, Я.П. Козельского, М.М. Щербакова и других.

В науке истории государства и права России первой половины XIX в., в условиях продолжавшегося процесса разложения старых крепостнических отношений в России, появляется так называемая теория «официальной народности», наиболее крупным представителем которой был последователь норманской теории происхождения Русского государства М.П. Погодин. В своих работах по истории России М.П. Погодин изображал отношения между классами без борьбы, уверял, что основами и столпами государства являлись «православие, самодержавие и народность», что «безусловная покорность» является вечным качеством русского народа. «Славяне были и есть народ тихий, спокойный, терпеливый. Наши имели и имеют эти качества еще в высшей степени», – подчеркивал М.П. Погодин.

Основные исследования М.П. Погодина по вопросу о происхождении и о степени влияния варягов на быт и право восточных славян собраны в трех томах его

«Исследований, замечаний и лекций о русской истории» [33]. Еще в 1825 году вышел в свет-первый труд М. П. Погодина «О происхождении Руси» (магистерская диссертация автора). Эта работа и определила последующее историческое направление Погодина: он стал норманистом и до конца своей жизни защищал норманскую теорию происхождения Древнерусского государства и права. М.П. Погодин был противником так называемой «скептической» и «славянской» школ.

Основателем скептической школы считался профессор Московского университета М.Т. Каченевский. Наиболее известными представителями этой школы являлись С.М. Строев, Н.А. Полевой и Н.С. Арцыбышев. «Скептики» считали, что в летописных свидетельствах первых двух столетий русской истории много баснословных или заимствованных источников. Так, М.Т. Каченевскому сомнительными казались договоры с греками, как несоответствующие будто бы правовому развитию славян и варягов X века. Сторонники этой школы во многих вопросах разделяли норманскую теорию. «Законы германских народов, феодальная система Европы, крестовые походы с последствиями своими-вот источники Правды Русской», – писал. М.Т. Каченевский [15, с. 183].

Представители славянской школы отвергали норманское (варяжское) происхождение варяго-русов и считали их и первых русских князей славянами. Оспаривая учение первой школы, М.П. Погодин защищал подлинность древнейших памятников русского права. Не разделяя учение славянской школы, Погодин доказывал решающее влияние норманнов на общественный, государственный строй и право Древней Руси. Первый период русской истории – от призвания князей до смерти великого князя Ярослава (862–1054 гг.) – М.П. Погодин назвал норманским периодом. В 1859 г. была опубликована монография М.П. Погодина, посвященная этому периоду [34].

В борьбе дворянской историографии с буржуазной появились две исторические школы: славянофилы и западники. Представители первой школы, наиболее видными из которых были братья К.С. и И.С. Аксаковы [1], братья И.В. и П.В. Киреевские [17], А.С. Хомяков [48], И.Д. Беляев [4], ставили своей целью доказать, что Россия пойдет своим, некапиталистическим путем, выступали против революционного пути развития. По мнению славянофилов, на Западе государства были основаны на насилии, в России же власть князей, а впоследствии и царей, была основана на призвании их народом. Они отмечали, что смиренный и покорный русский народ никогда не добивался политической власти и не восставал против царизма. Восстание декабристов славянофилы считали «плодом нерусских начал».

В отличие от славянофилов, так называемые западники, наоборот, считали необходимым для России буржуазный, но, конечно, без революции путь развития. Видными представителями этой школы (и так называемой государственной школы) были историки права К.Д. Кавелин [13], Б.Н. Чичерин [49] и автор «Истории России с древнейших времен» в 29 томах – С.М. Соловьев [40].

Западники подчеркивали важную роль русского государства в истории, утверждая, что это государство якобы выражало интересы всех слоев общества, т.е. стояло над классами. При наличии у западников некоторых различий во взглядах на основные моменты истории русского государства и права у них имелись и некоторые общие взгляды, направленные против славянофильской теории. По их мнению, русская община появилась в XV в., а не до образования Древнерусского государства, как это утверждали славянофилы.

Идеалистическая теория государственной школы должна была служить идеологической поддержкой самодержавия, способной предупредить революцию и провести реформы, которые, кстати, удовлетворяли буржуазных либералов. Правительство вынуждено было провести буржуазные реформы второй половины XIX в., на смену крепостническому государству пришло государство капиталистическое [26, с. 78].

Во второй половине XIX в. взгляды раннебуржуазной школы истории русского права были развиты В.И. Сергеевичем, М.В. Владимирским-Будановым, Д. Самоквасовым, А. Филипповым и др., появились работы известных русских историков В.О. Ключевского, Н.А. Рожкова, историка права М.А. Дьяконова и др.

В.И. Сергеевич, автор многих работ по истории русского права, развивал так называемую договорную теорию происхождения государства, по которой Русское государство возникло в результате заключения договора между вечем-органом народного представительства, и князем [38]. Как отмечал С.В. Юшков, работы Сергеевича характерны догматическим подходом к изучению институтов права. В.И. Сергеевич не делает различий между институтами и учреждениями IX-X вв. и при решении многих вопросов по истории права развивает взгляды Соловьева и Чичерина [51, с. 23].

В.И. Сергеевич относится к числу тех ученых, которые преувеличивали влияние Византии на историю Руси. Так, сходство некоторых институтов византийского и русского права В.И. Сергеевич объясняет исключительно заимствованием русскими у греков. Поэтому рецепция византийского права у него – один из основных способов формирования древнерусского права.

М.Ф. Владимирский-Буданов в своих работах, особенно в «Обзоре истории русского права» [5], выдвинул новое объяснение происхождения русского государства. Он является основателем «земской теории», по которой в Древнерусском государстве имелось три органа власти: князь, боярская дума и вече, причем князь – монархический элемент, боярская дума – аристократический и вече – демократический.

Следует отметить, что М.Ф. Владимирский-Буданов в вопросе о происхождении Древнерусского государства не разделял точку зрения норманистов. Он говорил: «Время происхождения земского государства должно быть отнесено к эпохе доисторической (до начала летописных сказаний). Славянские племена уже тогда перешли от чистоплеменного быта в быт государственный, земский, т.е. образовали княжения – земли... Князья-варяги застали везде готовый государственный строй» [5, с. 12–13]. Однако автор объясняет вопросы становления русского права все же под некоторым влиянием норманской теории. С X в. восточные славяне «вовлечены были авантюристическими дружинами варягов в столкновение с отдельными странами. Это возмутило прежний спокойный уровень обычного права двояким образом: усилило разнообразие в понимании юридических норм и принудило согласить свои отечественные нормы с чужеземными. Отсюда возникли первые приемы законодательства: договоры с иноземцами и рецепция чужих законов» [5, с. 89].

В первой половине XIX века происходили процессы становления новой системы источников отечественного права: выстраивались новые принципы систематизации; происходило оформление отраслей законодательства и отраслей права; были добавлены и выстроены в иерархическую систему новые источники

права; утверждены принципы буржуазного права и деление права на публичное и частное.

В центре всей системы источников российского права этого периода находятся два крупных собрания законодательных актов – «Полное собрание законов Российской империи» и «Свод действующих законов Российской империи». В их основу были положены различные принципы. Первое собрание основывалось на хронологическом порядке расположения нормативно-правовых актов, включая в себя как действующие, так и уже утратившие юридическую силу правовые акты. Второе включало в себя действующие акты, структурированные по сфере правового регулирования, тематически.

В «Своде действующих законов» отразился процесс выделения и оформления важнейших отраслей права: уголовного, гражданского, административного права. В свою очередь, например, в рамках Свода гражданских законов были выделены подразделы: о правах состояний, о правах личных и вещественных вообще, о правах личных и вещественных в особенности, о порядке составления и совершения актов, о тяжёлом судопроизводстве.

Система источников права Российской империи в первой половине XIX века представляла собой сложную иерархию разнообразных видов источников права: манифесты, именные указы, уложения, положения, учреждения, уставы, регламенты, мнения Государственного совета, журналы Комитета министров и т.п. Однако чёткие различия между ними в рассматриваемый период не были проведены. При этом некоторые различия между ними прослеживаются. Например, манифестами являлись акты, исходившие непосредственно от императора по определенным вопросам (объявление о значимом событии, о начале войны или заключении мира, для декларации определенных целей).

Именные указы также исходили непосредственно от монарха и посредством них, например, выдавались предписания Правительствующему Сенату ввести в действие определённое установление или посредством именных указов могло утверждаться мнение меньшинства членов Государственного совета.

Различные указы и инструкции устанавливали права и обязанности конкретных властных органов и должностных лиц (Общий наказ министерствам 1811 г., Общая инструкция генерал-губернаторам 1853 г. и др.).

В начале XX в. получила широкое распространение «торговая теория», развитая известным русским историком В.О. Ключевским. По этой теории возникновение и развитие Древнерусского государства и права определила торговля. В своих работах, написанных преимущественно в конце XIX в., В.О. Ключевский поставил ряд новых интересных вопросов. Он занимался многими проблемами: экономическим и социальным развитием России, историей русской культуры, историографией и др. Наиболее отчетливо общие взгляды В.О. Ключевского прослеживаются в его «Курсе русской истории», охватывающем историю России с древнейших времен до XIX в. В отличие от большинства историков, в том числе и его современников, В.О. Ключевский отказывается от периодизации истории страны по царствованиям князей и царей. Восточные славяне, по В.О. Ключевскому, еще в VI в. образовали военный союз на Карпатах [18, с. 110]. Таким образом, он не придерживается норманской теории происхождения Древнерусского государства. Но В.О. Ключевский ошибочно считал, что в первый период «господствующим фактором экономической жизни является внешняя торговля с вызванными ею лесными промыслами, звероловством и борт-

ничеством (лесным пчеловодством)» [18, с. 33], что в это время «учреждения, социальные отношения (в том числе и правовые отношения – Р. Х.), нравы... были прямыми или отдаленными последствиями совокупного действия двух указанных факторов, волостного торгового города и внешней торговли» [18, с. 103]. Поэтому «Русская Правда» – памятник феодального права Древнерусского государства – у В.О. Ключевского охарактеризована как «кодекс капитала», «по преимуществу уложение о капитале» [18, с. 247], а глава государства – князь – как «военный сторож земли и ее торговых путей» [19, с. 46]. Работы В.О. Ключевского оказали большое влияние на взгляды историков и историков права.

В конце XIX и начале XX в. были опубликованы труды выдающегося русского ученого М.М. Ковалевского, которого К. Маркс назвал своим «другом по науке». М.М. Ковалевский был крупным ученым своего времени и известен как социолог, юрист, историк, экономист. О М.М. Ковалевском много писали и оценка его часто противоречива [37].

В работах М.М. Ковалевского по древней истории, например, «Первобытное право» [21], имеются интересные данные об обычаях и обычном праве славян, в том числе и восточных славян. М.М. Ковалевский много сделал для распространения сравнительного метода в правоведении. А.А. Тилле и Г.В. Швеков в своей интересной книге пишут: «М.М. Ковалевский доказал, что сходные институты определяются сходными условиями исторического развития, ... с помощью сравнительного метода доказывал самобытность русского права» [43, с. 91]. В принципе это мнение верное.

Так, характеризуя сравнительный метод, М.М. Ковалевский подчеркивал: «... простое сравнение между законодательством двух стран помимо отношения к вопросу о том, в какой мере одна из них отстала от другой в своем общественном развитии, и бесполезно и опасно – бесполезно в том смысле, что из факта случайного сходства или не менее возможного различия нельзя выводить равно никаких научных заключений... Сопоставлять законодательства нескольких народов по тому или другому вопросу может быть очень интересно, – но делать на основании этого сопоставления вывод, что одно поэтому должно быть всюду введено, а другое отовсюду вытеснено – значит ни больше ни меньше, как наглядно доказывать полнейшую неспособность видеть причинную связь между законодательством известного народа и суммой тех общественных явлений, при которых оно развивалось» [22, с. 8–9].

Трудно согласиться с мнением А.А. Тилле и Г.В. Швекова о том, что М.М. Ковалевский с помощью сравнительного метода доказывал самобытность русского права. На наш взгляд, М.М. Ковалевский в своих работах стремился показать самобытность «славянского права». Кроме того, М.М. Ковалевский иногда преувеличивал значение заимствования институтов одними народами у других, хотя и отмечал, что заимствований в чистом виде не бывает. Е.А. Скрипилев справедливо отметил, что М.М. Ковалевский, с одной стороны, глубоко обосновал сравнительно-исторический метод, а с другой – продемонстрировал, как нужно применять его в исследованиях первобытного общества [39, с. 24].

Четвертый этап – «Золотой век», когда подготовка научно-педагогических кадров осуществлялась ученым российских вузов. В.М. Сырых вторую половину XIX в. – начало XX в. характеризует как «Золотой век» российского правоведения. К середине XIX в. в стране было 11 высших юридических образовательных учрежде-

ний: 7 юридических факультетов в составе Московского, Санкт-Петербургского, Дерптского, Казанского, Киевского, Харьковского университета; Училище правоведения и три лицея: Александровский, Демидовский и Нежинский. Более 80 российским юристам за этот период были присуждены ученые степени магистра или доктора права. Наибольший исследовательский успех в этот период по мнению, В.М. Сырых, сопутствует талантливому российским ученым. С.И. Баршеву, Н.Х. Бунге, Н.П. Демидову, И.Д. Иванищеву, Н.В. Калачеву, Н.Ф. Рождественскому, Н.М. Карамзину, М.М. Сперанскому, К.Д. Кавелину, В.Н. Лешкову, Ф.Л. Морошкину [41, с. 11].

Середина XIX в. период активного формирования отраслей законодательства и права. На данном этапе завершился процесс становления государственного, гражданского, административного и уголовного отраслей права. Формирующимися отраслями права были гражданское процессуальное право, уголовное процессуальное право, финансовое право, трудовое право, семейное право и земельное право.

В середине XIX в. определились предпосылки государственно-правовых реформ второй половины XIX в.: Крестьянская реформа 1861 г., Судебная реформа 1864 г., Реформы полиции и тюремной системы, Финансовая реформа, Городская реформа, Земская реформа, Военная реформа.

В тоже время велись научные исследования по отраслям наук государственного права, гражданского права, уголовного права и административного права и всем наукам по формирующимся отраслям права России.

Представляется, что в «Золотом веке» утвердилась наука теория государства и права и была она представлена в трудах Ю.С. Гамбарова, В.М. Гессена, Б.А. Кистяковского, М.М. Ковалевского, Н.М. Коркунова, К.А. Неволина, П.И. Новгородского, Л.И. Петражицкого, П.Г. Редкина, В.П. Сергеевича, В.С. Соловьева, П.Н. Чечерина, Г.Ф. Шершеневича и др.

Теория государства и права во второй половине XIX в. – начале XX в. была представлена разнообразными общетеоретическими концепциями по государству и праву: естественно-правовые, социологические, психологические, материалистические, нормативистские. Научные работы русских теоретиков государства и права сочетались фундаментальностью и логичностью. Общим для большинства теоретиков государства и права было критическое отношение к полицейскому режим самодержавия и бесправному положению народа.

Вместе с тем, вопрос о трактовке происхождения, роли и назначения права был запутан и усложнен. Так, например, вопрос о праве рассматривался как продукт «общественного договора», «естественного отбора», «усмотрения государственных деятелей» и «разума».

«Право – есть тот продукт разума, – отмечал Й.Колер, – который указывает личности подобающую ей область деятельности, и, тем самым, дает возможность индивидам отдельно и плодотворно, во взаимодействии, достигать цели разумного сосуществования» [23, с. 7].

Право – продукт любви. Эту концепцию высказал в начале XX в. русский ученый А.А. Кролик. По мнению автора, происходящий бессознательный процесс развития социальной жизни, под влиянием которого человек из «необузданного зверя» перерождается в совершеннейшее социальное существо, подсказывает человеческому сознанию не только завершённые результаты своего действия, но и то направление, в котором должен быть сделан ближайший шаг вперед, свою конечную цель, свой сокровенный идеал... Этот идеал живет в нашей душе, как некоторое

высшее, абсолютное благо, сила и значение которого даны нам непосредственно и не требуют никаких обоснований. Этот идеал – любовь. Все, что мы придумываем, без любви не стоит ничего. Именно этот идеал должен быть руководящим началом человеческого творчества в области права» [24, с. 105–106].

Право не есть также «порядок гистологических и биологических явлений. Совокупность писанных и не писанных норм, – писал Лео Геллер – которую мы называем «право», есть сложный порядок государственного строя и государственной деятельности, порядок гистологических и биологических явлений, происходящих в общественном организме, как и во всяком органическом существе» [6, с. 30].

В историко-правовой науке того периода имелось множество концепций происхождения права. В.Ф. Залесский в монографии «Власть и право» предпринял попытку построения общей, как он выразился, «утилитарно-эволюционной теории права». Собранный в названной книге материал и различные точки зрения его коллег на право свидетельствуют о том, что автор попытался лишь объединить различные концепции о праве. Право, писал В.Ф. Залесский, «есть общественный порядок», представляющий собой охрану со стороны общества интересов как отдельных лиц и групп индивидуумов, так и всего общества в целом». Говоря о соотношении обычного права и закона, автор отмечал, что государственная власть при «отправлении законодательной функции имеет несравненно менее шансов ошибиться, чем масса населения при выработке норм обычного права, потому, что лица, стоящие у власти, получают соответствующее образование и воспитание, специальную подготовку и тд. ... по сравнению с которыми «темная масса народа», бредущая ощупью и наугад, ценою затраты огромной массы психического труда создающая несколько приблизительно целесообразных норм обычного права – зрелище грустное и жалкое, а, иногда, даже полное трагизма» [11, с. 231].

Этот вывод В.Ф. Залесского как бы дополнил К. Качоровский. Говоря о «пропасти» между законами и народной жизнью, он подчеркивал, что законы знают несколько тысяч чиновников, которым нужно их знать «приемущественно», чтобы их гнуть или обходить, вообще подчинить тем или иным интересам. Законодательствующие верхи отделены широкой пропастью от законоприемлющих, так сказать, «низов» и, при этом, закон имеет целью почти исключительно интересы именно первых, а не последних» [16, с. 29].

Библиографический список

1. Аксаков К. Сочинения исторические / изд. под ред. И. С. Аксакова. – М.: Унив. тип., 1889. – Т. 1. – 652 с.
2. Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. – М.: Наука, 1973. – 219 с.
3. Барац, Г.М. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией: Восстановление текста, пер., коммент. и сравнение с др. правовыми памятниками, в частности – с Русскою Правдою / Г.М. Барац. – Киев: тип. 1 Киев. артели печ. дела, 1910. – XII, 266 с.
4. Беляев И.Д. Лекции по истории русского законодательства / [соч.] И. Д. Беляева. – 2-е изд. – М.: тип. А. А. Карцева, 1888. – II, 584 с.
5. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права / [Соч.] Проф. М. Ф. Владимирского-Буданова. – 7-е изд. – Петроград; Киев: Н.Я. Оглоблин, 1915. – 699 с.
6. Геллер, Лео. Происхождение, существо, развитие и разделение права / Dr. Leo Geller; Пер. с нем. А. Ясевского. – Казань: [бр. Башмаковы], 1895. – 34 с.

7. *Голубинский, Е.Е.* История русской церкви. Том 1 (первая половина тома). Период первый, киевский или домонгольский / Е. Голубинского. – Изд. 2, исправленное и дополненное, напечатанное Императорским Обществом истории древностей российских при Московском Университете. – М.: Университетская типография, 1901. – 966 с.
8. *Греков Б.Д.* Киевская Русь. – М., 1953. – 568 с.; История Киева. – Киев, 1963.
9. *Десницкий С.Е.* Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имения. – М., 1781.
10. *Загоскин Н.П.* История права русского народа: Лекции и исслед. по истории рус. права Н.П. Загоскина, проф. Имп. Казан. ун-та. – Т. 1. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1899. – 512 с.
11. *Залесский В.Ф.* Власть и право: Философия объектив. права / [В.Ф. Залесский]. – Казань: тип. Б.Л. Домбровского, 1897. – 298, XXIV с.
12. История политических и правовых учений: учебник для вузов / Под общ. ред. В.С. Нерсисянца. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2004. – 944 с.
13. *Кавелин К.Д.* Сочинения. Этнография и правоведение. – Т. 4: [исследования, очерки и заметки К. Д. Кавелина] / с примеч. проф. Д. А. Корсакова. – СПб., 1907.
14. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. – М., 1903. – Т. I. – 548 с.
15. *Каченевский М.Т.* О феодальной системе // Вестник Европы. – 1829. – № 19. – С. 183.
16. *Качоровский К.* Народное право: [Историко-юрид. исследование] / К. Качоровский. – М.: Молодая Россия, 1906. – 253 с.
17. *Киреевский П.В.* О древней русской истории // Московитянин. – 1845. – № 3.
18. *Ключевский В.О.* Соч. – М, 1956. – Т. I. – 427 с.
19. *Ключевский В.О.* Боярская дума древней Руси / В. О. Ключевский. – Изд. 5-е. – Петербург: Лит.-изд. отд. Народного Комиссариата по просвещению, 1919. – VIII, 543 с.
20. *Ковалевский С.Д.* Еще один удар по сторонникам норманнской теории // Вопросы истории. – 1964. – № 1.
21. *Ковалевский М.* Первобытное право. – М., 1886. – Вып. 1–2 (Полная версия). – 345 с.
22. *Ковалевский М.М.* Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения истории права. – М.: Тип. Ф.Б. Миллера, 1880. – 73 с.
23. *Колер, Йозеф.* Право как элемент культуры / Проф. Колер; Пер. А.Э. Вормса. – Москва: Гросман и Кнебель (И. Кнебель), 1896. – 53 с.
24. *Кролик А.А.* Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции. – Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, 1913. – 107 с.
25. *Кононенко П.П.* Свою Україну любить. – Киев: Твім інтер, 1996. – 224 с.
26. *Ленин В.И.* О государстве // Полн. собр. соч. – Т. 39. – С. 64–84.
27. *Ломоносов М.В.* Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года, сочиненная Михайлом Ломоносовым статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академий наук: [ч. 1–2]. – СПб.: При Имп. акад. наук, 1766. – 140 с.
28. *Марушкин Б.И.* История и политика [Текст] : Америк. буржуазная историография советского общества. – М.: Наука, 1969. – 394 с.
29. *Моргулис М.Г.* Право наследования по моисеево-талмудическому законодательству в сравнении с русским правом наследования по закону. – СПб., 1867.
30. *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. Учебник. – М.: Изд. Группа Норма-Инфра, 1999. – 539 с.
31. *Нестор.* Руския летописи на древле-славенском языке / Сличенныя, переведенныя и объясненныя Августом Лудовиком Шлёцером, надворным советником, доктором и профессором Гёттингскаго университета и кавалером ордена св. равноапостольнаго князя Владимира 4 степени; Перевел с немецкаго Дмитрий Языков, член С.Петербургскаго общества

любителей наук, словесности и художеств. – Санкт-Петербург: Печатано в Императорской типографии, 1809–1819. – Ч. 1: [Русский времяник на древле-славенском языке. Переведенный и объясненный. Вступление в рускую историю, до пришествия Рурика в 862 году] [Текст]. – Печатано в Императорской типографии, 1809. – 475 с.

32. Повесть временных лет [Текст] / Акад. наук СССР ; подгот. текста Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. – Москва-Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. – 404 с.

33. *Погодин М.П.* Исследования, замечания и лекции М. Погодина о русской истории. – Т. 1–3. – М.: Изданы Императорским Московским обществом истории и древностей российских, 1846–1856 (в Университетской тип.).

34. *Погодин М.П.* Норманский период русской истории / Соч. М. Погодина. – М.: Тип. В. Готье, 1859. – 215 с.

35. *Рейц А.* Опыт истории российских государственных и гражданских законов: пер. с нем. Ф. Морошкина / Соч. проф. Александра Рейца. – М.: Изд. Ф. Морошкин, 1836. – 417 с.

36. Российское законодательство X–XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / Ответственный редактор член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук профессор В. Л. Янин. – М., 1984. – 430 с.

37. *Сафронов Б.Г.* М.М. Ковалевский как социолог. – М.: Изд-во МГУ, 1960. – 263 с.

38. *Сергеевич В.И.* Древности русского права. – СПб., 1909. – Т. I. – 697 с.

39. *Скрипилев Е.А.* Историко-сравнительный метод в правоведении России второй половины XIX – начала XX вв. // Методология историко-правовых исследований. – 1980. – С. 17–28.

40. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. – М.: Соцэкгиз, 1959. – Кн. 1 (т. I–II). – 811 с.

41. *Сырых В.М.* Путь российской правовой науки // Правовая наука и историческая идеология России: Энциклопедический словарь биографий / Отв. ред. В.М. Сырых. – Т. 1. – М.: РАП, Изд. группа «Юрист», 2009. – 918 с.

42. Теория государства и права: учебник под ред. А.С. Пиголкина. – М.: Юрайт, 2005. – 613 с.

43. *Тилле А.А., Швеков Г.В.* Сравнительный метод в юридических дисциплинах. – М., 1973. – 191 с.

44. *Томсен В.* Начало русского государства: Три чтения д-ра Вильгельма Томсена, проф. сравнит. языковедения при Копенгаг. ун-те: С просмотр. авт. нем. перераб. д-ра Л. Борнеманна пер. [и предисл.] Н. Аммона. – М.: Унив. тип., 1891. – 136 с.

45. *Удальцова З.В., Гуднова Е.В., Новосельцев А.П.* Древняя Русь – зона встречи цивилизации // Вопросы истории. – 1980. – № 7. – С. 41–60.

46. *Хачатуров Р.Л.* Некоторые методологические и теоретические вопросы становления древнерусского права. – Иркутск: Иркутский государственный университет, 1974. – С. 42–135.

47. *Хачатуров Р.Л.* Становление права (на материале Киевской Руси). – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1988. – 260 с.

48. *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч. – М., 1900. – 420 с.

49. *Чичерин Б.Н.* Опыты по истории русского права : [Сб. ст.] / [Соч.] Б. Чичерина. – М.: К. Солдатенков и Н. Щепкин, 1858. – 389 с.

50. *Щепкин Е.Н.* Варяжская вира. – Одесса: "Слав." тип. Е. Хрисогелос, 1915. – 153 с.

51. *Юшков С.В.* Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М., 1949. – 44 с.

Для цитирования: *Хачатуров Р.Л.* Формирование теоретико-исторических юридических наук: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 249–269.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.021

FORMATION OF THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES*

Rudolf L. Khachaturov **

Annotation. *The article discusses the origins of the formation and subsequent development of the theory and history of state and law. Two stages of the formation of ancient Russian statehood are distinguished, the ways and causes of the emergence of the state and law are explained. Special attention is paid to Russian political and legal thought, the content of the sources of ancient Russian law and, above all, "Russian Law" as the oldest code of laws of the ancient Russian state, is studied.*

Keywords: *science of the theory of state and law, history of state and law, "Russian Truth", customary law, written law, annals, power, state, law, church.*

The doctrine of state and law arose long ago. It is believed that one of the founders of the theory of state and law was the ancient Greek thinker Plato. Thinkers explained in different ways when and for what reasons the state and law arose. The multiplicity of theories on these issues is explained by the different historical and social conditions in which their authors lived.

It is known that statehood in Rus' arose several millennia later than in the countries of the Ancient East. I believe that the formation of ancient Russian statehood is a long historical process that went through two stages.

The first stage can be conditionally called the prehistory of statehood. At the origins of ancient Russian statehood is a powerful union of East Slavic tribes. The main role in this union was played by the meadows, which merged with Russia from the 6th century. ad. Formation of ancient Russian law in the VI-IX centuries. ended with the transition from casual to customary law, the norms of which, with references to casual law and precedents, were passed down from memory from generation to generation.

Legal development at the second stage appears in the form of written law. In the X century. the transition from oral customary law to written law, created by the law-making of the state, is being completed. Already during the period of the existence of the Old Russian state and law, thinkers in Rus' began to think about the causes and ways of the emergence of the state and law [46, p. 42–135]. Then the following concepts began to take shape: the Norman theory of the origin of the Old Russian state and law; the concept of Greek and Jewish legislation as sources of ancient Russian law. V.M. Syrykh rightly noted that the attempt of some Russian jurists to correlate the formation of Russian legal science with the 18th century. untenable, because it does not take into account the centuries-old path of the formation of Russian science in isolation and independence from the achievements of Western European jurists [41, p. 8]. As for the general theory of law as a science,

---

* This article sets out the issues previously discussed by the author in publications: Khachaturov R.L. Some methodological and theoretical issues of the formation of Old Russian law. Irkutsk: Irkutsk State University, 1974. P. 42–135; Khachaturov R.L. Formation of law (on the material of Kievan Rus). Tbilisi: Publishing House of Tbilisi University, 1988; Monuments of Russian law in 35 T. under the total. ed. R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2013–2017; Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality in 12 volumes / ed. R.L. Khachaturov. Moscow: Yurlitinform, 2020–2022, etc.

** *Khachaturov Rudolf Levonovich* – Advisor to the Rector of Togliatti State University, Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation. Email: jus@tltsu.ru

the process of its formation was completed in the 19th century. Russian authors in their studies relied on the works of German lawyers, philosophers, sociologists and political scientists [42, p. 24].

The pre-Soviet period (X century – the beginning of the XX century) of the existence of science V.M. Raw divided into 4 stages:

pre-Petrine, when teaching scientific knowledge about the state and law was recognized as a purely private matter;

academic, when legal science and education developed mainly through the efforts of specialists invited from abroad as members of the Russian Academy of Sciences and teachers of Russian universities;

Western European, when postgraduate training of scientific and pedagogical personnel was carried out by Western European legal educational institutions;

The "golden age" of Russian jurisprudence, in which the training of scientific and pedagogical personnel was carried out by Russian universities [41, p. 9].

Consider the first stage – pre-Petrine.

With the adoption of Christianity, Russian legal culture recognized the main sources of Greco-Roman law. Scientists note that the ancient Russian culture experienced a kind of synthesis: it combined the cultural traditions of the Eastern Slavs with the heritage of the Byzantine civilization. A complex synthesis also took place in the sphere of law. Independent development prevailed in secular law, which was reflected in Russian Truth. The church law of Rus', which was influenced by the canon law of Russia, also "absorbed" local legal traditions [45, p. 45].

The first Russian legal ideologist was Hilarion, the author of the "Sermon on the Law and Grace", published in the middle of the 11th century. The Kyiv metropolitan Hilarion was a person close to Grand Duke Yaroslav the Wise. The chronicle characterizes Hilarion as an educated person. It is quite possible that he took part in compiling Russian Pravda [12, p. 209]. Hilarion considered issues related to the origin, essence, goals and objectives of the supreme power. He considered the divine will to be the sources of supreme power. Power and the state "as the Trinity is one in three persons." The trinity is formed by power, the state and the church. The prince is responsible for managing people and the country, he is "the sole ruler of his land." The legislative activity of Vladimir and Yaroslav the Wise is especially emphasized. Part of the treatise is devoted to the problems of the relationship between law and morality.

Hilarion formulated a large complex of political and legal themes, which in the future until the 18th century were in the center of attention of Russian political and legal thought [12, p. 213]. The Russian chronicle is an important monument to the origin of ancient Russian historical, political and legal thought. The chroniclers, relying on oral legends, tried to restore the historical past and the present state and legal status of Rus'. The chronicle "The Tale of Bygone Years" dates back to the beginning of the 12th century. Its authors are presumably Nestor and Sylvester, monks of the Kiev Caves Monastery. The Tale of Bygone Years considered the following tasks: historical and legal – the origin of the Old Russian state and law ("From where it is, the Russian land went").

Since that time, for almost nine centuries, the dispute about the establishment of the grand-princely dynastic beginning of the Rurikovich in Rus' has continued. It was the story of the chroniclers "On the calling of the Varangians" of the three Norman brothers – Rurik, Sineus and Truvor that formed the basis of the first Norman studies. The chronicle notes that the Novgorodians, inviting the princes, told them: "Our land is great and plentiful, but

there is no dress in it. "Yes, go to reign and rule over us." And before that, they decide: "Let's look for a prince, who would rule over us and judge by right" [32, p. eighteen]. It seems that the very fact of calling the prince is the result of the internal social development of the Eastern Slavs, to the service of the nobility of which he is invited. The problems of the history of the origin of statehood in Rus' are still in the sphere of ideological struggle. Thus, the West German historian Hartmut Rues admits that the controversy of points of view regarding the history of Rus' is due to several reasons, including the different worldview and political positions of scientists. American professor T. Anderson "traces" the evolution of Russian political thought from the Kyiv prince Rurik to the present [47, p. 4–5].

After the collapse of the USSR, publications appeared in Kyiv stating that the formation of the Old Russian state does not belong to the history of the state of Russia. So, P.P. Kononenko argued that Kievan Rus is older than Russia, since the statehood of Ukraine arose earlier than in Russia [25], but it is known that the term "Kievan Rus" is a book term. Then there was no Ukraine and Kievan Rus as a state. The term Ukraine and its statehood were defined in the 20th century. For the genesis of Russian legal thought is a call to unite and preserve the integrity of the Russian land. "The Tale of Bygone Years" is distinguished by the political outlook of its authors, understanding of the interests of the country and the desire to approve the legal forms of establishing and exercising state power [12, p. 216].

At the beginning of the XII century. in the country with the further expansion of feudalization, class relations sharply worsened. In 1113, after the death of the Great Kievan prince Svyatoslav, a powerful popular uprising broke out in the capital of the Old Russian state – Kyiv. Under these conditions, the ruling feudal nobility called the influential Prince Vladimir Monomakh to the throne of Kyiv. In the same year, in the village of Berestovo, he convened a meeting of the nobility, at which a new legal collection was adopted, known as the "Charter of Vladimir Monomakh", which aimed to eliminate the popular movement, strengthen the position of the ruling class at the cost of some concessions to the townspeople and peasants.

On the one hand, he sought to strengthen the foundations of the feudal legal order, on the other hand, in order to achieve "pacification" of the country, he made some concessions to purchases and smerds. These rulings included articles on "cuts" devoted to debt obligations, in which interest was somewhat limited. According to Art. 53 of the Long Truth, the lender, who gave money out of 50% on interest, was allowed to recover the specified "cut" from the debtor twice. If he received three times 50%, then he lost the right to collect the debt. The "appeasement" also includes articles that regulated the legal status of purchases, in which the position of purchases was mitigated and the arbitrariness of their masters was limited.

Purchases under Art. 56 it was allowed to go in search of money to pay the debt, to file a complaint against the master. In Art. 61, the legislator forbade the sale of purchases to private serfs. In the Charter of Vladimir Monomakh, the purchase is not a slave, but a feudally dependent peasant. The legal status of the purchase was limited, first of all, by the fact that he did not have the right to leave, except for the cases noted above, from his master. For committing theft or for escaping from the master, he turned into a serf.

The charter of Vladimir Monomakh differed from other monuments of the law of Ancient Rus' in an incomparably greater completeness of the legal regulation of social relations. The main legal norms included by Monomakh in Russkaya Pravda boiled down to the protection of the feudal legal order and the protection of persons and property, primarily representatives of the ruling class of feudal lords. Along with the detailed regulation of ob-

ligations, the Charter of Vladimir Monomakh establishes the principles of feudal family, inheritance and guardian law. The Charter also contains a large section on criminal and procedural law.

In his works, Vladimir Monomakh continued to develop the problems posed by Hilarion: the form of government, the amount of power of the Grand Duke, his moral traits, relations with princes, vassals and subject populations. He described the image of the ruler poetically. The Grand Duke remains faithful in words and deeds, has good thoughts and does good deeds, never takes revenge on anyone.

Vladimir Monomakh advises to judge righteously and not to allow lawlessness. "Deliver the offended from the hand of the offender, judge the orphan with righteousness ..., do not let the strong destroy a person." Monomakh does not accept the death penalty, proceeding from the moral postulates of Christianity. Vladimir Monomakh was the first in Russian history to express the idea of the responsibility of soldiers to the civilian population [12, p. 216-219].

It was not by chance that the Eastern Slavs called the oldest set of sources of ancient Russian law "Russian Truth". The word "right" stemmed from truth, justice. The truth is the truth, that which corresponds to reality; order based on justice. Back in the days of Russian Pravda, the concept of "right court" was born. Unfortunately, later cruelty and injustice became the basis of the new legislative and law enforcement activities of the state.

Russkaya Pravda makes it possible to study the social life of the Eastern Slavs for several centuries. Until the middle of the XII century. the text of Russian Pravda was supplemented and changed. The articles of Russkaya Pravda, most archaic in content, depict phenomena characteristic of the times of the pre-class system. Many articles give an idea of the emergence and development of state power, feudal property, and the legal status of social groups in ancient Russian society. Therefore, the content of Russkaya Pravda reflects the transitional period from the primitive communal system to a class society and the era of early feudalism.

Speaking about the limits of the Russian Truth, it should be noted that it was a valid normative act not only during the existence of the Old Russian state. For several centuries, it served as a guide in litigation. Separate norms of Russian Truth became sources of legal monuments of the period of feudal fragmentation in Rus', and then the codification of law in a single Russian state.

Russian Pravda left future generations a rich legal heritage and was of great importance for the development of Russian, Ukrainian and Belarusian law.

In subsequent years, Daniil Zatochnik, Nil Sorsky, Maxim Grek, Zinovy Otensky, Joseph Volodsky, Filofei, Fyodor Karpov, Ivan Peresvetov, Andrei Kurbsky, Ivan the Terrible, Ivan Timofeev, Simeon Polotsky, A. L. Ordin-Naschekin and other thinkers and educators exerted a noticeable influence on the solution of important state-legal problems, respectively, of those years. This was most clearly manifested in the preparation and adoption of the Code of Laws of 1497, the Code of Laws of 1500, the Council Code of 1649, "the conceptual foundations of which and the norms of law enshrined by them were not inferior to similar legal sources of Western states, and in some ways even surpassed them » [41, p. 9].

Following Ancient Russia, specific Rus' was a new stage in the history of Russian law and the state, which took place in conditions of political fragmentation, when separate Russian principalities and lands became independent on the territory of the once unified Old Russian state. The turning point in the development of law is associated with the appearance of the Pskov and Novgorod Judicial Letters, as well as princely charters.

The creation of the Pskov Judicial Charter, as well as the Russian Pravda, was of a long, drawn-out character. The text of the Diploma was supplemented and edited at veche meetings of the XIV-XV centuries.

The place of the Novgorod Judicial Charter in the system of sources of Russian law is characterized in a similar way. The part of the Novgorod Judicial Charter that has survived to this day contains mainly the norms of procedural law, in contrast to the Pskov Judicial Charter, which also contains the norms of criminal, obligation, marriage and family law. The Pskov and Novgorod Letters of Judgment had a significant impact on the formation of the legal tradition of the Muscovite state in the 16th century.

In the process of feudalization, the Old Russian state was fragmented into separate principalities and lands. Political fragmentation, which was a historical stage in the development of Rus', was a consequence of the economic and social isolation of principalities and lands. Political fragmentation increased princely strife, which led to a deterioration in the international position of Rus'. In the XII-XIV centuries, in Rus', the nature of princely power has changed. The movement of princes from one principality to another gradually ceased. According to some historians, the reason for the weakening of the political and social unity of Rus' in the XII century, the activity of rogue princes became destructive to the state.

The results of the systematization of law, carried out at the end of the 15th century, and in the middle of the 16th century, found expression in the Grand Duke's Sudebnik of 1497 and in the Sudebnik of 1550.

The Sudebnik of 1497 was based on previous legislation – both all-Russian and Moscow. The content of this Code of Laws is dominated by the norms of procedural law, much less civil law norms. Sudebnik paid primary attention to the organization and activities of the judiciary.

The Sudebnik of 1550, in contrast to the grand ducal Sudebnik of 1497, which reflected the early stage of the formation of a centralized state, is a systematization of the law that had formed a centralized Moscow state. This Code of Laws limited the powers of governors and volostels in favor of local governments, regulated criminal law and procedural relations in much more detail.

In the XV century, the Russian state entered the period of its state-legal centralization. The most important task facing the Moscow authorities is the expansion of the jurisdiction of the Grand Moscow Prince on the territory of the Russian principalities and lands annexed to the Moscow principality. In this regard, the legislation pays special attention to crimes that undermined the unity of state power. The criminal policy of the grand ducal authorities took into account the consequences of repression and took care of the preservation of the Russian principalities and lands as part of the Moscow united state.

At the beginning of the 16th century, state power especially needed a church justification for the unity of the social and state system, which led to the strengthening of the role of the Russian church in the country. During this period, persecution against heresies begins. It seems that the importance of heresies as a form of class struggle characteristic of the Middle Ages was somewhat exaggerated in literature. During the period of centralization of statehood in Rus', the authorities especially needed the ideology of unity. Therefore, the interests of the church and the state coincided.

The formation and development of a single centralized state included the formation of a single territory of the state through the unification of Russian lands and the establishment of the power of a single Moscow prince over the entire territory.

Theory of State and Law

The formation of the Russian centralized state was facilitated by the development of all branches of legislation. In the field of civil law relations, some novelties can be noted in the law of obligations and inheritance law. Unlike civil law, criminal law has undergone more significant changes. The concept of crime itself has changed. According to *Russkaya Pravda*, the infliction of material, physical or moral harm to someone was considered a crime. According to the Code of Laws of the XV-XVI centuries, crime began to be understood as actions dangerous to society and the state and therefore prohibited by criminal law. The term for the crime has also changed. Instead of offending *Russkaya Pravda*, it began to be called "dashing business." In accordance with the change in the concept of crime, the system of crime, the types and purposes of punishments change. At this time, civil and criminal proceedings are developing.

In order to centralize the state and subjugate the annexed territories to the power of the Moscow prince, letters of governorship were issued. Letters of vicegerent administration are systematizations of the accumulated legislative material. Among them, a special place is occupied by three groups of acts: customs, *zemstvo* and *lip* charters. All of them were published for a certain territory, while each variety was designed to regulate its own sphere of social relations.

The development, discussion, implementation and publication of the Council Code of 1649 were an important step in the history of the systematization of Russian law and legal technique.

The Cathedral Code determined the development of branches of law and legislation in the 17th century. Thus, chapters X, XVI–XVII are devoted to civil law, chapters I–V, XXI, XXII, etc. are devoted to criminal law. The chapters are devoted to administrative, financial law, criminal and civil proceedings. Thus, the Cathedral Code has made significant changes and additions to the legal regulation. However, the main principle of law remains the right-privilege for the feudal class, as before, the right of force prevailed over the force of law.

The compilers of the Council Code fixed the principle of inequality before the law, the basis of which was the different severity of the state tax for all classes of Russian society.

The legal provisions of the Council Code often contradict each other and deny themselves, which can be explained by the 17th century, the correlation of the provisions of the ancient principles of customary law with the new requirements of jurisprudence.

To this day, the problems of the normative composition and sources of law of the Council Code remain debatable. In historiography, some scientists of the XVIII–XIX centuries, allowed a clear exaggeration of the role of foreign legislation as a source of the Code. Other most controversial issues include the question of the legal nature of the process of enslaving the peasants.

The Cathedral Code of 1649 reflected the state of Russian society and the current problems of legal regulation in the 17th century, and had a great influence on the development of the Russian legal system, remaining the current source of law of the Russian state for almost two centuries.

The second stage is academic.

Insufficient level of development of Russian science and legal education, according to V.M. Syrykh was clearly manifested during the implementation of state-legal reforms by Peter I, which required qualified legal personnel for the state institutions and universities that were being created [41, p. 9].

The period of autocracy of Peter I (January 1696-January 1725), which lasted 29 years, contained many events significant for the political, military, diplomatic, socio-

economic history of Russia. Many of these events left a noticeable mark in the history of the domestic state and law. Some of the then innovations have survived to the present. Suffice it to recall that we now live according to the chronology established in our country by Peter I. The large-scale transformations carried out by him were reflected in the system of legislation. The emergence of many new objects of legal regulation required the publication of a significant array of legal acts. But it was not only the intensification of the legislative process.

For the legislation of Petrovsky time were characterized, on the one hand, unprecedented for the XV--XVII centuries. broad reception of foreign legal acts, and on the other hand, the desire of the legislator to regulate in detail the most diverse aspects of society and the activities of the state apparatus. Along with this, the first Russian emperor took the widest personal participation in the legislative process. For example, "Position of the Senate" had six editions prepared with the participation of the king.

Peter I owned the initiative and leadership of all legislative work, as well as the development and editing of individual legislative acts. In the process of this work, a new legal terminology was developed.

The reformist innovations of Peter I had a different fate. Most of the Petrovsky colleges were liquidated in the late 1770s–1780s. during the judicial and administrative reform of Catherine II. The order of succession to the throne, changed by the first Russian emperor in 1722, lasted until 1797.

In 1725, the Academy of Sciences was established, and in 1755, Moscow University, which included the first law faculty in Russia. Due to the lack of relevant professors, scientists from other countries were invited to the Academy of Sciences and the Faculty of Law. The invited academicians and professors did not know either the Russian language or Russian legislation, so the study of jurisprudence began with foreign law. In the future, the study and comparative analysis of foreign law constituted a characteristic feature of the Russian legal higher school.

Foreign scientists invited in the first half of the 18th century to the Russian Academy of Sciences by G.Z. Bayer, G.F. Miller, A.L. Shletser, Strube de Pymont and others, argued that the statehood of the Eastern Slavs was created by newcomers – the Varangians (Normans). Recognizing the East Slavic tribes that inhabited the Western European part of our fatherland at the beginning of the 9th century. backward with a very low culture, German academicians attributed great importance to a foreign element that penetrated among these tribes in the person of the first Varangian princes and the Normans who came with them. The Varangians, they noted, were the bearers of culture and gave them state institutions and laws. For example, A. L. Shletser noted that until the first half of the 9th century, that is, before the calling of the Varangians, there were people in the territory inhabited by the eastern, but people without government, who lived like animals and birds that filled their forests [31, p. . 419].

The authority of the German Norman scientists who worked in the Russian Academy of Sciences was so recognized that most Russian historians supported the Norman theory. But the Norman theory did not stop there. Historians began to compare the monuments of Russian law with the law of other peoples, looking for sources of Russian law. So, F. Moroshkin in the notes of the book by A. Reitz noted: "I think that Russian truth is a child of one family with barbarian codes, especially close to Scandinavian ... and Salic. Maybe she came to us along with the Russians in some kind of written form [35, p. 392].

Later, K. D. Kavelin correctly and figuratively characterized this desire to find the roots of Russian law in foreign law. "Will the researcher notice any similarity between our

custom and the Jewish one," the author wrote, "he boldly says that this custom is borrowed from the Jews, with Greek or Roman from the Greeks or Romans. There is no historical possibility, no obvious absurdity, which was not bravely jumped over, only to bring our ancient custom beyond distant lands, from a distant kingdom, no matter what: there would be a shadow of similarity, the weakest analogy" [3, p. 43].

The concepts of pre-revolutionary scientists on the problems of the history of the formation of the Old Russian state and law were based on the positions of two diametrically opposed, but equally controversial ideas about the level of socio-economic development of Kievan Rus. Some historians identified the norms of law with the social norms of the pre-class society of the Eastern Slavs. Others believed that the norms of Old Russian law could have been formed only under the influence or by borrowing the norms of foreign law.

At the present stage of development of the history of the Norman theory of the origin of the Old Russian state and law, it remains an important political issue.

The Norman theory in a number of points coincides not only with variants of the racial theory, but also with the theory of conquest. Many Normanists argued that the Old Russian state was created by the Varangians, who conquered the lands of the Eastern Slavs. The version of the Norman conquest remains one of the main arguments of modern Normanists. In this regard, echoing the racial theory and the theory of conquest, the Norman theory, ignoring the social causes of the origin of the state and law, presents racial differences and conquest as the sources of state and legal life.

In our opinion, the recognition of the "participation of the Varangians in the formation" of the Russian state or the identification of the role that the Varangians played in the creation of the state means the recognition of some important postulates of the Norman theory.

The process of formation of the Old Russian state began several centuries before the appearance of the Varangians in Eastern Europe. When the Varangians first appeared in Rus', there were already state-principalities [8].

Starting from the concept of the creation of the Russian state by the Varangian princes and their retinue, foreign scientists considered the monuments of Russian law as charters of alien princes, translated from the laws of their homeland. Therefore, the study of Old Russian law was carried out by comparing the norms of Russian Truth with those sources from which they were believed to have been incorporated. Monuments of Russian law were compared with Swedish, Danish and so-called barbarian laws of Norman origin; at the same time, the efforts of scientists were aimed at finding a corresponding article in the named laws for each norm of Russian Pravda.

The authority of German historians who preached the Norman theory of the origin of the Old Russian state and law gained such strength in Russia during this period that even the court historiographer N.M. Karamzin, who wrote Russian history under the auspices of Emperor Alexander I, sent the first volume of his History of the Russian State to Schlozer for review. It was some kind of scientific terror, which was very difficult to fight, wrote N.P. Zagoskin [10, p. 80].

Under the influence of the Norman theory N.M. Karamzin noted the low level of socio-economic development of the Eastern Slavs and the Norman origin of Russian law. He wrote: "... the Drevlyans had wild customs, like animals, with whom they lived among the dark forests, eating all kinds of uncleanness. Northerners, Radimichi and Vyatichi were likened to the customs of the Drevlyans ... The laws given by the Varangian princes to our state are very similar to the Norman ones ... The Varangians were the first officials, our famous warriors and citizens ..., the Varangians brought with them general civil laws to

Russia, known to us according to the treaties of the great princes with the Greeks and in everything agreeing with the ancient Scandinavian laws" [14, p. 43, 139–140].

At the end of XIX – beginning of XX centuries. Norman theory was not forgotten in the West either. One of the leading Normanists, Professor of the University of Copenhagen V. Thomsen, noted: "The tribe that founded the Russian state and gave it its name was of Scandinavian origin ... The laying of the first foundations of the Russian state system," he argued, "is the business of the Scandinavians" [44, c. 16, 118]. After the publication of the work of V. Thomsen in Russia, many Russian historians came to the conclusion that the Norman origin of the Old Russian state and law was proved. Even the professor of the Moscow Theological Academy E.E. Golubinsky, departing from the theological theory of the divine origin of the state and law, joined the Norman concept of the origin of the Old Russian state. He said: "The history of our state began with the fact that they were voluntarily called up or (much more likely) involuntarily accepted, the Norman Varangians-Russians came to lead us ... In the 9th century. our Russian state was founded by the Varangians" [7, p. 63].

The huge flow of Norman literature, mainly on the origin of the state in the last century, is basically a product of anti-Sovietism, it was generated by the desire to prove the "primordial inability" of the Russian people to organize. So, for example, in the book of V. Keller, translated from German and published in New York in 1962, entitled "East minus West = zero", it is argued that the Russians from the very beginning of their history showed an inability to scientific and technical progress and were forced borrow knowledge from the West [28, p. 118].

Until the 1960s, the Norman theory of the origin of ancient Russian law did not meet with serious objections in the West. In 1963, Kore Selnes's work "Old Russian Law and Scandinavian Laws" appeared in Oslo, in which the author came to the conclusion that Russkaya Pravda and Scandinavian laws reflect two different historical stages in the development of society. Russian Truth, according to the author, is more ancient than the Scandinavian laws of the XII-XIII centuries. [20, c. 198].

The Norman theory of the origin of the Old Russian state and law, both from the point of view of the actual (historical) and theoretical, is unscientific. According to the Normanists, the Eastern Slavs were subsequently introduced to culture allegedly only under the influence of Norman, and then Byzantine cultures. So, for example, E.N. Schepkin believed that Kievan Rus was involved in the sphere of influence of the Viking culture mainly due to the Scandinavian origin of its first dynasty of princes, and "the Varangian squad of the" Russian "princes was at one time a stable conductor of the typical features of this uniform culture" [50, p. 153].

It is necessary to consider other points of view that interpret the "imported" origin of the Old Russian state and law. It is disputable that the Byzantine church hierarchs invited to Rus', as noted in the book Russian Legislation, "brought along with the new religious system a new legal system" [36, p. 153].

There was another point of view that the sources of both Russian Pravda and the agreements between Rus' and Byzantium, concluded in the 10th century, were mainly the norms of ancient Jewish law. These provisions were intended to prove the backwardness of the Eastern Slavs, the "primordial inability" of the Russian people in state-legal and cultural relations, and the unoriginality of Russian Truth.

At one time, some scientists tried to prove the Jewish origin of some sources of ancient Russian law. The idea was expressed that the legal and literary sources of Russian Truth and international treaties between Rus' and Byzantium were ancient Jewish legislation and literature. So, comparing inheritance law according to Russian and Mosaic-

Tolmudic legislation, M.G. Morgulis concluded that Art. 13 of the agreement between Rus' and Byzantium in 911 equally regulated social relations in the two countries, and among the Rus, judging by the Russian Pravda, the order of inheritance was based mainly on the principles of Mosaic-Tolmudic legislation [29].

G.M. Barats tried to prove that the literary and legal sources of both the treaties of Rus' with Byzantium and Russian Pravda are supposedly ancient Jewish legislation and literature. He, like the Normanists, tried to prove the foreign origin of Russian Truth. Having set such goals, they found what they needed, but the question is, how did they find it? Some were looking for relevant foreign legislative acts, which allegedly were the "originals" of the norms of Russian Truth. Others, like G.M. Barats, added another method of research to the comparative method – "this is the elimination from each given sentence of words and phrases that were erroneously woven there by scribes, and the rearrangement of both the treaty documents themselves and chronicle stories where they should stand and originally undoubtedly stood, but, due to the oversight of the writers, were skipped, as well as the transfer from one place to another of entire segments and periods. According to the author, "this work is similar to the so-called line-shifting, page-layout" in typography [3, p. eight]. If desired, if you resort to the "operations" proposed by G.M. Barats, one can "prove" the Jewish origin of the law of all peoples.

The question of the national identity of Old Russian law has another aspect. In the 19th century, Ukrainian nationalists put forward a version according to which the Old Russian state and law are by their nature the Ukrainian state and law. Neither in the 9th nor in the 12th century can we still talk about Ukraine, there is still no Ukrainian culture and nationality. Then there was a single ancient Russian nationality, which later would give rise to three independent nationalities.

Until the 18th century there were no law faculties in Russia, and there were no professors of their own. After the establishment of the university in the second half of the XVIII century. The teaching of jurisprudence was introduced in Russia for the first time, for which foreign scientists were invited. Since they had no idea about Russian law, the study of jurisprudence began with foreign law. In the future, the study and comparative analysis of foreign law were a characteristic feature of the Russian legal school [43, p. 41].

The first to speak out against the Norman theory was M.V. Lomonosov. In 1749, in the notes on the thesis of G.F. Miller on "The Origin of the Russian Name and People" he criticized all the main provisions of the Norman theory. The Old Russian state, according to M.V. Lomonosov, existed before the arrival of the Varangians in the form of disunited tribal unions and separate principalities. Lomonosov emphasized that it was not the weakness and inability of the Eastern Slavs to govern, as the Normanists claimed, but internal contradictions, which were suppressed by the strength of the Varangian squad, were the reason for calling the Varangians [27].

The great Russian scientist M.V. Lomonosov used extensive sources about the Slavs to build his conclusions. Miller, trying to prove the decisive role of the Normans in the history of the Eastern Slavs, used the Scandinavian sagas, but ignored the evidence of ancient and other writers about the Slavs. In a polemic with Miller, the source base of M.V. Lomonosov was much richer and more thorough than Miller's [2, p. eleven]. M. V. Lomonosov showed the centuries-old history of the Slavs before the Varangians came to them and that their level of socio-economic development was not as low as Miller and then other Normanists drew. The merit of M. L. Lomonosov is that he spoke out against the theory of the introduction of Russian statehood from outside.

In the second half of the XVIII century, among Russian scientists, a prominent place belongs to S.E. Desnitsky – the founder of the history of Russian law, the first Russian academic lawyer. He owns a number of "Words" and "Discourses" at meetings of Moscow University, in which he outlined his views on the theory and history of state and law. This is the "Word about the direct and closest way to learning jurisprudence" (1768); "A word about the causes of death penalty in criminal cases..." (1770); "Legal discourse on the benefits of knowledge of domestic legislation and on the necessary renewal of it in state highly patronized schools" (1778), etc.

In contrast to the theory of "natural law" as the basis of the social order, which was widespread at that time, S.E. Desnitsky believed that changes in the social system are associated with changes in the concepts of private property, with the evolution of economic life. Therefore, the origin of the state and law S.E. Desnitsky connects with the emergence and development of private property. In a legal discourse on the origin of property, delivered in 1781, S.E. Desnitsky was the first to express the idea of the feudal nature of social relations in Ancient Rus' and the need to combine three elements in the study of the history of law: historical, theoretical and philosophical. This idea was expressed by the author in the "Sermon on the Direct and Nearest Method for Teaching Jurisprudence", delivered by him on June 20, 1768. This conclusion was made by S.E. Desnitsky is notable for the fact that at that time Western European lawyers did not even think about such methods of studying the history of law.

Materialist according to general philosophical views, S.E. Desnitsky took a step towards a materialistic understanding of history. According to the scientist, the reason for the emergence of the state was "the beginning and origin of property in the exalted state of peoples", and to study the history, laws and customs of peoples follows from the conditions of economic life [9, p. 6].

Thus, the formation of theoretical and historical legal sciences originates from the period of the formation of the Old Russian state and law. However, some Russian jurists believe that the beginning of legal science dates back to the 18th century, when the Academy of Sciences and the first universities were created in Russia. V.S. Nersesyants noted: "Legal science in Russia was formed under the noticeable influence of Western European jurisprudence ... The reforms of Peter I played an important role in this. the work of S. Puffendorf "On the duties of a citizen and a person" was translated. The first teachers at Russian universities were foreigners, mostly Germans, who were guided by the provisions of the then German jurisprudence and the philosophy of natural law" [30, p. 135].

So, the attempt to raise legal science and education at this stage failed. Since at the university all lectures in the disciplines of the curriculum were given in German or Latin, in 1765, out of 18 students of the law faculty, half filed statements about the lack of "the inclination to learn more about the sciences." Due to a shortage of students, the university was closed in 1766 [41, p. ten].

During the reign of Catherine II (1762–1796), trends are outlined to improve the process of formation of theoretical and historical legal sciences. During her reign, many progressive state reforms were carried out. In the same years, political and legal theories were formed, trends were outlined to improve legal science and education. Significant progress has been made in the field of culture. Catherine II substantiated the need for transformations in socio-economic and political relations. The Empress, having come to power as a result of a coup d'état, established the legitimacy of her stay on the Russian throne and developed a new official ideology of absolute monarchy in Russia.

On the nature of the supreme power in the period 1762–1796, the personal views of Catherine II, sincerely convinced that the monarch is called to work for the common good of his subjects, and any of their discontent should be considered by the monarch as his personal flaw, had a great influence. Starting to implement her political and legal program, based on the ideas of European enlighteners, Catherine paid considerable attention to creating a high-quality legal basis for her transformations. As a result, the legislation of the reign of Catherine II is an impressive collection of legal acts affecting all spheres of life in Russian society in the second half of the 18th century.

Important changes took place during the reign of Catherine II in the system of central and local government. In the course of the provincial reform of 1775, as part of the decentralization of administration, there was a redistribution of powers in favor of local authorities, which created the conditions for the gradual elimination of colleges, which finally ended at the beginning of the 19th century.

In the field of systematization of the accumulated legislative material, Catherine II, like her predecessors, made an unsuccessful attempt by convening the Legislative Commission, the purpose of which was to develop a new Code to replace the Cathedral Code of 1649. The Legislative Commission worked for more than one year, but then, without having reached the task, was disbanded in connection with the start of the Russian-Turkish war. However, the materials developed by the commission were in demand at the beginning of the 19th century. In the course of new work on the systematization of legislation.

The third stage is the university stage, when legal personnel were trained at Russian universities and by Russian professors, and postgraduate training of scientific and pedagogical personnel was carried out by leading European educational institutions.

Achievements of Russian legal science of the XVIII century. were prepared by the works of M.V. Lomonosov, S.E. Desnitsky, Ya.P. Kozelsky, M.M. Shcherbakov and others.

In the science of the history of the state and law of Russia in the first half of the 19th century, in the conditions of the ongoing process of decomposition of the old serf relations in Russia, the so-called theory of the “official nationality” appears, the most prominent representative of which was the follower of the Norman theory of the origin of the Russian state M. P. Pogodin. In his works on the history of Russia, M.P. Pogodin depicted relations between classes without a struggle, assured that the foundations and foundations of the state were “Orthodoxy, autocracy and nationality”, that “unconditional obedience” is the eternal quality of the Russian people. “The Slavs were and are a quiet, calm, patient people. Ours had and still have these qualities to the highest degree,” M.P. emphasized. Pogodin.

The main studies of M.P. Pogodin on the issue of the origin and degree of influence of the Varangians on the life and law of the Eastern Slavs are collected in three volumes of his "Research, remarks and lectures on Russian history" [33]. Back in 1825, the first work of M. P. Pogodin "On the Origin of Rus" was published (the author's master's thesis). This work determined the subsequent historical direction of Pogodin: he became a Normanist and defended the Norman theory of the origin of the Old Russian state and law until the end of his life. M.P. Pogodin was an opponent of the so-called "skeptical" and "Slavic" schools.

The founder of the skeptical school was considered the professor of Moscow University M.T. Kachenevsky. The most famous representatives of this school were S.M. Stroevev, N.A. Polevoy and N.S. Artsybyshchev. "Skeptics" believed that in the chronicles of the first two centuries of Russian history there are many fabulous or borrowed sources. So, M.T. Treaties with the Greeks seemed doubtful to Kachenevsky, as allegedly inconsistent with the legal development of the Slavs and Varangians of the 10th century. The adherents of this

school shared the Norman theory in many respects. "The laws of the Germanic peoples, the feudal system of Europe, the crusades with their own consequences, these are the sources of Russian Pravda," he wrote. M.T. Kachenevsky [15, p. 183].

Representatives of the Slavic school rejected the Norman (Varangian) origin of the Varangian-Russians and considered them and the first Russian princes to be Slavs. Challenging the teachings of the first school, M.P. Pogodin defended the authenticity of the most ancient monuments of Russian law. Not sharing the teachings of the Slavic school, Pogodin proved the decisive influence of the Normans on the social, political system and law of Ancient Rus'. The first period of Russian history – from the calling of princes to the death of Grand Duke Yaroslav (862–1054) – M.P. Pogodin called the Norman period. In 1859, a monograph by M.P. Pogodin devoted to this period [34].

In the struggle between noble historiography and bourgeois historiography, two historical schools emerged: Slavophiles and Westernizers. Representatives of the first school, the most prominent of which were the brothers K.S. and I.S. Aksakovs [1], brothers I.V. and P.V. Kireevskie [17], A.S. Khomyakov [48], I.D. Belyaev [4], set as their goal to prove that Russia would go its own, non-capitalist path, opposed the revolutionary path of development. According to the Slavophiles, in the West the states were based on violence, while in Russia the power of princes, and later tsars, was based on calling them the people. They noted that the meek and submissive Russian people never achieved political power and did not rebel against tsarism. The Slavophiles considered the uprising of the Decembrists "the fruit of non-Russian principles."

Unlike the Slavophiles, the so-called Westerners, on the contrary, considered it necessary for Russia to take a bourgeois path of development, but, of course, without revolution. Prominent representatives of this school (and the so-called state school) were legal historians K.D. Kavelin [13], B.N. Chicherin [49] and the author of "History of Russia since ancient times" in 29 volumes – S.M. Solovyov [40].

Westerners emphasized the important role of the Russian state in history, arguing that this state allegedly expressed the interests of all sections of society, i.e. was above the classroom. While the Westerners had some differences in their views on the main points in the history of the Russian state and law, they also had some common views directed against the Slavophil theory. In their opinion, the Russian community appeared in the 15th century, and not before the formation of the Old Russian state, as the Slavophiles claimed.

The idealistic theory of the state school was supposed to serve as an ideological support for the autocracy, capable of preventing a revolution and carrying out reforms, which, by the way, satisfied the bourgeois liberals. The government was forced to carry out bourgeois reforms in the second half of the 19th century; the feudal state was replaced by a capitalist state [26, p. 78].

In the second half of the XIX century, the views of the early bourgeois school of Russian law histories were developed by V.I. Sergeevich, M.V. Vladimirsky-Budanov, D. Samokvasov, A. Filippov and others, the works of famous Russian historians V.O. Klyuchevsky, N.A. Rozhkov, legal historian M.A. Dyakonova and others.

V.I. Sergeevich, the author of many works on the history of Russian law, developed the so-called contractual theory of the origin of the state, according to which the Russian state arose as a result of the conclusion of an agreement between the council, the body of popular representation, and the prince [38]. As noted by S.V. Yushkov, Sergeevich's works are characterized by a dogmatic approach to the study of the institutions of law. V.I. Sergeevich does not distinguish between institutions and institutions of the 9th–10th centu-

ries and in solving many issues on the history of law, he develops the views of Solovyov and Chicherin [51, p. 23].

V.I. Sergeevich is one of those scientists who exaggerated the influence of Byzantium on the history of Rus'. So, the similarity of some institutions of Byzantine and Russian law V.I. Sergeevich explains exclusively by borrowing Russian from the Greeks. Therefore, the reception of Byzantine law with him is one of the main ways of forming ancient Russian law.

M.F. Vladimirsky-Budanov in his works, especially in the "Review of the History of Russian Law" [5], put forward a new explanation for the origin of the Russian state. He is the founder of the "zemstvo theory", according to which there were three authorities in the Old Russian state: the prince, the boyar дума and the veche, moreover, the prince is a monarchical element, the boyar дума is an aristocratic and the veche is democratic.

It should be noted that M.F. Vladimirsky-Budanov, on the question of the origin of the Old Russian state, did not share the point of view of the Normanists. He said: "The time of the origin of the zemstvo state should be attributed to the prehistoric era (before the beginning of chronicle stories). The Slavic tribes already then passed from a purely tribal way of life to a state, zemstvo way of life, i.e. formed principalities – lands ... The Varangian princes found a ready-made state system everywhere" [5, p. 12–13]. However, the author explains the formation of Russian law under some influence of the Norman theory. Since the X century. the eastern Slavs "were involved in the adventurous squads of the Varangians in a clash with individual countries. This disturbed the former calm level of customary law in two ways: it increased the diversity in the understanding of legal norms and forced them to agree their domestic norms with foreign ones. Hence the first methods of legislation arose: agreements with foreigners and the reception of foreign laws" [5, p. 89].

In the first half of the 19th century, the processes of the formation of a new system of sources of domestic law took place: new principles of systematization were built; there was a registration of branches of legislation and branches of law; new sources of law were added and built into a hierarchical system; the principles of bourgeois law and the division of law into public and private were approved.

At the center of the entire system of sources of Russian law of this period are two large collections of legislative acts – "The Complete Collection of Laws of the Russian Empire" and "The Code of Effective Laws of the Russian Empire". They were based on different principles. The first meeting was based on the chronological order of the arrangement of regulatory legal acts, including both existing and legal acts that have already lost their legal force. The second included existing acts, structured according to the sphere of legal regulation, thematically.

The "Code of Acting Laws" reflected the process of identifying and formalizing the most important branches of law: criminal, civil, and administrative law. In turn, for example, within the framework of the Code of Civil Laws, sub-sections were distinguished: on the rights of wealth, on personal and material rights in general, on personal and material rights in particular, on the procedure for drawing up and committing acts, on litigation.

The system of sources of law of the Russian Empire in the first half of the 19th century was a complex hierarchy of various types of sources of law: manifestos, personal decrees, codes, regulations, institutions, statutes, regulations, opinions of the State Council, journals of the Committee of Ministers, etc. However, no clear distinctions were made between them during the period under review. However, some differences between them can be traced. For example, manifestos were acts that came directly from the emperor on certain issues (announcement of a significant event, the start of a war or the conclusion of peace, for the declaration of certain goals).

Nominal decrees also came directly from the monarch and through them, for example, orders were issued to the Governing Senate to put into effect a certain institution, or through nominal decrees, the opinion of a minority of members of the State Council could be approved.

Various orders and instructions established the rights and obligations of specific authorities and officials (General order to ministries in 1811, General instructions to governors-general in 1853, etc.).

At the beginning of the XX century, the "trade theory" developed by the famous Russian historian V.O. Klyuchevsky. According to this theory, the emergence and development of the Old Russian state and law was determined by trade. In his works, written mainly at the end of the 19th century, V.O. Klyuchevsky posed a number of new interesting questions. He dealt with many problems: the economic and social development of Russia, the history of Russian culture, historiography, etc. The most distinct general views of V.O. Klyuchevsky can be traced in his "Course of Russian History", covering the history of Russia from ancient times to the 19th century. Unlike most historians, including his contemporaries, V.O. Klyuchevsky refuses to periodize the history of the country according to the reigns of princes and tsars. Eastern Slavs, according to V.O. Klyuchevsky, back in the VI century, formed a military alliance in the Carpathians [18, p. 110]. Thus, he does not adhere to the Norman theory of the origin of the Old Russian state. But V.O. Klyuchevsky erroneously believed that in the first period "the dominant factor in economic life is foreign trade with the resulting forestry, hunting and beekeeping (forest beekeeping)" [18, p. 33], that at that time "institutions, social relations (including legal relations – R. X.), morals ... were direct or distant consequences of the combined action of the two indicated factors, the volost trading city and foreign trade" [18, p. 103]. Therefore, "Russian Truth" – a monument of the feudal law of the Old Russian state – at V.O. Klyuchevsky is characterized as a "Code of Capital", "primarily Code of Capital" [18, p. 247], and the head of state – the prince – as a "military watchman of the land and its trade routes" [19, p. 46]. Works by V.O. Klyuchevsky had a great influence on the views of historians and historians of law.

At the end of XIX and beginning of XX century, the works of the outstanding Russian scientist M.M. Kovalevsky, whom K. Marx called his "friend in science". M.M. Kovalevsky was a prominent scientist of his time and is known as a sociologist, lawyer, historian, and economist. About M.M. Kovalevsky was written a lot and his assessment is often contradictory [37].

In the works of M.M. Kovalevsky on ancient history, for example, Primitive Law [21], there are interesting data on the customs and customary law of the Slavs, including the Eastern Slavs. M.M. Kovalevsky did a lot to spread the comparative method in jurisprudence. A.A. Tille and G.V. Shvekov writes in his interesting book: "M.M. Kovalevsky proved that similar institutions are determined by similar conditions of historical development, ... using the comparative method, he proved the originality of Russian law" [43, p. 91]. In principle, this opinion is correct.

So, characterizing the comparative method, M.M. Kovalevsky emphasized: "... a simple comparison between the legislation of the two countries, in addition to relating to the question of the extent to which one of them lagged behind the other in its social development, is both useless and dangerous – useless in the sense that from the fact of an accidental similarity or no less possible difference, absolutely no scientific conclusions can be drawn ... It can be very interesting to compare the legislation of several peoples on this or that issue, but to draw the conclusion based on this comparison that one therefore must be introduced everywhere, while the other is ousted from everywhere – it means nothing more, nothing less, how to clearly

prove the complete inability to see a causal connection between the legislation of a certain people and the sum of those social phenomena under which it developed" [22, p. 8–9].

It is difficult to agree with the opinion of A.A. Tille and G.V. Shvekov that M.M. Kovalevsky, using the comparative method, proved the originality of Russian law. In our opinion, M.M. Kovalevsky in his works sought to show the originality of the "Slavic law". In addition, M.M. Kovalevsky sometimes exaggerated the importance of borrowing institutions by one people from another, although he noted that borrowing in its pure form does not exist. E.A. Skripilev rightly noted that M.M. Kovalevsky, on the one hand, deeply substantiated the comparative historical method, and on the other hand, demonstrated how it should be applied in studies of primitive society [39, p. 24].

The fourth stage is the "Golden Age", when the training of scientific and pedagogical personnel was carried out by scientists from Russian universities. V.M. Raw second half of the XIX century. – the beginning of the XX century. characterizes as the "Golden Age" of Russian jurisprudence. By the middle of the XIX century. there were 11 higher legal educational institutions in the country: 7 law faculties as part of Moscow, St. Petersburg, Derpt, Kazan, Kyiv, Kharkov University; School of Law and three lyceums: Aleksandrovskiy, Demidovskiy and Nezhinskiy. More than 80 Russian lawyers during this period were awarded master's or doctoral degrees in law during this period. The greatest research success during this period, according to V.M. Raw, accompanies talented Russian scientists. S.I. Barshchev, N.Kh. Bunge, N.P. Demidov, I.D. Ivanishchev, N.V. Kalachev, N.F. Rozhdestvensky, N.M., Karamzin, M.M., Speransky, K.D. Kavelin, V.N. Leshkov, F.L. Moroshkin [41, p. 11].

Mid 19th century the period of active formation of branches of legislation and law. At this stage, the process of formation of the state, civil, administrative and criminal branches of law has been completed. The emerging branches of law were civil procedural law, criminal procedural law, financial law, labor law, family law and land law.

In the middle of the XIX century. the prerequisites for state-legal reforms of the second half of the 19th century were determined: the Peasant Reform of 1861, the Judicial Reform of 1864, the Police and Prison Reforms, the Financial Reform, the City Reform, the Zemstvo Reform, the Military Reform.

At the same time, scientific research was carried out in the branches of science of state law, civil law, criminal law and administrative law, and all sciences in the emerging branches of Russian law. It seems that in the "Golden Age" the science of the theory of state and law was established and it was presented in the works of Yu.S. Gambarova, V.M. Gessen, B.A. Kistyakovskiy, M.M. Kovalevsky, N.M. Korkunova, K.A. Nevolina, P.I. Novgorodskiy, L.I. Petrazhitskiy, P.G. Redkina, V.P. Sergeevich, V.S. Solovyova, P.N., Checherina, G.F. Shershenevich and others.

The theory of state and law in the second half of the XIX century – the beginning of the XX century was represented by a variety of general theoretical concepts of state and law: natural law, sociological, psychological, materialistic, normative. The scientific works of Russian theorists of state and law were combined with fundamentality and logic. Common to most theorists of state and law was a critical attitude towards the police regime of autocracy and the powerless position of the people.

At the same time, the question of the interpretation of the origin, role and purpose of law was confused and complicated. Thus, for example, the question of law was seen as a product of "social contract", "natural selection", "discretion of statesmen" and "reason".

"Law is that product of the mind," J. Kohler noted, "which indicates to the individual the area of activity appropriate to her, and, thereby, enables individuals separately and fruitfully, in interaction, to achieve the goal of reasonable coexistence" [23, p. 7].

Law is a product of love. This concept was expressed at the beginning of the 20th century Russian scientist A.A. Rabbit. According to the author, the ongoing unconscious process of the development of social life, under the influence of which a person is re-educated from "an unbridled beast into the most perfect social being, suggests to the human consciousness not only the completed results of his action, but also the direction in which the next step forward should be taken. , its ultimate goal, its innermost ideal ... This ideal lives in our soul, as some higher, absolute good, the power and meaning of which are given to us directly and do not require any justification. This ideal is love. Everything that we invent is worth nothing without love. It is this ideal that should be the guiding principle of human creativity in the field of law" [24, p. 105–106].

Law is also not "the order of histological and biological phenomena. The totality of written and unwritten norms, – wrote Leo Geller – which we call "law", is a complex order of the state system and state activity, the order of histological and biological phenomena occurring in a social organism, as in any organic being" [6, p. thirty].

In the historical and legal science of that period, there were many concepts of the origin of law. V.F. Zalessky in his monograph "Power and Law" made an attempt to build a general, as he put it, "utilitarian-evolutionary theory of law". The material collected in the titled book and the different points of view of his colleagues on law indicate that the author only tried to combine various concepts of law. Right, wrote V.F. Zalessky, "there is a public order", which is the protection by society of the interests of both individuals and groups of individuals, and of the whole society as a whole. Speaking about the relationship between customary law and law, the author noted that the state power, when exercising the legislative function, is incomparably less likely to make mistakes than the mass of the population when developing customary law, because those in power receive appropriate education and upbringing, special preparation and so on ... in comparison with which the "dark mass of the people", groping gropingly and at random, at the cost of a huge mass of mental labor creating several approximately expedient norms of customary law, is a sad and pitiful sight, and sometimes even full of tragedy" [11, p. 231].

This conclusion V.F. Zalessky, as it were, was supplemented by K. Kachorovsky. Speaking of the "gap" between laws and people's life, he emphasized that several thousand officials know the laws, who need to know them "primarily" in order to bend or circumvent them, generally subordinate them to one or another interest. The legislative tops are separated by a wide abyss from the legislative, so to speak, "lower classes", and, at the same time, the law aims almost exclusively at the interests of the first, and not the last" [16, p. 29].

Conflict of interest.

The author confirm the absence of a conflict of interest.

Bibliographic list

1. Aksakov K. Historical works /ed. I. S. Aksakova. Moscow: Univ. type., 1889. T. 1. 652 p.
2. Alpatov M.A. Russian historical thought and Western Europe XII-XVII centuries. Moscow: Nauka, 1973. 219 p.
3. Barats, G.M. Critical and comparative analysis of the treaties of Rus' with Byzantium: Restoration of the text, translation, comments. and comparison with other legal monuments, in particular – with Russian Pravda / G.M. Barats. Kyiv: type. 1 Kyiv. oven artels. affairs, 1910. 266 p.

Theory of State and Law

---

4. Belyaev I.D. Lectures on the history of Russian legislation / [op.] ID Belyaeva. 2nd ed. Moscow: type. A. A. Kartseva, 1888. 584 p.
5. Vladimirsky-Budanov M.F. Review of the history of Russian law / [Coll.] Prof. M. F. Vladimirsky-Budanov. 7th ed. Petrograd; Kyiv: N.Ya. Ogloblin, 1915. 699 p.
6. Geller, Leo. Origin, essence, development and division of law / Dr. Leo Geller; Per. with him. A. Yasevsky. Kazan: [br. Bashmakovs], 1895. 34 p.
7. Golubinsky, E.E. History of the Russian Church. Volume 1 (first half of the volume). The first period, Kyiv or pre-Mongol / E. Golubinsky. Ed. 2, corrected and supplemented, published by the Imperial Society for the History of Russian Antiquities at Moscow University. Moscow: University Printing House, 1901. 966 p.
8. Grekov B.D. Kievan Rus. Moscow, 1953. 568 p.; History of Kyiv. Kyiv, 1963.
9. Desnitsky S.E. Legal reasoning about the different concepts that the peoples have about the ownership of the estate. Moscow, 1781.
10. Zagoskin N.P. History of the law of the Russian people: Lectures and research. on the history of Russian rights N.P. Zagoskin, prof. Imp. Kazan. University. T. 1. Kazan: Tipo-lit. Imp. un-ta, 1899. 512 p.
11. Zalesky V.F. Power and Law: Philosophy Lens. rights / [V.F. Zalesky]. Kazan: type. B.L. Dombrovsky, 1897. 298, XXIV p.
12. History of political and legal doctrines: a textbook for universities / Ed. ed. V.S. Nerseyants. 4th ed., revised. and additional. Moscow: Norma, 2004. 944 p.
13. Kavelin K.D. Works. Ethnography and jurisprudence. – V. 4: [studies, essays and notes by K. D. Kavelin] / with notes. prof. D. A. Korsakov. St. Petersburg, 1907.
14. Karamzin N.M. History of Russian Government. Moscow, 1903. T. I. 548 p.
15. Kachenevsky M.T. On the feudal system // Bulletin of Europe. 1829. No. 19. C. 183.
16. Kachorovsky K. People's law: [Historical and legal. research] / K. Kachorovsky. Moscow: Young Russia, 1906. 253 p.
17. Kireevsky P.V. About ancient Russian history // Muscovite. 1845. No. 3.
18. Klyuchevsky V.O. Op. Moscow, 1956. T. I. 427 p.
19. Klyuchevsky V.O. Boyar Duma of ancient Rus' / V. O. Klyuchevsky. Ed. 5th. St. Petersburg: Lit.-ed. otd. People's Commissariat for Education, 1919. 543 p.
20. Kovalevsky S.D. Another blow to the supporters of the Norman theory // Questions of History. 1964. No. 1.
21. Kovalevsky M. Primitive law. Moscow, 1886. Issue. 1–2 (Full version). 345 p.
22. Kovalevsky M.M. Historical-comparative method in jurisprudence and methods of studying the history of law. Moscow: Type. F.B. Miller, 1880. 73 p.
23. Kohler, Joseph. Law as an element of culture / Prof. Color; Per. A.E. Worms. Moscow: Grosman and Knebel (I. Knebel), 1896. 53 p.
24. Rabbit A.A. Ideas of legislative creativity and regular development of law in the latest jurisprudence. St. Petersburg: Type. M. Merkusheva, 1913. 107 p.
25. Kononenko P.P. Love your Ukraine. Kiev: Tvim inter, 1996. 224 p.
26. Lenin V.I. About the state // Full. coll. op. T. 39. P. 64–84.
27. Lomonosov M.V. Ancient Russian history from the beginning of the Russian people to the death of Grand Duke Yaroslav the First or until 1054, composed by Mikhail Lomonosov, state councilor, professor of chemistry and member of the St. Petersburg Imperial and Royal Swedish Academies of Sciences: [ch. 1–2]. St. Petersburg: At Imp. acad. Sciences, 1766. 140 p.
28. Marushkin B.I. History and politics [Text]: American. bourgeois historiography of Soviet society. Moscow: Nauka, 1969. 394 p.
29. Morgulis M.G. The right of inheritance according to the Moses-Talmudic legislation in comparison with the Russian right of inheritance according to the law. St. Petersburg, 1867.
30. Nersesyants V.S. General theory of law and state. Textbook. Moscow: Ed. Group Norma-Infra, 1999. 539 p.

31. Nestor. Russian chronicles in the Old Slavonic language / Collated, translated and explained by August Ludovik Schlozer, court counselor, doctor and professor at the University of Götting and holder of the Order of St. Equal-to-the-Apostles Prince Vladimir of the 4th degree; Translated from German by Dmitry Yazykov, a member of the St. Petersburg Society of Lovers of Sciences, Literature and Arts. St. Petersburg: Printed in the Imperial Printing House, 1809–1819. Ch. 1: [Russian Time Book in the Old Slavonic language. Translated and explained. Introduction to Russian history, before the coming of Rurik in 862] [Text]. Printed at the Imperial Printing House, 1809. 475 p.
32. The Tale of Bygone Years [Text] / Acad. sciences of the USSR; prepared text by D. S. Likhachev; per. D. S. Likhachev and B. A. Romanov; ed. Corresponding Member Academy of Sciences of the USSR V.P. Adrianov-Peretz. Moscow-Leningrad: Acad. Sciences of the USSR, 1950. 404 p.
33. Pogodin M.P. Studies, remarks and lectures by M. Pogodin on Russian history. T. 1–3. Moscow: Published by the Imperial Moscow Institute of Russian History and Antiquities, 1846–1856 (in the University type.).
34. Pogodin M.P. Norman period of Russian history / Op. M. Pogodina. Moscow: Type. V. Gauthier, 1859. 215 p.
35. Reitz A. Experience in the history of Russian state and civil laws: Per. with him. F. Moroshkina / Op. prof. Alexander Reitz. Moscow: Ed. F. Moroshkin, 1836. 417 p.
36. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes / under the general editorship of Doctor of Law, Professor O. I. Chistyakov. Moscow: Legal Literature, 1984. V. 1: Legislation of Ancient Rus' / Executive Editor Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences Professor V. L. Yanin. Moscow, 1984. 430 p.
37. Safronov B.G. MM. Kovalevsky as a sociologist. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 1960. 263 p.
38. Sergeevich V.I. Antiquities of Russian law. St. Petersburg, 1909. T. I. 697 p.
39. Skripilev E.A. Historical-comparative method in Russian jurisprudence in the second half of the 19th – early 20th centuries // Methodology of historical and legal research. 1980. P. 17–28.
40. Soloviev S.M. History of Russia since ancient times. Moscow: Sotsekgiz, 1959. Book. 1 (vol. I-II). 811 p.
41. Srykh V.M. The Way of Russian Legal Science // Legal Science and Historical Ideology of Russia: Encyclopedic Dictionary of Biographies / Ed. ed. V.M. Raw. T. 1. Moscow: RAP, Ed. group "Lawyer", 2009. 918 p.
42. Theory of state and law: textbook, ed. A.S. Pigolkin. Moscow: Yurayt, 2005. 613 p.
43. Tille A.A., Shvekov G.V. Comparative method in legal disciplines. Moscow, 1973. 191 p.
44. Thomsen V. The Beginning of the Russian State: Three Readings by Dr. Wilhelm Thomsen, prof. compare. linguistics at Copenhag. un-te: With viewing. ed. German revised Dr. L. Bornemann per. [and foreword] N. Ammon. Moscow: Univ. type., 1891. 136 p.
45. Udaltsova Z.V., Gudnova E.V., Novoseltsev A.P. Ancient Rus' – the zone of the meeting of civilization // Questions of history. 1980. No. 7. P. 41–60.
46. Khachaturov R.L. Some methodological and theoretical issues of the formation of Old Russian law. Irkutsk: Irkutsk State University, 1974. P. 42–135.
47. Khachaturov R.L. Formation of law (on the material of Kievan Rus). Tbilisi: Publishing House of Tbilisi University, 1988. 260 p.
48. Khomyakov A.S. Full coll. op. Moscow, 1900. 420 p.
49. Chicherin B.N. Experiments on the history of Russian law: [Sat. Art.] / [Coll.] B. Chicherin. Moscow: K. Soldatenkov and N. Shchepkin, 1858. 389 p.
50. Shchepkin E.N. Varangian Vira. Odessa: "Slav." type of. E. Chrysogelos, 1915. 153 p.
51. Yushkov S.V. Socio-political system and law of the Kyiv state. Moscow, 1949. 44 p.

For citation: Khachaturov R.L. Formation of theoretical and historical legal sciences: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 270–288.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.021

5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.022

Б.А. Ревнов*

М.Б. Ревнова**

О НЕКОТОРЫХ ВЫВОДАХ И ПРАВОВЫХ ПОЗИЦИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются некоторые, наиболее актуальные и интересные на взгляд автора правовые позиции и выводы, содержащиеся в решениях Конституционного Суда Российской Федерации. В ряде случаев рассматриваются связи и эволюция указанных правовых позиций, перечисляются проблемы, ставшие предметом исследования Конституционного Суда Российской Федерации в этой сфере.*

***Ключевые слова:** образование, право на образование, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации об образовании, регулирование образовательной деятельности.*

Важнейшей функцией Российской Федерации как социального государства является обеспечение права каждого на образование [19, п. 2.1 мотивировочной части], в том числе дошкольное, общедоступность и бесплатность которого в государственных или муниципальных образовательных учреждениях гарантируется [1, ч. 1 и 2 ст. 43] на основе конституционного принципа юридического равенства [1, ч. 1 ст. 19]. С учетом компетенции Конституционного Суда Российской Федерации законоположения, конкретизирующие данную конституционную гарантию, неоднократно становились предметом исследования и оценки конституционности, хотя бы на первый взгляд они и не содержались в профильных законодательных актах.

Так, к примеру, в 1999 году Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о конституционности положения Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» (в первоначальной редакции) предоставлявшего право на отсрочку от призыва на военную службу на время обучения гражданам, обучающимся по очной форме обучения в государственных, муниципальных или имеющих государственную аккредитацию по соответствующим направлениям под-

---

* Ревнов Борис Александрович, доцент кафедры конституционного и административного права Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: akziz07@ya.ru

** Ревнова Мария Борисовна, ректор Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

готовки (специальностям) негосударственных образовательных учреждениях начального профессионального, среднего профессионального или высшего профессионального образования [8, абз. 1 пп. «а» п. 2 ст. 24], Постановлением № 13-П признано не противоречащим Конституции Российской Федерации исследуемое положение, согласно которому гражданам, обучающимся по очной форме обучения в негосударственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, не имеющих государственной аккредитации, не предоставлялось право на получение отсрочки от призыва на военную службу на время обучения [23, п. 1 резолютивной части].

В данном Постановлении, Конституционный Суд Российской Федерации также отметил, что в Российской Федерации действует единая система оценки условий, содержания и результатов деятельности образовательных учреждений, в равной мере обязательная как для государственных, муниципальных, так и для негосударственных образовательных учреждений, и что свидетельство о государственной аккредитации, полученное негосударственным высшим учебным заведением по результатам аттестации, является подтверждением того, что содержание, уровень и качество подготовки его выпускников соответствуют требованиям государственных образовательных стандартов.

Кроме того, Конституционный Суд Российской Федерации подтвердил право законодателя установить различный порядок исполнения воинской обязанности для подлежащих призыву граждан, обучающихся в высших учебных заведениях, исходя из необходимости подготовки специалистов с высшим профессиональным образованием, уровень которой отвечает государственным образовательным стандартам, образовательными учреждениями различных организационно-правовых форм, с одной стороны, и в целях обеспечения обороны страны и безопасности государства предусматривая в современных условиях укомплектование Вооруженных Сил Российской Федерации путем призыва на военную службу – с другой стороны, отметив при этом, что для лиц, обучающихся по очной форме обучения в негосударственных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, не имеющих государственной аккредитации, сохраняется возможность продолжить образование после увольнения с военной службы. При этом такое регулирование предполагает равенство возможностей, в том числе в выборе высшего учебного заведения, а различные правовые последствия, связанные с таким свободным выбором и обусловленные наличием или отсутствием у высшего учебного заведения, в котором обучается гражданин, государственной аккредитации, в части, касающейся права на отсрочку от призыва на военную службу, не могут рассматриваться как нарушение гарантий конституционного принципа [1, ч. 2 ст. 19] равенства [23, п. 3 мотивировочной части].

Позднее, в 2015 году, Конституционный Суд Российской Федерации в полной мере распространил данные выводы и на соответствующие положения [8, пп. «а» п. 2 ст. 24] новой редакции Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в силу которого не может быть предоставлена отсрочка от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура), в случае, если данные программы не имеют государственной аккредитации, в том числе в связи с тем, что реализуются впервые [25, п. 2 мотивировочной части].

Однако вернемся в год 1999, в котором Конституционным Судом Российской Федерации Постановлением № 19-П был также разрешен вопрос, касающийся вве-

дения законодателем требования о соблюдении возрастных критериев при замещении определенных должностей в вузах, а именно должностей заведующих кафедрами в государственных и муниципальных учебных заведениях.

Тогда Конституционный Суд Российской Федерации пришел к выводу о том, что положения Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [9, п. 3 ст. 20], на основании которых лица, претендующие на замещение должности заведующего кафедрой, только в силу того, что они достигли соответствующего возраста (65 лет, с возможностью продления полномочий, но не более чем до достижения 70 лет), лишаются возможности баллотироваться и избираться на эту должность и, следовательно, на равных с другими лицами, относящимися к профессорско-преподавательскому составу, условиях заключать трудовой договор о работе в данной должности, а если занимают ее – продолжить работу до окончания срока, на который они избраны, нарушают конституционный принцип равноправия, включая равенство возможностей [1, ч.ч. 1 и 2 ст. 19], приводят к дискриминации при реализации права на свободу труда [1, ч. 1 ст. 37], и являются необоснованным вторжением государства в договорные отношения в сфере труда, которое влечет неправомерное ограничение свободы трудового договора и автономии высших учебных заведений в решении кадровых вопросов [22, п.1 резолютивной части].

Этим же Постановлением Конституционный Суд Российской Федерации охарактеризовал смысл принципа автономии высших учебных заведений (самостоятельность в подборе и расстановке кадров, осуществлении учебной, научной, финансово – хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством и уставом высшего учебного заведения, утвержденным в установленном законодательством порядке [6, п. 1 ст. 3]), хотя и не закрепленного непосредственно в Конституции Российской Федерации, однако являющегося основополагающим для деятельности вузов и входящего в число тех правовых принципов, на которых основывается государственная политика в области образования, определяются взаимоотношения государства и высших учебных заведений [22, абз. 2 п. 6 мотивировочной части].

Впоследствии, спустя в 2019 году Конституционный Суд Российской Федерации ещё раз вернулся к принципу автономии высших учебных заведений, конкретизируя, что предоставление указанной автономии образовательной организации не предполагает ее использования вопреки правам, гарантированным гражданам, обучающимся в образовательных организациях [24, абз 4, 5 п. 2 мотивировочной части], по сути, подчеркнув конституционность соответствующих положений [4, ч. 4 ст. 30] Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Позднее Определением Конституционный Суд Российской Федерации распространил выводы, изложенные в названном Постановлении, и на положения [3, ч. 4 ст. 332 и п. 3 ст. 336] Трудового кодекса Российской Федерации предусматривающие, что в федеральных государственных высших учебных заведениях должности деканов факультетов замещаются лицами не старше 65 лет, и что достижение этого возраста является основанием освобождения от указанной должности и прекращения с ними трудового договора. Данное регулирование также было признано не соответствующим Конституции Российской Федерации [34, абз. 1 резолютивной части].

В следующем 2000 году, Конституционный Суд Российской Федерации принимает весьма объемное Постановление №10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и ис-

полнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». В большей своей части названное Постановление не было посвящено вопросам образования, однако в данном Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации среди прочего признал не противоречащим Конституции Российской Федерации положение Конституции Республики Алтай [14, ч. 1 ст. 59], устанавливающее, что родители или заменяющие их лица должны обеспечить получение детьми среднего (полного) общего образования, поскольку оно предполагает лишь активное содействие со стороны названных лиц в реализации права несовершеннолетних, которые хотят продолжить обучение, на получение такого образования, если Республикой Алтай создаются для этого необходимые условия [21, п. 4 резолютивной части]. При этом Конституционный Суд Российской Федерации (в рамках действовавшего на тот момент правового регулирования, устанавливающего три ступени общего образования – начальное общее, основное общее, среднее (полное) общее образование [10, п. 1 ст. 19]) отметил, что государственный минимальный социальный стандарт основных показателей жизни детей включает в себя гарантирование среднего (полного), т.е. не только основного общего, образования, а на родителей (лиц, их заменяющих) возлагается содействие ребенку в осуществлении самостоятельных действий, направленных на реализацию и защиту его прав и законных интересов [21, абз. 3 п. 5 мотивировочной части].

Далее в 2001 году, уже в Определении № 187-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы заявителей на нарушение их конституционных прав положениями Закона Российской Федерации «Об образовании» [10, п. 3 ст. 5] и Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» [9, п. 4 ст. 2], Конституционный Суд Российской Федерации, тем не менее выразил весьма важную правовую позицию о том, что федеральный законодатель, устанавливая гарантии прав граждан в области высшего профессионального образования с учетом имеющихся у государства финансовых ресурсов в целях обеспечения для лиц, не имеющих высшего образования, бесплатного получения такого образования, вправе предусмотреть в качестве условия обучения граждан в государственных и муниципальных высших учебных заведениях за счет бюджетных средств получение гражданином образования данного уровня впервые; таким образом, положение о том, что гражданам Российской Федерации гарантируется получение на конкурсной основе бесплатного высшего профессионального образования в государственных и муниципальных высших учебных заведениях в пределах государственных образовательных стандартов, если образование данного уровня гражданин получает впервые, не может расцениваться как неправомерно ограничивающее закрепленное в статье 43 (часть 3) Конституции Российской Федерации право граждан на получение на конкурсной основе бесплатного высшего образования [37, абз. 4 п. 2 мотивировочной части].

Впоследствии названная правовая позиция была расширена отдельным дополнением о соответствии названного регулирования и конституционному принципу равенства [1, ч. 2 ст. 19], поскольку граждане свободны в выборе формы получения высшего образования, образовательного учреждения, направления подготовки, а также способа получения высшего образования впервые – за счет бюджетных средств (поступив в государственное или муниципальное высшее учебное заведение, пройдя конкурсный отбор) или на договорной (платной) основе [33, абз. 5 п. 2 мотивировочной части]. Также, отдельно оговорено, что связанные с таким свободным выбором правовые последствия в части, касающейся отнесения к налогооблагаемому до-

ходу гражданина сумм, которые организация, заключившая с ним договор, платит за его обучение в высшем учебном заведении, не могут рассматриваться как нарушение гарантий, закрепленных в статье 19 (часть 2) Конституции Российской Федерации [36, абз. 3 п. 2 мотивировочной части].

Также заслуживает внимание правовая позиция, выраженная в Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 года № 167-О, согласно которой положение Трудового кодекса Российской Федерации, согласно которому гарантии и компенсации работникам, совмещающим работу с обучением, предоставляются при получении образования соответствующего уровня впервые [3, ч. 1 ст. 177], само по себе не может рассматриваться как ограничивающее конституционные права и свободы граждан, желающих получить второе высшее образование, и нарушающее положения статьи 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации. Не может оно расцениваться и как нарушающее равенство всех перед законом и судом и равенство прав и свобод человека и гражданина, поскольку из конституционного принципа равенства не вытекает требование предоставления одинаковых гарантий и компенсаций лицам, относящимся к разным категориям – получающим высшее образование впервые и уже имеющим образование такого уровня [35, абз. 7 п. 2 мотивировочной части].

В том же году Конституционный Суд Российской Федерации рассмотрел вопрос о статусе русского языка как государственного применительно к возможности республик в составе Российской Федерации устанавливать собственные государственные языки.

В Постановлении от 16 ноября 2004 года № 16-П признал среди прочего, что законоположения [16, ч. 2 ст. 9; 15, п. 2 ст. 636], устанавливающие татарский и русский языки как государственные языки Республики Татарстан в общеобразовательных учреждениях и учреждениях начального и среднего профессионального образования изучаются в равных объемах, не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в действующей системе нормативного регулирования оно предполагает, что изучение татарского языка должно осуществляться в соответствии с определенными законодательством Российской Федерации федеральными государственными образовательными стандартами и не препятствовать прохождению итоговой аттестации, выдаче документов о получении основного общего образования и получению образования более высокого уровня [20, п. 1 резолютивной части]. При этом требованию об изучении русского и татарского языков в равных объемах нельзя придавать абсолютный характер: изучение языков в равных объемах должно не допускать умаление иных конституционных прав и свобод, в том числе – право на образование, в частности: изучение татарского языка как государственного языка Республики Татарстан не может осуществляться в ущерб федеральному компоненту федерального базисного учебного плана и примерных учебных планов для общеобразовательных учреждений Российской Федерации и препятствовать реализации права учащихся на углубленное изучение иных предметов учебного плана, включая русский язык, дисциплин по выбору и т.п. [20, п. 3.2 мотивировочной части].

В 2006 году Конституционный Суд Российской Федерации принимает весьма объемное Постановление №5-П, в котором предметом рассмотрения являются законоположения известного «закона о монетизации льгот» [7, ст. 153], регулирующие полномочия органов местного самоуправления по установлению платы за содержа-

ние детей в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях и финансового обеспечения реализации права родителей на компенсацию затрат на содержание детей в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях [19, абз. 4 п. 1.2 мотивировочной части]. В данном Постановлении Конституционным Судом Российской Федерации выражены две важные позиции, раскрывающие среди прочего некоторые аспекты смысла конституционного права на образование, первая из них общая о том, что предписания, содержащиеся в конституционных положениях гарантирующей право на дошкольное образование [1, ч.ч. 1 и 2 ст. 43] во взаимосвязи с конституционными положениями, закрепляющими что материнство и детство, семья находятся под защитой государства, а забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей [1, ч.ч. 1 и 2 ст. 38], адресованные одновременно родителям и государству, определяют – исходя из того, что естественное право и обязанность родителей воспитывать и содержать детей не исключает конституционную обязанность государства заботиться о воспитании детей, – многоплановую роль публичной власти в этой сфере [19, абз. 5 п. 2.1 мотивировочной части].

Вторая правовая позиция [19, абз. 6 п. 3 мотивировочной части] Конституционного Суда Российской Федерации, посвященная праву на образование более конкретная: по смыслу оспариваемой нормы, изменение механизма предоставления социальных гарантий не должно вести к отмене этих гарантий или существенному снижению ранее достигнутого уровня их предоставления; это означает, что тем самым пролонгируются федеральные гарантии общедоступности дошкольного образования, которые действовали ранее [11, п.п. 1 и 2] и были установлены Постановлением Верховного Совета Российской Федерации от 6 марта 1992 года № 2464-1.

В итоге Постановлением №5-П от 15 мая 2006 года Конституционный Суд Российской Федерации признал оспариваемые законоположения не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они предполагают обязанность органов местного самоуправления сохранить сложившиеся по состоянию на 31 декабря 2004 года пропорции в распределении расходов на содержание детей в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях между родителями и муниципальными образованиями, определенные федеральными нормами, действовавшими до 1 января 2005 года, а также объем бюджетного финансирования, обеспечивавшего реализацию этих норм по состоянию на 31 декабря 2004 года, и предполагают обязанность Российской Федерации и субъектов Российской Федерации оказывать финансовую помощь муниципальным образованиям в целях надлежащего исполнения ими установленных федеральным законодательством расходных обязательств по содержанию детей в муниципальных дошкольных образовательных учреждениях.

Далее заслуживают внимание два определения 2008 года. Первое из них было посвящено вопросам налогового вычета: законодатель расширил сферу действия вычета и в отношении расходов налогоплательщика на образование детей до 24 лет, обучающихся по очной форме [2, пп. 2 п. 1 ст. 219], что было направлено на обеспечение доступности образовательных услуг, в частности платных, для детей налогоплательщика, в том числе совершеннолетних, за счет доходов их родителей [32]. В ответ на жалобу заявительницы, суть которой сводилась к тому, что данное регулирование ставит предоставление социального налогового вычета в зависимость от формы обучения – очной, очно-заочной (вечерней) или заочной, чем нарушает (по мнению заявительницы) принципы всеобщности и равенства налогообложения,

Конституционный Суд Российской Федерации выразил правовую позицию [32, абз. 3 п. 2.2 мотивировочной части], согласно которой граждане, оплачивающие услуги по получению образования, предоставляемые их детям в различных формах, находятся в различных обстоятельствах, а потому установление для них на основании объективных критериев дифференцированных условий в части возможности исключения определенных сумм из налогооблагаемого дохода само по себе не может рассматриваться как не согласующееся с конституционным принципом равенства [1, ч.ч. 1 и 2 ст. 19].

Второе определение более экзотичное, так как заявительница оспорила конституционность ряда нормоположений [6; 12; 13], регулирующих статус единого государственного экзамена, который по её мнению являлся научным опытом по смыслу, который придается этому понятию статьей 21 (часть 2) Конституции Российской Федерации и, как следствие без добровольного на то согласия, подобным опытам подвергать кого-бы то ни было нельзя. Не смотря на очевидные формальные недостатки обращения заявительницы, Конституционный Суд Российской Федерации в своем Определении проанализировал данный довод и опроверг его [31, п. 4 мотивировочной части].

Далее в 2011 году снова два определения посвящены важным вопросам образования. В одном из них Конституционный Суд Российской Федерации выразил достаточно общую правовую позицию о праве федерального законодателя, устанавливая гарантии прав граждан в области высшего профессионального образования с учетом имеющихся у государства финансовых ресурсов, предусмотреть соответствующие условия обучения в государственных или муниципальных высших учебных заведениях [30, абз. 1 п. 3 мотивировочной части]. Конкретным следствием из данной общей позиции явилось выявление конституционной допустимости обязанности граждан, отчисленных из военных образовательных учреждениях профессионального образования по основаниям, связанным с их виновным поведением, возместить средства федерального бюджета, затраченные на их военную (или специальную) подготовку (как возмещение государству фактически понесенных им расходов на подготовку военных специалистов для государственных нужд в том случае, когда они по своей вине не завершили обучение) [30, п. 3.3 мотивировочной части].

Во втором определении Конституционный Суд Российской Федерации раскрыл аспект конституционного права на образование применительно к негосударственным образовательным учреждениям, указав, что реализация названного конституционного права в таких учреждениях, хотя прямо и не гарантирована Конституцией Российской Федерации, но вытекает из положений её статьи 43 по взаимосвязи со статьями 8 (часть 2), 34 (часть 1), 35 (часть 2). При этом граждане свободны в выборе формы получения высшего образования, образовательного учреждения, направления подготовки, в том числе в отношении вида образовательного учреждения – государственное или частное, а правоотношения по реализации конституционного права на образование в негосударственном общеобразовательном учреждении, как правило, возникают из договора возмездного оказания образовательных услуг, что обуславливает специфику их правового регулирования [29, п. 3 мотивировочной части]. Соответственно, нельзя вести речь о том, что в случае обучения по очной форме в частных образовательных учреждениях высшего профессионального образования, студенты ставятся в худшее положение по сравнению со своими коллегами, обучающимися в государственных или муниципальных образовательных учреждениях высшего профессионального образования.

В 2012 году несколько важных правовых позиций, изложенных в определениях Конституционного Суда Российской Федерации, по сути закрепили право федерального законодателя, действующего в пределах предоставленной ему дискреции, закрепить условия и порядок осуществления платной образовательной деятельности негосударственными образовательными учреждениями, которые вправе взимать плату с обучающихся, воспитанников за образовательные услуги, в том числе за обучение в пределах федеральных государственных образовательных стандартов или федеральных государственных требований [10, ст. 46], при том, что данное правовое регулирование не затрагивает право граждан на свободный выбор образовательного учреждения – государственного или муниципального либо негосударственного – для обучения в пределах федеральных государственных образовательных стандартов или федеральных государственных требований [28, абз. 4 п. 2 мотивировочной части]. Как следствие, механизм возмещения гражданину затрат на обучение граждан в платных негосударственных образовательных учреждениях, имеющих государственную аккредитацию и реализующих образовательные программы общего образования, в размерах, определяемых государственными нормативами затрат на обучение граждан в государственном или в муниципальном образовательном учреждении соответствующих типа и вида, не приводит к нарушению конституционных прав заявителя по жалобе.

Также не нарушает конституционные права заявительницы и не может рассматриваться как умаляющее гарантии общедоступности и бесплатности основного общего образования и правовое регулирование, предусматривающее порядок привлечения государственными образовательными учреждениями среднего профессионального образования дополнительных финансовых средств при осуществлении ими сверх финансируемых за счет средств учредителя заданий по приему обучающихся, то есть наряду с приемом в образовательные учреждения для получения среднего профессионального образования за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, который осуществляется на конкурсной основе, допускается [10, п. 10 ст. 41] прием обучающихся по договорам с физическими и (или) юридическими лицами с оплатой ими стоимости обучения [27, абз. 3 п. 2 мотивировочной части].

В 2014 году Конституционный Суд Российской Федерации выразил правовую позицию о том, что отсутствие в государственной или муниципальной образовательной организации свободных мест является объективным, не нарушающим конституционные права основанием для отказа в приеме в такие организации, отметив при этом, что при таких обстоятельствах на органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, осуществляющие государственное управление в сфере образования, и на органы местного самоуправления, осуществляющие управление в сфере образования, возложена обязанность оказать содействие в устройстве ребенка в другую общеобразовательную организацию [26, абз. 2 п. 2 мотивировочной части].

Постановлением от 22 мая 2018 года № 19-П напрямую посвященному вопросам образования Конституционный Суд Российской Федерации дал оценку конституционности норм [8, абз. 2, 3 и 10 пп. «а» п. 2 ст. 24] Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе», на основе которых решается вопрос о возможности предоставления отсрочки от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по очной форме обучения в образовательных организациях по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего профессионального образования (далее – организации среднего профессионального обра-

зования), в случае, когда им ранее была предоставлена отсрочка от призыва на военную службу в период обучения по очной форме обучения в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по имеющим государственную аккредитацию образовательным программам среднего общего образования (организации среднего общего образования), на время освоения указанных образовательных программ, но не свыше сроков получения среднего общего образования, установленных федеральными государственными образовательными стандартами (установленных сроков), в связи с достижением совершеннолетия до завершения обучения.

Конституционный Суд Российской Федерации признал [18, п. 1 резолютивной части] оспоренные положения не соответствующими Конституции Российской Федерации той мере, в какой они, устанавливая основания, условия и порядок предоставления отсрочек от призыва на военную службу гражданам, обучающимся по очной форме обучения, обуславливают предоставление отсрочки от призыва на военную службу гражданам, которые поступили на обучение в организации среднего профессионального образования в год получения среднего общего образования, тем обстоятельством, воспользовались ли такие граждане отсрочкой от призыва на военную службу при обучении в организациях среднего общего образования, и лишают возможности получить отсрочку от призыва на военную службу в связи с обучением по программам среднего профессионального образования тех из них, кто освоил образовательные программы среднего общего образования в пределах установленных сроков его получения, но вынужден был воспользоваться соответствующей отсрочкой для завершения обучения в общеобразовательной организации и прохождения итоговой аттестации, завершающей освоение образовательных программ среднего общего образования.

Впоследствии для реализации указанных выводов был принят Федеральный закон [5], вносящий необходимые изменения в Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе» в части предоставления отсрочки от призыва на военную службу гражданам, которые поступили на обучение в организации среднего профессионального образования в год получения среднего общего образования и ранее воспользовались соответствующей отсрочкой для завершения обучения в общеобразовательной организации и прохождения итоговой аттестации, завершающей освоение образовательных программ среднего общего образования.

Последним на данный момент масштабным судебным актом, принятым Конституционным Судом Российской Федерации по вопросам образования является Постановление от 23 июля 2020 года № 39-П, которым дана оценка конституционности норм [4, п. 1 ч. 1 ст. 61 и ч. 5 ст. 67] Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации».

Основанием для рассмотрения дела в Конституционном Суде Российской Федерации явилась жалоба гражданина, действующего в интересах своей несовершеннолетней дочери, который обратился в суд с иском о признании незаконными действия (бездействие) административных ответчиков, в результате которых его дочь не была зачислена в десятый класс в той образовательной организации, где ранее обучалась. Суды пришли к выводу, что создание образовательной организацией десятых классов только для профильного обучения и организация индивидуального отбора для приема на профильное обучение являлись правомерными, индивидуальный отбор был проведен в соответствии с требованиями нормативных правовых актов и отказали в удовлетворении его требований.

По мнению заявителя, оспариваемые нормы, как позволяющие образовательной организации при введении профильного обучения в десятых классах и индивидуального отбора для зачисления в данные классы не переводить на следующий уровень общего образования в той же образовательной организации для получения среднего общего образования, которое является в соответствии с законом обязательным, обучающихся, получавших в данной организации основное общее образование, и по результатам указанного отбора отчислять их из образовательной организации по собственной инициативе без учета мнения родителей обучающихся, не соответствуют Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации выявил конституционно-правовой смысл оспариваемых норм, признав их не противоречащими Конституции Российской Федерации в той мере, в какой они предполагают обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению нормативно-правовых гарантий продолжения обучения по общеобразовательным программам среднего общего образования для лиц, не прошедших индивидуальный отбор для обучения по профильной образовательной программе, в том числе в других территориально доступных общеобразовательных организациях соответствующего субъекта Российской Федерации (муниципального образования), а также необходимость заблаговременного информирования обучающихся и их родителей (законных представителей) о предстоящем индивидуальном отборе, а также не допускают лишения лиц, не прошедших индивидуальный отбор для обучения по профильной образовательной программе, возможности продолжить обучение в той же образовательной организации, без нормативного установления указанных гарантий продолжения обучения по общеобразовательным программам среднего общего образования.

При этом в мотивировочной части Постановления конституционный Суд Российской Федерации также выразил крайне важную правовую позицию о том, что в действующей системе правового регулирования в Российской Федерации признается обязательность не только основного общего образования, но и среднего общего образования, а конституционные гарантии получения основного общего образования на основе требований равенства распространены законодателем также на уровень среднего общего образования [17, абз. 5 п. 2.2 мотивировочной части]. При этом необходимость учета интересов несовершеннолетних является конституционным ориентиром государственной политики в образовательной сфере и, исходя из указанного подхода и требования конституционного равенства права на образование для всех, а также учитывая признанный в Российской Федерации на основе действующего нормативного регулирования стандарт обязательности среднего общего образования, формирование в отдельных общеобразовательных организациях профильных классов в условиях отсутствия объективной возможности организовать обучение по универсальному профилю порождает обязанность органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, выступающих учредителями таких организаций, гарантировать получение общедоступного среднего общего образования, предопределяющего, в конечном счете, важные начала равенства стартовых возможностей свободного развития человека [17, абз. 3–4 п. 5 мотивировочной части].

Таким образом, хотя законоположения, конкретизирующие конституционное право на образование и не является частым предметом обжалования в Конституци-

онном Суде Российской Федерации, за время своего существования был исследован ряд важных вопросов в этой сфере, где-то установлена конституционность оспариваемых норм, позволяя федеральному законодателю в дальнейшем использовать и как основу для дальнейшей модернизации правового регулирования, где-то, напротив, исправлены дефекты законодательства, влекущие нарушения конституционных прав. Более того, в решениях выражен ряд весьма важных правовых позиций, конкретизирующих содержание конституционного права на образование, и ориентирующих законодателя на дальнейшую модернизацию нормативных правовых актов в этой сфере.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) / Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> [Электронный ресурс] (дата обращения 4 мая 2022 года).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 года № 117-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ / Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
4. Федеральный закон от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» / Российская газета, 2012, 31 декабря.
5. Федеральный закон от 18 марта 2019 года № 39-ФЗ «О внесении изменений в статью 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» / Российская газета, 2019, 20 марта.
6. Федеральный закон от 9 февраля 2007 года № 17-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена» / Собрание законодательства РФ. 2007. № 7. Ст. 838.
7. Федеральный закон от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 2004. № 35. Ст. 3607.
8. Федеральный закон от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» / Собрание законодательства РФ. 1998. № 13. Ст. 1475.
9. Федеральный закон от 22 августа 1996 года № 125-ФЗ «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» / Собрание законодательства РФ. 1996. № 35. Ст. 4135.
10. Закон Российской Федерации от 10 июля 1992 года № 3266-1 «Об образовании» / Российская газета, 1996, 23 января.
11. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 6 марта 1992 года № 2464-1 «Об упорядочении платы за содержание детей в детских дошкольных учреждениях и о финансовой поддержке системы этих учреждений» / Российская газета, 1992, 19 марта.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 16 февраля 2001 года № 119 «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена» / Собрание законодательства РФ. 2001. № 9. Ст. 859.

13. Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 5 февраля 2008 года № 36 «Об установлении форм и порядка проведения государственной (итоговой) аттестации обучающихся, освоивших образовательные программы среднего (полного) общего образования в 2007/2008 учебном году, и утверждении Положения о проведении единого государственного экзамена в 2008 году» (Зарегистрировано в Минюсте Федерации 29 февраля 2008 года № 11251) / Российская газета, 2008, 14 марта.

14. Конституция Республики Алтай (Основной Закон) (принята Законом Республики Алтай от 7 июня 1997 года № 21-4) // https://constitution.garant.ru/region/cons_altai/

15. Закон Республики Татарстан от 19 октября 1993 года № 1982-XII «Об образовании» / Ведомости Государственного Совета Татарстана. 1997. № 8–9. Ст. 225.

16. Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 года № 1560-XII «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» / Ведомости Верховного Совета Татарстана. 1992. № 6. Ст. 80.

17. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 июля 2020 года № 39-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 1 статьи 61 и части 5 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина И.И.Пикулина /Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть II). Ст. 5253.

18. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 2018 года № 19-П по делу о проверке конституционности абзацев второго, третьего, десятого и двенадцатого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом Ленинского районного суда города Санкт-Петербурга / Собрание законодательства РФ. 2018. № 22. Ст. 3228.

19. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 мая 2006 года № 5-П по делу о проверке конституционности положений статьи 153 Федерального закона от 22 августа 2004 года № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой главы города Твери и Тверской городской Думы / Собрание законодательства РФ. 2006. № 22. Ст. 2375.

20. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2004 года № 16-П по делу о проверке конституционности положений пункта 2 статьи 10 Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан», части второй статьи 9 Закона Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан», пункта 2 статьи 6 Закона Республики Татарстан «Об образовании» и пункта 6 статьи 3 Закона Российской Федерации «О языках народов Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.И. Хапугина и запросами Государственного Совета Республики Татарстан и Верховного Суда Республики Татарстан / Собрание законодательства РФ. 2004. № 47. Ст. 4691.

21. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июня 2000 года № 10-П по делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» / Собрание законодательства РФ. 2000. № 25. Ст. 2728.

22. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 декабря 1999 года № 19-П по делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 20 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в связи с жалобами граждан В.П. Малкова и Ю.А. Антропова, а также запросом Вахитовского районного суда города Казани / Собрание законодательства РФ. 2000. № 3. Ст. 354.

23. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 октября 1999 года № 13-П по делу о проверке конституционности положения абзаца первого подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» в связи с запросом Советского районного суда города Омска / Собрание законодательства РФ. 1999. № 44. Ст. 5383.

24. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2019 года № 3314-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Экбы Алины Альбертовны на нарушение ее конституционных прав частью 1 статьи 28, частями 5 и 8 статьи 58 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 17 мая 2022 года).

25. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 июля 2015 года № 1522-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пилипенко Ивана Дмитриевича на нарушение его конституционных прав положением подпункта «а» пункта 2 статьи 24 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 4 мая 2022 года).

26. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2014 года № 1141-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Матвиенко Светланы Евгеньевны на нарушение конституционных прав ее несовершеннолетней дочери Матвиенко Арины Александровны частью 4 статьи 67 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 16 мая 2022 года).

27. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 2012 года № 1345-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Зариповой Ирины Юрьевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 10 статьи 41 Закона Российской Федерации «Об образовании» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 16 мая 2022 года).

28. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 года № 847-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кальянова Сергея Игоревича на нарушение его конституционных прав статьей 5 Закона Российской Федерации «Об образовании» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 16 мая 2022 года).

29. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 года № 1696-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Исламовой Янии Ильдаровны на нарушение ее конституционных прав положениями статьи 1 и пункта 3 статьи 6 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 16 мая 2022 года).

30. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 февраля 2011 года № 129-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гасанова Романа Мамедовича на нарушение его конституционных прав пунктами 3 и 5 статьи 20.1 и пунктом 7 статьи 35 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 16 мая 2022 года).

31. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 декабря 2008 года № 1088-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Процевской Натальи Александровны на нарушение ее конституционных прав Федеральным законом

«О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об образовании» и Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» в части проведения единого государственного экзамена», Постановлением Правительства Российской Федерации «Об организации эксперимента по введению единого государственного экзамена» и Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 13 мая 2022 года).

32. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2008 года № 1071-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Бельтюковой Марины Анатольевны на нарушение ее конституционных прав положением подпункта 2 пункта 1 статьи 219 Налогового кодекса Российской Федерации / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 13 мая 2022 года).

33. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 апреля 2008 года № 274-О-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кузнецова Станислава Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 4 статьи 2 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании», пунктом 3 статьи 5 Закона Российской Федерации «Об образовании» и Указом Президента Российской Федерации «О дополнительном профессиональном образовании государственных гражданских служащих Российской Федерации» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 11 мая 2022 года).

34. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 года № 213-О по жалобе гражданина Щеренко Александра Павловича на нарушение его конституционных прав положениями части четвертой статьи 332 и пункта 3 статьи 336 Трудового кодекса Российской Федерации / Собрание законодательства РФ. 2006 года, № 41, ст. 4285.

35. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 апреля 2004 года № 167-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ф.Ф. Чертовского на нарушение его конституционных прав положением части первой статьи 177 Трудового кодекса Российской Федерации / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 11 мая 2022 года).

36. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 13 ноября 2001 года № 240-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Забровской Арины Вячеславовны на нарушение ее конституционных прав положением части второй статьи 2 Закона Российской Федерации «О подоходном налоге с физических лиц» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 11 мая 2022 года).

37. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 5 октября 2001 года № 187-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Григоряна Арена Альбертовича, Григоряна Карена Альбертовича и Бадрутдинова Ильнура Минулловича на нарушение их конституционных прав пунктом 3 статьи 5 Закона Российской Федерации «Об образовании» и пунктом 4 статьи 2 Федерального закона «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» / Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Электронный ресурс] (дата обращения 11 мая 2022 года).

Для цитирования: Ревнов Б.А., Ревнова М.Б. О некоторых выводах и правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам образования: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 289–302.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.022

ON SOME CONCLUSIONS AND LEGAL POSITIONS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION ON EDUCATION

Boris A. Revnov*
Maria B. Revnova**

Annotation. *The article analyzes some of the most relevant and interesting, in the author's opinion, legal positions and conclusions contained in the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation. In a number of cases, the connections and evolution of these legal positions are considered; the problems that have become the subject of research by the Constitutional Court of the Russian Federation in this area are listed.*

Keywords: *education, right to education, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on education, regulation of educational activities.*

The most important function of the Russian Federation as a social state is to ensure the right of everyone to education [19, p. 2.1 of the motivational part], including pre-school, the general availability and free of charge of which in state or municipal educational institutions is guaranteed [1, parts 1 and 2 of Art. 43] on the basis of the constitutional principle of legal equality [1, part 1 of Art. nineteen]. Taking into account the competence of the Constitutional Court of the Russian Federation, the legal provisions specifying this constitutional guarantee have repeatedly become the subject of research and assessment of constitutionality, even if at first glance they were not contained in the relevant legislative acts.

So, for example, in 1999, the Constitutional Court of the Russian Federation considered the issue of the constitutionality of the provision of the Federal Law "On Military Duty and Military Service" (in its original version) that granted the right to deferment from conscription for military service for the duration of training for citizens studying full-time training in state, municipal or state-accredited in the relevant areas of training (specialties) non-state educational institutions of primary vocational, secondary vocational or higher vocational education [8, par. 1 pp. "a" paragraph 2 of Art. 24], Decree No. 13-P recognized as not contradicting the Constitution of the Russian Federation the provision under study, according to which citizens enrolled in full-time education in non-state educational institutions of higher professional education that do not have state accreditation were not granted the right to receive a deferral from conscription for military service for the duration of training [23, paragraph 1 of the operative part].

In this Resolution, the Constitutional Court of the Russian Federation also noted that in the Russian Federation there is a unified system for assessing the conditions, content and results of the activities of educational institutions, which is equally mandatory for both state, municipal and non-state educational institutions, and that the certificate of state Accreditation received by a non-state higher education institution based on the results of attestation is a confirmation that the content, level and quality of training of its graduates meet the requirements of state educational standards.

---

* *Revnov Boris Alexandrovich*, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), Candidate of Legal Sciences. E-mail: akziz07@ya.ru

** *Revnova Maria Borisovna*, Rector of the Private Educational Institution of Higher Education "Legal Institute" (St. Petersburg), PhD in Law. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

In addition, the Constitutional Court of the Russian Federation confirmed the right of the legislator to establish a different procedure for the performance of military duty for citizens subject to conscription studying in higher educational institutions, based on the need to train specialists with higher professional education, the level of which meets state educational standards, educational institutions of various organizational and legal forms, on the one hand, and in order to ensure the defense of the country and the security of the state, providing in modern conditions for the staffing of the Armed Forces of the Russian Federation by conscription for military service – on the other hand, noting that for persons studying full-time education in non-state educational institutions of higher professional education that do not have state accreditation retain the opportunity to continue education after dismissal from military service. At the same time, such regulation implies equality of opportunity, including in the choice of a higher educational institution, and various legal consequences associated with such a free choice and due to the presence or absence of state accreditation in a higher educational institution in which a citizen studies, in terms of law for a deferment from conscription for military service cannot be considered as a violation of the guarantees of the constitutional principle [1, part 2 of Art. 19] of equality [23, p. 3 of the motivational part].

Later, in 2015, the Constitutional Court of the Russian Federation fully extended these conclusions to the relevant provisions [8, par. "a" paragraph 2 of Art. 24] of the new version of the Federal Law "On Military Duty and Military Service", by virtue of which a deferment from conscription for military service cannot be granted to citizens enrolled in higher education programs (bachelor's, specialist's, master's), if these programs do not have state accreditation, including due to the fact that they are implemented for the first time [25, p. 2 of the motivational part].

However, let us return to the year 1999, in which the Constitutional Court of the Russian Federation, by Resolution No. 19-P, also resolved the issue concerning the introduction by the legislator of the requirement to comply with age criteria when filling certain positions in universities, namely the positions of heads of departments in state and municipal educational institutions.

Then the Constitutional Court of the Russian Federation came to the conclusion that the provisions of the Federal Law "On Higher and Postgraduate Vocational Education" [9, p. 3 Art. 20], on the basis of which persons applying for the position of the head of the department, only because they have reached the appropriate age (65 years old, with the possibility of extending their powers, but not more than until they reach 70 years old), are deprived of the opportunity to run and be elected to this position and, therefore, on equal terms with other persons belonging to the teaching staff, to conclude an employment contract for work in this position, and if they hold it, to continue working until the end of the term for which they are elected, violate the constitutional principle of equality, including equality of opportunity [1, ch.ch. 1 and 2 Art. 19], lead to discrimination in the exercise of the right to freedom of labor [1, part 1, art. 37], and are an unreasonable intrusion of the state into contractual relations in the sphere of labor, which entails an unlawful restriction of the freedom of an employment contract and the autonomy of higher educational institutions in resolving personnel issues [22, clause 1 of the operative part].

By the same Resolution, the Constitutional Court of the Russian Federation characterized the meaning of the principle of autonomy of higher educational institutions (independence in the selection and placement of personnel, the implementation of educational, scientific, financial, economic and other activities in accordance with the law and the char-

ter of a higher educational institution, approved in the manner prescribed by law [6, paragraph 1, article 3]), although not directly enshrined in the Constitution of the Russian Federation, but which is fundamental for the activities of universities and is one of those legal principles on which the state policy in the field of education is based, the relationship between the state and higher educational institutions is determined [22, par. 2 p. 6 of the motivational part].

Subsequently, later in 2019, the Constitutional Court of the Russian Federation once again returned to the principle of autonomy of higher educational institutions, specifying that the granting of this autonomy to an educational organization does not imply its use contrary to the rights guaranteed to citizens studying in educational organizations [24, paragraph 4, 5 p 2 of the motivational part], in fact, emphasizing the constitutionality of the relevant provisions [4, part 4 of Art. 30] Federal Law "On Education in the Russian Federation".

Later, by the Determination, the Constitutional Court of the Russian Federation extended the conclusions set forth in the said Decision to the provisions [3, part 4 of Art. 332 and paragraph 3 of Art. 336] of the Labor Code of the Russian Federation, which provide that in federal state higher educational institutions the positions of deans of faculties are filled by persons no older than 65 years, and that reaching this age is the basis for dismissal from this position and termination of an employment contract with them. This regulation was also recognized as inconsistent with the Constitution of the Russian Federation [34, para. 1 of the operative part].

In the following year, 2000, the Constitutional Court of the Russian Federation adopts a very voluminous Resolution No. 10-P on the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Republic of Altai and the Federal Law "On the general principles of organizing legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation." For the most part, the said Decree was not devoted to education, however, in this Decree, the Constitutional Court of the Russian Federation, among other things, recognized the provision of the Constitution of the Altai Republic as not contradicting the Constitution of the Russian Federation [14, part 1, art. 59], which establishes that parents or persons replacing them must ensure that their children receive a secondary (complete) general education, since it involves only active assistance on the part of these persons in the realization of the right of minors who want to continue their education to receive such education, if the Republic of Altai the necessary conditions are created for this [21, paragraph 4 of the operative part]. At the same time, the Constitutional Court of the Russian Federation (within the framework of the legal regulation in force at that time, establishing three levels of general education – primary general, basic general, secondary (complete) general education [10, paragraph 1 of article 19]) noted that the state minimum the social standard of the main indicators of children's lives includes guaranteeing the average (full), i.e. not only basic general education, but parents (persons replacing them) are entrusted with assisting the child in carrying out independent actions aimed at realizing and protecting his rights and legitimate interests [21, par. 3 p. 5 of the motivational part].

Further in 2001, already in Determination No. 187-O on the refusal to accept for consideration the applicants' complaints about the violation of their constitutional rights by the provisions of the Law of the Russian Federation "On Education" [10, paragraph 3 of Art. 5] and the Federal Law "On Higher and Postgraduate Professional Education" [9, paragraph 4 of Art. 2], the Constitutional Court of the Russian Federation, however, expressed a very important legal position that the federal legislator, establishing guarantees of the

rights of citizens in the field of higher professional education, taking into account the financial resources available to the state in order to ensure for persons who do not have higher education, free receipt of such education, have the right to provide as a condition for the education of citizens in state and municipal higher educational institutions at the expense of budgetary funds for a citizen to receive education at this level for the first time; Thus, the provision that citizens of the Russian Federation are guaranteed to receive free higher professional education on a competitive basis in state and municipal higher educational institutions within the limits of state educational standards, if a citizen receives education at this level for the first time, cannot be regarded as unduly restricting what is enshrined in article 43 (part 3) of the Constitution of the Russian Federation, the right of citizens to receive free higher education on a competitive basis [37, para. 4 p. 2 of the motivational part].

Subsequently, the named legal position was expanded by a separate addition on the compliance of the named regulation and the constitutional principle of equality [1, part 2 of Art. 19], since citizens are free to choose the form of higher education, educational institution, direction of training, as well as the method of obtaining higher education for the first time – at the expense of budgetary funds (by enrolling in a state or municipal higher educational institution, having passed a competitive selection) or on a contractual basis (paid) based on [33, par. 5 p. 2 of the motivational part]. It is also separately stipulated that the legal consequences associated with such a free choice in terms of attributing to the taxable income of a citizen the amounts that the organization that has concluded an agreement with him pays for his education in a higher educational institution cannot be considered as a violation of the guarantees enshrined in article 19 (part 2) of the Constitution of the Russian Federation [36, para. 3 p. 2 of the motivational part].

Also noteworthy is the legal position expressed in the Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated April 8, 2004 No. 167-O, according to which the provision of the Labor Code of the Russian Federation, according to which guarantees and compensations to employees who combine work with education, are provided upon receiving education of the appropriate level for the first time [3, part 1 art. 177], in itself cannot be considered as restricting the constitutional rights and freedoms of citizens wishing to receive a second higher education, and violating the provisions of Article 55 (parts 2 and 3) of the Constitution of the Russian Federation. It cannot be regarded as violating the equality of all before the law and the court and the equality of human and civil rights and freedoms, since the constitutional principle of equality does not imply the requirement to provide the same guarantees and compensations to persons belonging to different categories – those who receive higher education for the first time and those who already have an education. this level [35, par. 7 p. 2 of the motivational part].

In the same year, the Constitutional Court of the Russian Federation considered the issue of the status of the Russian language as the state language in relation to the possibility of the republics within the Russian Federation to establish their own state languages.

In Resolution No. 16-P dated November 16, 2004, he recognized, among other things, that the legal provisions [16, part 2 of Art. nine; 15, paragraph 2 of Art. 636], which establishes the Tatar and Russian languages as the state languages of the Republic of Tatarstan in general educational institutions and institutions of primary and secondary vocational education are studied in equal volumes that do not contradict the Constitution of the Russian Federation, since in its constitutional and legal meaning in the current system of regulatory regulation, it assumes that the study of the Tatar language should be carried out in accordance with the federal state educational standards determined by the legislation of

the Russian Federation and not interfere with the passage of the final certification, the issuance of documents on obtaining a basic general education and obtaining an education of a higher level [20, clause 1 of the operative part]. At the same time, the requirement to study the Russian and Tatar languages in equal volumes cannot be given an absolute character: the study of languages in equal volumes must not allow the derogation of other constitutional rights and freedoms, including the right to education, in particular: the study of the Tatar language as the state language of the Republic Tatarstan cannot be carried out to the detriment of the federal component of the federal basic curriculum and exemplary curricula for general educational institutions of the Russian Federation and prevent the realization of the right of students to in-depth study of other subjects of the curriculum, including the Russian language, elective subjects, etc. [20, paragraph 3.2 of the motivational part].

In 2006, the Constitutional Court of the Russian Federation adopts a very voluminous Decree No. 5-P, in which the subject of consideration are the legal provisions of the well-known "law on the monetization of benefits" [7, art. 153], regulating the powers of local governments to establish fees for the maintenance of children in municipal preschool educational institutions and financial support for the realization of the right of parents to compensate for the costs of maintaining children in municipal preschool educational institutions [19, par. 4 p. 1.2 of the motivational part]. In this Resolution, the Constitutional Court of the Russian Federation expresses two important positions, revealing, among other things, some aspects of the meaning of the constitutional right to education, the first of which is general that the prescriptions contained in the constitutional provisions guaranteeing the right to preschool education [1, ch. 1 and 2 Art. 43] in conjunction with constitutional provisions that establish that motherhood and childhood, the family are under the protection of the state, and caring for children, their upbringing is an equal right and duty of parents [1, part 1 1 and 2 Art. 38], addressed simultaneously to parents and the state, predetermine – based on the fact that the natural right and duty of parents to raise and support children does not exclude the constitutional obligation of the state to take care of the upbringing of children – the multifaceted role of public authority in this area [19, par. 5 p. 2.1 of the motivational part].

The second legal position [19, par. 6 point 3 of the motivational part] of the Constitutional Court of the Russian Federation devoted to the right to education is more specific: within the meaning of the Contested Norm, a change in the mechanism for providing social guarantees should not lead to the cancellation of these guarantees or a significant reduction in the previously achieved level of their provision; this means that this prolongs the federal guarantees of the general availability of preschool education, which were in effect earlier [11, p.p. 1 and 2] and were established by the Decree of the Supreme Council of the Russian Federation of March 6, 1992 No. 2464-1.

As a result, by Decree No. 5-P of May 15, 2006, the Constitutional Court of the Russian Federation recognized the contested legal provisions as not contradicting the Constitution of the Russian Federation, since they imply the obligation of local governments to maintain the proportions established as of December 31, 2004 in the distribution of expenses for the maintenance of children in municipal preschool educational institutions between parents and municipalities, determined by federal regulations in force before January 1, 2005, as well as the amount of budget funding that ensured the implementation of these standards as of December 31, 2004, and imply the obligation of the Russian Federation and the constituent entities of the Russian Federation to provide financial assistance municipal formations for the purpose of proper fulfillment by them of the expenditure ob-

ligations established by federal legislation for the maintenance of children in municipal preschool educational institutions.

Further, two definitions from 2008 deserve attention. The first of them was devoted to the issues of tax deduction: the legislator expanded the scope of the deduction in relation to the taxpayer's expenses for the education of children under 24 years of age studying full-time [2, paragraphs. 2 p. 1 art. 219], which was aimed at ensuring the availability of educational services, in particular paid ones, for the children of the taxpayer, including adults, at the expense of the income of their parents [32]. In response to the applicant's complaint, the essence of which was that this regulation makes the provision of a social tax deduction dependent on the form of education – full-time, part-time (evening) or part-time, which violates (in the opinion of the applicant) the principles of universality and equality of taxation, The Constitutional Court of the Russian Federation expressed its legal position [32, para. 3 clause 2.2 of the motivational part], according to which citizens who pay for education services provided to their children in various forms are in different circumstances, and therefore the establishment of differentiated conditions for them on the basis of objective criteria in terms of the possibility of excluding certain amounts from taxable income in itself cannot be regarded as inconsistent with the constitutional principle of equality [1, ch. 1 and 2 Art. 19].

The second definition is more exotic, since the applicant challenged the constitutionality of a number of provisions [6; 12; 13], regulating the status of the unified state exam, which, in her opinion, was a scientific experiment in the sense given to this concept by Article 21 (part 2) of the Constitution of the Russian Federation and, as a result, without voluntary consent, to subject anyone to such experiments it was impossible. Despite the obvious formal shortcomings of the applicant's appeal, the Constitutional Court of the Russian Federation, in its ruling, analyzed this argument and refuted it [31, p. 4 of the motivational part].

Further in 2011, again two definitions are devoted to important issues of education. In one of them, the Constitutional Court of the Russian Federation expressed a fairly general legal position on the right of the federal legislator, establishing guarantees of the rights of citizens in the field of higher professional education, taking into account the financial resources available to the state, to provide for appropriate conditions for studying in state or municipal higher educational institutions [30, par. 1 p. 3 of the motivational part]. A specific consequence of this general position was the identification of the constitutional admissibility of the duty of citizens expelled from military educational institutions of vocational education on grounds related to their guilty behavior to reimburse federal budget funds spent on their military (or special) training (as compensation to the state for actually incurred by them expenses for the training of military specialists for state needs in the event that they did not complete their training due to their own fault) [30, clause 3.3 of the motivational part].

In the second ruling, the Constitutional Court of the Russian Federation revealed an aspect of the constitutional right to education in relation to non-state educational institutions, indicating that the implementation of the named constitutional right in such institutions, although not directly guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, follows from the provisions of its Article 43 in conjunction with Articles 8 (part 2), 34 (part 1), 35 (part 2). At the same time, citizens are free to choose the form of obtaining higher education, educational institution, direction of training, including in relation to the type of educational institution – public or private, and legal relations for the implementation of the constitutional right to education in a non-state general educational institution, as a rule, arise from a paid provision of educational services, which determines the specifics of their

legal regulation [29, p. 3 of the motivational part]. Accordingly, it cannot be said that in the case of full-time study in private educational institutions of higher professional education, students are put in a worse position compared to their colleagues studying in state or municipal educational institutions of higher professional education.

In 2012, several important legal positions set forth in the rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation, in fact, consolidated the right of the federal legislator, acting within the discretion granted to him, to fix the conditions and procedure for the implementation of paid educational activities by non-state educational institutions that have the right to collect fees from students, pupils for educational services, including for training within the limits of federal state educational standards or federal state requirements [10, art. 46], despite the fact that this legal regulation does not affect the right of citizens to freely choose an educational institution – state or municipal or non-state – for training within the limits of federal state educational standards or federal state requirements [28, par. 4 p. 2 of the motivational part]. As a result, the mechanism for reimbursement to a citizen of the costs of educating citizens in paid non-state educational institutions that have state accreditation and implement educational programs of general education, in the amount determined by state standards for the costs of educating citizens in a state or municipal educational institution of the appropriate type and type, does not to the violation of the constitutional rights of the applicant under the complaint.

It also does not violate the constitutional rights of the applicant and cannot be considered as detracting from the guarantees of general accessibility and free of charge of basic general education and the legal regulation that provides for the procedure for attracting additional financial resources by state educational institutions of secondary vocational education when they carry out assignments for enrolling students in excess of those funded by the founder, then is, along with admission to educational institutions for secondary vocational education at the expense of the relevant budgets of the budgetary system of the Russian Federation, which is carried out on a competitive basis, is allowed [10, p. 10 Art. 41] admission of students under contracts with individuals and (or) legal entities with payment of tuition fees by them [27, par. 3 p. 2 of the motivational part].

In 2014, the Constitutional Court of the Russian Federation expressed the legal position that the lack of vacancies in a state or municipal educational organization is an objective, non-violating constitutional ground for refusing admission to such organizations, while noting that under such circumstances, executive bodies the authorities of the constituent entities of the Russian Federation exercising state administration in the field of education, and the local governments exercising management in the field of education, are obliged to assist in the placement of a child in another general educational organization [26, par. 2 p.2 of the motivational part].

By Resolution No. 19-P of May 22, 2018, directly devoted to education issues, the Constitutional Court of the Russian Federation assessed the constitutionality of the norms [8, paragraphs 2, 3 and 10 paragraphs "a" paragraph 2 of Art. 24] of the Federal Law "On Military Duty and Military Service", on the basis of which the issue of the possibility of granting a deferment from conscription for military service to citizens studying full-time in educational organizations for state-accredited educational programs of secondary vocational education (hereinafter – organizations secondary vocational education), in the case when they were previously granted a deferment from military service during the period of full-time education in organizations engaged in educational activities in state-accredited educational programs of secondary general education (organizations of secondary general

education), for a while the development of these educational programs, but not more than the terms for obtaining secondary general education established by federal state educational standards (set terms), in connection with reaching the age of majority before completing the school.

The Constitutional Court of the Russian Federation recognized [18, paragraph 1 of the operative part] the contested provisions as not in accordance with the Constitution of the Russian Federation to the extent that they, by establishing the grounds, conditions and procedure for granting deferrals from conscription for military service to citizens studying full-time education, determine granting a deferment from conscription for military service to citizens who entered training in an organization of secondary vocational education in the year of receiving secondary general education, by the fact that such citizens took advantage of the deferment from conscription for military service when studying in organizations of secondary general education, and deprive them of the opportunity to receive deferment from military service in connection with training in programs of secondary vocational education of those of them who have mastered the educational programs of secondary general education within the established terms of its receipt, but were forced to use the appropriate deferment for to complete education in a general education organization and pass the final certification, which completes the development of educational programs of secondary general education.

Subsequently, in order to implement these conclusions, the Federal Law [5] was adopted, making the necessary changes to the Federal Law "On Military Duty and Military Service" in terms of granting a deferment from conscription for military service to citizens who enrolled in an organization of secondary vocational education in the year they received secondary general education and previously used the appropriate delay to complete their studies in a general education organization and pass the final certification, which completes the development of educational programs of secondary general education.

The latest large-scale judicial act adopted by the Constitutional Court of the Russian Federation on education issues is the Resolution of July 23, 2020 No. 39-P, which assesses the constitutionality of the norms [4, p. 1, part 1, art. 61 and part 5 of article 67] of the Federal Law "On Education in the Russian Federation".

The basis for the consideration of the case in the Constitutional Court of the Russian Federation was the complaint of a citizen acting in the interests of his minor daughter, who filed a lawsuit with a lawsuit to recognize as illegal the actions (inaction) of the administrative defendants, as a result of which his daughter was not enrolled in the tenth grade in that educational institution, organizations where they previously studied. The courts concluded that the creation by an educational organization of tenth grades only for specialized education and the organization of individual selection for admission to specialized education were lawful, the individual selection was carried out in accordance with the requirements of regulatory legal acts and refused to satisfy its requirements.

According to the Applicant, the contested norms, as allowing an educational organization, when introducing specialized education in the tenth grades and individual selection for enrollment in these classes, not to transfer to the next level of general education in the same educational organization for obtaining secondary general education, which is in accordance with the law mandatory, students who received basic general education in this organization, and, based on the results of this selection, expel them from the educational organization on their own initiative without taking into account the opinion of the parents of students, do not comply with the Constitution of the Russian Federation.

The Constitutional Court of the Russian Federation revealed the constitutional and legal meaning of the contested norms, recognizing them as not contradicting the Constitution of the Russian Federation to the extent that they imply the obligation of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation to ensure legal guarantees for continuing education in general educational programs of secondary general education for persons who have not passed individual selection for training in a specialized educational program, including in other territorially accessible general educational organizations of the corresponding subject of the Russian Federation (municipal formation), as well as the need to inform students and their parents (legal representatives) in advance about the upcoming individual selection, as well as do not allow depriving persons who have not passed individual selection for training in a specialized educational program of the opportunity to continue their education in the same educational organization, without standards the establishment of the specified guarantees for the continuation of education in general educational programs of secondary general education.

At the same time, in the reasoning part of the Resolution, the Constitutional Court of the Russian Federation also expressed an extremely important legal position that the current system of legal regulation in the Russian Federation recognizes the obligation not only of basic general education, but also of secondary general education, and constitutional guarantees for obtaining basic general education at On the basis of the requirements of equality, the legislator also extended the level of secondary general education [17, para. 5 p. 2.2 of the motivational part]. At the same time, the need to take into account the interests of minors is a constitutional landmark of the state policy in the educational sphere and, based on this approach and the requirement of constitutional equality of the right to education for all, and also taking into account the standard of compulsory secondary general education recognized in the Russian Federation on the basis of the current regulatory regulation, the formation in certain general educational organizations of profile classes in the absence of an objective opportunity to organize training in a universal profile gives rise to the obligation of state authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments acting as founders of such organizations to guarantee the receipt of public secondary general education, which ultimately determines the important principles of equality of starting opportunities for the free development of a person [17, paragraphs 3–4, paragraph 5 of the motivational part].

Thus, although the legal provisions specifying the constitutional right to education are not a frequent subject of appeal to the Constitutional Court of the Russian Federation, a number of important issues in this area have been investigated during its existence, the constitutionality of the contested norms has been established somewhere, allowing the federal legislator to further use and as a basis for further modernization of legal regulation, somewhere, on the contrary, defects in legislation that entail violations of constitutional rights have been corrected. Moreover, the decisions express a number of very important legal positions that specify the content of the constitutional right to education and guide the legislator to further modernize the regulatory legal acts in this area.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) / Official Internet portal of legal information // <http://www.pravo.gov.ru> [Electronic resource] (Accessed 4 May 2022).

2. Tax Code of the Russian Federation (part two) dated August 5, 2000 No. 117-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 32. Art. 3340.
3. Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (part 1). Art. 3.
4. Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ "On Education in the Russian Federation" / Rossiyskaya Gazeta, 2012, December 31.
5. Federal Law of March 18, 2019 No. 39-FZ "On Amending Article 24 of the Federal Law "On Military Duty and Military Service" / Rossiyskaya Gazeta, 2019, March 20.
6. Federal Law of February 9, 2007 No. 17-FZ "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Education" and the Federal Law "On Higher and Postgraduate Professional Education" in terms of conducting a unified state exam" / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 7. Art. 838.
7. Federal Law No. 122-FZ of August 22, 2004 "On Amending the Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Some Legislative Acts of the Russian Federation as Invalid in Connection with the Adoption of Federal Laws "On Amendments and Additions to the Federal Law "On General Principles organizations of legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation" and "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation" / Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 35. Art. 3607.
8. Federal Law of March 28, 1998 No. 53-FZ "On military duty and military service" / Collected Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 13. Art. 1475.
9. Federal Law of August 22, 1996 No. 125-FZ "On Higher and Postgraduate Professional Education" / Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 35. Art. 4135.
10. Law of the Russian Federation of July 10, 1992 No. 3266-1 "On Education" / Rossiyskaya Gazeta, 1996, January 23.
11. Decree of the Supreme Council of the Russian Federation of March 6, 1992 No. 2464-1 "On streamlining the payment for the maintenance of children in preschool institutions and on financial support for the system of these institutions" / Rossiyskaya Gazeta, 1992, March 19.
12. Decree of the Government of the Russian Federation of February 16, 2001 No. 119 "On the organization of an experiment on the introduction of a unified state exam" / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 9. Art. 859.
13. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated February 5, 2008 No. 36 "On establishing the forms and procedures for conducting state (final) certification of students who have mastered educational programs of secondary (complete) general education in the 2007/2008 academic year, and approving the Regulations on conducting a unified state exam in 2008 "(Registered in the Ministry of Justice of the Federation on February 29, 2008 No. 11251) / Rossiyskaya Gazeta, 2008, March 14.
14. The Constitution of the Republic of Altai (Basic Law) (adopted by the Law of the Republic of Altai dated June 7, 1997 No. 21-4) // https://constitution.garant.ru/region/cons_altai/
15. Law of the Republic of Tatarstan dated October 19, 1993 No. 1982-XII "On Education" / Gazette of the State Council of Tatarstan. 1997. No. 8-9. Art. 225.
16. Law of the Republic of Tatarstan dated July 8, 1992 No. 1560-XII "On the state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan" / Bulletin of the Supreme Council of Tatarstan. 1992. No. 6. Art. 80.
17. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 23, 2020 No. 39-P on the case of checking the constitutionality of paragraph 1 of part 1 of Article 61 and part 5 of Article 67 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen I.I. Pikulina / Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 31 (part II). Art. 5253.
18. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 22, 2018 No. 19-P on the case of checking the constitutionality of the second, third, tenth and twelfth subparagraphs "a" of paragraph 2 of Article 24 of the Federal Law "On military duty and military service" in con-

nection with by the request of the Leninsky District Court of St. Petersburg / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 22. Art. 3228.

19. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 15, 2006 No. 5-P on the case of reviewing the constitutionality of the provisions of Article 153 of the Federal Law of August 22, 2004 No. 122-FZ "On Amending the Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing Some acts of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Laws "On Amendments and Additions to the Federal Law" On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation" and "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" in connection with with a complaint from the head of the city of Tver and the Tver City Duma / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 22. Art. 2375.

20. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 16, 2004 No. 16-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 2 of Article 10 of the Law of the Republic of Tatarstan "On the languages of the peoples of the Republic of Tatarstan", part two of Article 9 of the Law of the Republic of Tatarstan "On the state languages of the Republic of Tatarstan and other languages in the Republic of Tatarstan", paragraph 2 of Article 6 of the Law of the Republic of Tatarstan "On Education" and paragraph 6 of Article 3 of the Law of the Russian Federation "On the Languages of the Peoples of the Russian Federation" in connection with the complaint of citizen S.I. Khapugin and inquiries of the State Council of the Republic of Tatarstan and the Supreme Court of the Republic of Tatarstan / Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 47. Art. 4691.

21. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation dated June 7, 2000 No. 10-P on the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Constitution of the Republic of Altai and the Federal Law "On the general principles of organizing legislative (representative) and executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation" / Collection of legislation RF. 2000. No. 25. Art. 2728.

22. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 27, 1999 No. 19-P on the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 3 of Article 20 of the Federal Law "On Higher and Postgraduate Professional Education" in connection with complaints from citizens V.P. Malkov and Yu.A. Antropov, as well as the request of the Vakhitovsky District Court of the city of Kazan / Collection of Legislation of the Russian Federation. 2000. No. 3. Art. 354.

23. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 21, 1999 No. 13-P on the case of checking the constitutionality of the provision of the first subparagraph "a" of paragraph 2 of Article 24 of the Federal Law "On military duty and military service" in connection with the request of the Soviet District Court of the city Omsk / Collection of Legislation of the Russian Federation. 1999. No. 44. Art. 5383.

24. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 19, 2019 No. 3314-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Ekba Alina Albertovna about the violation of her constitutional rights by part 1 of Article 28, parts 5 and 8 of Article 58 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Electronic resource] (accessed May 17, 2022).

25. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 2, 2015 No. 1522-O-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Pilipenko Ivan Dmitrievich about the violation of his constitutional rights by the provision of subparagraph "a" of paragraph 2 of Article 24 of the Federal Law "On military duty and military service" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Electronic resource] (accessed May 4, 2022).

26. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2014 No. 1141-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Matvienko Svetlana Evgenievna about the violation of the constitutional rights of her minor daughter Matvienko Arina Aleksandrovna, part 4 of Article 67 of the Federal Law "On Education in the Russian Federation" / Official

website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource] (accessed May 16, 2022).

27. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 17, 2012 No. 1345-O on the refusal to accept for consideration the complaint of a citizen Zaripova Irina Yurievna on violation of her constitutional rights by paragraph 10 of Article 41 of the Law of the Russian Federation "On Education" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource].

28. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of May 29, 2012 No. 847-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergey Igorevich Kalyanov about the violation of his constitutional rights by Article 5 of the Law of the Russian Federation "On Education" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource].

29. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 8, 2011 No. 1696-O-0 on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Islamova Yaniya Ildarovna about the violation of her constitutional rights by the provisions of Article 1 and Clause 3 of Article 6 of the Federal Law "On additional guarantees for social support for orphans and children left without parental care" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource] (accessed May 16, 2022 of the year).

30. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 8, 2011 No. 129-O-0 on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Gasanov Roman Mamedovich about the violation of his constitutional rights by paragraphs 3 and 5 of Article 20.1 and paragraph 7 of Article 35 of the Federal Law "On military duties and military service" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource].

31. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 16, 2008 No. 1088-O-0 on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Protsevskaya Natalya Alexandrovna about the violation of her constitutional rights by the Federal Law "On Amendments to the Law of the Russian Federation "On Education" and the Federal law "On higher and postgraduate professional education" in terms of conducting a unified state exam", by the Decree of the Government of the Russian Federation "On the organization of an experiment on the introduction of a unified state exam" and by Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource] (Accessed May 13, 2022).

32. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 17, 2008 No. 1071-O-0 on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Marina Anatolyevna Belyukova about the violation of her constitutional rights by the provision of subparagraph 2 of paragraph 1 of Article 219 of the Tax Code of the Russian Federation / Official website of the Constitutional Court Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource] (Accessed May 13, 2022).

33. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 15, 2008 No. 274-O-0 on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kuznetsov Stanislav Vladimirovich about the violation of his constitutional rights by paragraph 4 of Article 2 of the Federal Law "On Higher and Postgraduate Professional Education", paragraph 3 Article 5 of the Law of the Russian Federation "On Education" and the Decree of the President of the Russian Federation "On Additional Professional Education of State Civil Servants of the Russian Federation" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation //http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx [Electronic resource] (Accessed May 11, 2022).

34. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 11, 2006 No. 213-O on the complaint of citizen Shcherenko Alexander Pavlovich about the violation of his constitutional rights by the provisions of part four of Article 332 and paragraph 3 of Article 336 of the Labor Code of the Russian Federation / Collected Legislation of the Russian Federation. 2006, No. 41, Art. 4285.

35. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of April 8, 2004 No. 167-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen F.F. Chertovsky to the violation of his constitutional rights by the provision of the first part of Article 177 of the Labor Code of the Russian Federation / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Electronic resource] (date of access May 11, 2022).

36. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 13, 2001 No. 240-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Arina Vyacheslavovna Zabrovskaya on violation of her constitutional rights by the provision of the second part of Article 2 of the Law of the Russian Federation "On income tax from individuals" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx> [Electronic resource] (accessed May 11, 2022).

37. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 5, 2001 No. 187-O on the refusal to accept for consideration the complaint of citizens Aren Albertovich Grigoryan, Karen Albertovich Grigoryan and Ilnur Minulloovich Badrutdinov on violation of their constitutional rights by paragraph 3 of Article 5 of the Law of the Russian Federation "On Education" and paragraph 4 of Article 2 of the Federal Law "On Higher and Postgraduate Professional Education" / Official website of the Constitutional Court of the Russian Federation // <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Pages/default.aspx>.

For citation: Revnov B.A., Revnova M.B. On some conclusions and legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation on education: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 303–315.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.022

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.023

И.Ю. Рожкова*

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ОТЦОВСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

***Аннотация.** В статье исследуются проблемные вопросы правового регулирования отцовства в законодательстве Российской Федерации, подвергаются анализу отдельные аспекты демографической политики современного российского государства, исследуются основные причины ухудшения состояния современных брачно-семейных отношений в стране.*

***Ключевые слова:** отцовство, материнство, равенство полов, права отцов, конституция, институт отцовства, правовое равенство.*

Семья (от латинского familia) является одной из самых значимых ценностей, созданных человеческим гением, поскольку данный социальный институт является важнейшим феноменом олицетворения и претворения в реальную жизнь основополагающих гуманистических принципов человеколюбия, передающихся из поколения в поколение. На протяжении многих столетий семья создавалась с целью поддержания благополучия, как близких родственников, так и своего общества. Исторически, в людском сообществе семья – это социальная группа, основой которой является или кровное родство, или брак. Ее характерной особенностью является тот факт, что люди, входящие в семью не только проживают совместно и ведут общее хозяйство, но и эмоционально-психологически связаны между собой. Они добровольно выполняют свои обязанности по отношению друг к другу. Именно в семье человек формируются как личность, получает первичное нравственное, духовное, культурное, трудовое и иное воспитание. Семья неотделима от общества и государства, которые заинтересованы, чтобы она развивалась и сохраняла свою первостепенную роль.

В международных нормативных правовых актах (ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г.) [2]; (ст. 23 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.) семья рассматривается как «естественная и основная ячейка общества, которая имеет право на защиту со стороны общества и государства» [3].

Согласно ст. 7 Конституции Российской Федерации государственная поддержка семьи относится к основам конституционного строя [1]. Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Статья 38 Основного Закона провозглашает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Забота о детях, их воспитание – равное право и обязанность родителей. Возведение принципа защиты семьи в ранг конституционной нормы свидетельствует о высокой ценности данного социального института, а также о той громадной роли, которую она выполняет в российском обществе. Следует отметить, что защита

---

* Рожкова Ирина Юрьевна – начальник кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академия ФСИН России, кандидат юридических наук. E-mail: irishjoy@yandex.ru

семьи, материнства, отцовства и детства носит комплексный социально-экономический характер и осуществляется путем принятия самых разнообразных мер государственной поддержки.

Особое место в данной сфере регулирования общественных отношений занимают политико-правовые средства защиты семьи, материнства, отцовства и детства, которые находят свое конкретное выражение и развитие в законодательстве Российской Федерации и субъектов Федерации: об охране здоровья, о труде и охране труда, по социальному обеспечению, о браке и семье, а также в ряде норм других отраслей права [5, с. 94].

Анализируя активность проведения современных правовых реформ, необходимо констатировать тот факт, что Российская Федерация, приняв на себя данные обязательства, стремится всячески укреплять этот важнейший общественный институт. Главной направленностью социальной политики государства является: создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Это включает в себя: охрану труда и здоровья людей; установление гарантированного минимального размера оплаты труда; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; дальнейшее развитие системы социальных служб; установление государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

Исследуя вопросы правового регулирования отцовства в законодательстве Российской Федерации, необходимо отметить, что этот важнейший социальный институт в нормах конституционного права нашел свое достойное закрепление относительно недавно. В действующем Основном Законе государства термин «отцовство» употребляется всего в двух нормах: как объект государственной поддержки (ч. 2 ст. 7); как предмет совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72) [1].

Вслед за Конституцией СССР 1977 г. в Конституции РФ раскрывается понятие семьи как союза мужчины и женщины, что соответствует культурным традициям народов России. Конституционная защита семьи, материнства, отцовства и детства, создает необходимые условия для достойного воспитания детей в семье, а также для выполнения совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях. Тем самым подчеркивая важность сохранения культурных традиций восприятия роли брака, семьи, детско-родительских отношений [1]. Введение категории «достойное воспитание в семье» не только отсылает к ст. 7 Конституции, раскрывающей социальную природу российского государства, но и ориентирует государственные органы, родителей, семьи на создание надлежащих (достойных) условий формирования подрастающего поколения, способствующих достижению такого уровня жизни, когда основные потребности детей, в том числе духовные, удовлетворены, а блага реализованы [5, с. 214].

Рассматривая проблему отцовства, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в настоящее время законодательное определение термина «отцовство» отсутствует, поэтому обратимся к его понятийным дефинициям в интерпретационных источниках. Так, в толковом словаре русского языка С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова отцовство определяют как кровное родство между отцом и его ребенком (детьми) [7], а согласно семейному праву отцовство подразумевало факт происхождения ребенка от данного мужчины, удостоверенный записью о рождении в органах ЗАГСа.

Отцовство в социологическом словаре – права и обязанности мужчины по отношению к ребенку, вытекающие из кровного или юридического родства; совокуп-

ность биологических, правовых и воспитательных функций, выполняемых мужчиной по отношению к своим детям.

В современном юридическом словаре отцовство – факт биологического и (или) социального происхождения ребенка от определенного мужчины.

Таким образом, из представленных определений, можно сделать вывод о понимании отцовства в узком смысле – только как факт происхождения ребенка от данного мужчины; в широком – это права и обязанности мужчины по отношению к ребенку, вытекающие из кровного или юридического родства.

Доминирующее положение среди правовых норм, призванных защитить семью, занимают нормы семейного законодательства, направленные на ее укрепление, построение семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, недопустимость произвольного вмешательства кого-либо в дела семьи, обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав, возможности судебной защиты этих прав (ст. 1 СК РФ) [4].

Семейный кодекс РФ, является главным нормативным правовым актом, содержащим в себе основные положения по правам и обязанностям в семейных отношениях. Следует отметить, что в семейном законодательстве нет отдельно прав отцов и прав матерей, речь везде идет о правах обоих родителей, так как отец это такой же законный представитель ребенка, как и мать, и их права по отношению к своим детям равны.

Итак, согласно гл. 12 СК РФ отцы наравне матерями имеют право: воспитывать своих детей; преимущественное право на обучение и воспитание своих детей перед всеми другими лицами; право выбора образовательной организации, формы получения детьми образования и формы их обучения с учетом мнения детей до получения ими основного общего образования; при наличии разногласий с матерью ребенка по вопросам воспитания и образования детей вправе обратиться за разрешением этих разногласий в орган опеки и попечительства или в суд; на оказание им содействия в предоставлении семье медицинской, психологической, педагогической, юридической, социальной помощи; проживающий отдельно от ребенка отец, имеет права на общение с ребенком, участие в его воспитании и решении вопросов получения ребенком образования; проживающий отдельно от ребенка отец, имеет право на получение информации о своем ребенке из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и других аналогичных организаций; требовать возврата ребенка от любого лица, удерживающего его у себя не на основании закона или не на основании судебного решения.

В случае возникновения спора, отец вправе обратиться в суд за защитой своих прав; также они имеют право на восстановление родительских прав и на отмену ограничений родительских прав, но при условиях, предусмотренных Семейным кодексом РФ и по решению суда [4].

Отдельного внимания заслуживает категория несовершеннолетних отцов: несовершеннолетние отцы имеют права на совместное проживание с ребенком и участие в его воспитании; несовершеннолетние отцы, не состоящие в браке с матерью ребенка, в случае рождения у них ребенка и при установлении их отцовства вправе самостоятельно осуществлять родительские права по достижении ими возраста шестнадцати лет; несовершеннолетние отцы имеют права признавать и оспаривать свое отцовство на общих основаниях, а также имеют право требовать по достижении ими возраста четырнадцати лет, установления отцовства в отношении своих детей в судебном порядке.

Формально российское законодательство не выделяет в отдельную группу одиноких мужчин, воспитывающих несовершеннолетних граждан. Более того, в нормативных правовых актах отсутствует такое понятие как «одинокый отец» или «одинокый родитель». А вот понятие «одинокая мать» упоминается, видимо в силу того, что это более распространенное явление. Но все эти термины означают, что ребенок в силу определенных обстоятельств воспитывается одним из родителей. Однако из анализа правовых норм можно сделать вывод, что правовой статус, который имеет одинокий отец, идентичен аналогичному статусу женщины, воспитывающей детей в одиночку.

Нетрудоспособные отцы при отсутствии заботы от совершеннолетних детей и при наличии исключительных обстоятельств (тяжелой болезни, увечья родителя, необходимости оплаты постороннего ухода за ним и других) имеют право на получение содержания от своих совершеннолетних детей.

Правам отцов корреспондируют соответствующие обязанности: обеспечивать и защищать права интересы своих детей (ст. 64, 65 СК РФ), заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своих детей (ст. 63 СК РФ); воспитывать детей, исключая пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение, оскорбление или их эксплуатацию; обеспечить детям получение общего образования (ст. 65 СК РФ); обеспечивать условия жизни, необходимые для нормального развития ребенка; содержать своих несовершеннолетних детей (ст. 80 СК РФ). В данном контексте необходимо отметить, что права отцов закреплены не только в Семейном кодексе, но также в законе об образовании, в трудовом, административном и ином законодательстве [4].

Как правило, вопрос о равенстве прав отцов и матерей возникает лишь после расторжения брака или разрыва так называемых «фактических» отношений мужчины и женщины. Согласно статистике, В 2022 году, только в период с января по сентябрь, российские загсы зарегистрировали 741 441 брак и 507 807 разводов, как правило, после развода в 90 % случаев дети остаются с матерью, и отцы отстраняются или самоустраняются от воспитания детей, от выполнения обязанностей по отношению к ним. Самыми распространенными категориями споров, связанных с воспитанием детей, являются споры о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей, об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, и об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников.

Несмотря на то, что отечественное законодательство в большинстве случаев предоставляет отцам такие же родительские права, как и матерям, однако не все отцы желают пользоваться указанными правами, как в период брака, так и после его расторжения, многие мужчины просто уклоняются от выполнения своих обязанностей. В настоящее время, к сожалению, приходится констатировать, что наличие и отца, и матери в семье может быть «фикцией» в случаях недостаточного участия отцов в большинстве случаев в воспитании ребенка [6, с. 49–54].

Мы полагаем, что в настоящее время российское законодательство не в полной мере регулирует вопросы необходимые для эффективного воспитания ребенка отцом, по сравнению с матерью ребенка, что приводит к гендерной дискриминации статуса, как матери, так и отца в обществе. Важно отметить, и то, что в целях укрепления института семьи и института отцовства, при формировании мер демографической и семейной политики необходимо учитывать интересы обоих полов, с целью реализации положения ч. 3 ст. 19 Конституции РФ, гарантирующей равенство прав и свобод мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности общества [1].

Таким образом, принцип равенства прав отцов и матерей, должен оставаться одним из важнейших идеалов нашего общества. Эффективность реализации демографической и социальной политики зависит не только от государственной поддержки института семьи, но и от осознания родителями того, что при реализации своих прав и выполнении юридических обязанностей в первую очередь они должны ориентироваться на приоритет интересов ребенка.

Библиографический список

1. "Конституция Российской Федерации" (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. "Всеобщая декларация прав человека" (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // www.consultant.ru
3. "Международный пакт о гражданских и политических правах" (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // www.consultant.ru
4. "Семейный кодекс Российской Федерации" от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // www.consultant.ru
5. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под. ред. С. А. Комарова. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2022. – С. 333.
6. Пробина С. С. Правовой статус отца по российскому законодательству. // Известия высших учебных заведений. – Поволжский регион. – Общественные науки. – 2017. – № 2 (42). – С. 49–54.
7. Толковый словарь русского языка [Текст]: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская АН, Ин-т рус. яз., Российский фонд культуры. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Азъ, 1994. – 907 с.

Для цитирования: Рожкова И.Ю. Конституционно-правовой статус отцовства в Российской Федерации: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 316–320.
DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.023

THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF PATERNITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Irina Yu. Rozhkova *

Annotation. *The article examines problematic issues of legal regulation of paternity in the legislation of the Russian Federation, analyzes certain aspects of the demographic policy of the modern Russian state, examines the main causes of the deterioration of modern marriage and family relations in the country.*

Key words: *fatherhood, motherhood, gender equality, the rights of fathers, the constitution, the institution of fatherhood, legal equality.*

The family (from Latin – familia) is one of the most significant values created by the human genius, since this social institution is the most important phenomenon of personifi-

---

* *Rozhkova Irina Yurievna* – Head of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Candidate of Legal Sciences. E-mail: irishjoy@yandex.ru

cation and implementation of the fundamental humanistic principles of philanthropy, passed down from generation to generation. For many centuries, the family was created to maintain the well-being of both close relatives and their society. Historically, in the human community, the family is a social group, the basis of which is either consanguinity or marriage. Its characteristic feature is the fact that people in the family not only live together and run a common household, but are also emotionally and psychologically connected with each other. They voluntarily perform their duties towards each other. It is in the family that a person is formed as a person, receives primary moral, spiritual, cultural, labor and other education. The family is inseparable from society and the state, which are interested in its development and preservation of its primary role.

In international normative legal acts (Article 16 of the Universal Declaration of Human Rights of 1948) [2]; (Article 23 of the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966) as "a natural and basic cell of society, which has the right to protection from society and the state" [3].

According to Art. 7 of the Constitution of the Russian Federation, state support for the family is related to the foundations of the constitutional system [1]. The Russian Federation is a social state whose policy is aimed at creating conditions that ensure a decent life and free development of a person. Article 38 of the Basic Law proclaims that motherhood and childhood, the family is under the protection of the state. Caring for children, their upbringing is an equal right and duty of parents. The elevation of the principle of family protection to the rank of a constitutional norm indicates the high value of this social institution, as well as the enormous role that it plays in Russian society. It should be noted that the protection of the family, motherhood, fatherhood and childhood is of a complex socio-economic nature and is carried out through the adoption of a wide variety of state support measures.

A special place in this sphere of regulation of public relations is occupied by political and legal means of protecting the family, motherhood, fatherhood and childhood, which find their concrete expression and development in the legislation of the Russian Federation and the constituent entities of the Federation: on health protection, on labor and labor protection, on social security, on marriage and family, as well as in a number of norms of other branches of law [5, p. 94].

Analyzing the activity of carrying out modern legal reforms, it is necessary to state the fact that the Russian Federation, having assumed these obligations, is striving in every possible way to strengthen this most important public institution. The main direction of the social policy of the state is: the creation of conditions that ensure a decent life and free development of man. This includes: occupational safety and health; establishing a guaranteed minimum wage; providing state support for the family, motherhood, fatherhood and childhood, the disabled and the elderly; further development of the system of social services; establishment of state pensions, allowances and other guarantees of social protection.

Exploring the issues of legal regulation of paternity in the legislation of the Russian Federation, it should be noted that this most important social institution in the norms of constitutional law has found its worthy consolidation relatively recently. In the current Basic Law of the state, the term "paternity" is used in only two norms: as an object of state support (part 2 of article 7); as a subject of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects (clause "g1", part 1, article 72) [1].

Following the Constitution of the USSR of 1977, the Constitution of the Russian Federation reveals the concept of the family as a union of a man and a woman, which corres-

ponds to the cultural traditions of the peoples of Russia. The constitutional protection of the family, motherhood, fatherhood and childhood creates the necessary conditions for the worthy upbringing of children in the family, as well as for adult children to fulfill the obligation to take care of their parents. Thus emphasizing the importance of preserving the cultural traditions of perceiving the role of marriage, family, and parent-child relations [1]. The introduction of the category "worthy upbringing in the family" not only refers to Art. 7 of the Constitution, which reveals the social nature of the Russian state, but also orients state bodies, parents, families to create appropriate (worthy) conditions for the formation of the younger generation, contributing to the achievement of such a standard of living when the basic needs of children, including spiritual ones, are satisfied, and benefits are realized [5, p. 214].

Considering the problem of paternity, one should pay attention to the fact that at present there is no legislative definition of the term "paternity", so let's turn to its conceptual definitions in interpretive sources. So, in the explanatory dictionary of the Russian language S.I. Ozhegov and N.Yu. Swedish paternity is defined as a blood relationship between a father and his child (children) [7], and according to family law, paternity implied the fact that a child was born from a given man, certified by a birth record in the registry office.

Paternity in the sociological dictionary – the rights and obligations of a man in relation to a child, arising from blood or legal relationship; a set of biological, legal and educational functions performed by a man in relation to his children.

In the modern legal vocabulary, paternity is the fact of the biological and (or) social origin of a child from a certain man.

Thus, from the presented definitions, we can conclude that paternity is understood in a narrow sense – only as the fact that a child is descended from a given man; in broad terms, these are the rights and obligations of a man in relation to a child, arising from blood or legal relationship.

The dominant position among the legal norms designed to protect the family is occupied by the norms of family legislation aimed at strengthening it, building family relations on feelings of mutual love and respect, mutual assistance and responsibility to the family of all its members, inadmissibility of arbitrary interference by anyone in family affairs, ensuring unhindered exercise by family members of their rights, the possibility of judicial protection of these rights (Article 1 of the RF IC) [4].

The Family Code is the main normative legal act containing the main provisions on the rights and obligations in family relations. It should be noted that in family law there are no separate rights of fathers and rights of mothers, everywhere we are talking about the rights of both parents, since the father is the same legal representative of the child as the mother, and their rights in relation to their children are equal.

So, according to ch. 12 of the RF IC, fathers, on an equal footing with mothers, have the right to: raise their children; the priority right to educate and educate their children over all other persons; the right to choose an educational organization, forms of education for children and forms of their education, taking into account the opinion of children before they receive basic general education; if there are disagreements with the mother of the child on issues of upbringing and education of children, they have the right to apply for resolution of these disagreements to the guardianship and guardianship authority or to the court; to assist them in providing the family with medical, psychological, pedagogical, legal, social assistance; a father living separately from the child has the right to communicate with the child, participate in his upbringing and resolve issues of the child's education;

a father living separately from the child has the right to receive information about his child from educational organizations, medical organizations, social service organizations and other similar organizations; demand the return of the child from any person who retains him not on the basis of law or on the basis of a judicial decision. In the event of a dispute, the father has the right to go to court to protect his rights; also have the right to restore parental rights and to cancel restrictions on parental rights, but under the conditions provided for by the Family Code of the Russian Federation and by court decision [4].

The category of underage fathers deserves special attention: underage fathers have the right to live together with the child and participate in his upbringing; minor fathers who are not married to the child's mother, if they give birth to a child and when their paternity is established, have the right to independently exercise parental rights upon reaching the age of sixteen; minor fathers have the right to recognize and challenge their paternity on a general basis, and also have the right to demand, upon reaching the age of fourteen, the establishment of paternity of their children in a judicial proceeding.

Formally, Russian legislation does not single out single men raising minors as a separate group. Moreover, there is no such concept as "single father" or "single parent" in the regulatory legal acts. But the concept of "single mother" is mentioned, apparently due to the fact that this is a more common phenomenon. But all these terms mean that the child, due to certain circumstances, is brought up by one of the parents. However, from the analysis of legal norms, it can be concluded that the legal status that a single father has is identical to the similar status of a woman raising children alone.

Disabled fathers in the absence of care from adult children and in the presence of exceptional circumstances (serious illness, injury to a parent, the need to pay outside care for him and others) have the right to receive maintenance from their adult children.

The rights of fathers correspond to the corresponding duties: to ensure and protect the rights and interests of their children (Articles 64, 65 of the RF IC), to take care of the health, physical, mental, spiritual and moral development of their children (Article 63 of the RF IC); educate children, excluding neglect, cruel, rude, degrading treatment, insult or exploitation of them; provide children with general education (Article 65 of the RF IC); provide the living conditions necessary for the normal development of the child; support their minor children (Article 80 of the RF IC). In this context, it should be noted that the rights of fathers are enshrined not only in the Family Code, but also in the law on education, in labor, administrative and other legislation [4].

As a rule, the question of the equality of the rights of fathers and mothers arises only after the dissolution of a marriage or the rupture of the so-called "actual" relations between a man and a woman. According to statistics, in 2022, only in the period from January to September, Russian registry offices registered 741,441 marriages and 507,807 divorces, as a rule, after a divorce in 90% of cases, children remain with their mother, and fathers are removed or withdrawn from raising children, from fulfillment of obligations towards them. The most common categories of disputes related to the upbringing of children are disputes about the place of residence of the child when the parents live apart, about the exercise of parental rights by the parent living separately from the child, and about the removal of obstacles to communication with the child of his close relatives.

Despite the fact that domestic legislation in most cases provides fathers with the same parental rights as mothers, however, not all fathers want to use these rights both during marriage and after its dissolution, many men simply shy away from their duties. At present, unfortunately, we have to state that the presence of both a father and a mother in

a family can be a “fiction” in cases of insufficient participation of fathers in most cases in raising a child [6, p. 49–54].

We believe that at present, Russian legislation does not fully regulate the issues necessary for the effective upbringing of a child by the father, in comparison with the mother of the child, which leads to gender discrimination of the status of both mother and father in society. It is also important to note that in order to strengthen the institution of the family and the institution of paternity, when formulating measures of demographic and family policy, it is necessary to take into account the interests of both sexes, in order to implement the provisions of Part 3 of Art. 19 of the Constitution of the Russian Federation, which guarantees the equality of rights and freedoms of men and women in various spheres of society [1].

Thus, the principle of equal rights of fathers and mothers must remain one of the most important ideals of our society. The effectiveness of the implementation of demographic and social policy depends not only on state support for the institution of the family, but also on the awareness of parents that, in exercising their rights and fulfilling legal obligations, they must first of all be guided by the priority of the interests of the child.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the nationwide vote on 07/01/2020) // www.consultant.ru
2. "Universal Declaration of Human Rights" (adopted by the UN General Assembly on December 10, 1948) // www.consultant.ru
3. "International Covenant on Civil and Political Rights" (adopted on December 16, 1966 by Resolution 2200 (XXI) at the 1496th plenary session of the UN General Assembly) // www.consultant.ru
4. "Family Code of the Russian Federation" dated December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on November 21, 2022) // www.consultant.ru
5. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / under. ed. S. A. Komarova. 4th ed., revised. and additional. Moscow, 2022. P. 27.
6. Probina S. S. Legal status of the father under Russian law. // News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences. 2017. No. 2 (42). P. 49–54.
7. Explanatory dictionary of the Russian language [Text]: 72,500 words and 7,500 phraseological expressions / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova; Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language, Russian Cultural Foundation. 2nd ed., rev. and additional. Moscow: Az, 1994. 907 p.

For citation: Rozhkova I.Yu. The constitutional and legal status of paternity in the Russian Federation: an article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 320–324.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.023

ТИМОФЕЮ НИКОЛАЕВИЧУ РАДЬКО – 85 ЛЕТ

С.А. Комаров*
Н.И. Полищук**

16 октября отмечает свое 85-летие доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почётный работник высшего образования Российской Федерации, Государственный советник юстиции 1-го класса, генерал-майор внутренней службы (в отставке) **ТИМОФЕЙ НИКОЛАЕВИЧ РАДЬКО**

Радько Тимофей Николаевич родился 16 октября 1937 г. в с. Кирово Алтайского района Красноярского

края (в настоящее время этот район входит в состав Республики Хакасия). В 1955 году окончил Кировскую среднюю школу, после чего был призван на службу в Пограничные войска. После окончания действительной военной службы в рядах Советской армии в 1959 году Тимофей Николаевич поступил на Юридический Факультет Томского государственного университета, который с отличием окончил в 1964 году.

Однако творческая натура, жажда знаний и желание глубже познать теоретическую и прикладную юриспруденцию приводят Тимофей Николаевич в очную аспирантуру Саратовского юридического института, где в 1967 году он успешно защищает кандидатскую диссертацию «Функции социалистического общенародного права» (научный руководитель – профессор М. И. Байтин) [1]. Творческая неутомимость натуры, широкая эрудиция в области права, стремление к самосовершенствованию, позволили Тимофею Николаевичу 23 февраля 1978 года во ВНИИ советского законодательства блестяще защитить докторскую диссертацию «Теоретические и методологические проблемы функций права» [3].

В сферу научных интересов профессора Т. Н. Радько входят вопросы теории государства и права. Многие годы он разрабатывает функциональный подход к правовым явлениям. Тимофей Николаевич опубликовал более 300 научных работ, является автором классических монографий, учебников, учебных пособий, включая «Основные функции социалистического права» (Волгоград, 1970) [2], «Социальные

* *Комаров Сергей Александрович*, Президент Межрегиональной Ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), профессор кафедры теории государства и права Института права Уфимского университета науки и технологий, доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru

** *Полищук Николай Иванович*, Вице-президент Межрегиональной Ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

функции советского права» (Волгоград, 1971) [4], «Методологические вопросы познания функций права» (Волгоград, 1974) [5], «Теория функций права» (2014 г.) [6], главным редактором монографий, например, «Теоретико-правовые основы контроля законодательной власти за деятельностью правоохранительных органов» [14].

Тимофей Николаевич, будучи соавтором известных учебных курсов по теории государства и права, изданных под редакцией В. В. Лазарева, В. К. Бабаева, М. Н. Марченко [12; 13; 15], подготовил несколько авторских учебников: «Теория государства и права» [7], «Проблемы теории государства и права» [8], «Хрестоматия по теории государства и права» [9], «Актуальные проблемы права» [10]. С участием и под его редакцией вышел учебник «Введение в юридическую профессию» для бакалавров, для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению «Юриспруденция» [11]. За долгие годы научных исследований им опубликовано большое множество научных и научно-методических работ, которые включены в крупнейшие каталоги и научные библиографические обзоры России, ближнего и дальнего зарубежья.

За последние два года Т.Н. Радько опубликовал целый ряд глав в монографиях, посвященных системе права вообще, российского права – в особенности [18; 19]. Вышли в свет его монография «Правовая система России на юридической карте мира» [16], учебное пособие «Теория государства и права в схемах и определениях» [17] в издательстве «Проспект», что свидетельствует о неиссякаемой энергии и творческом научном потенциале юбиляра.

Тимофей Николаевич обосновал и разрабатывает новое направление в теории государства и права, создал собственную научную школу. Он внёс значительный вклад в становление и развитие юридического образования. За годы научной деятельности под научным руководством Т.Н. Радько десятки адъюнктов и докторантов стали кандидатами и докторами юридических наук.

Становление профессора Т.Н. Радько как педагога тесно связано с Рязанской высшей школой МВД СССР, где он прошел славный путь от начальника кафедры государственно-правовых дисциплин до заместителя начальника РВШ МВД СССР по науке. Широко известный ученый, он внес большой вклад в развитие Вуза и укрепление его авторитета. Надо отметить и то обстоятельство, что в нашей жизни Т.Н. Радько сыграл не последнюю роль. Можем сказать, что выбор учебного заведения как места работы С.А. Комаровым после окончания Юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова во многом определил Т.Н. Радько, когда по предложению Н.А. Катаева (тогда он был начальником кафедры государственно-правовых дисциплин) он приехал в г. Рязань.

Полученный опыт в стенах Рязанской высшей школой МВД СССР, личные деловые и человеческие качества позволили Тимофею Николаевичу занять должность начальника Главного управления учебных заведений и научных учреждений МВД СССР (впоследствии МВД России).

Выйдя в отставку в звании генерал-майора внутренней службы, Т.Н. Радько начал новый этап своей жизни. В 1993 году был назначен – заместителем Министра юстиции РФ, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации второго созыва. Советник Председателя Государственной Думы по правовым вопросам (1996–1999).

Его профессиональная деятельность и жизненный путь прочно связаны со многими ведущими вузами нашей необъятной Родины. В ноябре 1997 года по ини-

циативе Главного управления кадров МВД России и по предложению Т.Н. Радько была создана АНО ВО «Академия права и управления «Институт» (ныне – Автономная некоммерческая организация высшего образования «Московский институт государственного управления и права». На протяжении многих лет ректором этого Института являлся Т.Н. Радько. Это специализированное учебным заведением управленческого профиля в настоящее время имеет 8 филиалов в пяти Федеральных округах Российской Федерации.

С 2002 года Т.Н. Радько работает в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), сначала занимал должность профессора, затем в течение 9-ти лет являлся заведующим кафедрой теории государства и права, в настоящее время продолжает трудиться профессором кафедры. За это время под его руководством и с его активным участием кафедра проделала большую работу по методическому обеспечению перехода на двухуровневую систему высшего юридического образования (бакалавриат и магистратура). Член редколлегии журнала «Государство и право».

За все время своей научной и трудовой деятельности Тимофей Николаевич зарекомендовал себя способным, высококвалифицированным специалистом, досконально владеющим методикой проведения всех видов занятий, отвечающим требованиям вузовской педагогики. Он обладает огромным жизненным опытом и мудростью, остается верным своим жизненным, научным и педагогическим принципам. У него всегда можно получить умный совет на все случаи жизни. Вероятно, поэтому всю жизнь пишет стихи, наполненные одновременно мудростью, патриотизмом, лирикой, любовью и юмором.

За заслуги в научной и педагогической деятельности, в подготовке юридических кадров Т. Н. Радько награжден орденами и медалями СССР, Российской Федерации (медалью Анатолия Кони, орденом «За заслуги перед Отечеством II степени») имеет звание «Почетный работник высшего образования Российской Федерации». Кроме того он имеет награды Афганистана, Венгрии, Кубы, Никарагуа за подготовку кадров для правоохранительной системы этих государств.

16 октября нашему уважаемому Тимофею Николаевичу исполнилось 85 лет. Межрегиональная Ассоциация теоретиков государства и права, профессорско-преподавательский состав Академии ФСИН России (РВШ МВД СССР), коллектив кафедры теории государства и права, международного и европейского права от души поздравляет его с этим событием.

Вы, дорогой Тимофей Николаевич, смогли взять и этот рубеж! До ста лет еще есть время, чтобы оценить, осмыслить и привыкнуть к своим 85!!!

Пусть внутренний огонь зажигает факел жизнелюбия и оптимизма! Профессионализм дает уверенность в себе! Любимое дело приносит удовольствие и радость, вдохновляет на новые успехи, дарит уважение окружающих людей!

Пусть будет в жизни все, как прежде: Любовь, уверенность, надежда, Движение к цели и удача, а сердце – добрым и горячим!

Желаем бодрости и отличного настроения, в любых ситуациях идти вперед, чтобы воплощать в жизнь намеченные планы.

Библиографический список

1. Радько Т.Н. Функции социалистического общенародного права: дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1967. – 291 с.

2. *Радько Т.Н.* Основные функции социалистического права: [Текст]: учеб. пособие / Высш. следств. школа МВД СССР. – Волгоград: [б. и.], 1970. – 142 с.
3. *Радько Т.Н.* Теоретические и методологические проблемы функций права: дисс. ... док. юрид. наук. – М., 1978. – 409 с.
4. *Радько Т.Н.* Социальные функции советского права [Текст]: учеб. пособие / Высш. следств. школа МВД СССР. – Волгоград: [б. и.], 1971. – 167 с.
5. *Радько Т.Н.* Методологические вопросы познания функций права [Текст] / М-во внутр. дел. СССР. Высш. следств. школа. – Волгоград: [Высш. следств. школа], 1974. – 151 с.
6. *Радько Т.Н.* Теория функций права [Текст]: монография / Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2014. – 268 с.
7. *Радько Т.Н.* Теория государства и права [Текст]: учебник для бакалавров / Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2018. – 495 с.
8. *Радько Т.Н.* Проблемы теории государства и права [Текст]: учебник / Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2016. – 603 с.
9. *Радько Т.Н.* Хрестоматия по теории государства и права [Текст] / Т. Н. Радько. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2014. – 717 с.
10. *Радько Т.Н.* Актуальные проблемы права [Текст]: учебник для магистров / Т. Н. Радько. – М.: Формула права, 2012. – 395 с.
11. Введение в юридическую профессию [Текст]: учебник для бакалавров, для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению "Юриспруденция" / [Ю. А. Веденеев и др.]; отв. ред. Т. Н. Радько. – М.: Проспект, 2013. – 351 с.
12. *Радько Т.Н. и др.* Общая теория права и государства: учебник / Афанасьев В.С., Братко А.Г., Гойман В.И., Радько Т.Н. и др.; Под ред.: Лазарев В.В. – М.: Юрист, 1994. – 360 с.
13. *Радько Т.Н. и др.* Общая теория права и государства: учебник / Афанасьев В.С., Герасимов А.П., Гойман В.И., Горобец В.Д., и др.; Под ред.: Лазарев В.В. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1996. – 472 с.
14. Теоретико-правовые основы контроля законодательной власти за деятельностью правоохранительных органов. Монография / Соломатина Е.А.; Под ред.: Радько Т.Н. – М.: МосУ МВД России, 2005. – 172 с.
15. *Радько Т.Н. и др.* Теория права и государства: учебник / Афанасьев В.С., Братко А.Г., Бутылин В.Н., Герасимов А.П., Радько Т.Н. и др.; Под ред.: Лазарев В.В. – М.: Право и Закон, 1996. – 424 с.
16. *Радько Т.Н.* Правовая система России на юридической карте мира: монография. – М., 2021, 136 с.
17. *Радько Т.Н.* Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. М.: Проспект, 2020. 176 с.
18. Формирование и развитие отраслей права в исторической и современной правовой реальности России // Хачатуров Р.Л., Глухарева Л.И., Головина А.А., Грачева Ю.В., Демичев А.А., Иванников И.А., Илюхина В.А., Киримова Е.А., Комаров С.А., Ломакина И.Б., Маликов С.В., Попова А.В., Радько Т.Н., Честнов И.Л., Чучаев А.И., Шагиева Р.В. В 12 томах. Т. 1. – М., 2020.
19. Общетеоретический и отраслевой аспекты нормы права // Под ред. Хачатурова Р.Л. М., 2018.

Для цитирования: *Комаров С.А., Полищук Н.И.* Тимофею Николаевичу Радько – 85 лет: статья // Теория государства и права. – 2022. – № 4 (29). – С. 325–328.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.024

TIMOFEY NIKOLAYEVICH RADKO IS 85 YEARS OLD

Sergey A. Komarov*
Nikolai I. Polischuk**

On October 16, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, State Counselor of Justice 1st Class, Major General of the Internal Service (retired) TIMOFEY NIKOLAEVICH RADKO celebrates his 85th birthday

Radko Timofey Nikolayevich was born on October 16, 1937 in the village Kirovo, Altai District, Krasnoyarsk Territory (currently this dis-

trict is part of the Republic of Khakassia). In 1955 he graduated from the Kirov secondary school, after which he was called up to serve in the Border Troops. After completing active military service in the ranks of the Soviet Army in 1959, Timofey Nikolayevich entered the Faculty of Law of Tomsk State University, from which he graduated with honors in 1964.

However, a creative nature, a thirst for knowledge and a desire to gain a deeper understanding of theoretical and applied jurisprudence lead Timofey Nikolayevich to a full-time postgraduate course at the Saratov Law Institute, where in 1967 he successfully defended his Ph.D. [1]. The creative restlessness of nature, broad erudition in the field of law, the desire for self-improvement, allowed Timofey Nikolayevich on February 23, 1978 at the All-Russian Research Institute of Soviet Legislation to brilliantly defend his doctoral dissertation "Theoretical and methodological problems of the functions of law" [3].

Professor T. N. Radko's scientific interests include issues of the theory of state and law. For many years he has been developing a functional approach to legal phenomena. Timofey Nikolayevich has published more than 300 scientific papers, is the author of classic monographs, textbooks, teaching aids, including "The Main Functions of Socialist Law" (Volgograd, 1970) [2], "Social Functions of Soviet Law" (Volgograd, 1971) [4], "Methodological issues of cognition of the functions of law" (Volgograd, 1974) [5], "Theory of the functions of law" (2014) [6], editor-in-chief of monographs, for example, "Theoretical and legal foundations of legislative control over the activities of law enforcement agencies" [14].

Timofey Nikolayevich, being a co-author of well-known training courses on the theory of state and law, published under the editorship of V. V. Lazarev, V. K. Babaev, M. N. Marchenko [12; 13; 15], prepared several author's textbooks: "Theory of State and Law" [7], "Problems of the Theory of State and Law" [8], "Reader on the Theory of State and Law" [9], "Actual

---

* *Komarov Sergey Alexandrovich*, President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Scientific Supervisor of the PEI VO "Legal Institute" (St. Petersburg), Professor of the Department of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Ufa University of Science and Technology, Doctor of Law, Professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru

** *Polischuk Nikolai Ivanovich*, Vice-President of the Interregional Association of State and Law Theorists, Professor of the Department of Theory of State and Law, International and European Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor. E-mail: nik-polishchuk@yandex.ru

Problems of Law" [10]. With the participation and under his editorship, the textbook "Introduction to the Legal Profession" was published for bachelors, for students of higher educational institutions studying in the direction of "Jurisprudence" [11]. For many years of scientific research, he published a large number of scientific and scientific-methodical works, which are included in the largest catalogs and scientific bibliographic reviews of Russia, near and far abroad.

Over the past two years, T.N. Radko published a number of chapters in monographs devoted to the system of law in general, Russian law in particular [18; 19]. His monograph "The Legal System of Russia on the Legal Map of the World" [16], the textbook "Theory of State and Law in Schemes and Definitions" [17] were published by the Prospekt publishing house, which testifies to the inexhaustible energy and creative scientific potential of the hero of the day.

Timofey Nikolayevich substantiated and is developing a new direction in the theory of state and law, created his own scientific school. He made a significant contribution to the formation and development of legal education. Over the years of scientific activity under the scientific guidance of T.N. Radko, dozens of adjuncts and doctoral students became candidates and doctors of legal sciences.

The formation of Professor T.N. Radko, as a teacher, is closely connected with the Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, where he passed a glorious path from the head of the department of state-legal disciplines to the deputy head of the Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs for science. A well-known scientist, he made a great contribution to the development of the university and strengthening its authority. It should also be noted that in our life T.N. Radko played an important role. We can say that the choice of an educational institution as a place of work for S.A. Komarov after graduating from the Faculty of Law of Moscow State University M.V. Lomonosov was largely determined by T.N. Radko, when, at the suggestion of N.A. Kataev (then he was the head of the Department of State and Legal Disciplines), he came to Ryazan.

The experience gained within the walls of the Ryazan Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs, personal business and human qualities allowed Timofey Nikolayevich to take the post of head of the Main Directorate of Educational Institutions and Scientific Institutions of the USSR Ministry of Internal Affairs (later the Ministry of Internal Affairs of Russia).

Having retired with the rank of major general of the internal service,

T.N. Radko began a new stage in his life. In 1993 he was appointed Deputy Minister of Justice of the Russian Federation, deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the second convocation. Advisor to the Chairman of the State Duma on legal issues (1996–1999).

His professional activities and life path are firmly connected with many leading universities of our vast Motherland. In November 1997, at the initiative of the Main Directorate of Personnel of the Ministry of Internal Affairs of Russia and at the suggestion of T.N. Radko, the ANO VO «Academy of Law and Management "Institute"» was created (now – Autonomous non-profit organization of higher education "Moscow Institute of Public Administration and Law"). For many years, the rector of this Institute was T.N. Radko. This is a specialized educational institution of a managerial profile currently has 8 branches in five federal districts of the Russian Federation.

Since 2002 T.N. Radko works at the University named after O.E. Kutafin (Moscow State Law Academy), first held the position of professor, then for 9 years was the head of

the Department of Theory of State and Law, currently continues to work as a professor of the department. During this time, under his leadership and with his active participation, the department has done a lot of work on the methodological support of the transition to a two-level system of higher legal education (undergraduate and graduate). Member of the editorial board of the State and Law journal.

For all the time of his scientific and labor activity, Timofey Nikolayevich has proven himself to be a capable, highly qualified specialist, who thoroughly knows the methodology for conducting all types of classes that meets the requirements of university pedagogy. He has vast life experience and wisdom, remains true to his life, scientific and pedagogical principles. You can always get smart advice from him for all occasions. This is probably why all his life he writes poems filled with wisdom, patriotism, lyrics, love and humor at the same time.

For merits in scientific and pedagogical activity, in the training of legal personnel, T. N. Radko was awarded orders and medals of the USSR, the Russian Federation (the Anatoly Koni medal, the Order of Merit for the Fatherland, II degree) has the title of Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation. In addition, he has awards from Afghanistan, Hungary, Cuba, Nicaragua for training personnel for the law enforcement system of these states.

On October 16, our esteemed Timofey Nikolayevich turned 85 years old. The Inter-regional Association of Theorists of State and Law, the faculty of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (RVSH of the Ministry of Internal Affairs of the USSR), the staff of the Department of Theory of State and Law, International and European Law heartily congratulate him on this event.

You, dear Timofey Nikolayevich, were able to take this milestone too! Until a hundred years, there is still time to appreciate, comprehend and get used to your 85 !!!

Let the inner fire light the torch of love of life and optimism! Professionalism gives confidence! Favorite business brings pleasure and joy, inspires new successes, and gives respect to the people around you!

May everything in life be as before: Love, confidence, hope, Movement towards the goal and good luck, and the heart – kind and hot!

We wish you cheerfulness and good mood, in any situation to go forward in order to implement your plans.

Bibliographic list

1. Radko T.N. Functions of socialist public law: diss. ... cand. legal Sciences. Saratov, 1967. 291 p.
2. Radko T.N. The main functions of socialist law: [Text]: textbook. allowance / Higher. consequences. School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd, 1970. 142 p.
3. Radko T.N. Theoretical and methodological problems of the functions of law: diss. ... doc. legal Sciences. Moscow, 1978. 409 p.
4. Radko T.N. Social functions of Soviet law [Text]: textbook. allowance / Higher. consequences. School of the Ministry of Internal Affairs of the USSR. Volgograd, 1971. 167 p.
5. Radko T.N. Methodological issues of knowledge of the functions of law [Text] / M-in ext. affairs. USSR. Higher consequences. school. Volgograd, 1974. 151 p.
6. Radko T.N. Theory of functions of law [Text]: monograph / T. N. Radko. Moscow: Prospekt, 2014. 268 p.
7. Radko T.N. Theory of state and law [Text]: textbook for bachelors / T. N. Radko. Moscow: Prospekt, 2018. 495 p.

8. Radko T.N. Problems of the theory of state and law [Text]: textbook / T. N. Radko. Moscow: Prospekt, 2016. 603 p.
9. Radko T.N. Reader on the theory of state and law [Text] / T. N. Radko. – 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2014. 717 p.
10. Radko T.N. Actual problems of law [Text]: a textbook for masters / T. N. Radko. Moscow: Formula of Law, 2012. 395 p.
11. Introduction to the legal profession [Text]: a textbook for bachelors, for students of higher educational institutions studying in the direction of "Jurisprudence" / [Yu. A. Vedeneev and others]; resp. ed. T. N. Radko. Moscow: Prospekt, 2013. 351 p.
12. Radko T.N. and others. General theory of law and state: textbook / Afanasiev V.S., Bratko A.G., Gerasimov A.P., Goiman V.I., Radko T.N. and etc.; Ed.: Lazarev V.V. Moscow: Jurist, 1994. 360 p.
13. Radko T.N. et al. General theory of law and state: textbook / Afanasiev V.S., Gerasimov A.P., Goiman V.I., Gorobets V.D., and others; Ed.: Lazarev V.V. 2nd ed., revised. and additional. Moscow: Yurist, 1996. 472 p.
14. Theoretical and legal basis for the control of the legislature over the activities of law enforcement agencies. Monograph / Solomatina E.A.; Edited by: Radko T.N. Moscow: Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2005. 172 p.
15. Radko T.N. Theory of law and state: textbook / Afanasiev V.S., Bratko A.G., Butylin V.N., Gerasimov A.P., Radko T.N. and etc.; Ed.: Lazarev V.V. Moscow: Law and Law, 1996. 424 p.
16. Radko T.N. Legal system of Russia on the legal map of the world: monograph. Moscow, 2021, 136 p.
17. Radko T.N. Theory of state and law in schemes and definitions: textbook. Moscow: Prospekt, 2020. 176 p.
18. Formation and development of branches of law in the historical and modern legal reality of Russia // Khachaturov R.L., Glukhareva L.I., Golovina A.A., Gracheva Yu.V., Demichev A.A., Ivannikov I.A., Ilyukhina V.A., Kirimova E.A., Komarov S.A., Lomakina I.B., Malikov S.V., Popova A.V., Radko T.N., Chestnov I.L., Chuchaev A.I., Shagieva R.V. In 12 volumes. T. 1. Moscow, 2020.
19. General theoretical and sectoral aspects of the rule of law //Ed. Khachaturov R.L. Moscow, 2018.

For citation: Komarov S.A., Polishchuk N.I. Timofey Nikolaevich Radko is 85 years old: article // Theory of State and Law. 2022. No. 4 (29). P. 329–332.

DOI: 10.47905/MATGIP.2022.29.4.024

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

Для публикации рукописи (статьи, обзора, отзыва или рецензии) в журнале «Теория государства и права» необходимо на адрес электронной почты komarova_tl@mail.ru направить Оферту, текст рукописи, справку системы «Антиплагиат», рецензию научного руководителя (для студентов и аспирантов).

Предложение делать оферты, а также текст Оферты размещены в публичном доступе на странице журнала по адресу: <http://matgip.ru/trebuem>

Все рукописи проходят процедуру рецензирования в соответствии с установленным порядком.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

Статья (обзор, отзыв, рецензия) предоставляется в электронном виде, файл в формате Microsoft Office Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал 1,5, абзац автоматический 1,25 мм, сноски в квадратных скобках на источник из библиографического списка.

Допустимый объем одной публикации 6–10 страниц.

К статье прилагаются:

а) аннотация статьи (4–5 строк) и ключевые слова;

б) сведения об авторе, в том числе: ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы (учебы), должность, контактные данные: адрес с указанием почтового индекса, контактный телефон, E-mail.

Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторе предоставляются на русском и английском языках.

RULES FOR PUBLICATION OF ARTICLES IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

To publish a manuscript (article, review, review or review) in the journal "Theory of State and Law", it is necessary to send the Offer, the text of the manuscript, a certificate of the Antiplagiat system, a review of the scientific advisor (for students and graduate students).

The offer to make offers, as well as the text of the Offer, are posted in the public domain on the journal's page at: <http://matgip.ru/trebuem>

All manuscripts are reviewed in accordance with the established procedure.

RULES FOR REGISTRATION OF THE MATERIAL

Article (review, review, review) is provided in electronic form, file in Microsoft Office Word format, font Times New Roman, size 14, spacing 1.5, automatic paragraph 1.25 mm, footnotes in square brackets to the source from the bibliographic list.

The allowed volume of one publication is 6–10 pages.

Attached to the article:

a) abstract of the article (4–5 lines) and keywords;

b) information about the author, including: full name (full name), academic degree, academic title, place of work (study), position, contact information: address with zip code, contact phone number, E-mail.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ В ЖУРНАЛЕ «ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА»

1. Настоящий Порядок рецензирования рукописей, предоставляемых для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Порядок) определяет порядок рецензирования рукописей научных статей, обзоров, отзывов и рецензий, предоставляемых авторами для публикации в журнале «Теория государства и права» (далее – Журнал).

2. Каждая рукопись, поступившая в редакцию Журнала, обязательно проходит процедуру рецензирования.

3. Рукопись, поступившая в редакцию Журнала, рассматривается главным редактором на предмет ее соответствия профилю Журнала, требованиям к оформлению и направляется на рецензирование специалисту.

4. По общему правилу рецензирование осуществляет один из членов редакционной коллегии – специалист по тематике рецензируемых материалов, имеющий за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи.

В целях более эффективной экспертной оценки рукописей редакция имеет право привлекать внешних рецензентов – специалистов по тематике рецензируемых материалов (докторов или кандидатов наук, в том числе специалистов-практиков, имеющих за последние три года научные публикации по тематике рецензируемой рукописи).

5. Рецензенты уведомляются о том, что процедура рецензирования является конфиденциальной. Рецензентам не разрешается делать копии статей и передавать их третьим лицам.

6. Рецензирование проводится конфиденциально для авторов статей. Рецензия предоставляется автору рукописи по его письменному запросу без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

7. Сроки рецензирования рукописей:

7.1. Главный редактор Журнала рассматривает предоставленную к публикации рукопись в соответствии с п. 3 Порядка в течение семи дней с момента ее предоставления в редакцию.

7.2. Рецензирование рукописи специалистом осуществляется в течение четырнадцати дней с момента предоставления ему рукописи главным редактором.

7.3. В сроки, указанные в подп. 7.1 и 7.2 Порядка, не включаются выходные и праздничные дни, установленные действующим законодательством Российской Федерации.

7.4. По согласованию редакции и рецензента рецензирование рукописи может производиться в более короткие сроки с целью рационального формирования редакторского портфеля.

8. Содержание рецензии:

8.1. Рецензия должна содержать экспертную оценку рукописи по следующим параметрам:

8.1.1. соответствие содержания рукописи ее названию;

8.1.2. актуальность темы исследования;

8.1.3. научная новизна полученных результатов;

8.1.4. целесообразность публикации рукописи, с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

8.1.5. подача материала (язык, стиль, полнота и логика изложения);

8.1.7. законность и обоснованность заимствований.

8.2. Рецензент вправе дать рекомендации автору по улучшению рукописи. Замечания и пожелания рецензента должны быть объективными и принципиальными, направленными на повышение научного уровня рукописи.

8.3. В заключительной части рецензии должно содержаться одно из следующих решений:

8.3.1. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале;

8.3.2. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале с внесением технической правки;

8.3.3. рекомендовать принять рукопись к публикации в Журнале после устранения автором замечаний рецензента (с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту);

8.3.4. рекомендовать отказать в публикации рукописи в Журнале по причине несоответствия ее научного уровня или иных критериев требованиям, предъявляемым к соответствующим рукописям.

9. В случае принятия рецензентом решения, указанного в подп. 8.3.3 Порядка, доработанная (переработанная) автором рукопись повторно направляется на рецензирование. В случае, если рецензент при повторном рецензировании принимает аналогичное решение, рукопись считается отклоненной и более не подлежит рассмотрению редакцией Журнала.

10. В случаях принятия рецензентом решений, указанных в подп. 8.3.2-8.3.4 Порядка, текст рецензии направляется автору рукописи.

11. Окончательное решение о принятии рукописи к публикации в Журнале принимает Редакционный совет на основании рецензии.

12. Оригиналы рецензий хранятся в редакции Журнала в течение пяти лет с момента их подписания рецензентом.

13. В течение срока, установленного п. 12 Порядка, копия рецензии предоставляется в Министерство образования и науки Российской Федерации в случае поступления в редакцию Журнала соответствующего запроса.

PROCEDURE FOR REVIEWING MANUSCRIPTS, SUBMITTED FOR PUBLICATION IN THE JOURNAL "THEORY OF STATE AND LAW"

1. This Procedure for reviewing manuscripts submitted for publication in the journal Theory of State and Law (hereinafter referred to as the Procedure) determines the procedure for reviewing manuscripts of scientific articles, reviews, reviews and reviews provided by authors for publication in the journal Theory of State and right-va "(hereinafter – the Journal).

2. Each manuscript submitted to the editorial office of the Journal must undergo a review procedure.

3. The manuscript received by the editorial office of the Journal is reviewed by the chief editor for its compliance with the profile of the Journal, the requirements for formatting and is sent for review to a specialist.

4. As a general rule, reviewing is carried out by one of the members of the editorial board – a specialist on the subject of the reviewed materials, who has scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years.

For a more effective expert assessment of manuscripts, the editorial board has the right to involve external reviewers – specialists on the subject of the reviewed materials (doctors or candidates of science, including practitioners who have had scientific publications on the subject of the reviewed manuscript over the past three years).

5. Reviewers are advised that the review procedure is confidential. Reviewers are not allowed to make copies of articles and transfer them to third parties.

6. Reviewing is carried out confidentially for the authors of articles. The review is provided to the author of the manuscript upon his written request without a signature and without specifying the name, position, place of work of the reviewer.

7. Terms of reviewing manuscripts:

7.1. The editor-in-chief of the Journal considers the manuscript submitted for publication in accordance with clause 3 of the Procedure within seven days from the date of its submission to the editorial office.

7.2. The reviewing of the manuscript by a specialist is carried out within four to eleven days from the moment the manuscript was submitted to him by the editor-in-chief.

7.3. Within the terms specified in sub. 7.1 and 7.2 Order, excluding weekends and holidays established by the current legislation of the Russian Federation.

7.4. By agreement of the editorial board and the reviewer, the review of the manuscript can be carried out in a shorter time frame in order to rationally form the editorial portfolio.

8. Content of the review:

8.1. The review should contain an expert assessment of the manuscript according to the following parameters:

8.1.1. correspondence of the content of the manuscript to its title;

8.1.2. Relevance of the research topic;

8.1.3. scientific novelty of the results obtained;

8.1.4. the expediency of publishing the manuscript, taking into account the literature previously released on this issue;

8.1.5. presentation of material (language, style, completeness and logic of presentation);

8.1.7. the legality and validity of borrowing.

8.2. The reviewer has the right to give recommendations to the author on how to improve the manuscript. The comments and wishes of the reviewer should be objective and principled, aimed at improving the scientific level of the manuscript.

8.3. The final part of the review must contain one of the following solutions:

8.3.1. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal;

8.3.2. recommend to accept the manuscript for publication in the Journal with technical revisions;

8.3.3. to recommend to accept the manuscript for publication in the Journal after the author has eliminated the reviewer's comments (with subsequent referral to the same reviewer for re-review);

8.3.4. recommend to refuse publication of the manuscript in the Journal due to the discrepancy between its scientific level or other criteria to the requirements for the corresponding manuscripts.

9. If the reviewer makes the decision specified in sub. 8.3.3 Procedure, revised (revised) by the author, the manuscript is re-sent for review. If the reviewer makes a similar decision during re-reviewing, the manuscript is considered rejected and is no longer subject to review by the editors of the Journal.

10. In cases where the reviewer makes the decisions specified in sub. 8.3.2–8.3.4 Order, the text of the review is sent to the author of the manuscript.

11. The final decision on the acceptance of the manuscript for publication in the Journal is made by the Editorial Board based on the review.

12. The originals of the reviews are kept in the editorial office of the Journal for five years from the moment they are signed by the reviewer.

13. Within the period established by clause 12 of the Procedure, a copy of the review is submitted to the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in case of a corresponding request received by the editorial office of the Journal.

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
Верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 119415, г. Москва, ул. Удальцова, д.19, корп. 1, офис 12
E-mail: matgip2017@yandex.ru; komarova_tl@mail.ru
Сайт: <http://matgip.ru/magazine>
Телефон: (499) 431-5806

Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 20.12.2022. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 28,1. Усл. п.л. 40,97. Тираж 100 экз. Заказ № 4187.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
www.onebook.ru

109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»